

Великий незнакомец

*Крестьяне и фермеры
в современном
мире*

Составитель
Теодор Шанин

Великий незнакомец

Peasants and Peasant Societies

Selected Readings

Edited by Teodor Shanin

London—New York,
Basil Blackwell, 1987

Великий незнакомец

Крестьяне и фермеры
в современном
мире

ХРЕСТОМАТИЯ

Составил Теодор Шанин

Перевод с английского

Предисловие к русскому изданию *В. П. Данилова*

Русская редакция *А. В. Гордона*

Москва

Издательская группа «Прогресс»

«Прогресс-Академия»

1992

ББК 60.55

В27

Переводчики: *Белов С. А., Вольская Е. В.,
Горшков В. В., Радаев В. В.,
Чайников Ю. В., Шагинян М. Ю.*

Редактор *Самойло Е. Н.*

В отборе русских материалов принимали участие
Ю. В. Чайников и В. П. Данилов

В27 **Великий незнакомец: крестьяне и фермеры в современном мире:** Пер. с англ./Сост. Т. Шанина; Под ред. А. В. Гордона.— М.: Издательская группа «Прогресс» — «Прогресс-Академия», 1992.— 432 с.

Данный труд представляет сравнительно недавно сложившуюся на Западе отрасль научного знания — крестьяноведение. Один из ее основателей, известный английский ученый Теодор Шанин, собрал в этой работе в форме хрестоматии материалы из работ видных экономистов, социологов, политологов и культурологов разных стран Запада и Востока.

Крестьяноведение представлено как междисциплинарная отрасль знания, что связано с многомерностью самого феномена крестьянства, необходимостью комплексного подхода к нему. Теоретические аспекты в работе научно сочетаются с конкретно-историческими сюжетами.

В 050100000—183 18—92
006(01)—92

ББК 60.55 + 65.02

© Т. Shanin, 1987

© Перевод на русский язык, издательская группа «Прогресс», «Прогресс-Академия», 1992

ISBN 5-01-003016-0

1. Наконец-то хрестоматия крестьяноведения издается в России!

Предлагаемая вниманию читателя книга должна была бы впервые появиться в России — в крестьянской стране с богатейшей литературой о крестьянах и крестьянском вопросе. Создание такой книги было вполне по плечу многим ученым-аграрникам 20-х гг., прежде всего представителям «организационно-производственной школы», возглавлявшейся А. В. Чайновым, Н. П. Макаровым и А. Н. Челинцевым. В целом русская литература о крестьянстве охватывала все важнейшие направления общественной и научной мысли конца XIX — начала XX в. Она была частью мировой аграрной литературы, отвечающей самым высоким требованиям и пользовавшейся признанием.

Трагедия советской деревни в сталинской коллективизации сопровождалась и даже предварялась разгромом аграрной науки, прежде всего такой важнейшей и специфической ее отрасли, как крестьяноведение. Утверждение сталинского псевдомарксизма, всеохватывающая система идеологической лжи и изоляции страны от жизни других стран подавляли и извращали развитие научной мысли. Ей было навязано противостояние мировой науке, исключавшее саму возможность совместной работы представителей разных научных направлений, а тем более совместной публикации произведений, написанных с противостоящих позиций. Уничтожался один из наиболее живительных источников научного творчества — международное сотрудничество ученых.

Сказанное достаточно объясняет крайнюю сложность и болезненность происходящего сейчас обновления общественных представлений, остроту и глубину развертывающейся драмы идей. Нужна систематическая работа по серьезному переосмыслению своего прошлого и настоящего, по критическому самоанализу, по

выработке новых представлений, которые отвечали бы критериям научного знания. Нужна большая творческая работа. И она, конечно, идет. Эта работа идет прежде всего в исследовании прошлой и современной действительности, в тех дискуссиях и обсуждениях, которые так характерны для последних лет. Радикально изменились и условия международного сотрудничества ученых, появились широкие возможности для обмена идеями, для взаимного обогащения знаниями. Содействовать реализации этих возможностей в изучении аграрной эволюции человечества и призвана настоящая публикация.

Книга «Крестьяне и крестьянские общества. Избранные чтения»¹ действительно представляет собой хрестоматию крестьяноведения—в ней собраны тексты из наиболее важных и интересных произведений экономистов, социологов, историков, этнографов, писателей и публицистов современного мира. Однако эта хрестоматия рассчитана не только на начинающих изучение современных аграрных концепций и вообще современного восприятия деревенской жизни, но и на специалистов, поскольку содержит изложение идей и фактов такой значимости, к которым постоянно приходится обращаться при осмыслении того, что происходит перед нашими глазами сейчас.

«Избранные чтения» по крестьяноведению впервые были опубликованы в 1971 г. известным английским издательством «Пингвин» в специальной серии «Пингвиновские чтения по современной социологии»². Формат карманной книги, мягкая обложка, желтоватая тонкая бумага и плотная печать подчеркивали рабочее назначение издания. В книге содержалось 28 текстов, написанных как в теоретическом ключе (Э. Вольф, Е. Преображенский, Р. Редфильд и др.), так и в конкретно-социологическом—по материалам разных стран Европы, Азии, Африки и Латинской Америки. Заметное место заняли российские материалы: тексты Б. Керблея о чаяновской теории крестьянской экономики, Т. Шанина о крестьянском дворе начала XX века, Г. Робинсона о ремеслах и промыслах в крестьянской жизни и М. Горького о деревенском варварстве (из до сих пор не опубликованной у нас брошюры «О русском крестьянстве»).

В англоязычной науке это самая известная хресто-

матия по крестьянству, ее появление сыграло особую роль в понимании темы как таковой. Хрестоматия выдержала испытание временем. Об этом говорят не только ставшие регулярными переиздания, но и пополнение книги все новыми и новыми текстами. В последнем — восьмом! — издании хрестоматия включает уже 62 текста. Книга давно вышла за рамки карманной, стала классическим настольным пособием и для учащихся, и для специалистов, превосходно переизданным в 1987 г. Это издание и стало основой для перевода хрестоматии крестьяноведения на русский язык. По сравнению с оригиналом несколько увеличена часть материалов, относящихся к России (включены тексты А. В. Чаянова, Н. П. Макарова, А. Н. Челинцева и ряда других авторов), что потребовало незначительного сокращения текстов по другим регионам мира.

Составителем и редактором хрестоматии крестьяноведения является профессор Манчестерского университета (Великобритания) Теодор Шанин. Его давно и хорошо знают в нашей стране как крупного западного ученого, работающего в области сельской социологии, и как активнейшего участника нашей общественной жизни, часто выступающего на страницах газет и журналов, на телевидении, разного рода конференциях и собраниях. Однако немногим известно, что Т. Шаниным была создана и в течение трех лет работала в Англии социологическая школа, где проходили подготовку сменявшие друг друга группы молодых людей из разных республик бывшего СССР, что под его руководством (к тому же на средства Британской академии) проводится глубокое социологическое обследование современной сельской жизни в России, Армении, Казахстане, Киргизии, Узбекистане и Туркмении. Пожалуй, еще менее известно у нас, что Т. Шанин не только социолог, но и историк, причем историк именно России. Этой теме посвящены его наиболее крупные работы — монография «Неудобный класс» (1972) и двухтомник «Россия на рубеже веков» (1985—1986). Т. Шанин также занимался теоретическими исследованиями таких форм хозяйственной жизни, которые он определил как «эксполярные». Это «совмещение» ученых специальностей, очень характерное для Т. Шанина, ярко проявилось в содержании хрестоматии крестьяноведения и явилось одним из залогов успеха и долговечности книги.

2. Понятие крестьянства

В конце 60-х — начале 70-х годов нашего века мир науки несколько парадоксально вновь открывает для себя крестьян. Специфика многочисленного сельского населения в беднейших и потенциально наиболее взрывоопасных районах, его образ жизни и судьба стали рассматриваться в быстро расширяющемся мире одной из самых злободневных проблем современности. За репортерскими заголовками о бойких политиках, бесчинствующих генералах, напористых иностранцах и пламенных революционерах внезапно возник великий неизвестный — крестьянство, как одна из главных структурных детерминант, превращающих так называемые развивающиеся страны в то, чем они являются. После четвертьвекового игнорирования «крестьянский вопрос» зазвучал с новой силой, став определяющим фактором вьетнамских войн, индийской нищеты, латиноамериканской герильи, африканского застоя и китайского «большого скачка». Для англоязычного ядра западной академической культуры послевоенных лет это было не столько возвращением к давно открытому, сколько первым столкновением с этим социальным феноменом, в результате чего появились и новые аналитические построения, и даже сам термин «крестьянин» в применении к современности. Затем, по мере того как слово «крестьянин» входило в моду у обществоведов, оно стало продвигаться прямо к вершинам издательской популярности; началось настоящее половодье крестьяноведческих публикаций: от спорадических и единичных до сотен, а затем и до тысяч названий.

Здесь возникает ряд вопросов. Во-первых, почему все получилось так неожиданно? Ведь крестьяне существовали тысячелетиями, составляя подавляющее большинство человечества, и оставались большинством во время так поразившего западных ученых знакомства с ними. Во-вторых, в чем, собственно, заключа-

лась неожиданность, то есть чем так отличаются крестьяне в качестве понятия аналитической концепции от соответствующего описательного бытового термина? Кроме того, каков тот теоретический инструментарий, с помощью которого можно было рассмотреть этот вопрос, когда он встал перед исследователями? И наконец, какова была эвристическая ценность «помещения в фокус» и выдвижения на первый план крестьянских исследований, то есть что мы узнали и в каком направлении расширилось поле знаний?

Определение крестьян: общий тип

Есть три причины, по которым обоснованность понятия «крестьянство» подвергалась сомнениям. Во-первых, громадные различия, существующие между крестьянами (или среди тех, кто обозначается в качестве таковых) разных регионов и стран, а также внутри большинства сельских общностей, как будто свидетельствуют против такого обобщения. Во-вторых, крестьян надо рассматривать в процессе изменения, в движении. А как ухватить сущность, подверженную очевидным для всех переменам? И наконец, современные крестьяне составляют часть более крупной социальной системы. А если это так, то зачем вообще их выделять, почему не изучать в рамках общих категорий социологии (в соответствии с количественными показателями, свидетельствующими, что часть крестьян, как и некрестьян, беднее или менее образованна, или более «традиционна» и т. д.)? Именно анализ отмеченных сомнений ведет нас к определению качественной специфики, которая и обуславливает правомерность использования термина «крестьянство» в качестве обобщения и теоретического понятия.

Что касается аргумента по поводу разнородности крестьянства, то существование этого социального слоя как реальности, а не только как семантической единицы можно обосновать эпистемологически, логикой и материалом сравнительных исследований. Во-первых, любая попытка рассматривать понятие «крестьянство» как бессодержательное парируется основным положением методологии общественных наук — банальной, но часто забываемой истиной, что социологическое обобщение — это отнюдь не требование од-

народности или стремления к единообразию. Совсем напротив, сравнительные исследования предполагают наличие как подобий, так и различий — и без этого любое обобщение, естественно, было бы бессмысленным. Занимаясь «обобщающей наукой», социологи действуют иначе, чем представители дисциплин, для которых центральным является изучение неповторимости явления, и тем самым легко превращают свой поиск обобщения в каноны веры. В большинстве случаев это происходит по недоразумению, часть случаев просто иллюстрирует трудности теоретического осмысления неповторимой социальной реальности. С наибольшей ясностью эту мысль выразил Макс Вебер, сказав, что социологическое исследование, абстрагируясь от реальности, помогает лучше понять ее, вместе с тем абстрагирование лишает социологические понятия полноты конкретного содержания.

Во-вторых, достаточно сопоставить ряд крестьянских исследований, выполненных на материале тех стран, что претерпели значительное изменение экологических и социальных условий своего существования (таких, как Россия, Венгрия, Турция, Китай, Танзания, Колумбия и др.), или еще лучше изучить их одновременно для того, чтобы заметить существенное сходство. Разумеется, существуют и важные различия, естественные при различных условиях и опыте. Однако что поражает, так это «устойчивость определенных черт, характерных для крестьянства в очень разных обществах»¹, это «нечто общее в нем... (некий) тип, безотнositельный к конкретной местности»². Широко распространенный вывод практических исследований, что мы имеем дело с «повторяющимся синдромом» (Э. Вольф), стал центральным для обобщения и возрастающего его использования. Это привело также к усилиям сделать понятие «крестьянство» особой единицей теоретического мышления.

И наконец, еще раз по поводу вопроса о разнородности крестьянства. Солидная эмпирическая и аналитическая работа, проделанная в последнее десятилетие по проблемам деревенского общества и крестьянского хозяйства, показала полезность перенесения применяемых исследователями крестьянства методологий из одного конкретного ареала в другой, сближая страны и континенты. Методология Щербины, примененная

в бюджетных обследованиях пореформенной России, понятие посредников власти (“power brokers”) Э. Вольфа или Марксовы оценки общинной основы крестьянской земельной собственности или семейных хозяйств как картофеля в мешке — независимо от того, справедливы они или нет — все еще активно определяют и направление спора, и предлагаемые решения для местностей, удаленных на тысячи миль, и в ситуациях, иногда разделенных столетиями. Само собой разумеется, что бессмысленное повторение понятий, методов и выводов вне связи с реальной действительностью — это привилегия дураков. Региональные и исторические особенности требуют корректировки и разумного применения любого заимствованного где-либо сравнения или метода. Однако знаменательно, что нет необходимости начинать каждый раз сначала. Опыт крестьянских исследований частично уже накоплен.

В первом приближении мы можем определить крестьян как **мелких сельскохозяйственных производителей, которые, используя простой инвентарь и труд членов своей семьи, работают — прямо или косвенно — на удовлетворение своих собственных потребительских нужд и выполнение обязательств по отношению к обладателям политической и экономической власти.** Следующий аналитический шаг ведет к созданию более развернутого общего типа, отражающего четыре взаимосвязанных грани: семейное хозяйство, хозяйствование на земле, деревенская культура и низшее положение в системах социального господства. Определение крестьянства по одному-единственному определяющему фактору «изящнее», однако слишком узко для наших целей.

Крестьянское семейное хозяйство (двор) как основная многомерная единица социальной организации

Хозяйство обрабатывается семейным или в основном семейным трудом. Крестьянское хозяйство обеспечивает потребительские нужды семьи и оплату ее обязательств. Оно не автаркично: крестьяне вовлечены в повседневный товарообмен и в рынки труда. Однако их экономическая деятельность тесно переплетается с отношениями в семье. Семейное разделение труда и потребительские нужды семьи порождают специфи-

ческую стратегию выживания и использования ресурсов. Семейное хозяйство функционирует как основная единица крестьянской собственности, производства, потребления, биологического воспроизводства, самоопределения, престижа, социализации и благосостояния. В его рамках личность подчиняется формализованному семейно-ролевому поведению и патриархальной власти.

Хозяйствование на земле как основной источник существования

Крестьянское занятие сельским хозяйством включает установленное традицией специфическое сочетание обязанностей при относительно низком уровне специализации. (Другими словами, в крестьянской производственной деятельности «спрессованы» различные профессии.) С этим связано неформальное профессиональное обучение крестьян в семье. Собственный труд и производство пропитания в условиях господства естественных производительных сил превращали крестьянское хозяйство в экологически обусловленную ячейку производства. Природное воздействие весьма важно для выживания мелких производственных единиц с ограниченными ресурсами, какими являются крестьянские хозяйства. Оно определяет их ритм: сезонная цикличность оказывает сильное воздействие на жизнь семьи, семейные события отражаются на динамике хозяйства, а неурожай может привести к его исчезновению. Среди факторов производства центральное положение занимают земля и семейный труд — они своего рода «патент» на занятие этим видом деятельности и способ определения местного статуса семьи.

Специфические культурные образцы, привязанные к образу жизни малой сельской общности

Жизнь малой сельской общности, внутри которой удовлетворяются основные потребности крестьян и обеспечивается социальное воспроизводство, создает специфический контекст, в котором протекает жизнь крестьян. Особенности существования, социальная структура и сознание связаны и взаимозависимы. Культура крестьянства, в смысле социально обусловлен-

ных норм и знаний, являет такие типичные тенденции, как, например, преобладание традиционных и конформистских установок (то есть оценка действия в категориях прошлого опыта и взглядов соседской группы), специфические нормы наследования собственности, нормы взаимопомощи и т. д. Крестьянская культура одновременно и отражает, и усиливает специфические стороны и жизненный опыт малой сельской общности, и прежде всего личностный характер отношений, сильный взаимный нормативный контроль и общую практику возникающих в схожих экологических и социальных условиях отношений к чужакам.

Подчиненное положение — господство некрестьян над крестьянами

Крестьян, как правило, держат на солидном расстоянии от социальных источников власти. Их политическая подчиненность переплетается с подчиненностью культурной, а также экономической эксплуатацией через налоги, ренту, проценты и невыгодные для крестьян условия торговли. Подчинение сопровождается постоянными актами самозащиты крестьян путем широкого использования такого «оружия слабых», как экономический саботаж, уклонение от выполнения повинностей, бойкот административных инстанций и т. д., а в некоторых ситуациях и восстания. В XX столетии крестьянские восстания превратились в крупную революционную силу, действенный фактор общественного развития.

Четыре представленные грани означают не только ряд особенностей, но и их взаимозависимость; это Gestalt *, целостность, отдельные стороны которой взаимно усиливают друг друга. Если из набора устранить хоть одну из важных черт, то изменится характер остальных компонентов.

Разные научные направления в изучении крестьянства часто выражают свои расхождения путем выделения одной из характеристик, которую рассматривают в качестве сердцевины *Differencia specifica* ** крестьянства и как грань, определяющую поле дефиниции. В ограни-

* Gestalt (нем.) — общая форма, вид, образ, фигура.

** *Differencia specifica* (лат.) — видовое отличие.

ченном смысле такая иерархия значений может быть оправдана и для предлагаемого определения. По мнению большинства современных исследователей, воспринимающих крестьянство как понятие, семейное хозяйство является самой значительной особенностью крестьянства. Этот подход принимает также и автор настоящей статьи.

Определение крестьян: пограничные состояния и изменения, включенность и обособленность

Следующим шагом на пути к раскрытию и изучению предложенной типологии и понятия будет аналитическое рассмотрение «пограничных зон», то есть взгляд на социальные группы, которые разделяют с крестьянством не все, но большинство основных характеристик. Расхождение между четкими границами теоретических понятий и более тонким, а нередко и амбивалентным разделением социальных явлений в реальности — конечно, само по себе неотъемлемая составная часть практики обществоведения. Но мы можем сделать нечто большее, чем просто отметить это, определив пограничные группы и специфику изменений сельских обществ. Здесь следует иметь в виду несколько моментов. Во-первых, аналитическая пограничность (маргинальность) не означает обязательно малочисленности или специфической нестабильности. Во-вторых, представители этих общественных форм живут в деревне бок о бок с «коренными» крестьянами и могут переходить друг в друга в историческом процессе. Наконец, их часто называют крестьянами, а такое обращение отражает сельскую действительность и может с полным основанием быть принято в исследовании до тех пор, пока не выяснится различие между крестьянством в узком и в широком смысле слова.

Аналитически пограничные группы можно более четко классифицировать по их основным характеристикам, которые не являются общими для предлагаемого основного типа: например, сельский работник, для которого ферма не является источником существования, но который занят в сельском хозяйстве, живет в деревне и имеет низкий социальный статус, или сельский ремесленник, имеющий немного земли, и т. д. На сегод-

няшний день самыми важными из этих групп являются:

1. Сельскохозяйственные рабочие, но также и рабочие-крестьяне, часто практикующие такое разделение труда, при котором «мужчина в городе, а остальная семья — на селе». В эту же категорию войдут и члены производственных кооперативов (будь то советский колхоз или столь отличные от него венгерский, китайский, африканский или латиноамериканский варианты подобных организаций).

2. Семейные группы, занятые в производстве, которое существенно отличается от хозяйствования крестьян, опирающегося главным образом на земледельческий труд. Значительным здесь является полукочевое население, а также рыбаки, часть охотников, которые заняты в основном непосредственным использованием природных ресурсов, обычно сочетающимся с ведением дополняющего основную отрасль сельского хозяйства.

3. Живущие вне деревни крестьяне, у которых также часто отсутствуют соответствующие формы коллективного сознания, как, например, некоторые из скваттеров на границах сельскохозяйственных районов в Латинской Америке, ее «гаучо», или крестьяне-земледельцы, населяющие окраины больших городов.

4. «Невключенные» крестьяне, то есть крестьянские сообщества, лишь в очень ограниченной степени доступные для проникновения и контроля со стороны «национальных» государственно-бюрократических служб, рыночного хозяйства и аккультурации, например современные земледельцы Восточной Африки, горные курды и живущие вдоль границ или в горах вооруженные крестьяне прошлого, которым удалось избежать политического подчинения (например, швейцарские кантоны).

Особое место среди «правопреемников» крестьян (и их собратьев по более широкой аналитической категории семейных экономических форм) занимают семейные фермеры, использующие капиталоемкое оборудование и тем самым преобразующие природу традиционно-го сельского хозяйства.

Аналитические типологии рассматриваются иногда статично, то есть как косвенное признание социальной стабильности/стагнации. Подобно любой социальной общности, крестьянство в действительности существует только как процесс. Его социологию следует рассматривать, по справедливо прославленному выра-

жению Поля Суизи, как «историю настоящего времени». Предложенную типологию можно использовать также в качестве мерил в историческом исследовании, то есть для «измерения» степени окрестьянивания или раскрестьянивания. При этом, однако, важно не втискивать сложные и идущие часто по многим направлениям изменения в те схемы, которые предлагают жестко однокольное предустановленное развитие крестьянства для всех времен, стран и народов. И впрямь, значительные региональные различия между крестьянами являются отражением их разных исторических судеб и естественно-географических условий.

В той мере, в какой затрагиваются вопросы широкой социальной динамики, должны быть учтены также социальное воспроизводство и разные циклические ритмы, которые не приводят к изменениям социальной структуры, а скорее, напротив, стабилизируют ее, оставляя, в сущности, незатронутыми основные типы социального взаимодействия. Но внимание ученых было направлено главным образом на структурные изменения, особенно на те из них, что ведут к увеличению интеграции крестьянства в национальные и мировое сообщества. Это происходило в каждом измерении, выделенном у нас в качестве основных компонентов понятия. Вложения капитала и «углубление» рыночных отношений (чьи характеристики по ходу дела меняются) трансформируют крестьянские дворы в предприятия, более близкие капиталистическим. Профессионализация отразила рост разделения труда, изменивший характер сельского хозяйства и приведший к профессиональному сужению функций крестьянина. С развитием городских и деревенских связей исчезли некоторые специфические черты деревенской общности и культуры, меняются также формы подчиненности крестьянина внутри общества.

Что касается преобразований в современном мире, затрагивающих крестьянство, то их можно разбить на пять категорий, в аналитическом плане хотя и различных, в действительности часто взаимосвязанных.

1. «Фермеризация», имеющая место, когда семейное хозяйство продолжает действовать в качестве основной единицы сельскохозяйственного производства, но изменяется его характер. Такая эволюция «от крестьянина к фермеру» сопряжена с новой технологией

и крупными вложениями, привязывающими семейного фермера через кредит, снабжение и сбыт, часто организуемые агробизнесом, к капиталистической экономике. Капиталоинтенсивный семейный фермер, повышая свою производительность, часто оказывается в подчиненном положении по отношению к динамике и контролю Большого Бизнеса, но создает и свои формы самозащиты и кооперации. Сельское население уменьшается: самые богатые и самые бедные уходят в города. Обычно параллельно этим процессам происходит падение значения сельского хозяйства как отрасли экономики и сферы занятости. Развивая дальше эту типологию экономики и социальных отношений, можно взглянуть на фермеров и крестьян как на подкатегории более общего типа семейных экономических форм современности.

2. Социально-экономическая дифференциация, то есть нарастающая поляризация сельского богатства и средств производства. Она сопровождается превращением части крестьян в крупных фермеров, придерживающихся предпринимательской стратегии, в основе которой лежит использование наемного труда, в то время как бедные превращаются в батраков, покидают деревню или вымирают.

3. Пауперизация, возникающая вследствие роста сельского населения при неизменной площади имеющейся земли, что при отсутствии альтернативных источников дохода в городе и селе и/или новых производственных вложений ведет к замкнутому кругу бедности и порождает экономический спад, сопровождающийся особенно жестким экологическим кризисом. Прибавочный продукт при этом почти полностью выкачивается из сельскохозяйственного производственного цикла. Четверть века назад один из старейших этнографов назвал эту ситуацию «аграрной инволюцией» (К. Герц). И она до сих пор остается фактом жизни многих крестьянских обществ Третьего мира.

4. Коллективизация/огосударствление осуществляемые государством, которое берет на себя прямое руководство сельским хозяйством, формируя его в виде крупных производственных единиц, открытых для государственного контроля (однако формально часто функционирующих как производственные кооперативы с добровольным членством). Не следует преувеличивать исключительность или социалистический характер

этой формы деревенской организации. В наши дни вмешательство государства в сельское хозяйство стало всеобщим, будь то контроль над ценами, субсидии, кредиты и пр. Предприятия колхозного типа поддерживались и насаждались не только в СССР, но и в шахском Иране. Наконец, коллективизация в разных странах существенно отличается друг от друга по форме и по тем способам, какими сочетается семейное хозяйство на земле с коллективным сельским хозяйством и т. д. Китай и Россия — пример такого различия и в смысле экономической структуры, и в отношении результатов производства.

5. Окрестьянивание через уравнительную земельную реформу, а временами и переокрестьянивание, когда в результате государственного поощрения, политического давления или благодаря тому, что открываются новые возможности вести рентабельное хозяйство, дети крестьян возвращаются к работе на земле (например, недавний подъем овощного производства в венесуэльских пригородах благодаря вернувшимся на заброшенные земли мелким владельцам). Частично в эту категорию входят и многочисленные деревенские мигранты, настолько преуспевшие за время работы на стороне, возможно даже за границей, что смогли накопить достаточно денег для создания или воссоздания жизнеспособной фермы.

Здесь необходимо сделать одно предостережение аналитического характера. Установление факторов социального изменения не обязательно означает, что такое изменение имеет место. Если одновременно действующие другие социальные механизмы противодействуют этому или отводят его, то реальное изменение деревни (и «программ развития») может повернуть вспять или стать совершенно непредвиденным.

Чтобы покончить с исходными вопросами обоснованности крестьянства как теоретического понятия и особой области научного исследования, скажем, что любые представления о крестьянском хозяйстве или крестьянских обществах как изолированных либо замкнутых являются или абстракцией, или исключением. Крестьяне составляют часть более обширных сообществ и их исторических процессов. Мощное развитие

интеграции в последнее десятилетие сделало эту проблему более важной и неотложной, чем когда бы то ни было, для понимания крестьянства. Нередко она принимает вид проблемы «подчиненности» крестьян, управляемых могущественными внешними силами, которые используют их, превращая в объект разработанных где-то схем и планов, в источник получаемой другими прибыли. Но нет нужды предполагать наличие заговора против крестьян: это обычный порядок функционирования экономических и политических систем. Не менее важна способность крестьян и фермеров — и активно, и пассивно — противостоять нажиму и контролю «извне».

Проблема определения, дефиниции крестьянства, подчиненного крупномасштабной экономике, контролируемого как национальными, так и международными силами и все же не утратившего своей специфики, слишком сложна, чтобы ее обсуждать в кратком введении. Достаточно отметить эту проблему, освещение которой и дискуссия по которой представлены в данной книге. Крестьяне (и фермеры) являются частью более широких структур и потоков, но их специфика проявляется уже в сопротивлении «переменам» или «обществу», «капитализму» или «государственным планам развития». Еще более она выражена в способах противодействия тем влияниям, что подрывают основные черты крестьянской специфики. Именно эта специфика черт и реакций способствовала развитию особых методов и способов исследований.

Многие определения крестьянства, рассматривающие его в качестве представителя прошлого, требуют осторожного обращения. Прошлое, сохранившееся в настоящем, — совсем не то же самое, что «мертвое прошлое». Фермер, являющийся звеном агроиндустрии, отличается, конечно, от своих крестьянских предшественников, однако сходство с ними не исчезнет полностью. Даже в наше «динамичное» время мы живем не в будущем, а в настоящем, уходящем корнями в прошлое, и здесь формируется наше будущее. Именно поэтому стоит помнить, что крестьяне и крестьянские дети как в прошлом, так и в настоящем представляют большинство человечества и останутся таковым до конца нашего столетия и еще долго после. Мы не должны забывать, что и современных семейных

фермеров, и так называемые неформальные (эксплоярные) виды экономики нельзя понять вне исследования семейных и социально-экономических форм, стоящих в центре анализа современного крестьяноведения.

¹ Erasmus C. The upper limits of peasantry and agrarian reform: Bolivia, Venezuela and Mexico Compared.— *Ethnology*. Pittsburgh, 1967, vol. 6, N 4, p. 150.

² Redfield R. *Peasant society and culture*. Chicago, 1956, p. 23—25.

3. Крестьяноведение и Вы: к русскому изданию

Для британского ученого есть нечто особое в том, что он представляет книгу о крестьянах и фермерах российскому читателю. Ведь именно Россия начала века, а после и Советский Союз периода нэпа были мировыми лидерами в изучении крестьянства. Эта работа была начата выдающейся группой ученых, сосредоточенных в земствах и в российских университетах и посвятивших себя вопросам сельского хозяйства, здравоохранения и общественных наук и изучавших в особенности сельское население страны. Они сочетали профессиональное мастерство с преданностью делу улучшения жизни большинства своего народа и последовательной серьезной работой в тяжелых, как правило, условиях. Их труд встречал поддержку со стороны многих тысяч «непрофессиональных» сельских помощников: учителей, духовенства, просвещенного дворянства, но больше всего — со стороны тех, кого тогда называли *сознательными мужиками*, представлявшими собою новую местную элиту — более умелых и тесно связанных с сельской интеллигенцией производителей. По окончании гражданской войны эта работа возобновилась и получила новый импульс. Двадцатые годы стали временем нового расцвета исследований деревни; к этому периоду восходит масса оригинальных работ, посвященных жизни на селе и путям ее улучшения. В эту работу вовлекалось все большее число людей, миллионы которых трудились в деревне, в кооперативных организациях, в исследовательских учреждениях и т. д. И об этом можно судить не только по количеству, но и по качеству идей и методологий, лучше всего выраженных на вершине научного истэблишмента той эпохи. То были дни, когда во главе аграрных исследований стояли такие люди, как Вавилов и Чаянов, работавшие в стенах той же Тимирязевки и дружившие между собой.

Тогда в исследовании семейного хозяйства вообще и крестьянства в частности отставал как раз англосаксонский Запад. Здесь были развиты и быстро прогрессировали сельскохозяйственная технология и практические навыки, но преобладал эволюционизм, теориями того времени предполагалось, что мелкая собственность и особенно семейные хозяйства принадлежат прошлому и не стоят внимания ученых. Считалось, что за промышленными фабриками естественно последуют агрофабрики. Мы часто видим именно то, чего ждем, и пропускаем то, чего не ожидаем увидеть. Что же касается колониального и «восточного» миров того времени, то их ученые обычно следовали в фарватере науки могучего индустриального Запада. Конкретное изучение крестьянского хозяйства велось тогда по большей части только в Восточной и Центральной Европе.

В 30-е годы ситуация стала меняться, и началось движение в двух противоположных направлениях. В Советском Союзе произошло связанное с коллективизацией и массовыми репрессиями уничтожение ученых-аграрников, как профессионалов, так и добровольцев. Руководство страны явно предпочитало тогда не знать правды о деревне и сельском хозяйстве. В Германии, где ранее было много сделано в этой области знания, приход к власти нацистов нанес большой ущерб университетам и особенно — общественным наукам. Военные диктатуры ударили по крестьянским движениям в Польше, Болгарии и т. д. Разрушение научных баз знания привело в этих регионах к упадку науки, занимавшейся крестьянством, а целая отрасль научных разработок была искоренена. Блестящие исследования советской деревни были заменены рассказами прислужников из числа ученых, писателей и журналистов — небылицами об успехах, о всеобщем изобилии и повсеместном счастье. Термин «социализм» стал синонимом крупномасштабных предприятий и тотального государственного контроля, а основанные на семье хозяйственные формы были заклеены как проявление частнособственнических «инстинктов», «мелкобуржуазности» или проникновение капитализма.

По другую сторону границы, на Западе, начинало происходить нечто противоположное. Деколонизация 50-х годов пришла вместе с непреодолимым оптимизмом местного националистического руководства и за-

падных экономистов относительно того, что «развивающиеся общества» быстро догонят индустриальный Запад. Этого не произошло, а по мере того, как углубляющийся «разрыв», то есть отставание «третьего мира», все больше становился темой острых дискуссий, внимание переключалось на социальные структуры стран, обозначавшихся как «отсталые», и на их население, большинство которого составляли крестьяне. Партизанские войны, крестьянские армии Вьетнама и Китая, программы развития и новые технологии, воплотившиеся в «зеленой революции», дискуссии в ООН обострили интерес к крестьянским сюжетам. Это «открытие крестьян» Западом положило в 60-х годах начало широкомасштабным исследованиям. Чем больше накапливалось материала, тем больше ощущалась нехватка теорий, концепций и методов, способных объяснить собранный материал. Это привело к новому всплеску интереса к работам восточноевропейских ученых, например к польской традиции от Знанецкого до Галеского или Халасинского, к румынским работам от Митрани до Сталя и перепечатке обширного сборника, одним из соредакторов которого был выдающийся русский социолог-эмигрант Питирим Сорокин, и т. д. Возможно, наиболее влиятельным среди этих «западных» аналитических импульсов был ставший открытием перевод работ к тому времени забытого в своей собственной стране А. В. Чаянова и — через его главный труд — выход на крупные достижения, имевшие место в России в изучении крестьянства. В течение 70-х и 80-х годов западными учеными была проделана также новая оригинальная аналитическая работа по проблемам преобразования крестьянских хозяйств в современные семейные высокотехнологичные фермы и новых путей их встройки в мировую экономику. Не только вопросы экономики и производства составляли ширящееся поле исследований семейного хозяйства, сюда входили также и вопросы экологии и форм общественной жизни, вопросы досуга и благосостояния.

Ирония истории состоит еще в том, что, когда Запад открывал значимость крестьян и российского вклада в их понимание, сельское хозяйство самого Советского Союза все больше и больше отставало, а серьезного анализа причин этого упадка и рассмотрения возможности альтернативного развития тщательно избе-

гали. Когда же в 1982 г. узкому кругу специалистов стал известен «Новосибирский документ», в котором Татьяна Заславская остро критиковала положение дел в сельском хозяйстве, и позднее, с 1985 г., когда вся глубина кризиса деревни стала видна всем, советским ученым и общественности пришлось часто обращаться именно к западному анализу и к западным источникам. Они нашли там много такого, чего они до той поры не знали. Им предстояло также через вторые руки вновь получить кое-что из того, что было их собственной научной традицией. Истинный интернационализм ученых состоит не в подписании соглашений и проведении конференций, а именно в универсальности науки, которая черпает из различных источников и в состоянии сохранить их для всех жаждущих.

Сборник «Великий незнакомец» представляет в основном достижения современного крестьяноведения. Он состоит из пяти глав, в которых отражены пять основных направлений затронутой темы: специфика крестьянских обществ, особенности крестьянского и фермерского хозяйства как экономической формы, характеристики типа крестьянской культуры, участие крестьянства в политике, а также политика различных режимов по отношению к крестьянству и политические перспективы. В книге представлены классические работы, теоретическое наследие, сохраняющее свое значение. Книга сосредоточивается на путях вхождения крестьян в современный мир нового социального взаимодействия, новой технологии и новой науки и особенно — на, с одной стороны, трансформации крестьянства в семейных фермеров, а с другой стороны, на возникающих новых категориях полукрестьян-полурабочих.

Для советской аудитории эта книга должна дать более глубокое знание альтернатив в том, что касается коренного вопроса жизни страны — путей возрождения деревни, при котором нашли бы свое разрешение продовольственная проблема и проблема экологии. Эта книга может помочь читателю увидеть также исторические корни настоящего и каким образом эти прошлое и настоящее могут составить часть будущего. Она может также помочь им взглянуть (в свете сравнения с опытом индустриального Запада, равно как и с опытом «третьего мира») на проблемы семейного про-

изводства в более широком контексте сельского хозяйства вообще, межрегиональных экономических зависимостей и всемирных рынков, в рамки которых поставлены сегодняшние фермеры. Книга — это вызов и чрезмерным упрощениям, и идеализации крестьян, и «сбрасыванию их счета» в современном мире. Она призывает подойти к аграрным вопросам во всей их сложности, сочетая различные их аспекты: экономику и сельское хозяйство, социологию и экологию, государственное законодательство и местную политику. Она должна, наконец, помочь понять сельских жителей не только в качестве объектов политики и реформ, но и в качестве субъектов, способных проявлять инициативу, оказывать влияние и сопротивление, изменять политику государства, а также крупного капитала и международных организаций.

Хрестоматия (как вообще учебные пособия на Западе) отнюдь не сборник рецептов на все случаи жизни. Тем более не является она и выражением взглядов единственно ее составителя. Задача книги — представить возможно более широкий диапазон взглядов. Позиция составителя известна по его работам, в том числе и включенным в эту хрестоматию.

Рассматривая в этом свете долгосрочные перспективы и нынешний кризис сельского хозяйства в вашей стране, еще более понимаешь, насколько актуально сейчас теоретическое наследие ученых вашей страны. Особенно значим подход Чаянова, Челинцева, Макарова и других представителей организационно-производственного направления. В столкновении точек зрения, противопоставлявших крупное производство мелкому, частное хозяйство коллективному и т. п., они выступили за параллельное и комплексное развитие и взаимодействие различных форм и предложили способы его осуществления. Именно таким путем развивалось сейчас сельское хозяйство в Западной Европе, обеспечивая потребности этих стран. Плодотворными в изучении функционирования сельских обществ оказались их методы соединения экономического анализа с социальным и «взгляд снизу» на политэкономии сельского хозяйства, которая начиналась для них с семейной ячейки. Эти авторы подчеркнули значение той совокупности вопросов выбора, стимулов, личной инициативы, что в 80-х годах получила название «человеческий фактор».

Важно не только прославлять интеллектуальных героев России; нужно использовать их разработки вместе с богатым опытом, накопленным повсеместно. Нынешний экономический и социальный кризис в стране — это, помимо всего прочего, кризис знаний, недостаток информации, которая нуждается в строжайшей проверке, особенно того, что касается деревни и сельского хозяйства.

Наконец, как все это вписывается в новое мышление об общем будущем человечества, частью которого ваша страна все больше становится. Во всем мире последнее поколение научилось не верить простым решениям и линейным историческим предсказаниям. Социальный мир сложен, и таковым он останется и в будущем. Он содержит в себе массу альтернатив и различных социальных форм. И это к лучшему! Как в прошлом, так и в будущем семейные хозяйства и небольшие соседские группы будут, по-видимому, играть значительную роль, это не уголки отсталости, а часть богатства альтернатив, предоставленного индивидуальному выбору, и эффективное социальное решение проблем, которые ставит развитие общества. Поэтому понять крестьянское хозяйство, строй жизни, как и более широкую категорию семейных фермеров,— это солидный вклад в более глубокое понимание будущего всех народов.

I

**СОСТАВНЫЕ ЧАСТИ
И ОПРЕДЕЛЕНИЯ
КРЕСТЬЯНСКОГО ОБЩЕСТВА**

4. Крестьянский двор в России

Крестьянские дворы образуют ядро крестьянской общины. Природа крестьянского двора наиболее значима в целостной характеристике крестьянства как особого социального явления и порождает типичные черты, присущие разновидностям крестьянства во всем мире. Крестьянский двор характеризуется сращенностью жизни крестьянской семьи с ее хозяйственной деятельностью. Семья составляет основную рабочую силу хозяйства, тогда как хозяйственная деятельность определяется прежде всего жизненными потребностями семьи, а также обязательствами перед теми, в чьих руках сосредоточена политическая и экономическая власть. Глубокие отличия между различными слоями крестьянства и внутри его самого не умаляют значения данной классификации.

Русское крестьянское хозяйство (двор) в начале нашего века весьма близко соответствовало описываемому общему типу. «Семья и хозяйство воспринимаются почти как синонимы»,—свидетельствовал Мухин в своей работе о порядке наследования крестьян в конце XIX века¹. Русская энциклопедия, опубликованная в 1913 г., рассматривала крестьянские хозяйства как «мелкое сельскохозяйственное предприятие, в котором работы выполняются главным образом или в значительной мере трудом хозяина и члена его семьи с применением или незначительным применением наемного труда»².

Типичный крестьянский двор в России состоял из кровных родственников двух или трех поколений с их женами. Но главным, определяющим фактором была не степень родства, а полнота вовлеченности в жизнь двора—так, чтобы, как говорили русские крестьяне, «хлебать щи из одной миски». Подобная вовлеченность означала совместное проживание под патриархальной властью главы семьи, тесное сотрудничество в повседневном труде, «общий кошелек» и полное слияние чле-

на семьи с хозяйством. Поэтому тот, кто входил в хозяйство через женитьбу или усыновление (зять, примак), считался полноправным членом семьи, включая права на собственность, тогда как сын, после отделения ставший хозяйствовать самостоятельно, рассматривался как чужак (отрезанный ломоть).

Крестьянский двор действовал как в высшей степени сплоченный элемент социальной организации с разделением труда, власти и престижа по традиционным предписанным семейным установлениям. Обычно главой семьи был отец или старший по возрасту мужчина. Его главенствующее положение в семейных и хозяйственных делах определялось не только правами самодержца, но и серьезными обязанностями по отношению к родственникам, помощью и заботой о них. Двор представлял собой основу производства, потребления, отношений собственности, политических союзов, социализации и общественных связей, моральной поддержки и взаимопомощи. Социальный престиж и положение крестьянина в общине определялись социальным статусом двора, к которому он принадлежал, и его положением в нем.

Женщины, несмотря на свою большую загруженность (работа дома и в поле) и функциональную значимость в крестьянском хозяйстве, считались его второстепенными членами и почти всегда подчинялись мужскому авторитету. Исключения составляли главным образом вдовы с малыми детьми на их попечении (они обычно могли считаться главой двора и непосредственно владеть землей). Даже полноправие мужчин ограничивалось рамками патриархальной структуры, в которой глава семьи наделялся обширной властью над домочадцами. Сплоченность семьи и способ использования семейной собственности предполагали подчиненность и отсутствие реальной собственности для младших по возрасту домочадцев мужского пола. Политика российского государства до 1906 г. (и в меньшей степени в более поздние времена) способствовала стабильности и сплоченности крестьянской семьи путем наложения на семью коллективной ответственности за уплату налогов и «доброе поведение» ее членов. До 1906 г. правительство законодательно подтверждало широкие дисциплинарные полномочия главы семейства в отношении его членов.

«Жизнь семьи — это жизнь хозяйства»³. Типичное крестьянское хозяйство в России в рассматриваемый период представляло собой небольшое сельскохозяйственное предприятие с его многовековой агротехникой и инвентарем, общинным севооборотом, семейным трудом и деревянной сохой на конной тяге, постепенно заменявшейся железным плугом. Зерновые преобладали на крестьянских полях и составляли основу питания. Сельский быт и труд сызмальства приучали к работе, в то время как крестьянские традиции выступали в качестве руководящего принципа. Масштаб товарно-денежных отношений ограничивался потребительской ориентацией производства, незначительными излишками продукции, низким уровнем профессиональной специализации и однородностью сельского населения. С другой стороны, этот масштаб постепенно расширился под давлением налогов и арендной платы, проникновения промышленных товаров в село, а дополнительная занятость в различных промыслах отвечала растущей необходимости как в добавочных, так и в альтернативных источниках крестьянского дохода. Рост производства и рынка сельскохозяйственных товаров вел к аналогичным результатам.

Производственная деятельность и планы крестьянского хозяйства заключались прежде всего в напряженных усилиях свести концы с концами, то есть прокормить семью и уплатить налоги. Значительное отсутствие спроса на рабочие руки в сельской местности (как круглогодичное, так и сезонное) несколько смягчалось дополнительной занятостью крестьян. Конкуренция с растущей промышленностью и с применением машинного труда оказалась возможной из-за отчаянно низких заработков на селе. Использование в России крестьянского термина «промыслы», озадачившего экономистов и путавшего все их расчеты, показывало, как эти промыслы становились составной частью крестьянской экономики. Под этим термином крестьянами понимался целый ряд весьма разнообразных видов трудовой деятельности: домашнее кустарное производство, отходничество как для сельскохозяйственного, так и несельскохозяйственного труда (часто в составе традиционного кооператива-артели). Логика подобного всеохватывающего термина была для крестьян довольно проста, так как эти виды трудовой деятельно-

сти выполнялись за то время, которое оставалось от выполнения собственно крестьянской задачи, а именно работы в своем личном хозяйстве. Основным занятием русские крестьяне как в идеальной форме (то есть в предпочтительно-нормативных терминах), так и в действительности считали выполнение широкого круга взаимосвязанных задач по земледелию и животноводству. Тем не менее промыслы составляли важную и в возрастающей степени необходимую часть их труда и дохода; особенно это касалось беднейших слоев.

Широкое использование семейного труда, высокий уровень потребления продуктов собственного изготовления, «традиционные» методы производства, относительно низкий уровень товарности и отсутствие финансового учета в современном смысле превратили крестьянское хозяйство в производственную единицу, весьма отличающуюся от капиталистического предприятия. Их производственная стратегия и экономические решения неизменно и довольно существенно различались, как, например, в случае с «невыгодной» арендой, которая приобретала большой экономический смысл в специально крестьянской экономике. Крестьянское хозяйство в значительной степени зависело непосредственно от природных условий, а незначительность его ресурсов в свою очередь увеличивала силу их воздействия. Различие между урожайным и неурожайным годами означало благоденствие или голод, а то и смерть всей семьи. Демографические циклы эволюции семьи в значительной степени определяли хозяйственную деятельность, тогда как экономические нужды и чередование сезонов хозяйственных работ определяли повседневный жизненный уклад. Природные условия и обычная эволюция семьи способствовали созданию особого ритма повседневного, годового и многолетнего жизненных укладов в крестьянских хозяйствах, который зачастую имел большее значение, чем движение на национальных и международных товарных рынках и рынках труда.

Самый продолжительный из циклов был обычно биологическим в его основных, определяющих факторах. В пределах установленного разделения труда лишь соединение в коллективе обоих полов могло сделать хозяйство полноценным в функциональном отношении. Главенствующая роль мужчины придавала обычной

волюции семейного хозяйства мужские черты. Крестьянин проходил следующие традиционные этапы: детство, юность до женитьбы, женитьба, ведение собственного хозяйства и в конечном счете отход от дел и смерть. Лишь став главой хозяйства, мог он достичь полного мужского статуса в крестьянской общине. (Единственный альтернативный путь к самореализации обычно заключался только в полном выходе из крестьянской общины.) Вследствие этого брак представлял собой «абсолютную необходимость», то есть являлся основным предварительным условием социальной зрелости, обусловленным характером хозяйства. Вторым, параллельным условием была возможность ведения хозяйства, иными словами, владение землей и имуществом. А их переход от одного поколения к другому составлял важнейший вопрос крестьянской жизни.

Семейная собственность в основных своих чертах являлась юридическим отражением характерных особенностей крестьянского хозяйства в России. Что касается крестьян, то российское законодательство с 1861 г. оставляло решение подобных вопросов на усмотрение избираемых земств в соответствии с их пониманием сложившихся обычаев и традиций в данной местности. Последние данные показывают, что крестьянские обычаи, относящиеся к собственности, отличались поразительным единообразием по всей территории России, несмотря на тот факт, что до 1921 г. не было принято единого законодательства по этому вопросу. В отличие от *частной собственности*, закрепленной в законоуложении Российской империи, по которому жило некрестьянское население, *семейная собственность* в значительной степени ограничивалась правами номинального владения (хозяина); последний действовал скорее как управляющий (большак), а не только как владелец в обычном смысле этого слова, как оно понималось за пределами крестьянской общины. (Крайним проявлением этого являлась законная возможность и действенная практика смещения главы хозяйства по решению крестьянской общины в случае нерадивости или расточительности и назначения на его место другого члена семьи.) С другой стороны, в отличие от *коллективной собственности*, то есть партнерства в акционерной компании, участие в семейной собственности не

подразумевало никакого конкретного пая или доли в имуществе или прибыли, которую член семьи мог бы потребовать по своему усмотрению, за исключением общего права для каждого иметь свою долю в коллективном потреблении.

В рамках установленной законом и традициями «семейной собственности» само понятие «наследование», узаконенное и получившее развитие в некрестьянской России, так и не появилось. Переход имущества от поколения к поколению обычно не сопровождался смертью родителей и юридически рассматривался как *раздел* семейного имущества между ее членами. Раздел (или пропорциональное выделение доли младшему сыну) в значительной степени соответствовал росту числа семейных ячеек и их требованиям о предоставлении самостоятельности. Глава семейства принимал решение (частично обусловленное обычаем) о том, когда именно производить раздел хозяйства или выделять сыну его долю и когда отходить от дел. Его отказ сделать это, что порою случалось, мог идти вразрез с мнением сельского схода или его верхушки. Подобный вопрос в целом рассматривался не только как проблема экономической целесообразности, но также и как вопрос общественного бытия и «зрелости» в самом широком значении этого слова.

Сам по себе раздел означал равное деление имущества двора между всеми принадлежащими к нему мужчинами. Иногда несколько большая часть выделялась сыну, на чьем попечении оставались престарелые родители или незамужние сестры. По крестьянским обычаям, исключение делалось в отношении «женской собственности», включавшей в себя посуду, утварь, белье и т. д. В крестьянском хозяйстве «женская собственность» была единственной частной собственностью в «городском» смысле и, следовательно, могла завещаться или делиться в неравной степени. В случае смерти всех членов семьи (выморочность) имущество обычно переходило к крестьянской общине.

Обычно новый двор представлял собой молодую супружескую пару с несколькими детьми. Такое хозяйство обычно состояло из небольшого земельного надела, мелкого инвентаря и, смотря по возможности, одной или двух лошадей, выделенных из основного хозяйства в ходе раздела. К тому же оно могло пользова-

ться некоторыми общинными правами — правом на выпас, например. Увеличение числа детей обеспечивало дополнительные рабочие руки в хозяйстве, но одновременно создавало новые потребительские нужды и проблемы трудовой занятости. К проблеме детей также относилось обеспечение дочерей приданым, а сыновей инвентарем, с тем чтобы они могли обзавестись своим хозяйством, как это требовалось при условии раздела имущества.

Во времена крепостничества крестьянская семья часто состояла из нескольких семейных ячеек, то есть семейных пар и их детей. Уменьшение контроля со стороны главы семьи за повседневную жизнь крестьян после реформы 1861 г. вело к распаду крупного двора на парные семьи. Предоставленные сами себе, русские крестьяне склонялись к соединению семейной ячейки с земельным наделом, в результате чего соответственно возрастало число хозяйств. Правительственные «усилия просветить крестьян» и декреты, принятые в целях пропаганды и законодательного установления минимальных размеров «эффективного» хозяйства, постоянно отвергались крестьянским образом жизни — в столкновении со стереотипами общественного воспроизводства и традициями социальной «зрелости», преобладавшими в российской деревне.

Бюджетные исследования, важный вклад России в прогресс методологии крестьяноведения, стали обычным явлением в начале века и обеспечили накопление дополнительных знаний о способах функционирования крестьянских семейных хозяйств. Суть этого метода заключается в детальном освещении и анализе соотношения производства и потребления в отдельных крестьянских хозяйствах в течение всего сельскохозяйственного цикла. Изучение семейного бюджета придало большую четкость сложной и вместе с тем целостной картине производственных форм в хлебопашестве и животноводстве, сборе урожая и его обработке, а также выявило повсеместное распространение наемного труда. Результаты таких исследований последовательно подтверждали использование семейного труда в крестьянском хозяйстве в качестве основы и устойчивую тенденцию к фактическому разделению экономики на хозяйствование в целях потребления и производство на рынок, специфическое для каждой местности (например,

в черноземных областях рожь предназначалась для домашнего потребления, а пшеница и конопля шли на продажу, а в северных областях выращивали лен или же занимались ремеслами для обеспечения необходимого денежного дохода). Соотношение между степенью зажиточности и экономической стратегией крестьянских хозяйств выявило следующую зависимость: возрастала доля приработка, полученного на стороне, для беднейших крестьян через наемный труд, большинство середняков концентрировало усилия в собственном хозяйстве и возрастала доля внешних поступлений за счет предпринимательской деятельности у представителей наиболее зажиточных слоев. Подобным распределениям соответствовало распространение денежных отношений, но на заработную плату или продажу продукции приходилось менее половины дохода среднестатистического крестьянина⁴. Подсчет затрат на потребление показал, что значительная часть средств уходила на пищу (прежде всего зерновые и картофель), некоторая часть — на приобретение текстильных товаров, чая и масла, практически не было трат на «культуру» (например, книги) и крайне мало средств вкладывалось в оборудование и инвентарь. Было выявлено также большое сходство перечня товаров, приобретаемых крестьянами, принадлежащими к различным социальным слоям.

Бюджетные исследования и параллельные исследования миграции показывали, насколько наличие сезонной и даже постоянной работы в городе было тесно взаимосвязано с функционированием крестьянского хозяйства и определялось его нуждами. Один и тот же человек мог быть крестьянином весной и осенью, плотничать в городе летом, а зимой валить лес еще где-нибудь на стороне. Тем не менее сельский труд в России отличался меньшей гибкостью, чем, скажем, в сегодняшней Латинской Америке. Большинство крестьян постоянно занималось только своим хозяйством.

Среди покидавших деревню значительное число составляли дети крестьян, зарабатывавшие средства на обустройство собственным хозяйством, а также бедняки, пытавшиеся скопить деньги на покупку лошади или срочную уплату налогов, то есть это была миграция, нацеленная на поддержание крестьянской экономики и возвращение крестьянина в его деревню. Выходцы не-

посредственно из деревни, как мужчины, так и женщины, составляли значительную часть рабочей силы, постоянно занятой в строительстве, промышленности и сфере услуг. Даже обосновавшись в городе, многие из них периодически наведывались в деревню, не желая окончательно «обрывать корни»; иными словами, они оказывали финансовую поддержку хозяйству, держались за свои права на него и часто оставляли на попечение двора своих детей, жен и стариков. Значение крестьян-рабочих в российских городах, как действительное, так и потенциальное, было очень большим (следует помнить, что даже приход в среднем одного лишнего крестьянина из каждой деревни мог затопить городской рынок рабочей силы).

Изучение крестьянского двора в России обнаружило, помимо структурного сходства, некоторые весьма значительные различия, без понимания которых любое обобщение в отношении «крестьян» может нас легко сбить с толку и привести к ошибочным выводам. Особенно свойственны крестьянской жизни социально-экономические и региональные различия. Они включают системные различия в питании, типе производственных «комплексов» и стратегий и т. д. как между крестьянскими общинами, так и в каждой из них. К тому же характер крестьянских семейных хозяйств можно понять полностью только в его более широком социальном окружении.

1. Мухин В. Обычный порядок наследования крестьян. Спб., 1888, с. 151.

2. Новый энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Спб., 1913, т. 74, с. 494.

3. Макаров Н. П. Крестьянское хозяйство и его интересы. М., 1917, с. 71.

4. См.: Прокопович С. Опыт изучения народного дохода. М., 1918.

5. Крестьянская семья: Польша начала столетия

Семья представляет собой весьма сложную структуру, чьи пределы можно обозначить лишь приблизительно и члены которой связаны между собой самыми различными отношениями. Незыблемой при этом остается *семейная солидарность*, проявляющаяся как во взаимной помощи, так и во взаимном контроле, что и делает семейную группу единым целым. Она совершенно не совпадает с территориальной, региональной, экономической или с национальной солидарностью, хотя все перечисленные связи дополняют и еще более укрепляют семейную солидарность; и мы увидим, что разрыв любой из них оказывает разлагающее воздействие на семью. И наконец, семейная солидарность, степень оказываемой помощи и контроля определяются не личными чертами членов семьи, а лишь видом и степенью их родства; как любовь или дружба, семейные отношения между двумя членами не признают никакой иерархии.

В таком понимании все внутрисемейные отношения в их идеальной форме, то есть такие, какими могли бы стать, не будь в наше время все возрастающего распада семьи, оказываются вполне объяснимыми.

Взаимоотношения мужа и жены контролируются обеими породнившимися семьями, так как муж и жена — это не просто индивиды, в большей или меньшей степени связанные друг с другом личными чувствами, а члены группы, соединенные особой формой связи, поэтому норма супружества не любовь, а «уважение», то есть то отношение, которое может контролироваться и усиливаться под воздействием семьи и которое, кстати, точно соответствует положению другого партнера как члена группы, отражая чувство собственного достоинства этой самой группы. Нормой уважения к мужу со стороны жены признается послушание, верность, забота о его здоровье и удобствах; мужа по от-

ношению к жене — хорошее обращение, верность, недопущение ее на работы по найму, кроме тех случаев, когда этого нельзя избежать. В общем и целом ни муж, ни жена не должны допускать ничего, что может отрицательно сказаться на социальном положении другого, так как это может привести к понижению социального статуса семьи. Любовь может не быть непременным условием уважения, но она желательна. Что же касается сексуального чувства, то это понятие настолько индивидуально, что оно не может рассматриваться как социальная категория; семья сознательно игнорирует его и малейшее отклонение или несдержанность в том, что касается сексуальных отношений в браке, расценивается крайне неодобрительно и подвергается моральному осуждению.

Помощь молодоженам со стороны семьи оказывается в форме приданого, получаемого обоими. Хотя приданое обычно дают родители, дед или бабушка, брат или дядя также могут выделить или помочь выделить приданое парню или девушке. Это свидетельствует о семейном характере данного института, и этот характер еще более очевиден, если мы признаем, что приданое не является в полном смысле собственностью молодой четы. Оно остается частью общей семейной собственности, подобно тому как обручившаяся пара остается частью семьи. Тот факт, что не будущие муж и жена, а их семьи, представленные родителями и сватами, приходят к соглашению по этому вопросу, служит еще одним доказательством относительно общности собственности. Помощь может принять форму приданого просто потому, что молодая пара, состоящая из членов двух различных семей, обязана в какой-то мере самоизолироваться от одной или другой из этих семей, но такая изоляция вовсе не представляет собой индивидуализации, это всего лишь добавление нескольких новых семейных связей к старым, зарождение новой ячейки.

Отношение родителей к детям также определяется семейной организацией. Родительская власть представляет собой сложное явление. Прежде всего, это — право на контроль, который родители осуществляют как члены группы над другими ее членами; разумеется, контроль этот в данном случае необычайно силен в силу чрезвычайно близких отношений. Но дело не только

в этом. Родители являются привилегированными представителями группы в целом, поддерживаемые всеми другими членами этой группы, но также и несущие ответственность перед всей группой за свои действия. Сила родительского авторитета действительно велика: взбунтовавшийся сын не находит нигде поддержки, даже среди представителей более молодого поколения, потому что каждый член семьи примет сторону родителей, если сочтет их правыми, и любой ощутит над собой семейную волю и сыграет свою роль представителя группы. С другой стороны, ответственность родителей перед семейной группой вполне ясна в каждом случае проявления ими чрезмерной суровости или неподобающей мягкости...

Итак, мы видим, что польская крестьянская семья организуется в виде множества взаимосвязанных брачных групп, представляющих собой многочисленные ячейки семейной жизни, значение которых весьма разнообразно и подвержено изменениям. Процесс образования и развития этих ячеек представляет собой, таким образом, основное содержание жизни семьи. Но одновременно с этим при заключении брака выявляются многие другие аспекты крестьянской жизни, которые также необходимо принимать во внимание.

Целостная система отношений в рамках семейной группы включает в себя определенные требования в отношении заключения брака для каждого представителя молодого поколения. Семья — это динамично развивающаяся организация, и перемены, вызываемые рождением ребенка, его взрослением, браком и смертью, вовсе не являются случайными или неожиданными, а в качестве нормы входят в нее. Этот жизненный поток не только предопределен, но и предусмотрен, и вся практическая жизнь семьи приспосабливается к нему. Тот, кто не женится к определенному сроку, так же как и старик, не умерший в определенном возрасте, в семейной группе вызывают к себе отношение недоброжелательного удивления: они словно бы выпали из общего движения и все остальные проходят мимо, оставляя их одних. Конечно же, есть и исключения. Считается, например, что парень (или девушка) с каким-либо физическим или умственным недостатком не сможет жениться (или не выйдет замуж), и с раннего детства к нему складывается определенное отношение и заранее

готовится соответствующее для него место. Поэтому его возможная женитьба вызовет то же самое недоброжелательное удивление, как и безбрачие других...

Семья не только требует от своих членов вступления в брак, но и направляет их выбор. Это не тирания и не эгоизм со стороны родителей, но и не забота о будущем молодого человека, а логическое следствие положения личности в семейной группе. Личность представляет собой партию для брака только в качестве члена группы в зависимости от социального положения семьи в рамках общины и защиты и помощи в общественных и хозяйственных делах, оказываемых семьей. В этой связи у индивида соответственно появляются обязанности после вступления в брак — учитывать не только свои, но также и семейные интересы. Вот эти интересы и обуславливают выбор брачного партнера по трем аспектам.

1. Партнер в браке — это пришлый человек, который через супружество становится членом семьи. Поэтому семья ожидает, что этот индивид легко подойдет группе и с наименьшими затруднениями ассимилируется с ней. Не только хороший нрав, но и привычки, схожие с преобладающими в готовящейся принять его семье, имеют значение. Иногда предполагаемый партнер незнаком семье, иногда даже незнаком тому члену семьи, с кем должен вступить в брак, в этом случае требуются социальные гарантии. Парень или девушка должны по крайней мере происходить из хорошей семьи, принадлежать к тому же классу, что и семья, в которую они входят, и проживать в одной округе, поскольку в каждой местности свои обычаи и традиции. Ремесло или род занятий молодого человека должны быть таковы, чтобы исключалось развитие в нем нежелательных, то есть не поддающихся ассимиляции, черт характера. Девушка должна была проживать дома и, как правило, не должна была наниматься на работу. Мужчина не должен был заниматься ремеслом, в отношении которого в общине существует предубеждение. В этой связи имеется еще одна причина для выбора, а именно тщеславие. И наконец, вдова или вдовец нежелательные партнеры, потому что им труднее адаптироваться, нежели молодому парню или девушке. Но если не только будущий партнер, но даже и его семья неизвестна, тогда родители или кто-то за них будут ста-

ратся лично познакомиться с его родственниками, чтобы удостовериться, каковы их характер и поведение в самых общих чертах. Отсюда и частый обычай сватовства через друзей и родственников. Такая форма устройства брака — промежуточная между той, когда отправной точкой становится личное знакомство, и другой, при которой связь с семьей устанавливается через сватов, а личное знакомство происходит позднее. При такой промежуточной форме исходным пунктом является дружба с родственниками парня или девушки. Предполагается, что будущий партнер по характеру напоминает своих родственников и что с семьей, к которой принадлежат эти родственники, стоит породниться. Но это приводит нас ко второму аспекту брачного контроля со стороны семьи.

2. Сам кандидат на супружество принадлежит к семье, которая через его брак породнится с семьей его жены. Таким образом, семейная группа берет на себя право контролировать выбор своего члена не только относительно личных качеств будущего партнера, но и относительно характера группы, с которой он породнится. Здесь основанием для выбора служит статус группы в общине. Сам статус обуславливается различными факторами — богатством, добропорядочностью, образованностью, религиозностью, политическим и социальным влиянием, связью с высшими классами, солидарностью между членами семьи, родом занятий, многочисленностью семьи, большей или меньшей давностью ее проживания в данной местности и т. д. Естественно, что каждая семья старается не умалить своего достоинства чересчур поспешным согласием на слишком выгодную партию, равно как и риском получить отказ. Отсюда долгий выбор и длительное раздумье, действительное или показное, с обеих сторон, хотя это не должно обескураживать вероятного жениха, так как ряд возможностей, открытых перед ним, является доказательством высокого статуса семьи. Отсюда и институт свах, чья задача заключается в том, чтобы сократить церемонию выбора без явного умаления достоинства заинтересованных семей. Относительная свобода, предоставляемая самим молодым людям, явное тяготение к взаимной любви во многих случаях имеют своим источником желание сократить процесс выбора, переложив ответственность с группы на инди-

видов. Традиционно в официальной свахе воплощается такой брачный семейный контроль. Юноша, сопровождаемый свахой, посещает те семьи, с которыми, как считает его семья, желательно породниться, и лишь только в этих семьях он может выбрать девушку. Его принимают родители девушки, которые сначала узнают все о нем и его семье и поощряют его заходить еще или же сразу отказывают ему. А девушка может выбрать себе поклонника только среди тех, кого ее семья поощряет.

Создается особая ситуация, когда дело касается вдовы или вдовца после первого брака. В этом случае адаптация проходит очень трудно, потому что уже не индивид, а часть чужой брачной группы должна быть ассимилирована. Вместе с тем связь с семьей вдовы или вдовца будет неполной, так как у семьи первого мужа или жены тоже имеются свои требования. Поэтому на подобный брак смотрят неодобрительно и должно быть какое-то действительно существенное превосходство будущего партнера и его или ее семьи, с тем чтобы компенсировать ущерб, вызванный особенностью подобного семейного положения. Таким образом, обычно второй брак — это такой, который, будь он первым, считался бы неравным браком.

В процессе распада семейной организации происходит освобождение от контроля при заключении брака. Это принимает различные формы. В отношении личных качеств будущей жены мужчина может не принимать в расчет мнения своей семьи, и все-таки решающими в выборе окажутся те же принципы, которым следовала его семья,—отсюда естественное стремление выбрать такого человека, чей характер и привычки свойственны преобладающему типу в его собственной семье; человека родом из той же местности, чьих родственников он знает, и т. д. Поэтому, например, иммигранты в Америке, лишь начинающие самоутверждаться, всегда стараются поженить юношей и девушек, только что приехавших из своей страны, по возможности из их собственной родной деревни.

Вторая степень индивидуализации проявляется в более разумном выборе таких качеств, которые бы человек ценил в своем брачном партнере, больше думая о своем личном счастье и меньше считаясь с желаниями семьи. Такой выбор, например, преобладает в боль-

шинстве повторных браков, когда человек полностью осознает, чего он желает от своего возможного партнера, и когда чувство своей собственной значимости, растущее с возрастом, позволяет ему пренебрегать возможностью протестов его семьи. Это также распространено в городах, где человек общается с людьми различного происхождения и традиций. Обычный и самый распространенный аргумент, приводимый в данном случае в ответ на протесты семьи, сводится к следующему: «Мне жить с этим человеком, а не вам, так что это не ваше дело».

Наконец, высшая форма индивидуализации заключается в браке по любви. Если глубоко продуманные определения качеств, которые человек желает найти в своем будущем спутнике жизни, допускают какое-то обсуждение, какой-то семейный контроль и некоторое влияние традиций, то в браке по любви любая вероятность контроля заранее отвергается. В этом случае при определенных обстоятельствах создаются наибольшие возможности для союза лиц, чья социальная ориентация заметно различается, хотя отличия эти не столь уж велики ввиду того, что чувство любви требует определенной общности социальных традиций.

6. Женщины в мелкотоварном сельском хозяйстве Франконии

Крестьянская семья — неделимое целое

Литература, посвященная крестьянской экономике или хозяйствам семейного типа, описывает крестьянскую семью как «сложное», но вместе с тем и «неделимое», «неизменное», «абсолютно единое целое». Это означает, что с учетом совокупной собственности, труда и потребления семья представляет собой квазиорганизм. В таком контексте патриархальные отношения становятся психологическим раствором, скрепляющим внутренние структуры власти. Ведущий хозяйство фермер как глава семейства подчиняет мысли, поступки, чувства и желания всех членов семьи своей собственной воле и представляет семью в общественной жизни деревни. При подобном рассмотрении может создаться впечатление, что жена фермера является лишь второстепенным членом в семейной иерархии. Сходным образом воспринимается и деревенский микрокосм. Он предстает группой патриархальных семейных единиц, и преобладание мужской части деревенского общества над женской представляет собой отражение власти в каждой семье.

Крестьянский мир не всегда выглядел подобным образом. Литература по аграрным вопросам в начале Нового времени часто резко разграничивала мужскую и женскую сферы семейного хозяйства. Каждая из них, взятая отдельно, так же как и взаимоотношения между ними, всесторонне исследовалась. Но только после преобразования сельскохозяйственной теории из целостного «искусства агрикультуры» в современную теорию «рационального фермерского хозяйства» с уклоном в сторону управления производством, ориентации на рынок и применения естественных наук ферма стала восприниматься как коммерческое предприятие под мужским руководством. Женщина и ее хозяйственная деятельность отошли на второй план. С тех пор андро-

центрическое направление представляется наиболее характерным в развитии сельскохозяйственных наук. Даже теория семейного хозяйства, разработанная Чаяновым, не принимала в расчет хозяйственную деятельность женщин, несмотря на отдельное рассмотрение репродуктивных и потребительских характеристик крестьянского двора. Отсюда пробелы и искажения в представленной здесь картине крестьянской семьи и ее хозяйства.

Вместе с тем в начале века проводились интересные исследования условий труда и быта женщин в сельской местности, причем большинство исследователей составляли занявшиеся общественной деятельностью женщины, которые обратились к этим исследованиям зачастую под влиянием собственного жизненного опыта. В Германии такие исследования обуславливались проблемами рынка женского труда в городах и демографической политикой, поставившими вопрос о взаимозависимости между увеличением трудовой нагрузки на крестьянок и миграцией из деревни или падением рождаемости.

В последние годы исследователи, занимающиеся изучением роли женщин, вновь обратили свое внимание на сельскую местность. Например, в последние несколько лет трудности, испытываемые молодыми фермерами из-за нехватки невест, обострили проблему выживания мелких ферм и привлекли внимание общественности к чрезвычайно важной роли женщин в мелких фермерских хозяйствах.

Женщины в семейном хозяйстве

Жизнь женщины в мелком фермерском хозяйстве зависит от многих факторов: финансового положения хозяйства, числа, возраста, характера каждого из членов семьи, общего социального климата, физических и умственных способностей самой женщины и т.д. Поэтому жизнь женщины в одном хозяйстве весьма значительно отличалась от жизни в другом. Тем не менее наблюдается удивительное сходство в положении фермерш, даже если они жили в различные исторические периоды и живут в удаленных друг от друга регионах. Объясняется это, во-первых, объектом производства, общим для них всех, во-вторых, условиями про-

изводства продуктов потребления, к которым они вынуждены приспособляться, и, наконец, последним, но далеко не маловажным, поскольку это является предметом нашего исследования,— семейной экономикой как базисом традиционного фермерского хозяйства.

1. Основой существования мелких хозяйств является ферма. Она удовлетворяет материальные потребности, представляет собой источник гарантированной трудовой занятости и обеспечивает относительную независимость и самоутверждение. Она составляет основу социального статуса и положения, является зеркалом прошлых достижений или небрежения ею, а также источником надежд на будущее. Несмотря на то что, как правило, женщинам (около 85%) после замужества приходилось оставлять родную ферму и проходить часто весьма трудный процесс переориентации на ферму мужа, жены мелких фермеров не отделяют себя от «своих» хозяйств. В нашей анкете, отведенной будущему фермерским хозяйствам, 80% опрошенных женщин желали сохранить ферму до конца своей жизни и только 4% собирались после ухода от дел оставить ее. В качестве доводов женщины приводили гарантированное существование, обеспечиваемое фермой, чувство долга по отношению к предыдущим и будущим поколениям, значение фермерских хозяйств в удовлетворении потребностей всего населения, любовь к крестьянскому труду и привязанность к ферме, так же как и почти полное отсутствие других возможностей трудоустройства для женщин в сельской местности.

Женщины с особой самоотверженностью борются за сохранение хозяйства во времена общего кризиса или чрезвычайной ситуации. Их интерес заключается в том, чтобы сохранить ферму за семьей, предотвратить переход ее в «чужие руки». Помимо приверженности традициям, женщины обладают чрезвычайно реалистичским подходом к жизни. В наши дни дети фермеров получают достаточно солидную основу для дальнейшей жизни, а именно образование (предпочтительно сельскохозяйственное) и участок для строительства дома в случае отсутствия последнего. Одновременно предпринимаются все усилия, чтобы удержать на земле детей как потенциальных фермеров и будущих владельцев семейного хозяйства. Они должны обучаться фер-

мерскому труду, помогая старшим, но при этом их нельзя перегружать. Подобная двойственная стратегия выживания мелких хозяйств в современных условиях требует дополнительного физического и умственного напряжения, особенно со стороны женщин, которых считают, да и сами они чувствуют себя, ответственными прежде всего за благополучие семьи.

2. Мелкие хозяйства Франконии представляют собой предприятия со смешанной экономикой, ориентирующиеся как на потребление, так и производство на рынок, хотя и с преобладанием последнего. Поэтому фермершам в экономике принадлежит значительно большая роль, чем это может показаться с первого взгляда. Они знают финансовое положение фермы, распоряжаются средствами на ведение домашнего хозяйства и имеют доступ к банковскому счету, через который могут заключаться крупные сделки. Женщины обладают правом голоса при решении вопросов о вложении капитала, новых закупках или изменениях в хозяйственной деятельности, на них лежит ответственность за продажу огородной продукции и, как это всегда и было, уход за домом и за садом, при этом в некоторых регионах до сих пор практикуется выращивание фруктов и овощей для продажи на рынке. Следует отметить, что в тяжелые времена, а также в результате особенно неблагоприятных обстоятельств «качественный бюджет», представляющий собой характерную особенность сельскохозяйственной экономической практики, может стать «матриархальным бюджетом». Взгляд фермерш на экономику — это смешение традиционно-консервативных норм (бережливость, переделка и неоднократное использование как можно большего количества материалов, утилитаризм и т. д.) и современных, более динамичных методов (калькуляция, бухгалтерский учет и гибкое реагирование на внешнее давление). И это постоянно приводит к возникновению различных проблем и противоречий, которые фермерша всячески старается смягчить или уравновесить. Ее тактика облегчается опытом и знанием почти всех сфер хозяйственной деятельности на ферме.

Примером гибкого реагирования на возникновение кризисного положения, в результате которого на женщин ложится дополнительное бремя, служит введение государством квот на производство молока. Сокраще-

ние размеров квоты, в пределах которой за молоко выплачивается «нормальная цена», и «несправедливые цены», введенные на «сверхпродукцию», привели к сокращению мелкими фермами молочного стада (то есть у женщин стало меньше работы), но одновременно и к увеличению производства продуктов питания, так как женщины стали готовить из излишков молока масло, сметану, простоквашу. А в целом женщины хотят возвращения к прежнему положению, хотя работы им наверняка прибавится.

Нет сомнения, что благодаря своим хозяйственным способностям женщины осуществляют действительную власть и оказывают свое влияние на все, что происходит на ферме. Но эта власть никогда не проявляется открыто, так как подобное противоречило бы ценностным установкам фермерского сообщества. Поэтому крестьянская ферма предстает перед внешним миром целостным предприятием, и единый банковский счет как бы символизирует эту целостность. Вот почему большинство фермерских жен категорически отвергают возможность иметь отдельный счет в банке и какие-то частные интересы.

3. Семейное крестьянское хозяйство определяется конкретной ситуацией в сфере труда. Производство, особенно на мелких хозяйственных предприятиях, имеет в высшей степени разносторонний характер, что способствует созданию широкого поля деятельности. В первую очередь это относится к женщинам, по традиции они занимаются домашней работой, ухаживают за детьми и в отличие от мужчин в принципе готовы «делать все, что придется».

Мелкие фермерские предприятия испытывают на себе постоянное давление, под воздействием которого они вынуждены менять свои производственные установки. Следствием этого является постоянная реорганизация сельскохозяйственных процессов. В число коренных перемен вошел переход от фермерского труда как основного занятия к работе на ферме в течение неполного рабочего дня, то есть для получения лишь какого-то дополнительного дохода. Сюда же следует отнести структурные изменения, а также механизацию и химизацию. Подобные перемены ослабили практику традиционного разделения труда (в очередной раз вместо уменьшения увеличив женскую ношу). А так как

мужчины ищут работу в некрестьянской сфере, то переход к новым формам труда привел к заметной «феминизации» фермерских хозяйств, так как женщинам пришлось заняться новым для себя делом. Следует также отметить, что женщины все более умело обращаются с сельскохозяйственной техникой, имеющейся на ферме, несмотря на отсутствие специальной подготовки и скорее рассчитанную на мужчин современную методику фермерского хозяйства.

Характер сельскохозяйственного производства требует постоянных перемен в размещении и количестве затрачиваемых сил, в трудовом ритме, а также перемен во взаимодействии с социальной средой.

Для женщин же все это означает заманчивое разнообразие и постоянное движение от умственного и физического напряжения к отдыху, что они расценивают как преимущество их положения по сравнению с бесцветной жизнью обычных домохозяек и работниц промышленных предприятий. Кроме того, несмотря на большую нагрузку, в своей деятельности они чувствуют себя независимыми и самостоятельными. Однако им не всегда удается организовать свои многочисленные обязанности таким образом, чтобы отдыхом компенсировать трудовые затраты. Очень часто работа требует от них много сил, поэтому работать им приходится допоздна. Статистика утверждает: рабочий день женщин больше рабочего дня мужчин, особенно это заметно на мелких фермах. Высокие требования, которые женщины предъявляют к своей работоспособности, укорененные в результате их воспитания и пристрастия к постоянной занятости, часто вступают в противоречие с их физическими возможностями. В стремлении разрешить его некоторые женщины доводят себя до истощения вплоть до заболеваний.

Женщины в сельской общине

Роль женщины на семейной ферме становится очевидной, когда мы рассматриваем ее функции в различных сферах хозяйственной деятельности. Точно так же мы можем составить верное впечатление о ее роли в сельской общине, лишь сосредоточив внимание на взаимоотношениях между женщинами, оказывающих влияние на жизнь деревни. Некоторые этнографические ис-

следования подчеркивают факт женской сегрегации и вытекающую отсюда двойственную роль женщин в деревенской общественной жизни, причем в каждой деревне она приобретала особые формы, подчинялась особым правилам и реализовывалась в определенных сферах. Мир женщин и мир мужчин в деревне с традиционным укладом жизни напоминают автономные территории, связанные друг с другом особыми ритуалами и правилами общения.

Мужчины собираются в общественных местах, таких, как центральная часть села или трактир; даже в деревенской кооперативной лавке, покупая или, наоборот, продавая продукцию своей фермы, они предпочитают казаться скорее беспечными, нежели деловыми. Темы их разговоров носят более общий, технический и абстрактный характер: сельское хозяйство, политика, погода. Темы родства обсуждаются, если они вообще обсуждаются, в сугубо деловой манере и в основном в связи с отношением к земельной собственности. Мужчины обычно относятся друг к другу скорее как коллеги, а не как члены определенных семей.

Мир женщин, напротив, в значительно большей степени сосредоточен на семейных делах и родственных отношениях. В повседневной деревенской жизни женщины обычно встречаются в местах коллективного семейного труда: в деревенской прачечной и у источников воды, в пекарне и пункте сдачи молока, у садовой ограды, в магазинах и у деревенского холодильника. Исчезновение подобных заведений положило бы конец многим из этих традиционных форм женского общения. Болтовня женщин между собой всегда сопровождается выполнением какой-то работы для семьи; недопустимо ни для самих женщин, ни для деревенского общества, чтобы они сидели сложа руки. Все их разговоры в основном сводятся к семье и деревенским делам: беседуют они главным образом о повседневных семейных заботах, домашних делах, мужьях и детях, женитьбах и разводах, семейных проблемах и кризисах, болезнях и здоровье, жизни и смерти. Девушки готовятся к такому будущему с раннего возраста. С историей деревни они знакомятся как с историей своих семей, своей собственной семьи и семей своих подруг.

Помимо подобных социальных взаимосвязей между семьями и соседями, в компетенцию женщин вхо-

дят и другие важные формы деревенской общинной жизни, то есть обмен товарами и информацией. Женщины не только помогают друг другу готовить угощение к семейным и общедеревенским праздникам, или непосредственно участвуя в работе, или же обмениваясь утварью и продуктами, находящимися в женской сфере хозяйственной деятельности семьи, они также помогают разносить еду во время некоторых празднеств или, например, забоя скота, как того требует традиция, разумеется, в зависимости от конкретной ситуации. В случае стихийного бедствия, несчастного случая, болезни или смерти оказываемая материальная помощь или выражение моральной поддержки преодолевает межу, разделяющую фермерские хозяйства, и даже застарелую деревенскую вражду; инициаторами этой взаимоподдержки в большинстве случаев оказываются женщины.

И наконец, следует упомянуть об еще одной форме женского общения: пересуды и сплетни. Эта форма общения между женщинами чрезвычайно эффективна, особенно в небольших фермерских общинах, как это неоднократно отмечалось в специальной литературе. Хотя формально сплетни и осуждаются, они составляют немаловажную часть деревенской жизни и неиссякаемый источник неформального влияния. Разговоры о ком и о чем угодно в основном женское занятие. При этом даются характеристики семьям и фермам, создаются и рушатся репутации.

Хотя нам и недостает глубоких исследований различных форм власти женщин и власти мужчин, невидимая и обычно не столь явно выраженная форма женской политики в масштабе семьи и деревни оказывает такое же влияние на жизнь деревни, как и нарочито демонстративная, открыто выражаемая политика мужчин. До тех пор пока в деревне сохранится необходимость что-либо решать, женщины по-прежнему будут вносить свой вклад в свойственной им манере. Кроме того, и мужчины и женщины одинаково заинтересованы в сохранении подобной формы разделения и осуществления власти.

Мир женщин мы рассматриваем отдельно. Для ознакомления со спецификой женского труда на ферме и в деревне такое аналитическое разделение представляется уместным, чтобы избежать каких-либо андро-

центрических предубеждений. Но это может оказаться лишь частью анализа, за которым последует воссоздание всей картины, то есть синтез самого трудового процесса и различных общественных механизмов, регулирующих динамическое взаимодействие двух миров сельской общины — мужского и женского. А это требует дальнейшего развития всесторонних эмпирических исследований.

7. Турецкая деревня

В плане любого этнографического описания большую проблему представляет порядок перечисления рассматриваемых объектов, так как адекватное понимание какого-то одного института предполагает знание других институтов, имеющих в этом же самом обществе. Я же надеюсь преодолеть эту трудность, изложив свое мнение в начале, а не в конце статьи.

Деревня уже сама по себе является наиболее примечательной социальной единицей. Ни одна деревня не входит в какую-либо более крупную местную организацию. Все деревни одного района, а пожалуй, что и большинства районов Турции, представляют самодовлеющие группы домов, находящихся на различном расстоянии друг от друга. Чтобы от одной пешком добраться до другой, потребуется от получаса до двух с лишним часов. Например, две деревни находились в получасе ходьбы от Сакальтутана и еще девять — в полутора часах.

Каждая деревня состоит из отдельных патрилинейных и патрилокальных дворов. Хотя часто несколько дворов образуют один блок, физические и социальные границы между ними всегда четко очерчены. Деревня и двор являются основными социальными единицами. Кроме недавно вышедших замуж женщин, каждый должен принадлежать одной и только одной деревне, а также одному и только одному двору. Обычно деревня делится на кварталы (*махалля*), не имеющие общих, четко обозначенных границ. Люди хранят верность своему кварталу, и если речь заходит о драках в деревне, то говорят о драках между кварталами. А так как соседи часто женят своих детей и близкие родственники по мужской линии и иногда другие родственники живут рядом, то в этих кварталах часто наблюдается определенная сродственность. В Эльбашах, например, несколько кварталов названы по имени проживающих

там линиджей. Соседи независимо от того, родственники они или нет, стремятся к созданию неформальных групп для совместного отдыха и бесед.

Последней из наиболее важных групп является линидж. Эта группа состоит из ряда дворов, главы которых связаны патрилинейными отношениями, то есть отношениями родства по мужской линии, восходящей к общему предку, жившему три или четыре поколения назад. Обычно такие дворы и составляют кварталы. Права и обязанности членов линиджа определены нечетко, и потому по своему положению в линидже его члены значительно отличаются друг от друга. Главной функцией линиджа является защита своих членов оказанием им помощи в конфликтных ситуациях. Однако не все главы хозяйств являются членами линиджа, как и не все генеалогически очерченные линиджи образуют влиятельные социальные группы. Большинство из тех, кто не входит в линидж,— это наиболее обездоленные слои деревенского общества.

Помимо членства в этих группах, положение человека в системе взаимоотношений определяется главным образом очевидными факторами: возрастом и полом, родственными связями, родом занятий и степенью зажиточности; в меньшей степени: набожностью и ученостью, личным достоинством, а что касается мужчин, то разнообразием и прочностью связей в городе.

Как этого и можно было ожидать в мусульманской стране, различию полов придается большое значение, поэтому в большинстве случаев в нормальной общественной жизни мужчины и женщины отделены друг от друга. Возраст не является особым критерием для формальных групп, но он вызывает к себе уважение и способствует авторитету.

Родство представляет собой как наиболее глубокий, так и наиболее распространенный тип социальных отношений. Личные взаимоотношения мужчин на основе родства являются основой линиджа. Вне линиджа родственные связи образуют многочисленные и прочные взаимоотношения как между хозяйствами, так и отдельными людьми. Подобная система родственных отношений распространяется от деревни к деревне и способствует созданию жизненно важных каналов для всех форм деятельности—экономической, политической,

религиозной,— а также для устройства браков, которые в свою очередь будут способствовать новым родственным связям.

Различия в достатке не очень заметны. На первый взгляд все дворы в обеих обследованных деревнях живут во многом одинаково. Все, кто в состоянии, работают. Нет рантье, но один-два старика содержатся за счет сыновей, женщин и арендаторов. Наиболее богатые и урбанизированные дворы пользуются определенным комфортом, тогда как у бедняков жилье плохое, одежда убогая, живут они всегда, за исключением урожайного года, впроголодь. Хотя различия в достатке не очень отражаются на образе жизни, они имеют большое социальное значение. Богатые являются лидерами деревни, их уважают, в деревенском совете их слово весомо, они дают работу своим соседям и, наделяя подарками и предоставляя ссуды, могут оказывать влияние и даже осуществлять прямой контроль, особенно среди своих родственников.

Религиозные познания повышают авторитет в деревне. Многие деревенские мальчишки получают некоторые религиозные знания или непосредственно от родственников, или в специальных городских школах. Кто-то из них может стать деревенским имамом, остальные же будут жить обычной крестьянской жизнью, но с репутацией благочестивых знатоков ислама. А насколько они преуспевают в использовании своего авторитета ради власти и богатства, зависит от личности и обстоятельств.

Другие некрестьянские профессии и ремесла имеют меньшее социальное значение. Большинство занимают ими, владея или по крайней мере желая владеть землей; здесь нет социальных групп, разделенных профессиональной принадлежностью, как касты в Индии, и к ремесленникам в деревне не относятся как к чужакам.

Городские связи, вероятно, всегда способствовали росту влияния и авторитета в деревне, главным образом потому, что они подразумевали влияние среди власть имущих, зачастую преувеличиваемое крестьянами. Вполне вероятно, что традиционно путь вверх по социальной лестнице пролегал через официальную и религиозную иерархию. В наши дни в такой деревне, как Эльбаши, и даже во многих других, более бедных,

у людей есть сыновья, братья или родственники; некоторые в городском мире занимаются торговлей, состоят на государственной службе, добиваясь порой довольно высокого положения. Такие связи обеспечивают в деревне большой престиж. А там, где подобных людей много, как, например, в Эльбаши, складывается впечатление зарождения в деревне классовой структуры.

Но пока это только начало. В прошлом деревенское общество располагало в высшей степени подвижной системой статусов при очевидном отсутствии наследования статуса. При жизни поколения происходил раздел каждого хозяйства, во всяком случае, земля делилась между сыновьями, иногда между сыновьями и между дочерьми. Чем богаче человек, тем больше у него было жен и, соответственно, больше наследников, поэтому общая тенденция была такова, что каждый молодой женатый мужчина после смерти отца оставался с весьма скромным земельным наделом и вследствие этого должен был самостоятельно начинать строить свое будущее. При столь открытом положении можно было надеяться, что каким-то людям благодаря их способности и удаче удастся добиться личного благосостояния, поэтому почти во всех деревнях рассказывают истории о выходцах из деревни, достигших высокого положения. Но так же верно и то, что преуспевшие люди не смогли основать свои собственные династии. И их сыновьям обычно приходилось все начинать сначала, обладая в лучшем случае лишь незначительными преимуществами по сравнению с соперниками.

Деревенская солидарность

Люди принадлежат своей деревне в той мере, в какой они не принадлежат никакой другой социальной группе. По любому определению, община (а деревня — это община) представляет собой социальную группу, выполняющую множество функций, не все из которых имеют вполне определенный характер, — группу; в которую люди входят вследствие своего рождения, замужества или женитьбы и с которой они связаны множеством уз.

Нельзя никоим образом сравнивать географические и административные единицы, размерами превосходя-

щие деревню. Жители деревни, конечно же, воспринимают свою принадлежность к весьма неясно определяемому административному округу и к провинции Кайсери. Военнослужащие и работающие в городе часто образуют товарищества и землячества по принципу общности происхождения, а существующие в настоящее время административные единицы *нахийе*, *каза* и *вилайет* как таковые не имеют какого-либо социального значения, помимо своих административных функций.

Достоинства родной деревни служат неиссякаемой темой разговоров с приезжими и поводом для насмешек и подшучивания друг над другом для жителей разных деревень. Для каждой деревни ее питьевая вода и климат самые лучшие. В одной деревне, где всю зиму собирают снег в больших глубоких колодцах и все лето пьют накопленную таким образом стоячую воду, мой приезд сразу же был воспринят как аргумент в пользу своей воды. Любая деревня более гостеприимна, более достойна, более отважна, более миролюбива, устраивает более пышные свадьбы, чем соседняя. Обитатели же других деревень — дикари, подлецы, лжецы, лентяи и трусы.

Каждая деревня располагает территорией, признаваемой государством как ее административная зона, на которой она де-факто осуществляет право выпаса скота. Деревням обычно принадлежат общинные земли, иногда луга и пашни, которые могут сдаваться в аренду, но по Гражданскому кодексу у деревни нет прав на землю, находящуюся на ее территории и принадлежащую частным лицам; пустующие же земли находятся в государственной собственности.

Для деревни эта территория значит гораздо больше, чем административная зона, она является символом деревни, ее лицом. В случае попытки любой другой деревни использовать землю, лежащую в пределах общины, люди быстро собираются для того, чтобы сразиться — если понадобится, с оружием. Даже потрава скотом, забредшим из другой деревни, отзывается столь воинственным негодованием. Однажды стадо из Сакальтутана зашло через межу в Сулейманли, и проезжавший там верхом на лошади староста Сулейманли ударил пастуха нагайкой. Очень многие в Сакальтутане заговорили о немедленном вооруженном нападении,

но были остановлены благоразумным советом. Мне не доводилось видеть выступлений подобного рода, но ясно, что все члены общины должны защищать свою деревню независимо от ссор, постоянно их разделяющих. Даже линиджи не выходят за пределы деревенской межи, поэтому для внешнего мира деревня представляется единым сплоченным монолитом. Члены деревенской общины всегда готовы выступать на защиту и ее репутации, и ее территории.

Подобная солидарность по отношению к внешнему миру тесно связана с тем, что может быть названо внутренней интенсивностью. Население деревень в высшей степени стабильно. Почти все мужчины и более половины взрослых женщин родились в деревне. Если бы мы могли измерять интенсивность социальных отношений в единицах эмоциональной насыщенности, количеством соответствующих прав и обязанностей и частотой общения, то мы бы обнаружили, что все постоянные жители, за исключением недавно прибывших жен, имеют наиболее интенсивные социальные отношения исключительно в деревне.

Конечно же, существует внешний контроль, многие необходимые экономические и политические связи прелегают во внешнем мире, но они не столь интенсивны. Даже за пределами своего непосредственного окружения жители деревни принадлежат друг другу, и даже враги в деревне — это свои враги.

Деревенская структура

Так как деревня — это община, то есть общественная группа со множеством функций, а также прав и обязанностей ее членов, то неудивительно, что при ней существует ряд учреждений, у нее есть коллективные права и обязанности. Выделяются официальные институты, установленные государством, и неформальные, созданные деревней в своих собственных целях и для удовлетворения потребностей своих членов...

Административно и юридически деревней управляет староста, до 1950 г. избираемый раз в четыре года, а сейчас — каждые два года тайным голосованием, причем голосовать могут все лица старше восемнадцати лет. Староста должен принимать представителей государственных учреждений, и прежде всего органов вла-

сти; способствовать поддержанию порядка и тому, чтобы правонарушители отвечали перед законом; в его обязанности также входит забота о государственной собственности, например о школе; он должен готовить списки избирателей, заверять официальные прошения о получении от правительства семян, ссуды в банке и т. п., производить регистрацию смертей, рождений и браков, сообщать о прибытии приезжих, возникновении эпидемий и других неприятных происшествиях и т. д. Короче говоря, староста является доверенным лицом, гарантом и посредником в улаживании дел, существующих между деревней и правительством, поэтому охотников на эту должность не так уж много.

Староста входит в совет старейшин, численность которого зависит от величины деревни. В Сакальтутане, например, совет старейшин состоял из четырех человек, в Эльбаши — из шести. В каждый совет также избираются и нечто вроде запасных членов, которые занимают места полноправных членов, если последние не могут присутствовать на заседании. Старейшина, получающий наибольшее число голосов на выборах, автоматически становится заместителем старосты, и далее по списку в соответствии с числом голосов кандидаты проходят в состав совета. Совет должен собираться не менее раза в месяц для обсуждения всех деревенских дел.

Но было бы опрометчивым утверждать, что эти советы когда-либо собираются. За все время моего пребывания в Сакальтутане тамошний совет так ни разу и не собирался, и единственной задачей, возлагаемой на него жителями, был контроль за налогообложением. Поговаривали, что в Эльбаши совет старейшин действительно собирается, хотя и не так регулярно, но я не слышал, чтобы они занимались подобным контролем. Несомненно то, что советы функционировали не в качестве высших, принимающих окончательное решение органов власти в деревне. Никто не проявлял ни малейшего интереса к их выборам и не придавал никакого значения их деятельности. Вместо этого, когда случалось что-то, требующее единых действий, и что, по мнению жителей деревни, было для них весьма важным, в этом случае непосредственно сами по себе или же по инициативе кого-либо из наиболее авторитетных

жителей собирались главы дворов и линиджей. У подобных собраний нет ни официального статуса, ни регламента, и на них не возлагается каких-либо формальных обязанностей. Такие собрания возможны только тогда, когда обсуждаемый вопрос представляется достаточно важным, чтобы собрать вместе стольких влиятельных лиц. Их цель — обсуждение общественных дел и доведение до старосты общественного мнения, но делать выводы из сказанного и разрабатывать тактические ходы с учетом возможного и желаемого остается за ним.

По закону каждая деревня обязана взимать местный налог и создавать общественный фонд, пополняя этим деревенскую казну. Из этих средств староста берет незначительные суммы на прием гостей и оплату других расходов, таких, как содержание в должном порядке местной школы и другого общественного имущества, покупка одежды, нередко выплата жалованья деревенскому сторожу. По размерам взимаемого налога деревенские дворы подразделяются на четыре категории. Обычно при налогообложении исходят из площади имеющейся земли, но и другие обстоятельства — количество домашнего скота, число взрослых мужчин-работников и число иждивенцев — также принимаются во внимание. Беднейшие же хозяйства вообще освобождаются от этого налога.

В Сакальтутане уже упоминавшиеся четыре категории налогоплательщиков вносили следующий ежегодный налог: I — 15 лир; II — 12 лир; III — 8 лир; IV — 5 лир. В Эльбаши: I — 15 лир; II — 11 лир; III — 7 лир; IV — 4 лиры.

Данный фонд является единственным институтом, устанавливаемым государством и вызывающим к себе действительный интерес, а при наличии должностей старосты и сторожа образуется единственная сфера, в которой сходятся интересы деревенских институтов и институтов, образованных под давлением государства. Это в свою очередь порождает постоянные споры и обвинения, да к тому же такой фонд не так-то просто собрать. Еще в 1953 г. многие старосты были неграмотны, поэтому даже те, кто хотел, с трудом могли вести соответствующую отчетность. Поэтому обвинения в разбазаривании деревенской казны неизбежны, повсеместны, их невозможно опровергнуть, но, вне всякого

сомнения, они сильно преувеличены и, весьма вероятно, часто ни на чем не основаны.

Местные жители утверждали, что даже если советы больше ничем другим не занимаются, то по крайней мере следят за порядком взыскания налога в общественную казну. И действительно, там, где это находится в ведении старосты, который не имеет ни особого влияния, ни авторитета, за исключением временного пребывания на этой должности, люди, которые находят чрезмерной причитающуюся с них сумму, наверняка будут ее оспаривать, и любая допущенная ошибка вызовет протест и негодование. Но у меня лично сложилось впечатление, что налог, однажды установленный, с годами мало изменялся и что эти незначительные изменения обычно вносились старостой. Как правило, староста советуется с членами избранного совета в том случае, если это его друзья, которые действительно могут ему содействовать, или же если они представляют ту часть деревенской общины, которая способна доставить неприятности при нежелании считаться с ее мнением. Но то же самое можно сказать и о любом влиятельном в деревенской жизни лице независимо от того, входит оно в совет или нет.

Почти повсюду, где бы я с ними ни сталкивался, старостой и старейшинами оказывались молодые или среднего возраста мужчины. Более старшие и авторитетные люди не занимали никаких должностей, хотя это не возбранялось ни их детям, ни их младшим братьям.

По закону все жители деревни должны назначать ночного сторожа, *бекиши*, исполняющего функции своего рода полицейского и выполняющего распоряжения старосты. Администрация использует его как посыльного, поэтому он постоянно сует между окружными властями и своей деревней. Как правило, кандидатуру на эту должность сроком на один год подбирает староста, причем за эту работу положено настолько малое жалованье (100—300 лир), что идти на нее соглашаются обычно самые бедные и неразвитые крестьяне. В большинстве деревень ночной сторож выполняет обязанности слуги у старосты, и очень часто можно видеть, как он варит ему кофе, выполняет его поручения и даже коллет ему дрова. В Сакальтутане, например, ночной сто-

рож сам ходил по дворам, собирая причитающееся ему жалованье.

Кроме этих требующихся по закону должностных лиц, в каждой деревне имеются свои собственные служащие для удовлетворения нужд крестьянской общины; в основном это деревенские пастухи. В период жатвы для охраны общинного урожая обычно выделяются двое или больше особых караульных. Их задача — подстраховывать пастухов, чтобы исключить таким образом потравы. В Эльбашах также назначали двоих сторожей для наблюдения за распределением воды в июне и июле, когда потребность в ней высока, а запасы ее невелики. Большинство этих сторожей отбираются старейшинами, на которых опирается в своей работе староста. Пастухи же назначаются наиболее влиятельными владельцами отар овец. Все они получают жалованье или непосредственно деньгами, или же отдельные дворы по очереди содержат их.

Таким образом, деревня представляет собой своеобразную корпорацию, в которой имеются как официальные, так и неофициальные служащие, располагающие официальным и в каком-то смысле неофициальным доходом. Ясно, что установленный государством общественный фонд — инородное явление, и поэтому традиционное отношение к привычным общинным служащим не вписалось в эту новую схему. Традиция же имеет то преимущество, что общинные служащие сами должны взыскивать свое жалованье, ну, а люди платят в соответствии с тем, в какой мере они пользовались их услугами.

Люди по-прежнему считают себя политически зависимыми от своей деревни в отношении защиты от других деревень, хотя значительно возросшая эффективность поддержания общественного порядка государством делает подобную зависимость явным анахронизмом. Но если политическая зависимость сводится к минимуму, то экономическая зависимость от деревни по-прежнему остается весьма реальной. Без пастухов, сторожей и общественных пастбищ обойтись нельзя. Поэтому лишение человека права пользоваться ими его просто разорит. Кроме того, ежегодное перемещение с одного края общинных земель на другой привязывает всех жителей деревни к системе регулярного чередования паров. И введение, к примеру, такой рево-

люционной технологии, как севооборот, невозможно без коренной ломки системы земледелия всей деревни. При этом юридическое право собственности на землю де-факто определяется общинным правом на ежегодный выпас скота на общественных землях...

Другие деревни

Различия во влиянии и авторитете среди соседствующих деревень не препятствуют возникновению широких связей между ними. Люди навещают друг друга, пользуются услугами местных ремесленников, советуются по различным религиозным или техническим вопросам, обращаются к специалистам по магии, занимают друг у друга деньги или съестные припасы, покупают скот как для себя, так и для перепродажи на рынке, возят зерно на мельницы. В прежние времена, до появления автомобилей, дальние поездки, особенно поездки в город, вынуждали путников, застигнутых ночью в пути, устраиваться на привал со своими родственниками и друзьями прямо на дороге. В наше время они останавливаются в деревнях, служащих перевалочными пунктами для грузовиков и автобусов, которые следуют в Кайсери, и они могут общаться друг с другом во время своего отдыха. Деревни не слишком различаются между собой по типу производимой ими продукции, что, разумеется, не способствует интенсивному экономическому обмену между ними, но социальные связи тем не менее носят постоянный и оживленный характер.

За исключением случайных конфликтов из-за земли и отдельных вспышек застарелой вражды, политические отношения между деревнями как общественными группами не имеют особого значения. В данном же регионе страны население всех деревень туркоязычное и суннитское по вероисповеданию, поэтому каких-либо этнических или языковых проблем здесь не возникало. В наши дни нет ни одной деревни, питающей хотя бы малейшую надежду на возможность господствовать над другими деревнями, как это бывало в прошлом. Что касается драк, то жандармерия их очень быстро пресекает, а вражды между деревнями уже не наблюдаются.

Воздействие и перемены

Консерватизм крестьян вошел в пословицы. Причины этого ясны. Ведь живут они обычно в обществе, в котором большинство основных контактов осуществляется с такими же людьми, как они сами, разделяющими их взгляды и убеждения. Поэтому они вынуждены больше считаться со взглядами своих родственников и соседей, с которыми им приходится ежедневно общаться и от помощи которых они зависят в тяжелые, кризисные времена, чем с мнением людей, занимающих более высокое социальное положение, но далеких от деревни.

Как и можно было предположить, социальный контроль в турецких деревнях осуществляется весьма строго. Любые проявления необычного поведения немедленно влекут за собой подробнейшее и самое широкое обсуждение. И если люди сойдутся на том (а почти всегда так и случается), что какое-то нововведение носит злонамеренный, опасный, кощунственный или абсурдный характер, то новатору, если он будет настаивать на своем, придется столкнуться с критикой в свой адрес, насмешками или даже остракизмом.

Подобный консерватизм имеет двойственный характер. Во-первых, он прямо тормозит восприятие большинства (но не всех) усовершенствований и улучшений, как, например, правил гигиены, передовых сельскохозяйственных технологий и т. д. Во-вторых, до тех пор пока людское мнение о поведении, которое должно соответствовать роли человека в деревенском обществе, является преобладающим, традиционная социальная структура защищена от необходимости приспособливаться к переменам, происходящим в большом мире, частью которого оно является. Традиционные отношения по-прежнему сохраняются и в тех социальных ситуациях, которым они уже больше не соответствуют.

И все же силы, выступающие за перемены, имеют перевес. В основе необходимости перемен лежит резко возросший объем связей с внешним миром. Укрепление законности и порядка позволяет любому человеку отправиться в город и добиваться там удовлетворения своих политических и экономических требований, не опасаясь подвергнуться нападению. Грузовики и авто-

бусы способствуют удешевлению и ускорению связи между городом и деревней не только в отношении перевозки увеличившегося числа людей, но и товаров. Недавно возникший рынок сезонной трудовой занятости вызывает постоянный приток в город сельского населения, возвращающегося к себе в деревню с новыми знаниями и некоторыми новыми идеями. Вместе с тем правительство озабочено проблемами повышения производительности труда и благосостояния деревни и направляет в село все большее число чиновников, навязывающих непривычные правила поведения.

Деревни, в которых я побывал, представляют собой крепко спаянные общины. А когда-то они были спаяны еще крепче. Еще не так давно жители деревни приходили к чиновникам лишь в сопровождении старейшин или старосты деревни. Деревенские правители управляли, опираясь в значительной степени на монополию связи с институтами государственной власти. Тогда, чтобы прокормиться, почти каждый должен был оставаться на земле отцов, а если люди и уходили из деревни в поисках счастья, то писем они не писали, почтовых переводов не высылали, да и сами не часто приезжали в родные места. Поэтому деревня могла жить более изолированной жизнью и не осознавать своей очевидной отсталости по сравнению с городом.

Результат резко возросших контактов между городом и деревней двойствен. Вследствие серьезного расширения спектра социальных отношений, которые есть даже у беднейших обитателей деревни с людьми, проживающими за ее пределами, снизился уровень солидарности в деревне, ослабла сила общественного контроля, на котором зиждется деревенский консерватизм. Жители деревни уже не обязаны подчиняться своим управителям. Но вместе с тем они стали зависеть от доброй воли огромного множества людей за пределами села, придерживающихся различных мнений и взглядов. Деревенская община утрачивает целостность вследствие расширения отношений между ее членами и внешним миром. Этот процесс пока только начался, но со всей определенностью можно утверждать, что он уже включил деревню в состав нации. Деревенский житель, даже если он беспрекословно уплачивает налоги и старается ни словом, ни действием не выступать против властей, уже не может надеяться прожить,

их не замечая. По радио ему постоянно напоминают, что он и его деревня являются частью гораздо большей социальной единицы — нации. Ему также известно, что горожане деревню презирают и что у большинства сельского населения уровень жизни значительно ниже жизненного уровня образованных горожан. Слишком очевидно то, что деревня находится в самом низу национальной иерархии. Когда-то деревня была стартовой площадкой, предгорьем далеких городских вершин, она гордилась своей полуавтономией и могла в большей или меньшей степени не замечать этих вершин, отворачиваясь от них. Ее социальный мир сосредоточивался на ней самой. Сейчас же она с горечью осознает, что представляет собой лишь нижний отдаленный склон, по которому постоянно прокатывается селевой поток презрения и вмешательства, обрушивающийся с городских вершин общенациональной власти.

Старые традиции не умерли. Деревня не утратила гордости; каждая деревня считает себя самой лучшей и, подобно большинству сельских общин, характеризует городское общество как коррумпированное и упадническое. Но противоречия — это нормальное явление для любого общества, поэтому чаще приходится слышать другое: что деревня отстала, груба, бедна, неумята и жестока. Подобная противоречивость может всегда сохраняться в обществе. Но хотя у меня нет достоверных свидетельств о нравах в деревне в прошлом, например два поколения тому назад, я убежден, что такие чувства, как гордость и независимость, убывают, а вместо них нарастают приниженность и чувство неполноценности.

Такого рода перемены неизбежны, и они служат как гуманитарным, так и общенациональным целям. Более высокий уровень жизни может прийти лишь с более высокой технологической эффективностью, более действенным контролем, более высоким уровнем образования, увеличением налогов, более активным участием общенациональных институтов в местных политических процессах и т. д. Вероятно, совокупность всего этого может способствовать определенному сближению, а в результате устранения давления местной общины возможна более эффективная интеграция ее членов в нацию. Но первым же следствием попыток

проведения реформ и улучшений независимо от радикальности намерений в отношении преобразования социальных структур наверняка будет рост напряженности между обитателями деревни и их городскими управителями, как местными, так и общенациональными.

8. Крестьянство как соседство

...О феллахе Египта и в самом деле следовало бы говорить во множественном числе, поскольку он живет как член группы. В поле как арендатор или владелец земельного надела он работает вместе со своей семьей, как поденщик — он работает в составе артели.

В довольно ограниченных пределах своей деревни крестьянин, и трудясь и отдыхая, проводит больше времени на улице, чем дома. Уединиться нельзя нигде. Женщины за водой ходят группами, повсюду носятся ребяташки. Повседневная жизнь проходит на виду коллектива и общины. Деревня или квартал, но ни в коем случае не дом составляют саму сущность бытия; община во многих случаях более важна, чем семья или род. Однажды автор этих строк на уроке в деревенской школе на классной доске нарисовал домик для проведения теста на наблюдательность и спросил:

— Ну, а теперь, дети, что мы должны сюда добавить, чтобы получился настоящий дом?

— Дверь! Окна! Лестницу! — начали выкрикивать дети. А когда мы сочли домик полностью завершенным и хотели стереть рисунок, одна малышка закричала:

— Нет, здесь кое-чего не хватает!

— И чего же?

— Соседей (*аль-джиран*).

9. Крестьянство как социальный тип *

До недавнего времени антропологи не занимались крестьянами Старого Света; то была сфера других дисциплин. Интересовавшиеся крестьянством в Европе и Азии экономисты, социологи и историки изучали происхождение отдельных крестьянских институтов, главным образом аграрных. Центральными в этих исследованиях были формы землевладения и отношения крестьян с феодалами. Подходы к изучению фольклора и крестьянского быта иные, чем у антрополога или этнографа, исследующих жизнь примитивных обществ *Volkskunde, versus, Völkerkunde* **. Характерно, что при изучении крестьянской жизни не проводилось целостных исследований деревень. Ученый коллекционировал отдельные обычаи и предметы и картографировал их распространение. Круг проблем замыкался на истории их появления; методика вела к перечислению элементов, составлению каталогов, опросников, к сравнению частей отдельных культур, а не культур и общностей в целом.

Крестьянское общество и крестьянская культура имеют что-то общее. Это способ организации человеческой жизни, имеющий схожие черты во всех частях земного шара. Я имею в виду возможность определения крестьянского общества как типа. Это должно быть гибкое определение, скорее угол зрения, чем закупоренная коробка. Я не думаю, что набор фактов может однозначно задать какое-либо обобщенное определение крестьянского общества. Крестьянство как тип не

* Redfield R. Peasant society and culture. P. 14—20. Redfield R. The Little community and Peasant society and culture. Chicago; London, 1973, Var. pag.

** *Volkskunde* (нем.), versus (лат.), *Völkerkunde* (нем.). Имеются в виду две разновидности этнографического исследования, развивавшиеся и дифференцировавшиеся в XIX в.: изучение культуры народных масс «цивилизованных», прежде всего европейских, обществ и изучение культур бесписьменных народов.—Прим. ред.

имеет столь выраженной специфики, которая отличает птиц от млекопитающих или коллоиды от кристаллов. Множественность определений оправдана: каждое фиксирует внимание на некоторых чертах, которые признаются наиболее важными.

Будем считать крестьянами тех, кого объединяет по крайней мере одно: их занятие сельским хозяйством — средство к жизни и образ жизни, а не предприятие с целью извлечения прибыли. Те же, кто хозяйствует на земле в интересах помещения средств и бизнеса и для кого земля представляет капитал и товар, — это не крестьяне, а фермеры.

Я принимаю предложенную Вольфом концепцию крестьянства как сельскохозяйственных производителей, чей образ жизни связан с землей, которая находится под крестьянским контролем. Я добавляю к этой концепции акцент на отношении крестьянина к элите, пребывающей в поместье, соседнем городке или столице. Мне бы хотелось представить крестьян как сельскую часть прежних цивилизаций. Кребер пришел к близкому заключению: «Крестьяне, деревенские жители, конечно, поддерживают связи с городскими рынками и составляют классовый сегмент более обширного общества, которое включает население городских центров, вплоть до столичных метрополий. Они составляют общества-части, культура которых — часть целого». Однако я не склонен ограничивать ряд подлинно крестьянских, как они здесь определены, обществ только теми, которые являются частью традиционных феодальных обществ. Я хочу включить в наш анализ крестьян Индии, Китая, Японии и мусульманского мира. Поэтому я не стану настаивать на том, что у наших (европейских.— *Ред.*) крестьян были какие-то строго определенные экономические и политические отношения с элитой. Статусные же отношения между крестьянином и находящейся над ним элитой представляются мне существенно важными и сходными во многих частях мира.

10. Крестьянство как образ жизни *

Крестьянство — ключ к пониманию Китая — есть образ жизни, сочетание формальной организации, индивидуального поведения и социальных позиций, тесно взаимосвязанных с целью обработки земли простыми орудиями и трудом человека. Крестьяне оседлы и малоподвижны. Рост численности населения при ограниченных ресурсах вводит в действие закон убывающего плодородия. Возрастает тенденция к усиленной эксплуатации земли. Тщательный уход за почвой и кропотливый труд человека препятствуют применению улучшенных орудий. С ростом численности населения снижается уровень жизни. Использование животных становится неэкономичным. Высокоразвитое искусство обработки почвы и сбора урожая приносит доход, которого едва хватает для скудного существования. Когда работа осуществляется в основном руками и ногами, то сокращается преимущество разделения труда. Расширение организационной структуры таких предприятий не столько приносит весомый доход, сколько осложняет человеческие отношения. Это и является причиной того, что базовая ячейка крестьянского общества обычно малочисленна.

Небольшие размеры группы людей, объединяющих свои усилия, — основная черта крестьянства. В отличие от кочевников крестьяне живут оседлыми общностями. Они не агрессивны, поскольку, с одной стороны, расширение ареала обитания за пределы возможной обработки земли для них не имеет большого значения, а с другой — живя в сельском окружении, они не сталкиваются с прямой опасностью нововведений или угрозой вторжения. Безопасность подразумевается как нечто само собой разумеющееся. Считается, что нет необходимости в какой-либо крупной военной организации.

По-видимому, в этом одна из причин, почему семья является доминирующим элементом в структуре со-

циальной организации крестьянской общности. Семья в крестьянской общности является такой единицей, которая обеспечивает необходимый минимум социального взаимодействия в повседневной экономической практике. Подобное взаимодействие поддерживается необходимостью — или скорее является продолжением — решения другой основной задачи человеческого рода, задачи его воспроизводства. Взаимоусиливающаяся связь жизненных функций создает основу крепкой сплоченности...

У китайских крестьян основная социальная единица невелика по численности и, как правило, состоит из родителей и детей. Различные исследования сельского Китая показывают, что исключения отсутствуют. В среднем семья насчитывает от четырех до шести человек. Однако с точки зрения структуры основная группа у китайских крестьян больше семьи, как ее понимают этнографы. Она иногда включает выросших и вступивших в брак детей. Я назвал ее «расширенной семьей». Если принцип расширения выдержать, то в результате мы получим большую семью кланового типа, как это имело место у шэньши, но среди крестьян такое увеличение было редким. Как правило, горизонтальное расширение — братья, продолжающие после женитьбы жить вместе, — встречалось редко и было неустойчивым. Обычным было, когда престарелые родители оставались при одном из женатых сыновей. При отсутствии социального обеспечения старости представляется вполне естественным, что о родителях должен заботиться их сын.

В мобильной общности, кочевой или индустриальной, у каждого индивида свое собственное место. Он самостоятельно перемещается и сам обеспечивает свой социальный статус. Но у оседлого крестьянина все действия оказываются обусловленными группой. Семья является самодовлеющей и самообеспечивающейся группой, в которой он существует и увековечивает свой род. Она является тем центром, к которому восходят его территориальные и профессиональные связи и отношения родства. Единообразия в социальных отношениях принципиально отличается от многообразия в современном обществе. Индивид в такой структуре рассматривается только в качестве представителя определенной семьи.

Традиционная идеология в Китае подавляет индивидуальность в пользу семьи. Значимость или ценность индивидуального существования определяется тем, какое положение оно занимает в социальном континууме, который находит четкое отражение в терминах родословной. Наиболее важная задача мужчины — продолжить семейную линию. Из трех основных обвинений неупутевому сыну на первом месте стоит обвинение в неспособности продолжить род.

В условиях примитивной техники земледельческая работа тягостна. Совершенно ясно, что те, кто может себе позволить жить, не утруждая себя тяжелой работой, непременно сделают так даже за счет снижения уровня жизни. Очевидны два пути снижения тягот труда: либо улучшить орудия труда и использовать животную и природную силы, либо переложить тяжесть на других. Первый путь — это эксплуатация природы, второй — эксплуатация человека.

11. Крестьянская экономика как социальная категория

Крестьянская экономика, как мы полагаем, была и остается до сих пор широко распространенной формой организации человеческого общества¹. Из-за своей исторической живучести крестьянская экономика, по-видимому, вполне заслужила, чтобы ее исследовали в собственных терминах. Когда мы изучаем литературу по аграрной истории, то обнаруживаем крестьянскую экономику в таких разных категориях, как «натуральная», «феодальная», «восточная». В дискуссиях по так называемым слаборазвитым территориям крестьянская экономика часто рассматривается как конгломерат «мелкомасштабных» предприятий, или «минифундий». Ее могут также отнести к промежуточной или переходной стадии от «примитивной» к «современной» (или «развитой») экономике. Мы же, напротив, полагаем, что есть надежда на богатый аналитический урожай, если мы найдем способ рассмотрения «крестьянской экономики» в качестве определенной категории.

Для этого важно определить крестьянскую экономику как систему производства и выделить эту систему из ряда других исторических систем, таких, как рабовладение, капитализм и социализм. В соответствии с этим мы предложим рабочее определение крестьянской экономики и затем проиллюстрируем его несколькими примерами. Они покажут нам те различные формы, в которых существует в настоящее время крестьянское хозяйство на различных континентах. Под видимым разнообразием мы найдем во всех случаях общее ядро.

Прежде чем определить характерные черты крестьянской экономики, необходимо четко установить уровень исследования. Мы займемся особенностями народнохозяйственных организмов крупных стран. Мы будем оперировать единицами на уровне королевств

или империй (Япония, царская Россия, Китай), государств (Мексика) и крупных имперских владений (Индия, Индонезия).

Мы исключаем из сферы нашего охвата мелкие владения, крошечные государства и субрегионы больших государств. Мы также не будем рассматривать крестьянские секторы тех экономических структур, которые, если их взять целиком, нельзя характеризовать как крестьянские экономики. Мы не исключаем рассмотрение малых стран, довольно большое число которых, например Цейлон, Парагвай, Сирия, Сардиния, Ирландия и Шотландия, до их объединения имели крестьянские экономики, а некоторые остаются таковыми и по сей день. Но в данной статье, мы полагали, было бы уместнее представить значительные по своим размерам страны.

Мы используем пять критериев для того, чтобы определить, может ли экономика данной страны, данного народа или колониальной территории рассматриваться в качестве крестьянской. Для того чтобы экономика отдельной страны могла быть названа «крестьянской», должны быть выдержаны все пять критериев. Наши первые два критерия относятся к производству и к самостоятельному населению. Их назначение — помочь отделить крестьянские экономики от индустриальных, независимо от того, капиталистические они или социалистические. В крестьянской экономике примерно половина всего населения должна жить в деревне и более половины самостоятельного населения должны быть заняты в сельском хозяйстве. Короче говоря, для того чтобы называться «крестьянской», экономика должна быть прежде всего сельскохозяйственной. В индустриальной стране, капиталистической или социалистической, могут оставаться тысячи или даже миллионы крестьян, но к такой экономике как к некоему целому мы больше не смогли бы применить термин «крестьянская». Поставленный вопрос превратится в вопрос о «крестьянском» секторе в некрестьянской экономике; тогда постановка вопроса была бы другой и понадобился бы другой уровень анализа.

Третий критерий — это требование существования государственной власти и правящей иерархии особого рода: такого, при котором «родовой» или «клановый» строй настолько ослаблен, что открыта дорога «тер-

риториальному государству»². Было бы абсурдом утверждать, однако, что кровное родство или родовые связи должны совсем исчезнуть. Крестьянские экономики при «феодальных» режимах — вопрос тонкий, как практически все, определяемое трудноуловимым понятием «феодализм»! Если уточнять, я бы сказал, что это скорее относится к хозяйствам феодально-монархических государств Западной Европы конца XII—XIII века, чем к раздробленным и практически неурбанизованным режимам IX и X веков. И здесь в дело вступает наш четвертый критерий — отделение города от деревни.

Мы исходим из наличия городов в крестьянской экономике и из того, что отделение или разрыв между городом и деревней происходит одновременно по всем линиям: политической, экономической, социальной и культурной. В действительности, или в воображении, или в обоих случаях одновременно крестьяне предстают младшим или «подчиненным» сословием, существующим для эксплуатации со стороны всех тех, кто в этом заинтересован. В социальных терминах это называется «естественным порядком». Мы не сочтем экономику «крестьянской» до тех пор, пока в ней не будет достаточного количества городов с определенными чертами городской жизни, столь отличной от жизни деревенской³. Мы можем сказать, что в грубом приближении все городское население должно насчитывать по крайней мере полмиллиона человек или минимум 5% населения данной страны должны быть горожанами. Утверждением, что крестьянская экономика должна иметь города, мы хотим сделать нечто большее, чем установить тот простой факт, что данная экономика не является чисто сельскохозяйственной. Мы устанавливаем довольно отчетливый уровень разделения труда в обществе и отчетливую концентрацию в городах ремесленников и других работников промышленного или интеллектуального труда разных специальностей. Мы также предполагаем, что сельское хозяйство достаточно развито, чтобы прокормить не только крестьян и правящий класс, но также городское население.

Наш пятый и последний критерий — самый важный: это производственная единица. В нашей концепции крестьянской экономики типичными и наиболее представительными производственными единицами являются

семейные крестьянские хозяйства. Мы определяем семейное крестьянское хозяйство как социально-экономическую единицу, которая возделывает культуры прежде всего посредством физического труда членов семьи. Основная деятельность крестьянских хозяйств состоит в обработке своей собственной земли, полос или наделов. Эти хозяйства могут быть вовлечены и в другие виды деятельности, например в ремесла, переработку и даже в мелкую торговлю. Некоторые члены семьи могут работать, возможно из нужды, время от времени вне дома. В хозяйстве могут быть один или два невольника, домашние слуги или наемные рабочие. Но общий вклад этих не являющихся членами крестьянской семьи людей в производство гораздо меньше, чем вклад членов семьи.

В крестьянской экономике не менее половины всего выращенного урожая должно быть произведено такими крестьянскими хозяйствами, которые используют в основном труд членов семьи. Наряду с крестьянскими хозяйствами могут существовать и более крупные производственные единицы: помещичьи домены или ферма при помещичьей усадьбе, обрабатываемые принудительным трудом крестьян, гасиенда или поместье, где крестьяне могут быть заняты часть года, капиталистическая ферма, на которой большой объем работ выполняется наемными свободными работниками. Но если какая-нибудь из этих специфических экономических единиц доминирует в деревне и на нее приходится большая часть урожая, тогда мы имеем дело не с крестьянской экономикой. Кроме того, мы специально исключаем все виды экономики, в которых наиболее представительным сельскохозяйственным предприятием является рабовладельческое поместье римского типа или невольничьи плантации Нового времени по производству хлопка, сахара.

Мы можем категорически утверждать, что в крестьянской экономике члены крестьянской семьи не являются рабами. Мы не будем уточнять, являются ли крестьяне крепостными, полусвободными или свободными. Едва ли нужно говорить, что существуют обстоятельства, при которых этот вопрос имеет главенствующее значение. Однако для определения крестьянской экономики это различие является необязательным, и нет смысла тратить усилия на доказательство

этого. Мы уже установили, что при крестьянской экономике крестьянство как группа зависима от других и существует для того, чтобы его эксплуатировали другие. Крестьянина вполне можно заставить день или два в неделю работать на барона или помещика. Его также можно обязать осуществлять платежи или делать подношения землевладельцам, функционерам, аристократам или другим вельможным персонам. В то же время с точки зрения производства крестьянские хозяйства представляют определенные — так и хочется сказать «независимые» — организмы. Вследствие двойственности своего положения крестьяне постоянно пересекают линию между свободой и несвободой; можно сказать, что в таких экономиках они одновременно и зависимы, и хозяева.

В определенной стране в определенное время могут существовать одновременно много вариантов и оттенков свободы и несвободы. Обычно бывает трудно установить, какая часть крестьянства закрепощена, а какая нет. С течением времени пропорции могут меняться. В отдельных районах самодетельное население проходит в течение столетий все ступени от свободы до рабства и обратно.

Первой заботой производственной единицы в крестьянской экономике является выращивание продовольственных культур для собственного пропитания. Но это не может быть единственной ее заботой. По определению, эти производственные единицы существуют в государстве и связаны с городами. Следовательно, хотя бы они того или нет, они должны поддерживать государство, города, местную знать. В результате так или иначе они должны передавать, отдавать или продавать другим часть своего продовольствия. И хотя условия обмена таковы, что крестьяне, как правило, дают больше, чем получают, но в обмен они могут получить железо, соль, специи, возможно, модный наряд к свадьбе.

Мы должны быть осмотрительны, дабы не попасть на удочку ложного представления о наличии некоего «чистого» типа крестьянского хозяйства, потребляющего практически все, что оно производит, и ничего более, и отличного от него «нечистого» типа, производящего как для рынка, так и для своих потребительских нужд. В историческом плане более общим и характер-

ным является второй тип. По существу, хозяйственные единицы в крестьянских экономиках подчеркивают свою двойную ориентированность выращиванием двух разновидностей культур. Первая — это зерновые, необходимые для их собственного пропитания и для пропитания общества в целом, вторая — скорее всего, непродовольственные культуры (возможно, также фрукты, масличные, волокно), произведенные специально для меновой торговли, продажи или обмена. Повсеместно для крестьян выращивать два вида культур так же привычно, как и ходить на двух ногах.

Мы непременно собьемся с курса, если попытаемся рассматривать крестьянские хозяйства как ориентированные исключительно на «потребление» и будем подозревать наличие капитализма везде, где крестьяне демонстрируют «рыночную» ориентацию. Разумнее принять как данность, как исходный момент, что крестьянские хозяйства веками имели двойную ориентацию. В этом случае можно было бы избежать многих бесплодных дискуссий о природе так называемых потребительских хозяйств.

Мы можем утверждать, что в крестьянской экономике не менее половины всего сельскохозяйственного продукта потребляется в самих крестьянских хозяйствах, а не «поставляется на рынок». Мы не включаем, однако, в «поставляемую на рынок» продукцию ту часть продовольствия, которую после сбора урожая крестьянские семьи отдают местным землевладельцам, торговцам или ростовщикам в качестве уплаты долга, а затем те же крестьянские семьи снова выбирают это зерно обычно малыми порциями на неблагоприятных условиях до следующего урожая. Мы считаем, что это продовольствие не проходит через организованный рынок. Оно не проходит через подлинную торговлю и не доходит до потребления тех, кто не производит зерно. Напротив, оно остается в деревне, где и было выращено, и вынуждено вернуться к истоку — к тем, кто его произвел. Фактически производственной единицей является семейное хозяйство и потребительской единицей — та же самая крестьянская семья. Совершенно очевидно, что это иной, чем характерный для капиталистического сельского хозяйства, не прямой процесс, опосредованный рынком. Напротив, в крестьянской экономике движение продовольственного зерна внутри

деревни от произведшей его семьи и обратно — вновь к той же самой семье — связано с давно сложившимися формами экономического господства и эксплуатации. Если подобные отношения являются типичными на деревенском уровне, то мы имеем почти полную гарантию того, что перед нами сельскохозяйственная экономика с крестьянской, а не капиталистической структурой.

Итак, мы определили крестьянские экономики как такие, в которых преобладает сельское хозяйство как в массе продукта, так и численности самодеятельного населения. Необходимым условием мы считаем наличие территориального государства и отделения города от деревни. Мы показали, что типичной производственной единицей должно быть семейное крестьянское хозяйство с двойной ориентацией: на собственное потребление и на более широкий мир вне деревни. Необходимо подчеркнуть, что сам по себе ни один из этих элементов не будет достаточным для определения того, является или нет данная экономика действительно крестьянской. Все эти признаки должны быть собраны воедино и должны быть соотнесены с экономикой всей страны... В качестве образцов я указываю на царскую Россию, Индонезию, Индию, Японию и Китай (за двести лет, начиная с 1750 г.). Мы касаемся крестьянской экономики только в ее «высокой», или «поздней», фазе. Тем не менее мы видели, что условия в некоторых важных отношениях были различными, и, возможно, эти различия стоит перечислить.

1. Самостоятельное или колониальное правление.

2. Только мелкомасштабное земледелие или мелкомасштабное наряду с крупномасштабным, и в этом случае обеспечение этих крупных хозяйств рабочей силой.

3. Владельцами земли являются только отдельные семьи, или индивидуальное семейное землевладение сочетается с землевладением более крупных, чем семья, групп — например, с деревенскими общинными правами на землю.

4. Иерархия среди крестьянства на деревенском уровне; существование и социальная роль класса сельскохозяйственных рабочих.

5. Урбанизация и индустриализация как факторы уменьшения относительной значимости крестьянства

в экономике в целом, ведущие к трансформации крестьянского производства.

Можно сказать, что мы предварительно уже кратко очертили круг стран, отошедших или стремящихся отойти от крестьянской экономики. Конечно, возможно и желательно привести случаи вхождения в крестьянскую экономику. В более широком смысле изучение крестьянских экономик должно охватывать весь процесс их появления, изменений, происходящих с ними, и путей, на которых они превращаются — или не превращаются! — в современные индустриальные экономики.

Возможно, будет интересно сопоставить крестьянскую экономику, как мы ее определили, с хорошо известными Марксовыми способами производства. Наши крестьянские экономики включают общества, подпадающие как под феодальный способ производства Маркса, так и под его «азиатские общества». Кроме того, они охватывают такие периоды истории, которые он характеризовал как отмеченные мелким крестьянским сельским хозяйством и которые он определил как переходные от одного способа производства к другому.

Мы полагаем, что наша более широкая группировка — крестьянская экономика — аналитически оправдана в терминах общих характеристик, уже обговоренных и проиллюстрированных. Можно было бы, конечно, расширить понятие «феодал» (с приставкой «полу-» «прото-» «псевдо-» или без нее), чтобы охватить весь ряд, но вряд ли это привело бы к успеху. Термин «феодализм» возник в Западной Европе и имеет целый ряд специфических оттенков. Нам трудно удержаться, чтобы не вспомнить феодального господина, вассала, феода, феодальный контракт, манор и крепостного. Однако во всей совокупности эти явления имели место всего несколько веков на довольно ограниченном пространстве на краю Западной Европы и в Японии. Напротив, крестьянские экономики (хозяйства) существовали задолго до феодализма, вместе с феодализмом и после него. Продолжают они существовать и в нашем современном мире. Независимо от того, чем наполнено содержание термина «феодализм», он не может покрыть все исторические события, происшедшие на про-

странстве, растянувшимся от Карибского до Китайского моря.

С современных позиций европейский феодализм периода расцвета средневековья может рассматриваться как воплощение специфической формы крестьянской экономики. Попытка же рассмотреть все крестьянские экономики как вариации одной специфической формы — бесперспективна. Настало время оценить европейский опыт в категориях всемирной истории, а не втискивать всемирную историю в западноевропейские категории.

1. Многие авторы использовали термин «крестьянская экономика» для описания функционирования индивидуальных семейных хозяйств. Мы предпочитаем использовать этот термин для всего хозяйственного комплекса, имеющего определенные характеристики.

2. Относительно критерия наличия государства административная структура должна состоять по крайней мере из пяти тысяч должностных лиц, мелких чиновников, мелких служащих.

3. Относительно отделения города от деревни существует большая литература. По XVIII веку смотри «Исследование принципов политической экономии» Джеймса Стюарта (1767). Маркс считал, что вся экономическая история человечества могла бы быть суммирована в развитии противоположности между городом и деревней. Роберт Редфилд — один из авторов, кто в XX столетии серьезно интересовался этой темой, особенно с точки зрения культуры.

12. Стабильность семейного фермерства и действительности современного мира

Классическая концепция развития капитализма на селе утверждает, что сельская классовая структура имеет тенденцию к поляризации: мелкие производители исчезают и развиваются капиталистические отношения производства, основные участники которых — сельская буржуазия и сельский пролетариат. Согласно этой концепции, будущее сельского хозяйства — это большие предприятия, управляемые фермерами-капиталистами, где используются техника, интенсивные методы производства и трудятся безземельные рабочие. Примером такой капитализации сферы сельского хозяйства являются наемные рабочие на фабриках по переработке сельскохозяйственной продукции.

По прошествии ста лет история опровергла эту концепцию. В Европе значение больших сельскохозяйственных предприятий снизилось. Сегодня типичной производственной единицей на селе является семейная ферма. Численность сельского пролетариата сократилась не только абсолютно, но и по сравнению с общим числом занятых в сельхозпроизводстве. В шести странах — первых членах ЕЭС в 1966—1967 гг., например, «не семейной», то есть наемной, были 14% сельской рабочей силы. В США доля наемного труда в общем числе занятых в сельском хозяйстве колеблется около 25% начиная с 1910 г. без заметной тенденции к увеличению.

Цифры эти показывают, что современный сельский пролетариат занят сельским трудом не на постоянной основе — это обычно студенты или домохозяйки, которых привлекают на определенный период, например во время уборки овощей и фруктов. Рабочие, постоянно занятые в сельском хозяйстве, составляют на удивление небольшую группу; например, в 1972 г. в США их было 670 000 человек.

Таким образом, мелкие производители на селе не

только сохранились, но и стали типичными для западного сельского хозяйства. Одновременно сельское хозяйство претерпело революцию в производительных силах, которую символизирует механизация, растущая на протяжении последних 30 лет. Рост в производительности на селе опередил даже промышленность, как видно из таблицы.

Рост выработки на 1 работающего в сельском хозяйстве и других сферах экономики

Страна	Сельское хоз. (% роста)	Другие сферы экономики (% роста)	Страна	Сельское хоз. (% роста)	Другие сферы экономики (% роста)
Австрия	5,0	3,0	Нидерланды	5,6	3,3
Бельгия	5,2	3,0	Норвегия	1,7	3,4
Дания	3,9	2,7	Швеция	4,7	3,0
Финляндия	4,4	2,9	Великобритания	5,4	2,1
Франция	4,0	2,9	Италия	5,8	4,9
ФРГ	6,0	3,7	Португалия	2,9	4,7
Исландия	3,8	2,4	Испания	4,8	4,2

Сегодня существует много признаков того, что фермерский труд эксплуатируется. В то время как его производительность растет быстрее, чем в других сферах экономики, качество жизни сельских производителей повышается медленнее, поскольку, по словам Маркса, они производят относительную прибавочную стоимость. Одним из показателей этого являются условия обмена между сельским хозяйством и промышленностью, которые складываются не в пользу первого. К сожалению, я располагаю по этому вопросу данными только для 3 стран: в США между 1946—1970 годами цены на продукцию, закупаемую фермерами, росли гораздо быстрее, чем цены на сельскохозяйственную продукцию, то же можно сказать о Франции 1946—1962 гг.; в Дании в 1963—1974 гг. индекс потребительских цен рос быстрее, чем индекс цен на сельскохозяйственную продукцию.

Некоторые выводы после перечитывания классиков

Почему капитализм не развился на селе в согласии с классической концепцией?

1. Механизм ценообразования на зерно был подорван.

2. Воцарилась международная конкуренция.

3. Доминирующее влияние на государство и его торговую политику стала оказывать промышленная буржуазия (в альянсе с рабочим классом?).

4. В результате этого влияния были уничтожены рентные отношения и крупное помещичье землевладение и сдерживалось воспроизводство капиталистических фермеров, но создавались благоприятные условия для воспроизводства и усиления позиций средних фермеров.

5. Пролетаризация затронула только бедных крестьян; этот пролетариат, однако, мигрировал в город и в промышленность.

6. Капитал обходил село, но вместо этого вливался в агропромышленный сектор...

7. ...в котором развивался капитализм путем перемещения процесса производства с фермы в агропромышленный сектор.

8. Развитие монополистического капитализма с последующим переплетением банковского и промышленного капитала подготовило путь для образования основного капитала на селе...

9. ... с помощью закладных кредитов.

10. Иногда этот процесс принимал характер сотрудничества, но мало менялся по сути.

11. Фермеры превратились в производителей относительной прибавочной стоимости...

12. ...и в собственников своих средств производства только в формальном, юридическом смысле.

Приведенные двенадцать утверждений служат отправными точками для формулирования ряда гипотез, не соответствующих классическому наследию. Они нуждаются в проверке путем тщательного изучения истории сельского хозяйства и агроиндустрии на Западе и в США.

Поскольку для меня это отход от изучения сельского хозяйства в так называемых «развивающихся стра-

нах», я хочу вернуться к своему предмету. Каковы условия развития села в соответствии с классическими представлениями? Из вышесказанного следует, что капиталистическое сельское хозяйство требует дохода, который может быть получен из 3 источников:

а) *более плодородной земли* (именно поэтому на Западе фермеров-капиталистов можно найти на наиболее плодородных землях, часто в старых феодальных владениях, преобразованных в капиталистические фермы);

б) *защищенного рынка*, где цены поддерживаются на уровне, превышающем себестоимость (во многих развивающихся странах существуют защищенные рынки зерна; можно даже проследить корреляцию между уровнем защищенности рынка и доминированием крупных землевладельцев в этих странах);

Случай (б) означает, что капиталистические фермеры часто не в состоянии конкурировать на открытом рынке. Поскольку страны с различными аграрными структурами конкурируют между собой на международном рынке, капиталистическое хозяйство может выдержать эту конкуренцию только при особых условиях, наиболее важным из которых является

в) *заниженная стоимость рабочей силы*, в основе которой лежит либо большой резерв рабочих рук, либо многочисленное бедное крестьянство.

Поскольку (б) и (в) характеризуют развивающиеся страны, можно заключить, что в таких странах развитие в соответствии с классической концепцией не исключается. В последние годы произошел заметный сдвиг сельского хозяйства с центра на периферию. Отметим, что капиталистическим фермерам для доминирования над средним крестьянством необходима экономия на масштабах производства, которая не всегда гарантирована.

Другая сложность, которую надо иметь в виду, заключается в том, что и цены на зерно на внутреннем рынке (б) и в значительной степени структура земельной собственности (в) подвержены воздействию политики. Возможность воспроизводства этих условий капиталистического развития зависит, таким образом, и от политического влияния аграрной буржуазии и их взаимодействия с другими классами. Здесь важное значение приобретает соотношение между прибылью и рентой: во многих случаях рента возрастает за счет

уменьшения прибыли, более того, можно утверждать, что в терминах производительности аграрный капитализм не так быстро прогрессирует, как это принято думать. Поэтому сельская буржуазия и землевладельцы не обязательно сумеют остаться в союзе с другими правящими классами — национальной и международной буржуазией. Они могут быть выброшены из правящего альянса, как это произошло на Западе. Признаком этого некоторые специалисты считают возродившийся в последнее время интерес Международного банка к небольшим фермерским хозяйствам.

Конечно, эти рассуждения носят предположительный характер, но одно заключение представляется достаточно обоснованным: тот, кто пытается применить в неизменном виде классические концепции к современному сельскому хозяйству, обречен на пустые и догматические занятия.

II

КРЕСТЬЯНСТВО
И ФЕРМЕРСТВО
КАК КАТЕГОРИИ
СОВРЕМЕННОЙ ЭКОНОМИКИ

13. Сельское хозяйство как использование и преобразование природы

Основная цель сельского хозяйства может быть определена следующим образом: обеспечение человечества продуктами питания и сырыми материалами животного и растительного происхождения. Очевидно, что некоторые из этих потребностей могут удовлетворяться и другими путями. Так, наиболее ранний способ самообеспечения представлял собой просто собирательство продуктов дикой природы. И сегодня рыболовство остается неопределимым источником ресурсов и вкупе с охотой все еще является опорой некоторых примитивных хозяйств. Еще в 1936 г. одна старая крестьянка в Муроле, в Оверне, собирала дикие лесные орехи, очищала их от скорлупы и после 2 месяцев труда получала 3 или 4 литра «дикого» масла. Ее единственной уступкой прогрессу было использование старого механического пресса.

Вряд ли найдется человек, который никогда не собирал дикие ягоды, не рвал одуванчики в полях весной и не собирал грибы в лесу осенью. Очень часто, сами того не осознавая, подобно месье Журдену, мы следовали примеру той самой старой крестьянки.

Различие между чистым собирательством и сельским хозяйством заключается в том, что последнее стремится к изменению природной среды в целях обеспечения наиболее благоприятных условий для различных полезных видов растений и животных, чья полезность в будущем возрастает в ходе сознательного процесса селекции. Сельское хозяйство стремится смягчить воздействие климатических условий; с помощью орошения фермер борется с засухами; он содержит животных в специальных помещениях, защищает свои огороды от холода и ветра в теплицах, под стеклом. Более всего сельское хозяйство изменяет почву. В отличие от климата, почву нельзя рассматривать как дар природы того или иного региона. Единственным исключением являются невозделанные земли, на которых сохра-

нился прежний травяной или лесной растительный покров и которые служат основой для классификации почв. Наши почвы в большой мере искусственны. Во многих случаях они уже тысячи лет обрабатывались плугом и бороной, обогащались недостающими элементами — навозом и другими видами удобрений, органическими и минеральными.

Сельскохозяйственная наука — консультант фермера. Сфера ее деятельности охватывает все стороны органической жизни, используемой человеком. Она повышает продуктивность полезных видов методами селекции, которые ранее были чисто эмпирическими, а ныне все более опираются на достижения генетики. Она изменяет жизненные условия, и в особенности способы кормления животных. Таким образом, стадия развития сельского хозяйства может быть определена с помощью оценки степени измененности природной среды и тех методов, которые для этого применялись.

В регионах, развивающихся на экстенсивной основе, исконные условия изменяются незначительно. Например, в случае пастбищного хозяйства, когда фураж и концентрированный корм для травоядных животных являются естественными продуктами лугопастбищных угодий, не происходит никаких изменений. Очень малы они также и на землях Западной Европы, постоянно находящихся под травами, к которым часто и не без причин применяют термин «естественные» (некультивированные). Действительно, нередко еще и в Нормандии рациональные методы управления, внесения удобрений в почву и другие, к сожалению, в общем отсутствуют. До тех пор, пока над почвой не работают, земли, находящиеся постоянно под травами, остаются, в сущности, некультивированными лугопастбищными угодьями. И в строгом смысле слова, такое хозяйство не является сельским хозяйством, символы которого — плуг и вспаханное поле.

Рассмотрим далее различия между двумя основными способами повышения уровня продуктивности сельского хозяйства. Главная цель интенсификации — это высокие урожаи, даже если это требует больших затрат труда по поддержанию плодородия почв (использование элитных семян, удобрений и т. п., посредством чего изменяются биологические процессы). Этот метод должен быть срочно применен в перенаселенных районах,

где приоритетом является повышение продуктивности дефицитного ресурса — земли. Почва обрабатывается постоянно и с таким вниманием, что часто применяются даже грабли и лопата; земля обильно удобряется, тщательно экономятся водные ресурсы. Общим итогом является чрезвычайно измененный ландшафт. Хорошим примером интенсивной системы такого типа, с высокими урожаями на единицу площади, можно считать тепличный огород, где созданы искусственные климатические условия и почва изменена путем обильного добавления минеральных веществ. Такая же практика, но в меньшей степени, распространена на испанских хуэртас (huertas), правда, климат там значительно более благоприятен.

С другой стороны, механизация нацелена на сокращение затрат труда и повышение его производительности. В любой операции, включая возделывание полей и сбор урожая, энергия человека, насколько это возможно, заменяется работой животных и силой машин. Ручные орудия труда заменяются машинами. Комбайн выполняет всю работу, которая ранее выполнялась с помощью косы и серпа, цепа и корзины-веялки. Этот тип механизации более всего необходим для малозаселенных регионов, таких, как «новые страны». Так как в отличие от общей ситуации в других регионах здесь нередко страдают от недостатка рабочих рук на земле, а характерной чертой машины и является как раз повышение производительности труда фермеров.

Что бы это ни было — ферма, поместье или коллективное хозяйство, — это отдельное предприятие, которое своим трудом на земле — настоящим и прошлым — использует силы природы на благо человека. В основном сельское хозяйство — все еще сфера деятельности семейных предприятий, и, таким образом, им занимается большое количество рассредоточенных производственных единиц. Некоторые из них очень малы, а некоторые — совсем крошечные. Таким образом, внедрение машин в сельском хозяйстве значительно труднее и дороже, чем в промышленности, где наблюдается тенденция к усилению концентрации производства. А непостоянное использование машинной техники на селе еще более углубляет этот разрыв.

В некоторых развитых типах хозяйств, как в капиталистических так и в коллективистских, размеры сель-

скохозяйственных предприятий увеличиваются, хотя темпы этого процесса неравномерно распределены по регионам. Это важная тенденция. Обычно этот процесс сопровождается внедрением существенного количества машин и оборудования, и сельское хозяйство, таким образом, в некоторых отношениях выравнивается с промышленностью.

Изучая конкретные типы фермерства, мы должны определить, что понимается под средним размером рассматриваемых предприятий. Например, в капиталистическом мире семейное предприятие — это норма; и оно дает вполне достаточное подтверждение своей жизнеспособности, когда не существует дефицита пространства или капитала, например, как в США.

Фермы действуют в рамках законодательной системы, которая регулирует присвоение и распоряжение различными факторами производства, включая землю. Законодательство также определяет отношения фермера с кредитором, банкиром или финансистом и, в случае если он сам не является собственником земли, с землевладельцем. Закон может либо способствовать, либо препятствовать модернизации сельского хозяйства, но он чрезвычайно медленно адаптируется к техническому развитию, и в результате от него редко можно ожидать существенной помощи. Мы должны указать ряд законодательных условий, которые благоприятствуют прогрессивному фермерству. Работа каждой отдельной фермы обуславливается ее экономическим и социальным окружением. Удобрения, трактора и машины — продукты высокоорганизованных отраслей промышленности, характеризующихся эффективным использованием рабочей силы и применением методов массового производства и определяющих все ресурсы современной технологии. Поэтому, помимо природных условий региона, наиболее важным критерием любой оценки его сельскохозяйственного будущего является степень его индустриализации. Помимо того что промышленность производит оборудование для продажи фермерам, она также ведет к слому барьеров самодостаточности и ускоряет переход к торговому хозяйству. Это создает рынок для продукции фермеров в лице рабочей силы, которая, за исключением периодов депрессии, наделена высокой покупательной способностью.

Уже накопив крупные капиталы, промышленный ре-

гион может легче продолжить наращивать свое богатство. Более того, вообще прибыли быстрее накапливаются в промышленности и торговле, чем в сельском хозяйстве, где получение прибыли носит сезонный характер. Таким образом, если методы прошлых лет более всего требовали тяжелой ручной работы, то сегодня фермеру необходимы современные орудия труда, но ему почти неизбежно недостает средств на их приобретение. И это одно из наиболее труднопреодолимых препятствий, которое преграждает путь к быстрому прогрессу. Очень редко на земле не хватает рабочих рук, но очень часто нет ни капитала, ни машин.

Плотность населения — другой важный элемент нашего анализа. В тех случаях, когда плотность населения высока, закон снижающейся прибыльности препятствует необходимой интенсификации производства, если постоянно не развиваются и не применяются усовершенствованные технологии. Но это редко случается в слаборазвитых странах, где масштабы развития научных исследований и образования чрезвычайно ограничены. В таких регионах, как Испания и Дальний Восток, где индустриализация находится в начальной стадии развития, существует проблема полезного применения излишних рабочих рук сельских районов, где низкая производительность труда — обычное явление.

Где плотность населения очень низка, проблема быстрого развития заключена в необходимости как можно быстрее найти огромное количество машин и оборудования. Но это не всегда практично. Всегда существует риск, что материальная база будет неправильно и неэффективно использоваться, что может, например, очень легко произойти в сфере транспортного обслуживания.

Важную роль, безусловно, играет система образования. В этой связи особенно важен уровень подготовки специалистов, так как успешное ведение интенсивного сельского хозяйства требует очень высокого уровня компетентности. В то время как на крупном предприятии необходимо заполнить лишь небольшое число ключевых постов, доля высококвалифицированных работников должна быть значительно выше, когда каждый фермер сам управляет своим собственным маленьким семейным предприятием.

Когда все эти факторы будут один за другим рас-

смотрены, выявится четкая картина того, в каких условиях работает фермер. И теперь целесообразно изучить характерные черты методов фермерского производства. Конечно, в таком общем обзоре мы не можем вдаваться в детали этих методов. Однако мы попробуем классифицировать различные системы в соответствии со степенью их интенсивности, особо уделив внимание методам долговременной мелиорации, таким, как схемы осушения и орошения, частота обработки почвы и, более всего, методы внесения удобрений.

В отдельных случаях не предпринимается никаких попыток по удобрению почв. Примеры такого пренебрежения удобрениями можно найти во многих примитивных обществах, а иногда даже и в обществах, которые считаются в общем «цивилизованными», хотя в подобных случаях вряд ли применимо такое определение. Следующая стадия — эпизодическое применение удобрений; об их ценности пока почти не думают. Обычно внесение удобрений — лишь удобный путь использования отходов. На завершающей стадии обогащение почвы, в той или иной форме, осуществляется осознанно и именно в целях улучшения почв. Пока транспортные средства остаются труднодоступными и дорогими, обогащение почв производится лишь в близлежащих окрестностях. Обычно первым удобрением становятся остатки золы из очага, и только позднее оцениваются по достоинству нечистоты, помет и перегной, которыми ферма легко сама себя снабжает. Наиболее высокая стадия достигается, когда удобрения привозятся на ферму извне, а особенно тогда, когда начинают применяться химические удобрения, являющиеся продуктом промышленного производства.

Степень механизации в хозяйстве определяется соотношением применения ручного труда, животных и машин. Малая доля ручного труда, безусловно, говорит о высокой стадии развития. В примитивных хозяйствах человек — это вьючное животное, но позднее он становится оператором производства, управляя трактором с набором вспомогательных машин. Более того, эффективность последнего в осуществлении его высокоспециализированных функций неуклонно повышается. В то же время потребность в оборудовании возрастает и все новые усовершенствования вносятся в прошлый характер труда.

Чем более человек преобразует естественную среду, тем больше его свобода в выборе культивируемых растений. Увеличив объемы и обеспечив надежность урожая кормовых культур, он может увеличить и число своих домашних животных. Таким образом, технически он может выбрать определенное сочетание видов деятельности, которыми он хотел бы заниматься, из множества возможных. Другими словами, он выбирает тип земледелия или животноводства. Описание этих типов и различных степеней их развития является неотъемлемой частью исследования различных форм сельской экономики, с которыми они связаны.

В самообеспечивающихся хозяйствах, когда ничего не привносится извне, существует гораздо большее количество производств, чем в примитивном типе хозяйств, где широкий спектр потребностей обеспечивается в большей степени собирательством, чем сельским хозяйством. Также самообеспечивающееся хозяйство более разнообразно, чем современное коммерческое сельское хозяйство, которое развилось благодаря усовершенствованию систем связи и методов распределения — в то же время, эффективность последнего вызывает сомнения.

Коммерческое сельское хозяйство свободно в выборе специализации, наиболее подходящей для общих условий. Когда же выбраны определенные культуры, они нередко выращиваются на одной и той же земле год за годом. Устанавливается система севооборота для обеспечения подготовки и обогащения почвы наиболее удобным и экономичным путем. Например, сахарная свекла, пшеница и ячмень последовательно представляют основную форму севооборота, применявшуюся в Северной Франции в конце XIX и начале XX в. Использование земли, с другой стороны, характеризуется соотношением земельных площадей, отведенных под ту или иную культуру; например, в 1953—1954 гг. — 25 акров под сахарную свеклу, 25 — под пшеницу, 25 — под ячмень.

Тип земледелия, система севооборота и использование земли являются соответствующими критериями для классификации современных сельских хозяйств. В случае их сбалансированности они способствуют сохранению почв и избегают крайностей сезонного характера спроса на рабочую силу. Одно время, правда,

одна и та же земля не засеивалась постоянно, и даже сейчас в отсталых районах периоды культивации прерываются длительными периодами оставления земли под паром. Таким образом, культивация земли может быть постоянной или периодической. Первое характерно для наиболее развитых земледельческих форм, за исключением полузасушливых районов.

В Африке и Азии пастухи-кочевники занимаются разведением животных, они не занимаются земледелием. Они используют лишь естественные пастбища и сезонно мигрируют в зависимости от климатического режима, определяющего рост растений в определенное время года. Такие хозяйства приобретают более интенсивный характер с увеличением их потребности в производстве кормов; тогда их животные обеспечивают тягловую силу для обработки почвы и навоз для ее удобрения.

Такая система более производительна. Определенные виды сезонных кормов могут быть запасены и использованы по мере необходимости: например, сено, вязанки хвороста и другие виды кормов, собранные в лесу, в степи, в зарослях кустарника или в болотных низинах. Далее, определенные поля могут быть отданы под выпас скота и превращены в земли, постоянно находящиеся под травами. Это, однако, может быть шагом назад, так как часто связано с падением продуктивности.

Введение севооборота трав, корнеплодов, кормовой капусты и других кормовых культур всегда является значительным достижением. Хотя и здесь, как и при непосредственном производстве продуктов питания, интенсивность системы будет зависеть от возделывания и обогащения земли. Позднее к кормовым культурам могут прибавиться закупаемые корма — обычно это побочные продукты промышленности, часто богатые белком, — такие, как жмых, отруби. В конце концов начинается применение различных веществ, таких, как минеральные соли и витамины, пропагандируемые современной наукой. Когда достигается эта стадия, становится возможным селекционное разведение животных, так как фермер способен обеспечить им соответствующий уход и внимание, несмотря на то что племенные животные более прихотливы. Методы селекционного разведения животных и широкомасштабного выращивания кормовых культур начали применяться в XVIII в., сначала в Англии, а позже и во всей Запад-

ной Европе. За исключением высокоспециализированных форм — таких, как свиноводство и птицеводство, которые в основном используют закупаемые корма, — животноводство обычно является неотъемлемой частью современного типа фермерской системы. Поголовье животных, конечно, определяет объемы выращивания кормовых культур и размеры резервов, необходимых для того, чтобы пережить сезон ограниченного роста кормов. За исключением экваториальной зоны, современная система интенсивного фермерства должна обеспечить высокую плотность животных для удовлетворения растущего спроса на мясо и производство молока со стороны более развитых и высокоиндустриализованных стран. Степень того, насколько сельскохозяйственная система отвечает этим потребностям, позволит нам оценить уровень ее развития.

Различные пути ведения сельского хозяйства и соотношение факторов, задействованных в производстве, ведут к различным уровням продуктивности. Эффективность определенного типа хозяйства не может быть точно измерена, но оценки могут быть даны в показателях урожайности на единицу площади и урожайности на рабочий день (производительность труда). Число рабочих дней, необходимое для производства определенного количества какой-либо культуры, может быть использовано как основа для сравнения различных видов сельских хозяйств, и наиболее представительной единицей является центнер зерна. Но лишь большие различия в показателях, полученных таким образом, имеют значение.

В современной экономике сельское хозяйство может прокормить большое количество людей, используя относительно небольшую рабочую силу. Это характерно для развитых стран, обратное же верно для примитивных хозяйств. Кроме таких стран, как Англия, которая ввозит значительное количество продуктов питания, эффективность национального сельского хозяйства обратно пропорциональна численности рабочего населения, занятого на земле. Это, однако, верно лишь в случае бережного отношения к почве. Другая характеристика современного хозяйства, и особенно специализированного фермерства, — это поступление основной части продукции на рынок. В примитивных хозяйствах же, напротив, почти все потребляется самим производителем.

14. Семейное сельское хозяйство как профессия

Когда о человеке можно сказать, что профессией его является фермерство? Все понятно, когда речь идет об агрономе, зоотехнике, рабочем совхоза, животноводстве, производственном рабочем или инженере на пищевом комбинате. Но люди, занятые в крупном сельскохозяйственном производстве, представляют столь большое и неоднородное сообщество, что термин «сельский специалист» представляется для них малоприменимым. Говоря о сельскохозяйственной индустрии, удобнее ее рассматривать как сферу профессиональной занятости. Порой трудно разграничить профессию, труд или род занятий, специальность и работу, и это относится ко всем сферам деятельности, но к сельскому хозяйству, возможно, в большей степени.

В случае с сельским хозяйством появляется ряд особых трудностей. Среди занятых в этой сфере есть категория людей, по отношению к которым определение «сельскохозяйственный специалист» не может быть однозначно применимо, не только потому, что является слишком общим. Это определение применимо к сотрудникам сельскохозяйственных институтов и предприятий. Но эта категория людей включает в себя также семьи, содержащие личные крестьянские фермы. Конечно же, и в этом случае можно различать овощеводов, свиноводов, пчеловодов, табакочодов и так далее. Однако большинство крестьянских семей вовлечены в столь специфичное производство, что общее название «сельскохозяйственный специалист» может ввести только путаницу, и поэтому оно все же больше применимо к работникам сельскохозяйственных предприятий.

Если семью, работающую на собственной ферме, отнести к профессиональной категории фермеров, то возникает ряд сомнений, и не только из-за общего характера определения «фермер». Дело в том, что в данном случае речь идет не об отдельном человеке, а о се-

мье. Если определение «профессия» использовать по отношению к семье, управляющей собственной фермой, то тогда эту профессию необходимо выделить как особую, принципиально отличающуюся от всех других по основному признаку, но тогда появляются сложности со всеми другими составляющими термина «профессия».

Определение термина «профессия»

Слово «профессия» обычно используется для обозначения совокупности видов деятельности, которые: постоянно исполняются и отличаются от всех прочих видов деятельности;

служат другим людям (обществу) и оплачиваются со стороны других людей (общества);

создают постоянный источник существования;

требуют специальной подготовки и представляют собой работу, которая постоянно выполняется для других в обмен на средства существования.

Ни одна из этих характеристик (являющихся взаимосвязанными) не достаточна для того, чтобы определить основанную на ней деятельность как профессию. Существует множество видов деятельности, которые, как отмечает Ян Щепаньский, на практике никто профессией не называет (например, приготовление домохозяйкой пищи для своей семьи), хотя при определенных обстоятельствах подобную деятельность можно рассматривать как профессию (например, приготовление пищи в ресторане). Далее, можно указать на множество людей с устойчивым источником существования, не обладающих определенной профессией (например, люди, находящиеся на содержании своей семьи или имеющие счет в банке). Или можно рассмотреть деятельность, требующую определенной профессиональной подготовки, которая профессией не является, — например, вождение автомобиля, до тех пор пока это не делается за деньги (вождение такси). С другой стороны, множество занятий, например уборка улиц, не требуют специальной подготовки. Множество людей занимаются какой-либо деятельностью, не стремясь при этом к выгоде, и поэтому требование того, чтобы работа исполнялась для других за плату, также не является отличительным признаком профессии. Следовательно,

эти признаки создают основу для распознавания профессии только в совокупности. Профессию тогда можно определить как совокупность деятельностей, постоянно исполняемую для других людей в обмен на средства существования; или еще короче — комплекс постоянно осуществляемой деятельности, заключающейся в обмене индивидуального труда на общественный. Именно так понимается термин «профессия» в данной статье.

В скобках отметим, что термин этот часто используется для обозначения множества людей, объединенных общей деятельностью. Можно говорить о профессии врача, например имея в виду всех медиков. Для таких целей мы будем использовать термин «профессиональная категория», имея в виду людей, объединенных общей профессией.

Согласно данному выше определению, многие виды деятельности, встречающиеся в переписях, не могут рассматриваться как профессиональные категории. Например, трудно согласиться, что собственники (зданий, земли или капитала) составляют профессиональную категорию, если их деятельность ограничивается извлечением прибыли и не включает в себя управление предприятием. Одновременно большинство политических деятелей сегодня могут быть причислены к профессиональной категории политиков, поскольку эта деятельность составляет источник их существования. Как мы уже видели в случае водителя и домохозяйки, определенная деятельность при особых обстоятельствах может рассматриваться как профессия и люди, ее исполняющие, могут быть отнесены к профессиональной категории, а иногда этого сделать нельзя. Здесь важно, становится ли определенная деятельность профессией и при каких обстоятельствах. Для некоторых видов деятельности можно сказать, что они подвержены социальному процессу профессионализации. Обозначенные выше характеристики профессии могут служить не только критерием рассмотрения определенного комплекса деятельности как профессии, но и в качестве определяющих процесса профессионализации в определенной сфере деятельности. Используя эти характеристики в качестве таких критериев, можно принять, что процесс профессионализации какой-либо работы проходит тем успешнее, чем

— более явно рассматриваемая совокупность деятельностей отличается от других — в противоположность деятельности, связанной с семейным хозяйством;

— более взаимосвязана система социального разделения труда — в отличие от творческого (или семейного) труда на себя;

— больше она служит постоянным источником существования — в отличие от случайных занятий;

— более очевидна необходимость квалификации для выполнения этой деятельности, и более специализированы институты, посредством которых можно получить соответствующую квалификацию — в отличие от работы, которую может делать каждый.

Вследствие тенденции к исчезновению функции семейного хозяйства в современную эпоху можно сказать, что работа домохозяйки подвержена профессионализации, измеряемой перечисленными выше критериями, что и проявляется в ряде стран. То же в еще большей степени относится и к политикам.

Процесс этот особенно очевиден в связи с социальными изменениями в характере труда семей, работающих на личных фермах.

Особенности профессии фермеров

Применительно к труду семьи на личной ферме термин «профессия» приобретает социальные характеристики, не характерные для других видов деятельности. Ниже перечисляются наиболее важные особенности этой профессии.

1. Работа выполняется семьей. Более того, наиболее распространенной формой организации труда является та, которая предусматривает участие всей семьи. В противном случае работа либо не выполняется в полной мере, либо наталкивается на определенные трудности. В отличие от надомного производства, которое часто выполняется семьей, но где семья может быть замещена любой другой группой, на личной ферме порядок и система деятельности гармонично связаны с семьей как производственной ячейкой, в соответствии с физическими возможностями и иерархией членов семьи.

2. Место фермера (семьи) в профессиональной категории определяется его (ее) классовым положением.

Профессиональный успех фермера связан со степенью его обладания средствами производства. Это характерно не только для профессии фермера, классовая позиция обычно тесно коррелирует (а иногда очень тесно, как, например, в ремеслах) с профессиональной позицией. Директор капиталистической фабрики обычно является ее совладельцем, а конторский служащий, как правило, живет на зарплату. Но для фермера роли собственника и производителя неотделимы, и в этом случае имеет место совпадение профессиональной и классовой позиций. Чем богаче фермер, тем в большей мере он является организатором и управляющим на своей ферме, в то время как мелкий фермер трудится прежде всего как исполнитель, и не только на себя, но и на соседей.

3. Труд фермера в большей степени автономен. Он производит продукты, удовлетворяющие его собственным основным нуждам. Любая другая профессия может существовать лишь во взаимосвязи с остальными профессиями. В противном случае индивидуальный производитель не сможет работать и существовать. Конечно, современный фермер также не сможет существовать без труда людей других профессий. Но не так давно крестьянская семья производила все необходимое для своего существования. Таким образом, взаимоотношения между профессией фермера и другими видами деятельности не являются эквивалентными. Общество не может обойтись без фермера, в то время как фермер сможет выжить без общества, хотя жизнь его и станет более сложной, если он утратит связь с системой социального разделения труда.

4. Различные виды деятельности, составляющие труд фермера, не только сильно отличаются друг от друга, но и лежат в основе разных специальностей. Это происходит не только потому, что фермер должен многое уметь. Существует множество других профессий, где знания из других областей полезны или даже необходимы. Например, определенные знания в области строительства не помешают директору большого предприятия, так как помогут ему лучше сориентироваться в строительных инвестициях предприятия, однако директору нет необходимости овладевать специальностями каменщика или плотника. Но фермеру часто приходится выполнять работу, относящуюся

к другим профессиям. Прежде всего, он должен заботиться о ферме (уход за скотом, сбор урожая, организация производства и т. п.), далее, выполнять другие работы, связанные с сельским хозяйством (переработка продуктов) или не связанные с ним (починка орудий и инструментов, транспортных средств, небольшая строительная деятельность). Он не имеет необходимой профессиональной подготовки для всех выполняемых им работ, но наиболее важная вещь заключается в том, что он их выполняет и ведет себя при этом как непрофессионал, чинящий у себя дома электропроводку. И именно весь этот набор разнообразных задач и характеризует профессию фермера.

Таким образом, рассмотрение характерных особенностей фермерской профессии приводит к следующим выводам. Работа семьи на собственной ферме может быть определена как профессия, только исходя из соображений, что это производительный труд, создающий средства существования и занимающий определенное место в современной организации производства, основанного на социальном разделении труда. По сути, однако, этот труд не содержит характеристик профессии, а представляет собой вид деятельности, унаследованный от различных способов социальной организации производства, не основанных на разделении труда. Разнообразие видов деятельности, составляющих труд фермера, однако, уже существенно ограничено, и процесс ограничения будет развиваться дальше с развитием социальной дифференциации труда вне фермы. Это происходит вследствие адаптации фермерства к профессиональной модели организации производства в обществе.

Процесс профессионализации фермерского труда

Процесс профессионализации фермерского труда может быть проанализирован со многих позиций. Этот процесс проявляется многообразно из-за особенностей индивидуальной фермы: изменения в семье и ферме, в фермерских способах труда, областях деятельности, составляющих этот труд, фермерского способа мышления о ферме и его установок по отношению к работе. Процесс этот может быть также рассмотрен исходя из общих социальных преобразований, выражающихся

в изменениях классово-профессиональной и социально-профессиональной структур.

Формулировка «классово-профессиональная структура» используется потому, что при условиях частной собственности на средства производства существует очевидная взаимосвязь между классовым положением и профессиональной структурой. В случае фермера мы уже указали на совпадение классового и профессионального положения. Фермер (семья, работающая на ферме) чаще всего одновременно является и собственником земли, и предпринимателем, и производителем, и продавцом своей продукции. Если «собственник» относится исключительно к классовой, а «производитель» к позиции в структуре занятий, которая в свою очередь связана с классовым статусом, то позиции предпринимателя и продавца могут быть как классовыми (будучи связаны с собственностью на средства производства), так и профессиональными (управляющий производством или торговлей, рабочий в магазине, грузчик, продавец и т. п.). При капитализме правильнее говорить о концентрации собственности на землю первоначально в форме долговых закладных у их держателей. Одновременно происходит концентрация и централизация других средств производства в результате накопления задолженностей и деятельности предприятий, сдающих в аренду оборудование для ферм или оказывающих услуги фермерам (например, фирмы, выполняющие ряд работ на фермах с использованием своих людей и техники). Происходит также концентрация производства и продажи сельскохозяйственной продукции особыми корпорациями пищевой промышленности посредством заключения контрактов с частными фермами, полного контроля рынка и так далее. В результате фермер с развитием капитализма принижается до классовой позиции рабочего (не настолько определенной, как позиция индустриального рабочего) и к роли производителя в структуре занятости. Этот процесс классовой поляризации одновременно является процессом профессионализации фермерского труда. Однако появление одновременно и классовых и профессиональных элементов в ситуации с фермерством не повлияет на общую ситуацию до тех пор, пока существует индивидуальная крестьянская ферма. Одним из проявлений процесса классовой поляризации

является то, что классовые и профессиональные элементы проявляются в различных пропорциях на различных фермах. И хотя процесс этот еще не ликвидировал саму крестьянскую ферму, направление его очевидно.

При социализме как при наличии (или допущении возможности существования) индивидуальных хозяйств, так и в случае многосемейных хозяйств (колхозов) процесс профессионализации, заключающийся в разделении функций организаторов производства, производителей и продавцов не связан с классовой поляризацией. Хотя этот процесс сильно продвинулся в некоторых странах, он далек от завершения.

Процесс разделения фермерского труда на задачи организаторов и директоров производства, производителей и распределителей, при капитализме и при социализме связан с появлением больших вертикально или горизонтально интегрированных сельскохозяйственных предприятий. Ясно, что на большом сельскохозяйственном предприятии вопрос состоит не только в разделении функций (прежде всего организационно-управленческих и производственных). Здесь также имеет место разделение деятельности, составляющей фермерский труд, на отдельные специальности — сельскохозяйственный учет, заготовка кормов, сбор урожая, обработка полей и так далее. Это разделение появляется наряду с иерархией статусных или профессиональных должностей: директор предприятия, агро-техник, бригадир, сельскохозяйственный рабочий. То же относится к предприятиям, основанным на вертикальной интеграции, где добавляются также хорошо дифференцированные функции продавца, переработчика и производителя. Но здесь также существует дифференциация организационно-управленческих функций, которые перемещаются с фермы на предприятия. Это сопровождается сужением сферы производственной деятельности крестьянских семей вследствие образования производственно-сервисных структур, например машинных станций.

Появление крупных сельскохозяйственных предприятий связано с приобретением семейными фермами элементов предприятия и отделения семейного хозяйства от производственного предприятия. Таким образом, решающее отличие профессии фермера от других

видов деятельности в том, что она имеет тенденцию к ослаблению. Результатом появления сельскохозяйственных предприятий и роста в крестьянских хозяйствах элементов предприятий является увеличение сельскохозяйственного разделения труда и образования дифференцированной профессиональной структуры в этой сфере натурального хозяйства. С образованием такой структуры термин «фермер» становится все менее и менее адекватным и правильнее становится говорить о множестве профессиональных категорий в сельском хозяйстве. С развитием процесса профессионализации термины «крестьянский класс» или «страт» становятся также все менее пригодными. Но эти вопросы требуют отдельного рассмотрения.

Очевидно, что крестьянская ферма — это не только предприятие, но также семейное хозяйство. На процесс профессионализации фермерского труда влияет не только сужение поля семейной деятельности, но также уменьшение его роли в семейном хозяйстве. С углублением разделения труда в экономике в целом ряд традиционных видов деятельности на семейной ферме (например, пошив одежды) окончательно переходит к промышленным предприятиям. Также сокращаются хозяйственные и воспитательные задачи семейной фермы (т. к. появляются школы, клубы, детские сады, ясли), хотя этот процесс и проходит медленнее, чем в городах. Все это наталкивается на ряд сложностей, связанных с самим фактом существования ферм и устойчивых моделей поведения фермерских семей, обусловленных особенностями функционирования фермы.

Наконец, с процессом профессионализации растет число владельцев маленьких ферм, для которых основной источник дохода связан с деятельностью вне фермы. Здесь процесс профессионализации происходит не только в связи с формированием структуры разделения труда в сельском хозяйстве и развитием системы производственных и непроизводственных социальных услуг для сельских семей; на этот процесс в значительной мере влияют изменения в самом характере сельских поселений, население которых становится более тесно связанным с городами и промышленностью. Рассмотрение семейных моделей производства, составляющих основу личной крестьянской фермы и профессии фермера, требует учета и этой тенденции, т. к. с от-

током фермеров в несельскохозяйственные сферы экономики ферма начинает терять присущие ей черты предприятия и приобретает характер подсобного хозяйства.

При обсуждении процесса профессионализации необходимо отметить, что причины его лежат вне фермы. Основные предпосылки изменений создают рынок и промышленность. Важную роль здесь также играет вмешательство государства. Это вмешательство может проявляться в виде запрета на дробления земли, в создании системы социальной защиты и предоставлении пенсий, в требовании сельскохозяйственного образования для тех, кто работает в этой сфере, в организации сети социальных служб.

На макросоциологическом уровне анализ профессионализации труда фермеров, ее темпов, возникающих при этом проблем предполагает рассмотрение изменений в социально-профессиональной структуре как населения, занятого в сельском хозяйстве, так и в целом населения, проживающего в селе. Но процесс профессионализации может быть обсужден и под другим ракурсом — отношения фермера к своему труду и своему статусу.

Профессиональная деятельность фермера и его отношение к своему труду и ферме

Мы продолжаем использовать слово «фермер» для обозначения семьи, работающей на личной или много-семейной ферме. Как уже отмечено выше, слово это слишком общее, для того чтобы использовать его по отношению к людям, занятым вообще в сельском хозяйстве — на крупных сельскохозяйственных предприятиях, перерабатывающих комбинатах, предприятиях по оказанию услуг крестьянам (и сельскому хозяйству в целом), на сельскохозяйственных станциях и в сельскохозяйственных научных институтах и в институтах, связанных с распространением сельскохозяйственных знаний, а также к сельскохозяйственной администрации. В этих случаях объект социологического исследования будет совпадать с объектом социологии труда, хотя в данном случае появляются определенные изменения, связанные с небольшим числом предприятий, относительно неразвитой системой разделения труда,

совпадением места работы и места жительства и, более того, с самим фактом жизни в деревне, а также отличия, связанные с техническими особенностями сельского производства.

Мы лишь поверхностно затрагиваем здесь трудовые установки сельскохозяйственных работников, занятых вне фермы, поскольку эта проблематика относится к вопросам, выходящим за рамки сельской социологии. Остановимся лишь на одной проблеме, связанной с сельскохозяйственными рабочими. В последние годы в социологической литературе и в журналистике распространилось убеждение в том, что основной причиной оттока молодежи из деревни является сам образ жизни на ферме, а не условия жизни в селе. В целом правильный, этот вывод кажется несколько упрощенным. Сельская молодежь, несомненно, отрицает этот образ жизни, исключая ценности, к которым она стремится (прежде всего профессию) и которые связаны с городом и промышленностью. Однако это явление относится даже в большей степени к большим фермам, где методы хозяйствования не обязательно порождают черты крестьянского образа жизни, по крайней мере их там не больше, чем на семейных крестьянских фермах. Поэтому представляется, что решающую роль здесь играют тяжелые условия труда в сельском хозяйстве. Но на отток молодежи из села влияют и другие факторы, связанные с образом жизни на крестьянских фермах. Несомненна необходимость отдельного изучения ситуации молодежи на личных фермах. Эта ситуация не станет понятной без рассмотрения особых черт крестьянской семьи, так как, когда молодежь покидает ферму, она покидает не только место работы, но и родной дом. Нелюбовь молодежи к работе в сельском хозяйстве должна быть рассмотрена как отдельная проблема, и крестьянский образ жизни не играет, как представляется, важной роли.

Обратимся к первой социологической проблеме, связанной с побуждениями к профессиональной деятельности и факторами, которыми они обусловлены. Определяя факторы, влияющие на уровень привлекательности профессиональной деятельности в определенной сфере, экономисты обычно склонны в качестве решающего фактора рассматривать величину дохода. Это, без сомнения, является упрощением проблемы.

Работа может выполняться не только для получения средств существования и безотносительно к величине зарплаты. Помимо экономических, тут могут действовать и идеологические стимулы: дух состязания, удовлетворения от хорошо выполненной работы и т.п. Внеэкономические мотивации к труду тесно связаны с определенной ситуацией (война, революция) или конкретным окружением (изобретателей, артистов, ученых, писателей, общественных деятелей), но их влияние на профессиональную деятельность не вызывает сомнений. Конечно, влияние экономических стимулов очень сильно. Это и порождает опасность экономических упрощений. И в капиталистической и в социалистической системах доход определяет доступ личности к значимым ценностям. При социализме влияние материальных стимулов, несомненно, ограничено из-за относительно небольшого различия в доходах и небольшого числа ценностей, которые можно приобрести, что снижает значимость денег. Например, возможность приобретения редких товаров при социализме зависит не только от денег, имеющихся в наличии (дефицитность товара не влияет на его цену, устанавливаемую государством), но также и других факторов, например системы распределения. Тем не менее принцип «каждому по труду», провозглашенный социализмом, нашел свое выражение и в дифференциации доходов, а следовательно, и доступа к основным желаемым ценностям. Этот принцип может служить основой для предположения, что величина дохода при социализме отражает степень социальной признанности труда человека. Следовательно, желание увеличить доход является в целом наиболее действенным, решающим фактором профессиональной деятельности, не считая отдельных нетипичных ситуаций или особых социальных обстоятельств. Там, где экономическая политика оказывает решающее влияние на мотивацию, она в большой степени определяет не только уровень профессиональной деятельности и ее направления, но также влияет на всю сферу межличностных отношений из-за большого удельного веса экономической жизни.

Осознавая основную роль экономических побуждений, было бы неверно сводить их, когда речь идет о крестьянской семье, только к рыночным побуждениям. Во-первых, ферма часто не является единствен-

ным источником крестьянского дохода. Ошибочно также думать, что крестьянская семья рассматривает ферму только как источник дохода. Это верно лишь по отношению к некоторым фермам, которые носят характер предприятий, например капиталистические фермы или ряд специализированных коммерческих ферм в Западной Европе и США. Во-первых, крестьянская ферма ориентирована на удовлетворение потребностей крестьянской семьи. Поэтому изменения в семейной ситуации не связаны с изменениями в рыночной ситуации. Во-вторых, ферма — это место, где живет крестьянская семья, следовательно, любое улучшение или крупное вложение средств направлено на улучшение условий жизни семьи. Семейный доход может быть в большей степени направлен на такие улучшения, например на строительство нового дома, не столько для того, чтобы увеличить производство или снизить затраты, но просто для того, чтобы семья жила с большими удобствами. Во многих случаях нельзя отделить производственный и потребительский аспект вложений. Строительством нового жилища, что, как правило, является наиболее приоритетным из семейных капиталовложений, семья благоустраивает ферму и повышает собственный уровень жизни. Таким образом, основой профессиональной деятельности на ферме является сама ферма. Но ферма является не только источником получения и увеличения дохода, но и объектом использования этих доходов, будучи одновременно местом жительства.

Проблема стимулов в профессиональной деятельности и экономических стимулов в особенности является специфическим социологическим вопросом, когда речь идет о фермерской профессии (крестьянской ферме), и в равной мере это относится и к вопросу о направлениях этой деятельностью. Как отмечено выше, статус фермерской семьи основывается на определенном классовом и профессиональном положении. Профессиональная деятельность может быть рассмотрена и в другом аспекте. Традиционное желание расширить ферму (редко проявляемое в сегодняшней Польше) ведет к деятельности, изменяющей классовое и профессиональное положение семьи. Расширение имущества ликвидирует необходимость (или даже самую возможность) работы фермера в других сферах деятельности или на соседях. Наоборот, это часто требует найма сельско-

хозяйственных рабочих и всегда изменяет статус фермера, поскольку для него происходит изменение в соотношении его управленческой и исполнительской деятельности с возрастанием его роли как предпринимателя и продавца товара. Возвращаясь к профессиональной деятельности, отметим тот факт, что механизм, соответствующий капиталистической сельской стратификации, не работает в Польше и других соцстранах (или действует в ограниченной степени). Это подтверждает предположение о том, что сочетание функций производителя, предпринимателя и продавца в фермерской профессиональной деятельности ведет к необходимости рассмотрения этой деятельности как фактора формирования различных сельскохозяйственных профессий и самоопределения фермера в этой зарождающейся системе. Но до тех пор, пока продолжают сохраняться личные крестьянские фермы, личные хозяйства остаются сосредоточением различных специальностей, и, следовательно, при рассмотрении профессиональной деятельности необходимо определять сферу этой деятельности. Деятельность здесь может быть измерена трудовым вкладом, результатом производства, рационализацией рабочего процесса, рыночной ориентацией, внедрением технических достижений и так далее. Более того, поскольку время и внимание фермера, посвященные ферме, не могут быть разделены на производственную и семейную сферы, представляется затруднительным сопоставление профессиональной деятельности фермера и нефермера. Следовательно, необходимо ясно определять при рассмотрении определенной деятельности, может ли она служить основой для сопоставления различных групп сельского населения или же она выступает в качестве связывающего звена между личным и коллективным трудом. Но во всех случаях вопрос о фермерской профессиональной деятельности нельзя рассматривать без учета того, что эта профессия представляет собой комбинацию различных специальностей и которая сама является основой для формирования отдельных специальностей.

Сделанное выше утверждение также применимо к вопросу о так называемом «хорошем фермере». Концепция «хороший фермер», столь часто используемая в публицистике, не является для деревни однозначной. Прежде всего, в некоторых регионах с традиционной

крестьянской культурой «хороший фермер» — это тот, у кого много земли. Во-вторых, даже в тех случаях, когда профессиональные качества представляют собой отдельную ценность, эта концепция имеет различные интерпретации: «хороший фермер» — это хороший организатор рабочего процесса, усердный труженик, знающий, что лучше для производства, новатор в какой-нибудь сельской специальности, человек с большим опытом, директор сельскохозяйственной школы или популяризатор аграрной науки. Стереотип хорошего фермера различается в различных общинах и может быть использован для распознавания наиболее общих изменений, происходящих в этих общинах, а также для понимания проблем, возникающих при попытках убедить фермеров в полезности для них того или иного новшества. Например, деятельность агронома, который пытается убедить крестьян в неразумности держать собственных лошадей, может потерпеть неудачу, если в данной общине престиж фермера основан на собственности, а не на экономической эффективности его труда. Поэтому необходимо осознавать различия между типами «хороших фермеров» в практической и научной деятельности и, пропагандируя идеал хорошего фермера, необходимо четко осознавать, что под этим подразумевается.

Тема эта подводит к проблеме совершенствования в фермерской профессии. Характер этого совершенствования вытекает из особенностей крестьянской фермы, где иерархия профессиональных позиций связана с семейной иерархией и где стать главой семьи означает получить профессиональную независимость. Продвижение в профессии связано, следовательно, с изменением статуса человека в семье, а не с изменением его квалификации. Достичь зрелости означает получить опыт. Профессия начинается с ученичества, и через выполнение на ферме черновой и подсобной работы человек продвигается к статусу фермера. Как уже показано выше, профессиональное продвижение связано в фермерской профессии с классовым продвижением — от собственника мелких средств производства до хозяина крупной фермы. Таким образом, конкретный путь человека в фермерской профессии определяется его положением в семье и в классовой иерархии. Важную роль в продвижении к желаемой цели и приобретении уваже-

ния со стороны соседей играет также получение фермером специальностей в уже упомянутых областях деятельности, хотя, конечно, при всей своей важности фактор этот не меняет основного пути продвижения в профессии. Именно эта слабая зависимость между профессиональной квалификацией и профессиональным продвижением часто отталкивает молодежь от связывания своего будущего с фермой. Процесс профессионализации фермерской деятельности и возникновение крупных сельскохозяйственных предприятий с дифференцированной профессиональной структурой, несомненно, открывает новые пути продвижения в профессии. Но до тех пор, пока сохраняются личные крестьянские фермы, значительная часть сельского населения продолжает оставаться исключенной из этого механизма. Молодежь обычно обладает достаточным опытом, чтобы суметь управлять фермой. К роли фермера она готовится с детства самим характером деятельности на ферме. Передача знаний, осуществляемая через ученичества во всех областях деятельности, идет рука об руку с приобщением к определенным стереотипам и нравственным ценностям, верованиям и обычаям. Но сама природа знаний, основанная на накоплении опыта предшествующих поколений, и механизм его передачи перегружены традициями и составляют основу консерватизма в крестьянском способе труда. В этой системе школа является чужеродным элементом, привнесенным извне. Она ограничивает влияние семьи, отрывает ребенка от гармоничной системы труда и жизни, демонстрирует ему модели, диссонирующие с этой системой, и ценности, которые невозможно в этой системе осуществить, — отсюда и сопротивление, на которое наталкивается школа в сельской местности. Но постоянно расширяющаяся область конфликта фермера с обществом вне села подводит его к осознанию необходимости этого института и становится основой для допуска школы в сельскую жизнь. Однако, если необходимость общеобразовательной школы уже признана повсеместно, профессиональная сельскохозяйственная школа продолжает наталкиваться на нежелание признать ее полезность для подготовки молодых людей к управлению фермой. Но профессиональная школа наряду с общеобразовательной становится необходимым элементом профессиональной подготовки, привнесен-

ным в село извне. Тем не менее в ряде стран предпринимаются шаги к распространению сельскохозяйственных служб.

В большинстве стран пресса, радио и телевидение проводят беседы с фермерами аналогично программам практических советов для женщин. Это происходит из-за специфики фермерского труда, который лишь формально — и это не может быть иначе — считается профессией. Ни на одну другую профессию не направлено такое широкое разнообразие видов деятельности по распространению научных знаний. Так, социологи изучают, каким способом знания достигают фермеров, насколько эффективны советы агрономов или как происходит снабжение сельскохозяйственными средствами производства (кормами, машинами, удобрениями). Они также исследуют механизмы проникновения новой технологической информации и механизмы закрепления отдельных технологий в качестве обязательных стандартов в данной общине. Но процесс распространения сельскохозяйственных знаний имеет более широкий социологический аспект. Здесь прежде всего имеется в виду природа сопротивления в селе распространению технических новшеств. Часто это сопротивление имеет экономическое содержание. Для мелкого фермера непросто приобрести необходимое оборудование, введение новых производств часто связано с риском и требует больших трудовых затрат. Но экономические мотивы чаще всего не единственные. Как уже отмечалось, экономические стимулы не могут убедить фермера, если он руководствуется другими соображениями, например соображениями престижа, основанного на собственности, а не на производительности.

Технические усовершенствования меняют стиль работы, зафиксированный в качестве стандарта семейным воспитанием, и поэтому наталкиваются, как уже отмечалось, на определенный сельский консерватизм. Изменения в способе труда также влияют на разделение обязанностей в семье или приводят к их неравномерному распределению. Более того, они меняют образ жизни семьи, обычаи, систему приоритетов, неизменную на протяжении поколений. Следовательно, вопросы, связанные с усовершенствованием, неотделимы от всей системы сельской жизни, на которой основана ферма. Проникновение технических инноваций начи-

нается прежде всего в системе соседских взаимоотношений, составляющих важный элемент сельской жизни. Внешнее влияние, игнорирующее этот фактор, не может быть полностью успешным. Инициатива по внедрению новшеств, исходящая со стороны семьи, чей престиж в сельской иерархии низок, редко имеет успех. Поэтому мнение соседей и собственная социальная позиция оказывают важное влияние на то, возьмет ли на себя семья инициативу. Важен также и характер установившихся контактов между фермерами и теми, кто проводит среди них образовательную работу, а именно соотношение статусных позиций информатора и получателя информации, их личные взаимоотношения. Агроном-пропагандист, учащий фермера, как ему работать, в присутствии жены и детей фермера, вряд ли добьется успеха. Поэтому вопросы, связанные с нововведениями, нельзя рассматривать в отрыве от всей системы сельской семьи и от сельской общины.

Распространение сельскохозяйственных знаний осуществляется государством и фермерскими профессиональными организациями. Этот вопрос наряду с вопросом о месте фермера в структуре разделения труда, а также связанный с ними вопрос о значении престижа в фермерской профессии заслуживают отдельного рассмотрения. Здесь же отметим лишь, что фермерские профессиональные организации обладают особыми чертами, отличающими их от других профессиональных организаций. Одной из этих черт является то, что организации эти носят более или менее выраженный классовый характер. Это организации представителей небольших предприятий и крестьянских ферм. Следовательно, функцией этих профсоюзов является организация комбинированной деятельности производителей и потребителей, являющихся одновременно продавцами и предпринимателями в выгодных для них областях. Отсюда и приоритет экономических вопросов. Одновременно эти организации должны рассматривать вопросы, связанные с проживанием семей в определенных территориальных общинах — следовательно, носить коммунальный характер. Этот тип профессиональной организации, таким образом, сочетает в себе черты политической партии, кооператива (производителей, потребителей) и территориального самоуправления. При социализме, когда отсутствуют основания

для сельской стратификации (в результате обобществления средств производства) или условия для ее развития, классовая роль фермерских профессиональных организаций исчезает или носит ограниченный характер. Их тогда можно определить как организацию фермерского самоуправления, профессиональную и кооперативную. Углубление разделения труда в сельском хозяйстве создает предпосылки для возникновения здесь профессиональных организаций с различной профессиональной ориентацией. Но организации этого типа не охватывают крестьянские фермы, даже когда они носят характер многосемейных ферм, т. е. являются производственными кооперативами. Рассмотренные выше вопросы составляют по меньшей мере основу для изучения места и роли фермера в структуре разделения общественного труда. Опуская связь между профессиональной и классовой структурой общества, проявляющейся здесь с особой остротой, еще раз повторим, что из-за объективных особенностей фермерской профессии ее необходимо отделить от профессиональной структуры, как часть социального разделения труда, не полностью охватываемую, но подчиненную общей модели занятости. Здесь учитывается и тот факт, что относительно высокая социальная значимость фермерского труда (Волошевский и Сарапата, 1961) не соответствует его объективной привлекательности, измеряемой притоком людей в сельское хозяйство. Исследованиям причин упадка фермерской профессии обычно не хватает осознания противоречий между декларируемым и поведенческим уровнями признания этой профессии, а также понимания того, что ситуация эта не может быть в корне изменена до тех пор, пока сельское хозяйство относится к сфере семейного производства.

Социологические проблемы, рассмотренные здесь, относятся к семейным крестьянским фермам. Вопрос сельскохозяйственных рабочих может быть успешно рассмотрен социологией труда (хотя здесь есть ряд очевидных особенностей). Социология села интересуется особенностями профессиональной деятельности крестьянских семей, столь сильно отличающейся от всех других профессий и столь неотделимо связанной с элементами сельской жизни — крестьянской фермой, семьей, сельским сообществом.

Тематика изучения этой профессии охватывает:

- определение ее основных особенностей;
- изучение последствий процесса профессионализации фермерской деятельности.

Проявления процесса профессионализации и особенностей фермерской профессии могут быть охвачены социологической проблематикой, изучающей проблемы занятости и, следовательно, проблемы:

- обоснования и мотивов профессиональной деятельности;
- областей этой деятельности;
- способов получения знаний и необходимой профессиональной квалификации для данной профессии;
- путей проникновения и распространения новых технологий и ноу-хау.

Предмет фермерской деятельности влияет на специфический характер фермерских профессиональных организаций и на место профессии в социальной структуре занятости. Вопрос этот также тесно связан и с социологическими проблемами сельского общества и крестьянской страты и требует отдельного рассмотрения.

15. Крестьянское хозяйство России начала века и его интересы *

Что такое крестьянское хозяйство? Для ответа на этот вопрос дадим сначала следующее общее определение: это — такое сельское потребительное хозяйство, в котором работник, организатор хозяйства и его владелец объединены в одной семье, а иногда и просто в одном лице. Разберем подробнее это определение.

Природа в своих растениях и животных дарит человеку богатые дары; человек должен суметь собрать и сохранить эти дары; от человека требуется большое умение и много усилий заставить природу быть щедрой, заставить вырасти нужные растения, заставить скот служить ему своими продуктами.

Человек организует природу, он не позволяет ей «самовольно» дарить или обездоливать человека; он подбирает те растения, которые ему нужны, тех животных, которые ему полезны; человек, вооружившись техническим знанием, подбирает такие приемы обработки почвы, приемы ухода за растениями, такие способы кормления и содержания скота, которые давали бы человеку наибольшую пользу. Хозяйственный человек как организатор стремится так устроить хозяйство, чтобы с наименьшими затратами получить наибольший результат; для этого хозяин соображает, какое количество своего труда, своих средств производства он должен затратить, имея то или иное количество десятин земли, имея определенное количество «ртов» — едоков, имея определенные возможности продавать те или иные продукты своего хозяйства. Кроме того, хозяин выбирает те или иные отрасли производства, развивает одни, сокращает другие: больше ли засеять земли картофелем, льном или, наоборот, овсом; перейти ли от выкармливания мясного скота на продажу к содержанию молочного скота и продавать не скот, а мо-

* Макарова Н. П. Крестьянское хозяйство и его интересы. М., 1917.

локо или усилить в хозяйстве свиноводство, приспособив к этому и состав растений на пашню, и т. д. Во всех таких случаях хозяин решает одно: как организовать хозяйство в смысле участия в хозяйстве отдельных отраслей сельского производства. Наконец, хозяину приходится заботиться об организации своего хозяйства еще и в том отношении, чтобы потребности семьи хозяина могли быть удовлетворены результатами всей хозяйственной деятельности; вопрос о размерах производства в зависимости от потребностей хозяина — это тоже один из вопросов организации хозяйства. Все, чего мы только что коснулись, — все это разные стороны организаторской деятельности. Установление системы сельского производства, подбор отраслей производства, установление размеров производства и руководство всей текущей жизнью хозяйства — все это и составит деятельность хозяина как организатора.

Но одно дело — деятельность организаторская; совсем другое дело — выполнить все то, что намечает организатор. На капиталистической фабрике, в помещицком хозяйстве организует все хозяин, управляющий или еще кто-либо, а исполняют всю намеченную организатором деятельность наемные работники. В крестьянском хозяйстве выполняет работы в соответствии с намеченным планом и способом ведения хозяйства сам же крестьянин-хозяин со всеми могущими работать членами семьи.

В старых, некультурных крестьянских хозяйствах, где хозяйство ведется «по старинке», организаторская деятельность выполняется, но выполняется «бессознательно»; и если такого домохозяина спросить, «организует ли он свое хозяйство», то он просто не поймет этого вопроса. В развивающемся культурном крестьянском хозяйстве, особенно когда вводится самоучет хозяйства при посредстве хотя бы упрощенного счетоводства, когда хозяин составляет «планы» и т. п., крестьянин-хозяин легко приходит к сознанию, что он не только «работник», но и «организатор» всех работ в хозяйстве и организатор самого хозяйства. И даже больше. Организатор хозяйства хочет с наименьшими затратами добиться наибольших результатов; если это — капиталистическое хозяйство, то в нем наемный работник будет руководствоваться тем же желанием: минимально растрачивать свои силы, получая за это наи-

большой доход; поэтому наемный рабочий не будет стремиться особенно напрягать свои силы, особенно беречь сырье, инструменты, если за всякую «бережливость» он не будет соответственно вознагражден хозяином. В крестьянском хозяйстве это противоречие пропадает: «организатор-хозяин» и «работник» объединены в одном лице, в одной крестьянской семье. Когда нужно, крестьянину самому выгоднее напрячь все силы (в покос, в жатву, в сев и т. п.); крестьянину самому выгоднее так работать, чтобы экономить сырье, чтобы сберегать инструменты, чтобы бережнее обходиться с каждым ценным для хозяйства животным или растением.

Здесь надо подчеркнуть, что в большинстве случаев крестьянин не только организатор и работник, но он же и владелец хозяйства, то есть владелец орудий производства и всей или части земли. Как владелец, он экономнее, бережнее обращается со своим владением.

Все это обрисовывает нам крестьянское хозяйство как семью, которая владеет землей и средствами производства, которая организует хозяйство и которая сама выполняет все работы.

Перед нами ясно вырисовывается, как много существует условий, от которых зависит высота денежных доходов крестьянского хозяйства; из перечисленных условий главные следующие: 1) богатство потребительских рынков; 2) доля доходов посредников в той цене, по которой потребитель получает товар; 3) конкуренция других районов и стран, предлагающих товар, подобный товару крестьянского хозяйства того или иного района.

Но если крестьянское хозяйство зависит от этих условий как продавец товара, то обратно: оно должно затем выступить как покупатель. Важно не только то, сколько денег в руках у крестьянина-хозяина; важно и то, сколько он может купить на эти деньги ситца, железа и других товаров, нужных в хозяйстве и семье. Высокие цены на хлеб и на скот во время войны не облегчили положения крестьянскому хозяйству, так как одновременно цены на мануфактуру, железо и другие товары поднялись еще выше. Крестьянами ясно стала сознаваться «покупательная способность» их хлеба, льна, скота и т. п.—они стали бояться брать «деньги», так как не находили в магазинах нужных им товаров.

Как покупатель, крестьянин-хозяин заинтересован в низких ценах; низкие цены зависят от дешевизны производства товаров, от количества предлагаемых товаров и от той доли дохода, которая идет в пользу продавца-посредника.

Дешевизна производства товара зависит от уровня техники, от производительности труда рабочего и т. п. Вот почему крестьянское хозяйство может сознательно почувствовать всем тем мероприятиям, которые поднимают уровень технического оснащения фабрик, которые поднимают производительность труда рабочих (сокращение рабочего дня, планомерный отдых рабочего, улучшение условий работы и т. д.).

Количество товаров зависит не только от местного производства их, но и от привоза их из других районов и в особенности из-за границы. Все это должно делать крестьянское хозяйство далеко не безучастным к международным торговым договорам и к внутренней промышленной политике государства. Крестьянское хозяйство заинтересовано в развитии местной и национальной промышленности, так как это улучшает рынок для его сельских продуктов; но оно заинтересовано и в подвозе иностранных фабрично-заводских изделий, особенно пока они имеют более низкую расценку или лучшее качество.

Наконец, надо указать и на то, что крестьянское хозяйство может немало терять из своих доходов из-за арендной платы, которую крестьянин уплачивает в погоне за землей. Чем острее общее малоземелье в той или иной местности, тем острее стоит этот вопрос. Малоземельные пойдут в этих случаях на такую арендную плату, которую не согласятся платить более земельные хозяйства, не так остро нуждающиеся в аренде земли.

Чем менее малоземельна будет местность, тем в большей мере будут выступать арендатором крупные крестьянские хозяйства, которые приарендовывают землю подчас не для потребительных целей, а для получения увеличенного денежного, иногда даже просто капиталистического дохода; в таких местностях арендная плата обычно не так уж высока, ибо за приарендовыванием земли путем очень высоких цен гоняются лишь мелкие крестьянские хозяйства.

Чем острее малоземелье и чем меньше тех земель,

которые можно было бы арендовать, тем большую долю своего дохода теряет крестьянское хозяйство в пользу владельца земли.

Теперь мы довольно полно очертили те условия, от которых зависит высота дохода отдельного крестьянского хозяйства. С одной стороны, действуют внутренние условия: 1) снабженность хозяйства землей, рабочими руками и средствами производства; 2) интенсификация производства; 3) подъем техники производства и организации. С другой стороны, действуют внешние условия: 1) высота цен на продаваемые крестьянским хозяйством продукты; 2) высота цен на покупаемые крестьянским хозяйством товары; 3) высота арендных цен, уплачиваемых крестьянским хозяйством за арендуемую им землю.

Как само крестьянское хозяйство, так и высота его доходов не есть что-то раз навсегда созданное и застывшее. Как живой организм, крестьянское хозяйство носится на волнах текущей жизни и постоянно изменяется.

Происходит прирост населения в крестьянской среде; часть его уходит из деревни навсегда, но часть увеличивает собою постоянное местное население: приходится интенсифицировать сельское производство, чтобы прокормить увеличившееся население на той же площади земли.

Делаются технические изобретения и открытия, усовершенствуются приемы и орудия сельского производства — и все это вносится в крестьянское хозяйство и впитывается им.

Колеблются на мировом и национальном рынке цены: в 70—80-х годах падают, а с середины 90-х годов почти непрерывно растут — и крестьянское хозяйство идет вслед за ценами, то замирая, то оживляясь в своей перестройке.

Уменьшаются налоги и выкупные платежи — «легче становится жить»: увеличивается обратная «тяга к земле»...

Медленно, но крепко всасывало почти столетия, но особенно последние 10—20 лет крестьянское хозяйство частновладельческую землю. Покупка земли крестьянами непрерывно росла, как показывают следующие цифры: за период с 1861 по 1904 г. к сельским обы-

вателям перешло 25 млн. десятин земли, а за период с 1905 по 1915 г.—свыше 511 млн. десятин.

Издан был закон о выходе из общины, и это не осталось без воздействия на наше крестьянское хозяйство. Из общей суммы крестьянских хозяйств в России в 15 млн. около пяти с половиной по закону 1910 г. считалось вышедшими из общины, в том числе к 1916 г. 2 008 000 хозяйств сами подавали прошения о выходе из общины; около миллиона перешло на отруба и около 200 000 хозяйств — на хутора... Хотя эти цифры не точны, да, кроме того, тут много было искусственного и насильного, но ясно: деревня и в этом отношении меняется беспрерывно...

Всякое изменение во внешних условиях жизни крестьянского хозяйства затрагивало этот чуткий живой организм, постоянно отзывавшийся на все толчки русской жизни.

Рост фабричной и заводской жизни тоже, как мы видели, не мог бесследно пройти мимо крестьянского хозяйства; в одних районах он разрушил его, вбирая в себя рабочие силы крестьянского хозяйства; в других районах, создавая рынок для сельских продуктов, наоборот, укреплял позиции крестьянского хозяйства.

А в то же время оно само, внутри себя, медленно, но постоянно должно было совершать перестройку, особенно в тех районах, где отхожие и фабричные промыслы не приостанавливали расширение и интенсификацию сельского производства; внутренние производственные и организационные условия толкали к этому.

Наконец, во вторую половину XIX века в Европе, а в конце XIX века и в России крестьянское хозяйство при всех своих изменениях все чаще начинает прибегать к кооперативной форме жизни; оно обрастает кооперацией со всех сторон и все в большей мере начинает соприкасаться с внешним миром только через кооперативы.

16. Организация крестьянского хозяйства *

Вопрос о теоретических основах организации крестьянского хозяйства был постепенно выдвинут из горнила агрономической и кооперативной практики и поставлен первоначально в виде многочисленных отдельных недоумений и размышлений над частными организационными проблемами.

Генетически наше учение сложилось из двух русел исследовательской работы:

1. Постепенного накопления огромного эмпирического материала по вопросам организации крестьянского хозяйства, полученного частью путем обработки данных земской и государственной статистики, частью путем самостоятельных, по преимуществу бюджетных исследований. Простое индуктивное обобщение этого материала приводило к целому ряду бесспорных эмпирических выводов, составляющих, как увидит из последующих глав читатель, две трети содержания настоящей книги.

2. Установления, также эмпирически, целого ряда фактов и зависимостей, которые не укладывались в рамки обычного представления об основах организации частнохозяйственного предприятия и требовали какого-либо специального толкования. Эти специальные объяснения и толкования, даваемые вначале в каждом конкретном случае отдельно, внесли в обычную теорию частнохозяйственного предприятия такое количество осложняющих элементов, что в конце концов оказалось более удобно обобщить их и построить особую теорию трудового семейного предприятия, несколько отличающегося по природе своей мотивации от предприятия, организованного на наемном труде. Эта гипотеза освободила теоретический анализ организации крестьянского хозяйства от многочисленных поправок, исключений и осложнений и позволила по-

*Чаянов А. В. Организация крестьянского хозяйства. М., 1925.

строить более или менее стройное логическое обобщение всего эмпирического материала.

Таким образом и создалось постепенно «особое понимание природы крестьянского хозяйства», с которым связано столько досадных недоразумений.

Главнейшие факты и эмпирические зависимости, обратившие внимание на особенности в организации крестьянского хозяйства, можно свести к следующим, имевшим для развития теории решающее значение.

1. В конце прошлого столетия пермский агроном Д. И. Кирсанов, занятый распространением среди крестьян улучшенного инвентаря, наткнулся на крайние затруднения в распространении молотилок, несмотря на их очевидную, бухгалтерски исчисленную выгоду. Главную причину этого неуспеха он видел в том, что в данном случае труд, вытесняемый машиной, в условиях зимнего времени в Пермской губернии не мог найти себе никакого приложения. Благодаря этому несомненное удешевление производства наталкивалось здесь на тот факт, что введение усовершенствованной и выгодной машины не только не увеличивало общей суммы доходов крестьянина, но уменьшало ее на величину ежегодной амортизации машины. Если, согласно аналогии с организационными основами обычного частного предприятия, считать, что крестьянское хозяйство есть такое предприятие, в котором предприниматель и рабочий соединены в одном лице, то в данном случае выгода крестьянина как предпринимателя целиком погашалась его убытками как наемного рабочего, вынужденного удлинить свою сезонную безработицу.

2. Незадолго до революции 1905 г. киевский проф. В. А. Косинский написал толстую книгу, называемую «К аграрному вопросу», где с очень большой тщательностью и обширным материалом доказывал, что арендные цены, уплачиваемые крестьянами за снимаемую у наемных владельцев пашню, значительно выше той чистой прибыли, которую с этих же земель можно получить при капиталистической их эксплуатации. Около этого же времени П. П. Маслов отметил это обстоятельство в I томе своего «Аграрного вопроса» и установил понятие «потребительская аренда», в которой под давлением потребительской нужды малоземельные крестьяне, избегая вынужденной безработицы, платят за аренду земли не только ренту и весь чистый

доход, но и значительную часть своей заработной платы. В данном случае опять интересы крестьянина как рабочего, бедствующего в своем хозяйстве от безработицы, пересиливают его интересы как предпринимателя. Впоследствии было показано, что отмеченная особенность распространяется не только на арендные платы, но и на цены на землю, платимые крестьянами в размерах, значительно превышающих капитализированную ренту.

3. Такое же объяснение, как и в случае с продовольственной арендой, мы должны были дать при анализе экономических основ крестьянского льноводства и картофелеводства. Эмпирические материалы, собранные в отношении этих трудоемких культур, указывали, что часто эти культуры по сравнению, например, с овсом дают при бухгалтерском анализе очень малую чистую прибыль, а потому почти никогда не получают большого распространения в частновладельческих и крупнокрестьянских хозяйствах. Малоземельные крестьяне, теряя в размере чистой прибыли, весьма широко их разводят, так как этим получают возможность расширить объем реализуемого ими в своих хозяйствах труда и сократить сезонную безработицу.

4. Вологодские, воронежские и ряд других бюджетных исследований указали нам обратную зависимость между земельным наделом и размером промыслового [вне-сельскохозяйственного] дохода. Чем меньше площадь землепользования, тем больший объем приобретает промысловая деятельность. При этом весьма интересно то, что суммарный доход от сельского хозяйства и промыслов вместе если не постоянен в различных посевных группах, то, во всяком случае, более постоянен, чем промысловый и сельскохозяйственные доходы в отдельности.

Говоря иначе, поскольку наш крестьянин как рабочий-предприниматель не в состоянии развить в своем хозяйстве достаточную реализацию своего труда и добыть себе достаточный, по его мнению, заработок, он бросает на время свое предприятие и превращается просто в рабочего, бегущего в чужое предприятие, спасаясь от безработицы в собственном.

5. Профессору Н. П. Никитину в одной из работ в семинарии А. Ф. Фортунатова удалось установить, что в России в отличие от Англии заработные платы не

прямо, а обратно пропорциональны ценам на хлеб. Так как цены на хлеб определялись урожаем, то объяснение отмеченного феномена, естественно, сводилось к тому, что крестьяне как рабочие-предприниматели в годы неурожая и, следовательно, высоких цен, не имея возможности свести концы с концами за счет своих сельскохозяйственных предприятий, выбрасывали себя как рабочих на рынок труда и сбивали заработные платы массовым наплывом предложения рабочих рук.

6. Анализ бюджетных материалов по мелкокрестьянским хозяйствам Швейцарии, Вологодской, Московской, Харьковской, Новгородской и Тамбовской губерний с несомненностью установил, что рабочая сила крестьянских семей используется ими далеко не в полной и не в одинаковой степени напряжения и на уровень этой самоэксплуатации в сильной мере влияет степень валовой производительности этого труда.

Так, например, если в зависимости от улучшения рыночной конъюнктуры или более рентабельного положения хозяйства каждая единица труда начинает давать большую выработку, то общая выработка хозяйства, конечно, растет, но не с такой скоростью, с какой нарастает производительность единицы труда, а следовательно, число реализуемых единиц труда падает, что подтверждается и прямыми наблюдениями. В данном случае крестьянин как рабочий, воспользовавшись благоприятным положением хозяйства и своими рентными доходами, заставляет крестьянина как предпринимателя предоставить ему лучшие условия труда в смысле сокращения годового рабочего времени вопреки естественному стремлению предпринимательства расширить объем хозяйственной работы для использования удачной конъюнктуры.

Приведенный список нарушений предпринимательских правил крестьянским хозяйством, как это читатель увидит в последующих главах, может быть значительно расширен. Последние исследования установили, что все они особенно ярко выражены в районах аграрного перенаселения, материалы которых и послужили нам для наших первых работ.

Однако ввиду массового характера аграрной перенаселенности отмеченные явления имеют столь же массовый характер и могут дать достаточный материал для изучения.

Как видно из нашего попутного анализа, все эти случаи могут быть истолкованы при помощи категорий капиталистического хозяйства, построенного на наемном труде. Для этого, однако, приходится создавать весьма сомнительную концепцию, объединяющую в лице крестьянина и предпринимателя-капиталиста, и эксплуатируемого им рабочего, впадающего в хроническую безработицу и заставляющего своего хозяина во имя своих рабочих интересов переламывать свое хозяйство и поступать предпринимательски невыгодно. Возможно, что эта фикция в интересах монизма экономического мышления и должна быть сохранена, как указывал, например, проф. А. Вебер во время нашего с ним личного разговора по поводу немецкого издания этой книги.

Однако нам лично она кажется слишком натянутой и искусственной и к тому же практически скорее запутывающей наблюдающиеся факты, чем поясняющей их. Поэтому мы более склонны воспользоваться для теоретического истолкования наблюдавшихся организационных особенностей другой гипотезой, основанной на концепции крестьянского хозяйства как трудового семейного хозяйства, в котором семья в результате затраты годичного труда получает единый трудовой доход и соизмеряет свои усилия с получаемым материальным результатом.

Говоря иначе, мотивацию хозяйственной деятельности крестьянина мы принимаем не как мотивацию предпринимателя, получающего в результате вложения своего капитала разницу между валовым доходом и издержками производства, а скорее как мотивацию рабочего, работающего на своеобразной сдельщине, позволяющей ему самому определять время и напряжение своей работы.

В этой скромной предпосылке, в сущности, и заключается вся оригинальность нашей теории организации крестьянского хозяйства, так как все остальные выводы и построения строго логически вытекают из этого основного предположения и увязывают весь эмпирический материал в довольно стройную систему.

В противопоставлении этих двух гипотез весь ключ вопроса: мы должны принять или концепцию фиктивного двоедушия крестьянина, объединяющего в своем лице и рабочего и предпринимателя, или концепцию се-

мейного хозяйства с мотивацией своей работы, аналогичной мотивации сдельщины. Ничего третьего не дано.

Мы остановили свой выбор на второй как на гипотезе, менее эффективной и более просто поясняющей все наблюдаемые явления. Впрочем, на наш выбор в значительной степени повлияло и некоторое расширение теоретической постановки вопроса о крестьянском хозяйстве.

Концепция крестьянского хозяйства как хозяйства предпринимательского, в котором хозяин нанимает самого себя в качестве рабочего, мыслима только в условиях капиталистического строя, так как вся она состоит из капиталистических категорий. Крестьянское же хозяйство как организационная форма, а в настоящий момент оно нас только так и интересует, вполне мыслимо и в других народнохозяйственных системах, а именно в условиях крепостнически-феодальных, в условиях крестьянско-ремесленных стран и, наконец, в условиях чисто натурального быта, то есть в условиях таких народнохозяйственных систем, в которых совершенно отсутствовали категории наемного труда и заработной платы — если не исторически, то логически.

Сообразно этому, если мы хотим иметь для крестьянского трудового хозяйства одну организационную концепцию вне зависимости от того, в какую народнохозяйственную систему оно входит, то мы должны будем неизбежно остановиться на семейно-трудовом понимании его организационной сущности.

Само собой понятно, что для каждой системы народного хозяйства и даже для каждой фазы ее развития народнохозяйственная роль крестьянских хозяйств, их взаимоотношения с другими типами хозяйств, взаимоотношения и борьба крестьянства как класса с другими сосуществующими с ним классами и, наконец, форма участия и доля в распределении национального дохода будут в высшей степени различны. Но организационный склад основной ячейки крестьянского трудового семейного хозяйственного предприятия останется тот же самый, всегда в частности видоизменяющийся и приспособляющийся к окружающей народное хозяйство обстановке, до тех пор, конечно, пока крестьянское хозяйство существует как таковое и не начало перестраиваться в другие организационные типы.

Таков генезис и такова сущность нашей теории крестьянского хозяйства как учения об одной из организационных форм частнохозяйственного предприятия.

Приступая к изучению организации трудового хозяйства, мы неизбежно должны начать наше исследование всесторонним анализом состава и законов сложения субъекта этого хозяйства — самой хозяйствующей семьи.

Какой бы из факторов, определяющих собой организацию крестьянского хозяйства, мы ни считали главенствующим, какое бы большое значение мы ни придавали влиянию рынка, размерам землепользования, наличности средств производства и естественным условиям плодородия, мы должны будем признать, что технически организующим элементом всякого производственного процесса являются рабочие руки. А так как в семейном хозяйстве, не прибегающем к наемному труду, запас рабочей силы, ее состав и степень трудовой активности всецело определяются составом и размером семьи, то эту последнюю нельзя не принять как один из главнейших факторов организации крестьянского хозяйства

17. Роль ремесел и кустарных промыслов в жизни русского крестьянства

Крестьяне в России по своей воле и в силу необходимости часто были не только земледельцами, а иногда даже вообще не имели прямого отношения к сельскому хозяйству. Дело в том, что миллионы крестьян, оставаясь в родном селе или переселяясь в города, полностью или частично посвящали себя тому или иному виду самостоятельной трудовой деятельности, не связанной с сельскохозяйственным производством. Кроме того, они работали по найму и в сельском хозяйстве, и в промышленности. Среди всех видов трудовой деятельности такого рода особое внимание исследователей неизменно привлекали народные промыслы, ремесла лесных губерний, поскольку они, как ни странно, являлись неотъемлемой составной частью крестьянского образа жизни. Несмотря на то что ремесленному производству не удалось избежать влияния извне, используемые методы и сами изделия—это по-прежнему сокровищница крестьянской культуры и мастерства. Ремесленники изготавливали свои бесконечно разнообразные поделки из дерева, коры, ткани, кожи, войлока, глины и металла. Качество было самым разным: от наиболее грубо сработанных предметов ширпотреба, которыми завалены сельские рынки (деревянные лопаты для уборки снега, веники, неглазурованные крынки, валенки), до серебряных украшений и икон, которые иногда являлись подлинными произведениями искусства. Крестьянин мог заниматься ремесленным производством дома—по собственной инициативе; а были случаи, что и по заказу предпринимателя, который распределял сырье между многочисленными надомниками и платил им сдельно, оставляя за собой сбыт изделий целыми партиями. С другой стороны, существовали небольшие мастерские, в которых ремесленники работали на артельных началах или по найму. Зимой всем членам крестьянской семьи, включая

детей, приходилось трудиться до поздней ночи за нищенскую плату. Если непродолжительный сезон сельскохозяйственных работ не обеспечивал крестьянину и его семье средств к существованию в течение всего года, то лучше зарабатывать хоть какие-то гроши долгими зимними месяцами, чем вообще ничего не делать и, возможно, не дотянуть до весны. Твердые традиции крестьянского уклада жизни, жесткие законодательные ограничения свободы передвижений — все это способствовало тому, что крестьянин пытался подрабатывать не на далекой фабрике, а занявшись ремесленничеством. Народные промыслы давали возможность выжить, не обеспечивая средств к существованию в качестве основной статьи дохода. В большинстве случаев они были дополнением к сельскохозяйственному производству. Именно это в первую очередь и позволило ремеслам сохранить свои позиции, несмотря на то что в стране уже полным ходом шла промышленная революция. Некоторые из них еще не столкнулись с конкуренцией со стороны промышленных предприятий, другие приняли вызов. Но были и такие, которые не выдержали борьбы и прекратили существование. Мы так никогда и не узнаем (речь идет о статистически достоверной информации), как все это происходило на самом деле. Хотя к концу века число ремесленников, возможно, и сократилось, их все еще было намного больше, чем промышленных рабочих. Тем не менее нельзя сказать, что ремесла процветали или что они могли предложить крестьянину, находившемуся под тяжелым гнетом, те или иные возможности улучшения материального положения.

Еще один важный источник доходов крестьянина — наемный труд в сельском хозяйстве. В самой природе узкоспециализированного зернового хозяйства России была заложена необходимость сезонного привлечения множества дополнительных пахарей и особенно жнецов. Однако при проведении переписи населения эти работники не учитывались. Нет и надежной оценки их численности. Если число сельскохозяйственных рабочих, нанятых на длительный срок, превышало полтора миллиона человек, то только на период жатвы к ним присоединялось, вероятно, еще несколько миллионов.

18. Крестьяне и фермеры: взгляд русского ученого

...Определения крестьянства, в противоположность фермерству, обычно фокусируются на соотношении товарного и натурального производства (степени включенности в рынок); степени мобильности крестьянской рабочей силы, земли и кредита; крестьянской мотивации к производству для «самообеспечения» (в противоположность сельскохозяйственным предпринимателям); индивидуализации производственных предприятий и законов о собственности; замене семейного труда наемным трудом и т.п. Например, проводимое Фридманом различие между крестьянами и фермерами базируется на степени «коммодитизации», или на степени проникновения в систему общественного воспроизводства товарных отношений; когда личные, реципрокные (возмездные) отношения в крестьянском семейном хозяйстве сменяются обновлением средств производства, нацеленным на рыночные отношения. Крестьянское производство, таким образом, «определяется негативно... как противостояние воспроизводства коммодитизации, базирующееся, в свою очередь, на иммобильности труда, земли и кредита в рамках более крупных экономических систем».

В статье, написанной в 1977 г. совместно В. П. Даниловым, Л. В. Даниловой и В. Г. Растяльниковым, советские аграрные историки добавили еще одно аналитическое измерение к определению крестьянского производства, увязанное с Марксовым различием живого и овеществленного труда. Делая это, они предложили путь, который может существенно помочь в

дополнительном определении семейных предприятий в сельскохозяйственном производстве.

«В марксистской политэкономии под натуральным хозяйством имеется в виду хозяйство, базирующееся на натуральной системе производительных сил, т.е. такой системе, при которой естественно возникшие средства производства доминируют над исторически приобретенными. Главное средство производства при этой системе — земля со всеми относящимися к ней естественными факторами и процессами. Будучи включенными в производство, они выступают как производительные силы. Несмотря на вложение овеществленного труда, такие средства производства остаются природными не только по происхождению, но и по характеру. И человек как рабочая сила при натуральной системе производительных сил предстает прежде всего со своей природной, физической стороны, в качестве мускульной, энергетической силы, хотя само существование земледелия и вообще производящего хозяйства немыслимо без определенного производственного опыта человека, его навыков и знаний. Исторически созданные средства труда (земледельческие орудия, ирригационные сооружения, одомашненные животные, ремесленные инструменты, здания, дороги и пр.) наряду с производственным опытом служат средствами включения природных факторов в трудовой процесс... Преобладание естественно возникших производительных сил над исторически приобретенными и соответственно живого труда над овеществленным, являющееся главной чертой натуральной системы производительных сил, предопределило внутренний строй крестьянского производства, его цель и направленность, характер трудовой кооперации, его осуществляющей, возможности и границы его развития и в итоге его место в общественной системе»¹.

Данилов применил эту концепцию к своему исследованию русского крестьянства в период НЭПа. Используя бюджетные обследования семейных хозяйств 1925 г., Данилов показал, что затраты ручного труда составляли от 56% в полных издержках на производ-

ство овса до 75% этих издержек в производстве льна. Он также продемонстрировал, что семена и крупный рогатый скот образовывали 75—80% полных производственных издержек (исключая стоимость земли и затраты труда), в то время как доля машин и прочих орудий не доходила до 5%. В регионах экстенсивного зернового хозяйства это преобладание живого труда над машинной энергией было даже более велико. Более того, в производственных системах с господством живого труда интенсивная культивация таких культур, как лен, подсолнечник и сахарная свекла, означала лишь более интенсивное применение физического труда. «Резкое повышение издержек на производство технических культур в условиях единоличного крестьянского хозяйства искупалось увеличением вложения ручного труда, а не применением более производительных машин и орудий. В этом заключалась причина замедленности интенсификации мелкого крестьянского хозяйства»².

Заключения, выведенные Даниловым из его исследований, достаточно ясны, чтобы их процитировать без дополнительных комментариев: «Соотношение ручного и машинного труда служит важнейшим показателем развития производительных сил общества. Оно определяет возможности производства, уровень производительности труда... Низкая производительность и товарность хозяйства были неизбежными при такой организации производства, когда основой его является ручной труд. Именно это обстоятельство ставило чрезвычайно узкие рамки развитию сельскохозяйственного производства.

Такому состоянию производительных сил сельского хозяйства соответствовали и социальные формы производства, производственные отношения. Преобладающее значение ручного индивидуального труда и приспособленных к нему орудий (конный и ручной инвентарь) объективно обуславливало развитие сельского хозяйства по преимуществу в форме мелкого частнособственнического производства, распыленность его на миллионы мелких и мельчайших единолич-

ных ячеек. Мелкое индивидуальное производство неотделимо от господства ручного труда, живой тягловой силы и соответствующей техники, составляющих в совокупности его материально-производственную базу.

Характер производительных сил крестьянского хозяйства, соотношение их структурных элементов показывают, что это прежде всего естественные производительные силы (земля, скот, семена, удобрения и т.п.). К естественным производительным силам относилась и сама рабочая сила крестьянина, ибо живой труд в крестьянском хозяйстве представлен по преимуществу простым физическим трудом. Возможность воспроизводства основных производительных сил внутри крестьянского хозяйства поддерживала натурально-потребительский характер крестьянского хозяйства, его традиционность и автаркизм. Крестьянское хозяйство благодаря этому могло существовать при минимальном обращении к рынку.

В массе крестьянских хозяйств сохранялось господство естественных производительных сил, многократное преобладание живого труда над овеществленным. В сочетании с семейной кооперацией труда... эти черты, с одной стороны, обуславливали относительную устойчивость крестьянского хозяйства, возможность его сохранения и возрождения в самых неблагоприятных условиях, а с другой — застойность, низкий уровень производительности труда, незначительность расширенного производства. Связь с рынком в этих условиях могла устанавливаться лишь в мере образования избыточного продукта»³.

Предполагается при этом развитие рыночных отношений в сельском хозяйстве: продажа излишков продукции, товаризация труда и средств производства. Как утверждает Данилов, лишь на последних этапах происходит фундаментальный сдвиг в характере средств производства — переход от натуральных к индустриальным, а вместе с тем и переход от мелкого семейного хозяйства к крупному, безразличному к характеру используемого труда (семейный или наемный), высоко-

производительному и целиком работающему на рынок. С этого момента и хозяйство, и люди в нем утрачивают крестьянский облик.

¹ Аграрные структуры стран Востока. Генезис, эволюция, социальные преобразования. М., 1977, с. 11.

² В. П. Данилов. Советская доколхозная деревня: население, землепользование, хозяйство. М., 1977, с. 266.

³ Там же, с. 268—269.

19. Крестьянские рынки и крестьянские хозяйства индейцев

Спектр форм организации хозяйства индейцев Центральной Америки достаточно широк — от фактической обособленности, при незначительности торговли и чуть ли не отсутствии денег у сохранившихся племенных образований лакандонов в Петене до полной рыночной взаимозависимости специализированных общин, ориентирующихся на извлечение денежного дохода и организованных в рамках деперсонифицированных и конкурентных форм хозяйства. Между этими полюсами заключены всякого рода промежуточные формы. Но, не посягая на этнографические реалии, возможно разделить все многообразные экономические формы в данном регионе на три основных типа, различающиеся в структурном и часто в территориальном разрезе. Каждый тип также содержит некоторые различия в социальной структуре и культурных рамках, по отношению к которым экономика выступает лишь как одна из подсистем. Социальные и культурные корреляции, сопряженности и предпосылки разных форм экономической организации могут служить основой важных показателей динамики социальных изменений и социальной стабильности в Центральной Америке.

Эти три вида экономической организации в Центральной Америке выглядят следующим образом.

Региональная рыночная система

Общины увязаны в систему ротационных («вращающихся») рынков. В своей наиболее развитой форме ротационные рынки выглядят подобно «солнечной системе». Основной рыночный центр действует ежедневно. Через него проходят товары, произведенные по всему региону, продукты со всего национального рынка и даже некоторые продукты международной торговли. Вокруг этого центра группируются рынки, работающие по своим особым дням. Каждый из этих рынков

имеет тенденцию к специализации на каком-то определенном товаре и предоставляет ограниченный выбор продукции по сравнению с центральным рынком. Товары, продавцы и покупатели вращаются в рамках этой «солнечной системы» по дням недели, когда центр рыночной активности перемещается от одного рынка к другому. Подобные «солнечные системы» региональных зависимостей характерны для западных горных районов Гватемалы (где они наиболее развиты), долины Оаксака, Центральной Мексики, Михоакана и Восточной Гватемалы среди хорти и покамамов. Региональная рыночная взаимозависимость без выраженных качеств «солнечной» (радиальной) организации обнаружена в нагорьях Чаэпас у целталов и цоцилов и в некоторых частях Альта-Верапас в Гватемале плюс к сети ежедневно функционирующих рынков в Истмусе Техуантепека. Региональная рыночная система представляет собой «денежное хозяйство, организованное в форме отдельных семейных хозяйств, выступающих и как потребительские, и как производственные единицы, включенные в высокоразвитый рынок, близкий к типу совершенной конкуренции».

Экспортно ориентированное хозяйство

Общины производят главным образом для внутреннего и местного потребления, но существует тенденция производить один или несколько товаров для денежного рыночного обмена. Специализация — явление редкое. Производимые продукты, навыки, экономическая организация этих общин однородны. Хозяйство носит денежный характер, но размеры натурообмена, хотя и производимого в терминах денежного эквивалента, достаточно велики. Рынки и места на этих рынках, как правило, находятся в руках неиндейского населения, и индейцы здесь чаще играют роль продавцов, а не покупателей. Этот тип хозяйства варьирует от производителей кофе в Сэюле, в основном ориентированных на экспорт, или производителей ванили Тотанакского региона вокруг главного рынка в Папантла до производителей кофе, дынь и цитрусовых в Сьерра-Пополука. Другая вариативная ось простирается к наемному труду индейцев на плантациях, на которых предприниматели неиндейского происхождения организуют свое

экспортное хозяйство. Наемный труд, или индейский сельский пролетариат, часто соседствует с общинами, выращивающими базовые с точки зрения самообеспечения культуры. К этому приближаются плантации мексиканской пеньки на полуострове Юкатан; в ряде же местностей Верапаса в Гватемале и в прибрежных районах, где индейцы работают на кофейных, сахарных, рисовых или банановых плантациях, наблюдаются крайние формы экспортно ориентированной системы.

Квазиплеменная система

Хозяйства ориентированы главным образом на удовлетворение своих местных потребностей. Хозяйственные усилия направлены на цели самообеспечения, включая ремесло для домашних нужд, а также на возделывание мильпы. Деньги стали частью повседневной жизни, но роль их, как правило, невелика. И денежные операции к числу повседневных событий не относятся. Индейцы, ведущие подобное хозяйство, обычно проживают в отдаленных и труднодоступных горных районах или представляют остатки прежних деревенских хозяйств неинтенсивного типа. Этот экономический тип можно обнаружить среди кора и гуичолов, тарагамара, майя и других групп на северо-западе Мексики и, за исключением Лакандона на границе Мексики и Гватемалы, не существует к югу от Мехико или в Гватемале (за исключением, возможно, Кекчи вокруг озера Изабаль, по докладам д-ра Нэнси Сольен де Гонзалес).

Указанные три типа хозяйств различаются по своим размерам, количеству вовлеченных в них индейцев и по территориям, на которых они способны функционировать. Все хозяйства привязаны, более или менее тесно, к национальному и мировому хозяйству. Ни одно из них не свободно от воздействия колебаний национальной и мировой конъюнктуры. Повсеместно индейцы и их общины вовлечены в систему экономических отношений, выходящую далеко за рамки местных этнических общностей. Даже чрезвычайно обособленные группы, подобные лакандонам, тарагамара или ксакалам в Квинтана-Ру вовлекаются в экономические связи с более крупными хозяйствами.

Вариация экологических условий и структура ланд-

шафта служат естественной основой культурных и экономических различий в регионе. Именно появление обособленных местных обществ, обладающих при этом сильно выраженными эндогамными тенденциями, повлекло за собой сосредоточение ремесла, торговли и промышленности в рамках отдельных общин. Современное размещение сельскохозяйственного производства, ремесел и специальных навыков сложилось в результате действия долговременных тенденций, обеспечивавших относительные преимущества. И сдвиги действительно происходят. Понятно, что изменения в сортах выращиваемых культур (при прочих равных, скажем при равнодоступности земли) происходят легче и быстрее, нежели инкорпорирование в культурную среду нового ремесла или нового кустарного промысла. Это, безусловно, связано с процессами социализации, поскольку ремесло и промыслы передаются от отца к сыну, от матери к дочери, в то время как сельскохозяйственные навыки могут передаваться взрослым людям. Вдобавок индейцы работают друг на друга как сельхозработники, выходя за рамки общинных связей (например, у ладиносов), и потому более подготовлены к заимствованию новых сельскохозяйственных методов. Но и сдвиги в выращиваемых общинами культурах происходят не настолько легко. Индейцы вынуждены сталкиваться с уже утвердившимися путями зарабатывания на жизнь в своих собственных общинах, так же как и с устоявшейся на рынке репутацией других производящих общин. Например, картофель из Тодос-Сантоса менее ценится в районе Квезалтоненго, нежели картофель из Нагуалы. Овощи же из Зунила считаются наилучшими. Индейцы из этих общин носят отличающиеся друг от друга костюмы, служащие в качестве особых опознавательных символов. И покупатели полагают, что мужчина в полосатых штанах из Тодос-Сантоса продает свой собственный картофель, что женщина в голубой юбке из Альмолонгера торгует своими собственными овощами, хотя часто это совсем не так. Таким образом, существуют определенные трудности даже в перенесении и распространении сельскохозяйственных методов и продуктов. Специализации, безусловно, служат объектом конкуренции и между индейскими, и между неиндейскими производителями. Множество ремесел было утеряно, подобно выделке шляп в Агуака-

тененго, не выстоявшей в конкуренции с фабричным производством, или производству накидок от дождя из пальмовых листьев, отступившего перед распространением дешевых пластиковых скатертей, используемых как пончо. И напротив, конкуренция и расширение контактов стимулируют появление новых вещей: туристы, посещающие Чичикастененго, в восторге от грубоватых узоров на салфетках; ладиносы из Чаэпаса скупают большие цветочные горшки из глины. Навыки и сельскохозяйственные структуры меняются под действием времени и под влиянием меняющихся рыночных условий, находясь в общем контексте возможностей развития и передачи методов от общины в общине.

Институт рынка покоится на свободной игре покупателей и продавцов с ценами, утверждаемыми посредством взаимодействия покупателей, которые не настолько крупны, чтобы установить свои цены, и продавцов, не способных контролировать предложение в той мере, чтобы влиять на цены. Для свободной рыночной системы также характерна обезличенность отношений. Вход на рынок не ограничен ни для покупателей, ни для продавцов. Каждый, кто заплатит небольшую пошлину, волен поставить прилавок и торговать на местных рынках. Хотя на городских рынках существуют специально оборудованные места, плату за которые может себе позволить далеко не каждый. Связь между покупателем и продавцом обезличена, все внимание концентрируется на цене. Для подобных рынков характерны оживленные торги. Но они скорее служат средством установления цены. Совершение же покупок становится способом получения информации о ценах, которые не публикуются и не рекламируются. Продавцы одного и того же товара обычно группируются вместе, и из предложений покупателей и того, что запрашивают продавцы, быстро достигается оптимальный уровень цены. Цена эта преобладает до тех пор, пока не произойдут изменения в комбинации факторов спроса и предложения. Торги в ходе отдельной операции отражают состояние всего рынка в целом, а последний как целое отражает ход операций на всех региональных и национальных рынках.

При близком рассмотрении данные рынки оказываются серией операций товарно-денежного обмена между продавцами и покупателями. За исключением

некоторого числа продавцов продуктов питания, поставщиков лекарств и незначительного количества магазинов на рынке или в городах, где действуют эти рынки (к которым люди могут быть привязаны доступностью кредита), ни у какого продавца здесь не существует постоянной клиентуры, как нет определенного круга лояльных покупателей ни у кого из поставщиков товаров. Рыночные отношения воистину взаимовыгодны и динамичны. Подобная характеристика рынка отражает основную форму экономической организации индейских общин и имеет далеко идущие структурные и экономические последствия. Индейские покупатели и продавцы выходят на рынок как члены семейного хозяйства и ведут себя соответственно. Экономические функции — лишь один из аспектов жизни этих семейных хозяйств, для которых сфера экономики обычно представляет не более чем один из путей обеспечения собственных нужд. Семейные хозяйства ограничены по числу и разнообразию работников, которых они способны привлечь; размерам капитала и сбережений, находящихся в их распоряжении; возможностям, на которые они способны ориентироваться. Принимая во внимание, что не фирмы, а именно семейные хозяйства представляют ту форму экономической организации, вокруг которой строится вся рыночная экономика, все ограничения планирования, продолжительности, масштаба и технологического уровня становятся совершенно очевидными. Тем самым совершенно ясно, что отличает эти хозяйства от современной динамичной экономики с ее встроенными стимулами к экономическому и технологическому развитию. Здесь не ощущается нехватка экономической рациональности во взаимном приведении целей и средств для получения максимального результата; экономическая активность здесь не сдерживается традиционными барьерами; нет презрения к богатству и тяжелому труду. Здесь демонстрируются отношения свободного рынка, где каждый субъект преследует свои собственные экономические интересы. Таким образом, имеются ценности, рынки, денежные средства обмена, способность к ведению счетов и интерес к экономической активности. (Запотекы в Митле выработали «ценовой ритуал»; Малиновский и де ля Фуэнте упоминали «коммерческое либидо»; многие другие отмечали глубокий интерес к ценовой

и экономической деятельности.) Но чего не хватает, так это целостной социальной организации, подобной фирме, автономной корпоративной группе, созданной для экономической деятельности и целиком посвящающей себя этой деятельности.

20. Путешествующие крестьяне и трудящиеся мигранты

Начавшаяся на исходе 50-х годов нашего века так называемая миграция рабочей силы (число переселенцев уже достигло 15 млн. человек) буквально преобразила облик Западной Европы и явилась (в который уже раз!) полной неожиданностью для социологов. Примечательно, что в ходе последовавшей затем дискуссии этот феномен толковался почти исключительно с позиций политэкономии. Число публикаций такого рода растет. Приверженцы же иных взглядов до недавнего времени предпочитали отмалчиваться. Основные догмы указанного толкования, проникнув в бесстрастный язык докладов ООН и ЕЭС, стали повторяться все чаще и чаще как стереотипные объяснения.

Вероятно, пришло время дать критическую оценку общепринятым подходам, не дожидаясь их превращения в новую ортодоксию. Кто такие эти переселенцы? Каково место данного явления в теориях общественного развития? А самое главное: что из этого следует? Чтобы было понятнее, о чем идет речь, обратимся к конкретной работе.

Статья Николинакоса начинается с опровержения классической и неоклассической экономических теорий. По его мнению, эти теории исходили из модели гармоничного развития общества и объясняли миграцию рабочей силы мобильностью факторов производства, которое подчиняется закону спроса и предложения. Подобный подход подвергается резкой критике за неисторичность, абстрактность и односторонность, ибо не учитывает политического, структурного и демографического факторов, имеющих большое значение. Взамен во главу угла ставится процесс накопления капитала, благодаря которому происходит переход местных рабочих на лучше оплачиваемую работу. Переселенцам отводится роль «резервной армии труда», призванной обеспечить «повышение уровня жизни в странах Запад-

ной Европы». Тем самым вместо прежних иностранных колоний как бы появляются новые, внутренние. Демографические процессы (например, «давление избытка населения» в «странах эмиграции») не являются автономными. Напротив, они обусловлены накоплением капитала в мировом масштабе и увековечивают подчинение периферии капиталистическому центру. К «странам эмиграции» относятся государства, которые были зависимы от колониальных держав и которым вменялась в обязанность поставка сырья и продовольствия. Благодаря миграции капитализму удается стабилизировать обстановку в этих странах, ибо вывоз рабочей силы позволяет устранить потенциальный источник социальных потрясений. Метрополия видит свою выгоду в том, что в период экономического спада рабочих можно отправить домой. Превратившиеся в полупролетариев переселенцы одновременно подвергаются тройной эксплуатации: как индивиды, как класс и как уроженцы зависимой страны. И тем не менее для них это означает улучшение материального положения. На основании классового анализа автор относит иностранных рабочих к полупролетариям, раскрывает структурный характер эксплуатации. В заключение следует политический призыв к объединению мигрантов и местных рабочих, ибо «в конечном счете у мигрантов объективно нет каких-либо особых интересов»¹. Так ли это?

Глушцы прошлого или разные взгляды?

Было бы неверно свести все ранее известные теории миграции к простому утверждению, что гармония мира отражена в экономических законах. Начать с того, что сама модель гармонии затрагивает проблематику дисгармонии и ее устранения (например, «динамическое равновесие»). И что еще более важно: этот вопрос никогда не был предметом исследования только одной научной дисциплины (то есть экономики), ибо тут никак не обойтись без социологии. Именно социология еще со времен Парка признала существование проблемы миграции и ее суровых реальностей, и всестороннее исследование этой проблемы ведется на уровне, далеком от упрощенчества². Очевидна ограниченность концептуальной основы функционализма из-за попыток

свести все к «культуре», «ассимиляции» и «аккультурации», однако это вовсе не означает, что он вообще лишен какой-либо объяснительной силы.

Класс «здесь» и «там»

Гораздо более важен (особенно в свете интересующих нас проблем) тот своеобразный, если не сказать — поразительный, классовый анализ, который сделан в рассматриваемой статье. Перед нами предстает всемирное общество, состоящее из метрополий и периферии. Причем первые эксплуатируют вторую. Классы существуют именно в метрополии: буржуазия, под контролем которой находятся средства производства; лишенные такого контроля рабочие; а на самом дне — полупролетарские массы из других стран. Допустим, что так оно и есть. Однако с классовым анализом происходит нечто странное, когда автор переходит к «странам эмиграции». Ибо там, по-видимому, вообще нет никаких классов (во всяком случае, о них ничего не говорится). Столь часто упоминаемая глобальная модель миграции оперирует здесь понятием «этническая группа» (турки, алжирцы, испанцы и т. д.), представители которой непонятным образом превращаются в класс (пролетариат с приставкой «полу») в результате пересечения границ. Бесклассовое общество в «странах эмиграции» постулируется с помощью фигуры умолчания. Или там все-таки есть один класс — потенциальных эмигрантов? Эта концепция — двойник тех моделей бесклассового «принимающего общества», которыми еще не так давно пользовались теоретики функционализма.

Что собой представляют «мигранты» по ту сторону водораздела, который, кажется, не в состоянии преодолеть проницательный взгляд «западных» сторонников классового подхода? За некоторыми очевидными исключениями (например, вестиндцы в Великобритании), это в основном крестьяне, подпадающие под четко сформулированное определение данного класса. Более того, поскольку классы — категория историческая, крестьян, о которых идет речь, принято относить к определенному этапу развития общества. В Европе его обычно определяют как «начало индустриализации». Многие из этих крестьян приезжают прямо из деревень Турции, Индии, Алжира, Марокко, Португалии, Сицилии

и т. д. Некоторые другие озадачивают статистиков тем, что сначала поселяются в трущобах местных городов, а через несколько лет отправляются в метрополию, где регистрируются как прибывшие «из Стамбула» и т. д. В некоторых аналитических статьях факт «сельского происхождения» мигрантов (так кто же они: дворяне, занимающиеся сельским хозяйством? сельские священники? наемные рабочие? пауперы?) упоминается как бы между прочим. Насколько все это действительно важно для понимания проблемы миграции рабочей силы? В конце концов, большинство мигрантов уже превратилось в городских жителей и (полу) пролетариев. Какая разница, кем они были?

Разница есть, и очень существенная, ибо социальный анализ не может не учитывать исторического опыта, социального происхождения и сохраняющихся общественных связей. Миграция рассматривается как результат последовательного развития событий даже теми, кто менее всего склонен считать настоящее продолжением прошлого. Переселившиеся в города крестьяне отличаются от потомственных пролетариев. Рабочих-мигрантов невозможно понять до конца как отдельную группу населения, не затронув их социального происхождения, динамики поведения и глобальных аспектов. Без этого любой классовый анализ, конечно же, неисторичен и односторонен.

Чтобы определить, насколько это важно, надо повнимательнее присмотреться к путешествующим крестьянам, трудящимся-мигрантам и пишущим социологам.

Путешествующие крестьяне

Процесс индустриализации — это и процесс раскрестьянивания. Имея в виду данное обстоятельство, мы можем, при необходимости, обратиться к сопоставимым данным, сходной практике и к уже имеющимся аналитическим выводам специалистов. Равно как и сравнить положение иностранных рабочих в разных странах (например, мексиканцев — в США, финнов — в Швеции или «черных» — в Южной Африке), а также провести различие между рабочими-эмигрантами из аграрных и не аграрных регионов (таких меньшинство): например, между пенджабцами и вест-

индцами в Великобритании. Чтобы продвинуться дальше и глубже в изучении этого вопроса, нужно обратиться к соответствующим работам Знаниецкого и Маркса. Они продемонстрировали удивительно «свежий» взгляд на проблему раскрестьянивания за счет миграции рабочей силы в метрополию, выделив два его вида (в зависимости от того, сохраняются или исчезают деревни). Дальше — больше: чтобы индустриализация была как можно более эффективной, нужно постоянное подпитывание ее за счет крестьянства. Обоснование этой закономерности, повторюсь, — пример крупного достижения прошлых лет в исследовании процесса «первоначального накопления». Капиталистическая модель индустриализации исходила из наличия крестьянства как класса, который обречен на «структурную дезинтеграцию» и упадок. В нем виделся источник дешевой, привычной к физическому труду и жесточайшей эксплуатации рабочей силы, издержки воспроизводства которой можно отнести на счет той же деревни. Огораживание крестьянских земель, расширение рынка за счет уничтожения сельских ремесел, грабительский вывоз дешевого сырья из колоний — все это также сыграло свою весьма важную роль. Однако решающее значение, как представляется, имела сельско-городская миграция рабочей силы, ибо ей едва ли можно было найти замену. Чтобы все пришло в движение, необходимо заставить крестьян покинуть свои родные места.

Это тем более легко сделать, что общепринятый взгляд на крестьян как на тяжелых на подъем, «привязанных к земле» людей — всего лишь предрассудок узкого круга богатых путешественников, взвзирающих на мир через иллюминатор реактивного авиалайнера. Лицо мира, в котором мы живем, и сегодня еще во многом определяется крестьянами и их сыновьями, достигавшими дальних пределов, раздвигавшими границы в постоянном и неукротимом поиске новых земель (будь то в России, Китае, Вьетнаме, Судане, Америке и т. д.). Они также находились во власти несколько неопределенной мечты о свободе или упрямого желания как можно скорее выйти из крестьянского сословия. Подобные действия как нельзя лучше вписывались в традиционный уклад жизни сельской общины: крестьянский сын уходит из дома, чтобы завести свое хозяйство

или вернуться назад, заработав деньги на свадьбу, выплату налогов и т. п. Кроме того, четко прослеживался процесс последовательного отбора более образованных и предприимчивых, бедных, но не беднейших. Существовали и другие устойчивые, традиционные взаимосвязи: например, между положением семьи, наличием земли и стремлением вернуться в родные места.

В связи с индустриализацией и постепенным закрытием «открытых границ» за последние двести лет изменилось направление миграции рабочей силы: крестьяне все чаще стали переселяться в города (нередко иностранные). Однако и в этом случае они сохраняли целый ряд характерных признаков: специфический самоотбор переселенцев, групповые перемещения, а подчас и мечта о возвращении в родные места. Крестьяне всегда были наиболее многочисленными, но далеко не единственными переселенцами в промышленных центрах Запада.

Отсюда следует очевидный вывод: любой анализ миграции рабочей силы должен учитывать не только особенности развития капитализма в метрополии, но и те процессы распада и обновления, которые имеют место в экономике и общественной жизни колоний. Несомненно, что все эти процессы взаимосвязаны, но при этом не лишены определенного своеобразия. Вот почему неприемлема сама идея о «крушении более примитивного общественного строя под влиянием капитализма»; необходим более глубокий анализ реальных событий. Во-вторых, едва ли можно приступать к изучению миграции рабочей силы, не изучив основательно тех процессов урбанизации, которые протекают в так называемых «развивающихся странах» и на «периферии», особенно в районах трущоб³. Здесь уместны рассуждения Сантоса о дуальной экономике, а заголовок статьи Макджи говорит сам за себя: «Крестьяне в городах — парадокс, парадокс, самый настоящий парадокс»⁴.

Необходимо критически проанализировать некоторые из сделанных до сих пор выводов, с тем чтобы открыть новые перспективы развития научной мысли. Модель капитализма, положенная в основу подхода, о котором шла речь выше, страдает излишней рациональностью. Она исходит из того, что капиталисты лучше других знают, что нужно для капиталистического развития, и в соответствии с этим решают как националь-

ные, так и международные проблемы. Однако следует признать возможность, а то и необходимость «неожиданных результатов». Вера в неограниченные возможности капиталистической экспансии — любимый плод самообмана, которому предаются как капиталисты, так и экономисты. Его конкретным выражением явилась поддержка государственной политики раскрестьянивания Западной Европы, которая способствовала усилению стихийных процессов. В результате в 50-е годы нашего века чрезмерное сокращение крестьянства превратилось в серьезную проблему. За короткое время в деревнях (скажем, в Южной Италии) почти не осталось «лишних» крестьян, были «исчерпаны» и другие источники рабочей силы (например, немцы, переселяющиеся из ГДР в ФРГ, или французы, «возвращающиеся домой» из Алжира). Тогда нехватку трудовых ресурсов стали компенсировать за счет внешней миграции. То есть ряды западноевропейского крестьянства пополнились иностранными гражданами. Такова общая картина развития событий во всемирно-историческом масштабе.

Трудящиеся мигранты

Помимо всех этих соображений, встает вопрос: как фокусирование внимания на крестьянстве помогает понять особенности нынешних общин мигрантов, ставших полупролетариями? Отвечая на него, необходимо иметь в виду три момента.

Во-первых, классовый анализ, который не учитывает исторического прошлого, представляет собой, как правило, наихудшую из абстракций. Нет сомнения, что самосознание и образ действий человека формируются под влиянием объективно существующих экономических противоречий, того «места, которое он занимает в системе производственных отношений», и, наконец, общественного строя — в самом широком понимании. Но оставаясь в этих рамках, «люди сами делают свою историю», пусть и «не так, как им вздумается, при обстоятельствах, которые не сами они выбрали, а которые непосредственно имеются налицо, даны им и перешли от прошлого». Вот почему, будучи частью прошлого, «традиции всех мертвых поколений тяготят, как кошмар, над умами живых»⁵ Теоретическое по-

строение, которое опирается исключительно на непосредственные признаки явления, в отрыве от исторического контекста лишено всякого смысла. Любое практически значимое исследование, ориентированное на изменение политической ситуации и прогнозирование реальной действительности, предполагает такой анализ, который бы исходил из неразрывного единства прошлого и настоящего, структуры и процессов.

Далее. Основой всего нашего подхода к проблеме миграции следует считать учет тех связей с деревней, которые сохраняются у переселившихся в город и ставших полупролетариями бывших крестьян (равно как и их стремления вернуться в родные места). Ибо в этом и состоит основное качественное отличие переселенцев от местного рабочего класса (если не принимать во внимание цвет кожи, национальность и культуру). Здесь нельзя вновь не сказать о двух предрассудках экономистов. Во-первых, о вере в то, что по окончании экономического «бума» «резервная армия труда» будет просто отправлена обратно; и во-вторых, о предположении, что иностранные рабочие по своей воле вернуться домой не захотят (ибо кто же, будучи в здравом уме, предпочтет более низкий уровень жизни). И то и другое не соответствует действительности.

Когда в Западной Европе в начале 70-х годов XX века «бум» сменился экономическим кризисом, это не привело к резкому сокращению числа иностранных рабочих. Да и по уровню занятости они мало чем уступают местному населению. Возникла новая ситуация, когда переселенцы стали заниматься самой низкооплачиваемой, «грязной» и непривлекательной работой, в то время как ранее выполнявшие ее местные рабочие предпочли получать пособие по безработице. Приток иностранной рабочей силы законодательно ограничен. Однако никакие законы не смогли заставить уехать уже обосновавшихся переселенцев или существенно повлиять на идущую полным ходом «нелегальную» миграцию. Все дело в явной заинтересованности местных работодателей и в тех ухищрениях, на которые идут мигранты ради «места под солнцем». Уже начался процесс массовой миграции в США из стран Латинской Америки.

Мечта о возвращении в родную деревню богатым и преуспевающим человеком — вот та патентованная

утопия, которой подчинены все помыслы, устремления и притязания многих мигрантов. И это не только мечта, ибо почти в каждой деревне Южной Италии или Ирландии найдутся свои «американцы», то есть «возвращенцы». Конечно же, всякая мечта, как правило, требует соответствующих доказательств своей осуществимости — пусть даже в ограниченном масштабе. Пока все еще мало серьезных и долгосрочных исследований этого вопроса. Однако здесь может оказаться весьма поучительным сравнительный анализ некоторых цифровых данных конца прошлого — начала нынешнего века. Так, в конце XIX века в Польшу (страну нищих, угнетенных и малоземельных крестьян) из богатых, процветающих и свободных США возвратилось 30% поляков, в основном крестьян; а за 1897—1918 гг. число переселенцев и реэмигрантов из США в Европу составило 47%⁶. По-видимому, большая их часть вернулась в свои деревни.

Что касается Западной Европы, то в наши дни, как и ожидалось, многие мигранты не спешат менять место жительства. Однако часть из них (причем большая, чем можно было предположить), по-видимому, все же возвращается в родные места, несмотря на опасения навсегда лишиться более высоких доходов и пр.

Коллективные мечтания, в какой-то мере опирающиеся на реальность, имеют важное значение для характеристики социальных групп и особенно для анализа политического сознания. Возьмем экономику. Иностранные рабочие откладывают большую часть своего заработка, чем представители других слоев общества, в котором они живут, что совершенно не свойственно любым пролетариям (а тем более полупролетариям). А если посмотреть, во что вкладываются сбережения, то окажется, что чаще всего это дом и земля в родных местах или же счет в местном банке⁷. Если же обратиться к структуре политических формирований, то следует сказать, что иностранные рабочие создают свои организации в рамках многопрофильных ассоциаций (будь то профсоюз, партия, клуб, кооператив и т. д.). В этом проявляется чисто крестьянский подход к делу, абсолютно не характерный для капиталистического общества. Данное обстоятельство не осталось незамеченным всеми теми, кто занимается политической социологией крестьянства. Кроме того, иностранные рабо-

чие, которым якобы недостает опыта классовой борьбы, твердо и последовательно поддерживают забастовки местного пролетариата, а тот не отвечает им взаимностью. Дальше Николинакос и многие другие исходят из того, что переселенцы чаще страдают душевными заболеваниями, однако это уже давно не соответствует действительности. Дело обстоит как раз наоборот, если провести сравнение с местными пролетариями. Этот ряд можно продолжить. Но, пожалуй, уже пора сделать некоторые выводы.

Оставаясь на почве реализма, иностранных рабочих «объективно» нельзя уподоблять местному пролетариату или рассматривать их просто как угнетаемую группу людей, свалившихся с Луны. Необходимо учитывать динамику общемировых процессов, исходить из передвижения людей, ресурсов и информации в обоих направлениях, а также из конкретно-исторических условий в самом широком понимании. Формирование общин рабочих-мигрантов во многом еще продолжается из-за возвращения отдельных их членов на родину, что влечет за собой изменение социальной структуры. Если судить по социально-политическим признакам, то иностранные рабочие, несмотря на воздействие капиталистического общества, сохраняют свое крестьянское начало. Причем это касается не только традиций прошлого, но и повседневных отношений и связей.

Хотя все акценты уже расставлены, мы так и не закончили даже весьма приблизительный список проблем, которые ждут своего изучения. Во-первых, возникает вопрос: почему наши социологи не смогли предсказать одну из наиболее знаменательных перемен в социальном облике Западной Европы? Только ли в анализе тут дело (например, в его ориентации на городскую модель развития и прозападном уклоне)?

Во-вторых, концепция «ложного сознания», которая служит для объяснения «предрассудков» местного рабочего класса по отношению к иностранным рабочим, требует гораздо более глубокого осмысления. В чем смысл иммиграционной политики, если не считать довольно беззубой декларации о предоставлении «равных возможностей»? А как насчет идеи Эмануэля о том, что сознание местных и иностранных рабочих точно отражает коренное различие интересов тех и других? Малоприятное умозаключение напрашивается само собой.

Но это всего лишь еще один довод в пользу особенно тщательного рассмотрения данной проблемы.

В-третьих, рассматривать перспективы на будущее нельзя в отрыве от судьбы крестьянских сыновей и дочерей — этой весьма своеобразной группы населения, к изучению которой еще и не приступали. Мелкие чиновники в Индии и Танзании, случайные политики в Мексике, полицейские в дореволюционной России и китайские «кадровые работники» — все они часто внезапно возникают из небытия и начинают играть особую и важную роль, но остаются еще в тени.

Путь к решению всех этих проблем лежит через исследование крестьянских общин как части всей мировой социальной системы и через восприятие истории как важного фактора в социологии и экономической жизни.

1. Nikolinos M. Notes toward a General Theory of Migration in Late Capitalism.— *Race and Class*, 1975, vol. 17, No. 1.

2. Park R. E. *Human Communities; Race and Culture*. New York, 1952.

3. В качестве примера см.: Kiray M. B. *Squatter Housing: Fast De-Peasantisation and Slow Workisation in Underdeveloped Countries*. (Труды Всемирного социологического конгресса. Варна, 1970.)

4. McGee T. G. *Peasants in the Cities: a Paradox, a Paradox, a Most Ingenious Paradox*.— *Human Organisation*, 1973, vol. 32, No. 2.

5. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 8, с. 119.

6. См.: Thomas W. I., Znaniecki F. *The Polish Peasant in Europe and America*. New York, 1958.

7. Вот, например, во что вкладывают деньги турки в Западном Берлине (см.: Kudat A. *Stability and Change in the Turkish Family at Home and Abroad*. Berlin, 1975, p. 77):

земля	—30,6%
дом	—20,7%
счет в банке	—40,9%
предметы роскоши	— 6,5%
<u>техническое оборудование</u>	<u>— 1,3%</u>
Итого	—100%

21. Для кого обернулась кризисом нехватка рабочей силы в сельском хозяйстве Египта

Миграция экономически активного мужского населения из Египта в арабские страны в связи с нефтяным бумом начала 70-х годов вызвала нехватку рабочей силы в некоторых отраслях египетской экономики. К числу наиболее важных из них следует отнести сельское хозяйство, где с середины 70-х годов произошел резкий рост реальной заработной платы. В результате, по данным Министерства сельского хозяйства Египта, «отрасль сегодня оказалась перед лицом одного из серьезных кризисов». В настоящих заметках сделана попытка проанализировать характер этого «кризиса» и то, как он отражается на рынке рабочей силы и производственных отношениях в деревне. За основу взяты статистические данные, собранные в одной из деревень за восемнадцать месяцев (1981—1982 гг.).

Деревня Дахшур расположена на краю Западной пустыни, в 45 км к югу от Каира (мухафаза Гиза). Едва заметный отток рабочей силы в арабские страны начался в конце 60-х годов, тогда люди отправлялись в Ливию. На протяжении 70-х годов этот поток нарастал, поскольку сельскому хозяйству и строительству соседней страны, переживавшей период бурного роста, требовалось все больше рабочих рук. Вплоть до закрытия границ между Ливией и Египтом в 1976 г. миграция оставалась в основном нелегальной. Люди отправлялись за границу без виз и трудовых договоров. Такой шаг практически ничего не стоил и не был связан с бюрократическими формальностями. Поэтому его могли позволить себе даже представители беднейших слоев населения этой деревни — безземельные сельскохозяйственные рабочие и мелкие крестьяне.

После подписания Кэмп-дэвидских соглашений между Египтом и Израилем египетско-ливийские отношения еще более ухудшились, и основной миграционный поток устремился в Саудовскую Аравию, а в начале 80-х

одов — в Иорданию и Ирак. С середины 70-х гг. расширился и профессиональный состав мигрантов. В их числе оказались работники почти всех отраслей сельского хозяйства. В 1981 г. около 10% семейных хозяйств деревни имели своих членов, работающих за границей, причем около 50% всех мигрантов было отлечено от земледелия.

Из примерно 800 дворов деревни Дахшур почти 50% занимается земледелием. Основные товарные культуры — овощи, поставляемые главным образом в Каир, и кормовой клевер, который поступает на местный рынок. Чтобы прокормить себя и свой скот, крестьяне выращивают кукурузу и клевер. Возделывание овощных культур — очень трудоемкий процесс. Обработка почвы ведется круглый год, и каждый клочок земли дает до четырех и более урожаев в год. Методы земледелия в основном традиционные. Лишь молотья и полив более или менее механизированы. Общая причина того, что деревне Дахшур требуется больше рабочих рук, чем многим другим сельскохозяйственным районам Египта, кроется в используемых здесь агротехнических приемах и схемах севооборота.

Земельные наделы в Дахшуре, как и повсюду в Египте, чрезвычайно раздроблены. Половина крестьян (в целом по стране — 49%) обрабатывает менее одного федана (1 федан = 1,038 акра), 90% — менее трех феданов (в целом по стране — 82%). Верхний слой хозяйств в Дахшуре не представлен (имеются в виду те 2%, которые возделывают от 10 до 50 феданов); площадь обрабатываемых здесь участков не превышает шести феданов. В деревне, как и по всей стране, существует два типа сельских хозяйств: во-первых, это крестьянские хозяйства (в основном семейного типа), производящие продукцию для собственных нужд и на продажу; во-вторых — капиталистические сельскохозяйственные предприятия, ориентированные целиком на рынок, на которых используется только наемная рабочая сила. 90% хозяйств в Дахшуре — крестьянские, остальные — мелкие капиталистические предприятия. В Египте крестьянские хозяйства составляют примерно 95%, и обрабатывают они до двух третей земельных угодий. Таким образом, они являются движущей силой сельскохозяйственного производства как в деревне Дахшур, так и в стране в целом.

При всей раздробленности участков и преобладании крестьянских хозяйств наемный труд — важная составляющая сельскохозяйственного производства. Дело в том, что только 12% местных крестьянских хозяйств никогда не использует наемную рабочую силу. Остальные, хотя и полагаются в основном на семейный труд, все же не могут обойтись без привлечения дополнительной рабочей силы в разгар сельскохозяйственных работ. Учитывая технологию выращивания овощей, это происходит довольно часто. В большинстве случаев наемный труд в той или иной форме используется не менее одного дня в неделю. Таким образом, привлечение рабочей силы со стороны является определяющим для крестьянских хозяйств данной деревни, неотъемлемой чертой производственного процесса.

По общему мнению, в 50-х и 60-х годах деревня не испытывала недостатка в безземельных сельскохозяйственных рабочих. Как правило, их нанимали на определенный срок для работы как на капиталистических фермах, так и в крестьянских хозяйствах. Сегодня и те и другие отмечают, что положение коренным образом изменилось, о чем свидетельствует резкий рост заработной платы наемных сельскохозяйственных рабочих с середины 70-х годов (подобная тенденция наблюдается и в масштабах всей страны). Крестьяне деревни Дахшур основную причину нехватки рабочих рук видят именно в миграции рабочей силы за границу. Некоторые из них считают, что в последние годы этот процесс достиг угрожающих масштабов. Однако, хотя все без исключения отмечают нехватку сельскохозяйственных рабочих, нет сомнений в том, что она имеет совершенно разные последствия для капиталистических ферм и семейных крестьянских хозяйств.

По мнению капиталистических фермеров, нехватка рабочей силы вызвала не только повышение уровня оплаты труда, но и дефицит рабочих рук на протяжении почти всего сельскохозяйственного года. А крестьяне-фермеры, признавая ухудшение положения на рынке наемного труда, тем не менее считают, что выход всегда можно найти. Для них нехватка рабочей силы означает прежде всего повышение затрат.

В этой связи необходимо выяснить, почему в одной и той же деревне один сектор сельского хозяйства — капиталистический — сетует на резкое ухудшение обе-

спеченности рабочей силой, а другой — крестьянский — почти не испытывает этих трудностей. Тот очевидный факт, что капиталистические предприятия находятся в большей зависимости от наемного труда, едва ли способен прояснить ситуацию, ибо, как уже отмечалось, и в семейных хозяйствах используется наемная рабочая сила. Как явствует из собранных на месте статистических данных, тут важную роль играют три фактора, каждый из которых оказывает свое воздействие на оба сектора:

- 1) способность крестьян как-то управлять оттоком рабочей силы из сельского хозяйства;
- 2) структура и особенности функционирования деревенских рынков сельскохозяйственной рабочей силы;
- 3) способность того и другого сектора компенсировать нехватку наемных рабочих путем замещения их другими работниками.

Управление процессом миграции рабочей силы

За семь лет (1972—1979 гг.) численность сельскохозяйственных рабочих в Египте сократилась на 14%, то есть более чем на полмиллиона человек¹. Большая их часть занята либо в экономике других арабских стран, либо в отечественной строительной промышленности². Капиталистический фермер способен ограничить отток наемной рабочей силы, лишь подняв зарплату до конкурентоспособного уровня. Реальная заработная плата сельскохозяйственных рабочих и в самом деле повысилась, но она по-прежнему ниже, чем в строительстве (не говоря уже о заработках за границей). А отсюда и недовольство по поводу катастрофического уменьшения прибыли.

Однако миграция крестьян во многом определяется хозяйственными нуждами и необходимостью продолжения рода. Это хорошо видно из тех правил, которых придерживаются в деревне Дахшур. Так, отъезд за границу одного мужчины из семейного хозяйства откладывается до возвращения другого. «Право на миграцию» последовательно предоставляется членам семьи, так сказать, по старшинству. Например, хозяин дома, как правило, может позволить себе уехать на заработки, только если его сыновья еще не достигли совершеннолетия (в противном случае это право переходит к ним);

а сыновья, которые вот-вот достигнут брачного возраста, получают преимущество в «очереди на выезд» перед теми, кто моложе или уже женат. «Внутренняя логика» этих правил исходит из того, что хозяйству нужны рабочие руки, а семья должна дать жизнь новому поколению (миграция — известный) всем способ скопить денег, чтобы вступить в брак). Таким образом, налицо два фактора, сдерживающих отток рабочей силы за границу. Однако они далеко не всеильны. Конфликтов между главами семей и их сыновьями, мечтающими поехать на заработки, более чем достаточно. Однако очевидно, что если уход из сельского хозяйства безземельных наемных рабочих принял массовый характер, то неконтролируемому оттоку рабочей силы из семейных хозяйств во многом препятствует необходимость продолжения рода.

Структура и особенности функционирования рынка сельскохозяйственной рабочей силы

В 50-х и 60-х годах в деревне Дахшур, как и повсюду в стране, на рынке наемного труда предлагали свои услуги в основном не имеющие или почти не имеющие земли сельскохозяйственные рабочие³. Сегодня в сельском хозяйстве таких фактически нет. Им на смену пришло главным образом мелкое крестьянство. Подобное изменение структуры рынка повлекло за собой перемены в его функционировании. Ибо мелкий крестьянин (в отличие от своих предшественников) выходит на рынок наемного труда лишь время от времени, руководствуясь графиком полевых работ на своем участке и необходимостью заработать деньги. Эта необходимость может вступить в противоречие (нередко так оно и бывает) с потребностями капиталистического производства. Скажем, крестьянин менее всего склонен работать по найму в разгар сезона, когда рыночный спрос на рабочую силу и оплата труда достигают своего максимума. Иными словами, рынок больше не подчиняется законам капиталистического производства, а функционирует в соответствии с потребностями семейного крестьянского хозяйства.

Эти наблюдения, в основе которых статистические данные, собранные в деревне Дахшур, по-видимому, позволяют лучше понять результаты обследований де-

ревень в других районах Египта. Например, Ричардс и др.⁴, обследовав в 1978—1979 гг. пять деревень в дельте Нила (мухафаза Шаркийя), пришли к выводу, что предложение на рынке наемного труда не является эластичным, то есть не изменяется сообразно уровню его оплаты. Таким образом, полученные результаты, как представляется, подтверждают мои собственные наблюдения и указывают на то, что для владельца капиталистического сельскохозяйственного предприятия рынок наемного труда, на котором преобладают мелкие крестьяне, не равноценен рынку «вдвойне свободной» безземельной рабочей силы, отвечающему требованиям капиталистического производства.

Альтернативные источники рабочей силы

В 50-х и 60-х годах крестьянам и владельцам капиталистических сельскохозяйственных предприятий был гарантирован избыток мужской рабочей силы на рынке наемного труда. В настоящее время на рынке не только ощущается недостаток предложения, но и произошли изменения в его функционировании. Поскольку женщин не затронули миграционные процессы, женских рабочих рук пока хватает. В деревне Дахшур это в основном вдовы, разведенные, члены семей безземельных мигрантов и бедствующих крестьян. Эти женщины утверждают, что их желание трудиться не соответствует возможности найти работу. Повсюду в Египте также отмечалось избыточное предложение женской наемной рабочей силы (во всяком случае, в отдельные периоды сельскохозяйственного года). Однако как в деревне Дахшур, так и в других недавно обследованных районах при найме рабочей силы по-прежнему царит жесткое разделение труда. Несмотря на недостаточную обеспеченность мужской рабочей силой и избыток женских и детских рабочих рук, женщин и детей не привлекают для выполнения работ, которые традиционно считаются мужскими. Таким образом, капиталистические фермеры не могут заменить мужской наемный труд немужским.

В то же время для семейного крестьянского хозяйства не характерно столь жесткое разделение труда. При нехватке рабочих рук женщины и дети обычно берут на себя чисто мужскую работу. Скажем, нередко

можно увидеть, как женщины на своем участке выполняют одну из наиболее тяжелых сельскохозяйственных работ — управляются с подъемником (архимедовым винтом), который обеспечивает подачу воды для полива, а среди наемных работников это делают только мужчины. Следовательно, крестьяне в состоянии компенсировать недостаточную обеспеченность дешевой и легкодоступной мужской наемной рабочей силой не только за счет интенсификации труда мужчин (из числа членов семейных хозяйств), но и путем привлечения женщин и детей к выполнению «мужской» работы. Капиталистические фермеры, всецело зависящие от рынка наемного труда, пойти на это не могут.

Проведенное в 60-х годах изучение населения, занятого в сельском хозяйстве Египта, позволило сделать вывод, что избыток мужской рабочей силы был «сосредоточен» в семейных крестьянских хозяйствах⁵. Несмотря на недостаточное предложение сельскохозяйственной рабочей силы, в деревне Дахшур такое положение, по-видимому, сохраняется и по сей день. Свободная рабочая сила почти не появляется на рынке наемного труда и, следовательно, остается недоступной для капиталистических фермеров. Однако крестьяне могут использовать этот резерв, вступив в отношения обмена рабочей силой с такими же семейными хозяйствами, но специализирующимися на иных (а часто и сходных) видах сельскохозяйственной продукции. Подобные отношения теперь обычно предполагают расчет как наличными, так и натурой, однако в основе соглашения всегда лежат обязательства возместить затраченный труд трудом. Капиталистические фермеры, не располагая, подобно семейным хозяйствам, рабочими руками для обмена, не могут вступить в указанные отношения. Таким образом, крестьяне, в отличие от капиталистических фермеров, имеют возможность, минуя рынок наемного труда, привлекать избыточную рабочую силу, не занятую в собственных семейных хозяйствах.

Меры, предпринимаемые семейными крестьянскими хозяйствами в борьбе с нехваткой рабочей силы, не укладываются в рамки капиталистической экономики, тем не менее они хорошо продуманы в экономическом плане. Тот факт, что крестьяне-единоличники деревни Дахшур оказались в состоянии управлять оттоком ра-

бочей силы из сельского хозяйства и рационально использовать оставшиеся трудовые ресурсы, обеспечил им более выгодное положение по сравнению с капиталистическими фермерами. Таким образом, дефицит рабочих рук имел разные последствия для двух секторов сельскохозяйственного производства в одной деревне.

В попытке справиться с ухудшением обеспеченности наемной рабочей силой и с ростом затрат на ее содержание крестьяне деревни Дахшур, возможно, через какое-то время перейдут на выращивание менее трудоемких культур. По их словам, например, выделение за последние годы дополнительных площадей под клевер вызвано не только повышением рыночных цен, но и тем, что клевер требует меньших затрат труда, чем большинство овощных культур. Кроме того, существует опасность не уложиться в оптимальные сроки проведения некоторых сельскохозяйственных работ, поскольку стало меньше возможностей для привлечения рабочей силы со стороны. Все же в 1975—1980 гг. урожаи большинства культур продолжали расти теми же или даже несколько более высокими темпами, чем в предыдущем пятилетии, иначе говоря, нет никаких признаков того, что крестьянские хозяйства серьезно пострадали в результате нехватки рабочих рук.

В то же время капиталистический тип производства в деревне оказался под угрозой. Дело в том, что, пытаясь справиться с дефицитом рабочей силы, их владельцы все чаще сдают в аренду крестьянам всю свою землю или ее часть. Арендные отношения бывают двух видов: во-первых, различные формы издолящины, во-вторых, сдача земли в аренду для выращивания определенной культуры, причем сумма арендной платы устанавливается заранее, с учетом ее ценности. В обоих случаях договор об аренде заключается на сезон, чтобы обойти закон об аренде земли, устанавливающий относительно низкие ежегодные платежи, и чтобы легко избавляться от неуступчивых арендаторов. В результате земли, обрабатывавшиеся капиталистическими предприятиями, все в больших масштабах переходят к крестьянским хозяйствам, а у крестьян в последние годы появилась все возрастающая возможность получать земельные участки. Таким образом, нехватка рабочей си-

лы повлекла за собой «окрестьянивание» сельскохозяйственного производства.

Доля общей площади сельскохозяйственных угодий, находившаяся в собственности крестьян и обрабатывавшаяся ими в 1952—1977 гг.

% земель	1952 г. (до проведения земельной реформы)	1961 г. (после принятия закона о земельной реформе)	1965 г.	1977—1978 гг.
находившихся в собственности крестьян *	35	52	57	52
обрабатывавшихся крестьянами	23 **	38	52	67

* Под «крестьянами» здесь имеются в виду владельцы или арендаторы земельных участков площадью не более 5 феданов. Столь приблизительное разграничение производственных отношений, основанное на размере хозяйства, является общепринятым. Мы исходим из данных сельскохозяйственной переписи 1961 г., согласно которым участки до 5 феданов обрабатываются, как правило, членами семейных крестьянских хозяйств.

** Данные за 1950 г. (ввиду отсутствия сведений о том, какой процент земель был сдан в аренду в 1952 г.).

В масштабах всей страны за последние годы также отмечалось увеличение доли земли, обрабатываемой крестьянами, при сокращении доли земли, обрабатываемой капиталистическими фермерами (см. табл.). Если в 1965 г. крестьяне обрабатывали чуть больше половины общей площади всех арендованных сельскохозяйственных угодий, то в 1977—1978 гг. — уже 67%. За тот же период доля земель, принадлежащих крестьянам, сократилась с 57 до 52%. Таким образом, увеличение доли обрабатываемой крестьянами земли достигнуто за счет ее аренды у капиталистических фермеров.

Аренда земли крестьянами стала преобладающей в 1965 г. в отличие от противоположной тенденции, наблюдавшейся в предыдущие годы. В 1952—1965 гг. общая тенденция заключалась в том, что земля переходила в аренду от крестьянских семейных хозяйств к более крупным капиталистическим сельскохозяйственным

предприятиям, которые объединяли крестьянские наделы в единое целое.

Результаты данного исследования показывают, что даже в тех случаях, когда капиталистическое сельскохозяйственное производство существует, соседствует с семейными крестьянскими хозяйствами, располагающими избытком рабочих рук, оно не может нормально развиваться из-за недостаточного предложения рабочей силы, не имеющей или почти не имеющей собственной земли. При наличии преуспевающих семейных хозяйств работающие по найму мелкие крестьяне и безземельные наемные сельскохозяйственные рабочие — это далеко не одно и то же.

1. Hansen Cf. B., Radwan S. Employment Opportunities and Equity in Egypt. 1982, ILO, Geneva, p. 59, 60.

2. Amin G., Taylor-Awny E. International Migration of Egyptian Labour, IDRC, Ottawa, 1985.

3. Agricultural Census, 1961. Ministry of Agriculture, Cairo; Mohie-Eldin A. The development of the share of agricultural wage labour in the national income of Egypt.— Abdel-Khalek G., Tignor R. (eds.). The Political Economy of Income Distribution in Egypt. New York and London, 1982.

4. Richards A., Martin P. and Nagaar R. Labour shortages in Egyptian agriculture.— Richards A. and Martin P. (eds.). Migration, Mechanisation and Agricultural Labour Markets in Egypt, Colorado and Cairo, 1983.

5. Mohie-Eldin A. Underemployment in Egyptian agriculture.— Manpower and Employment in Arab Countries, ILO, Geneva, 1976.

22. Региональность как центральный вопрос сельского хозяйства *

Пространственная разница в строе и состоянии сельского хозяйства оказывается весьма прочной. Это заставляет приписывать разную высоту производительности в народнохозяйственном масштабе не воле и сознательному усмотрению индивидуальных хозяев, а каким-то общим стихийно действующим факторам. Ниже мы убедимся в том, что за второй год небывало разрушительной мировой войны хозяйственные отношения и организационно-хозяйственные различия по районам остались в общем в тех же самых рамках. (...) От чего зависит такая устойчивость в пространственных, а согласно предыдущему, и в хронологических переменах в строе сельского хозяйства.

Говоря кратко, дело сводится к природе техники и организации с.-х. производства и тем условиям народно-хозяйственной среды, в которой сельское хозяйство находится. Как известно, данная масса с.-х. продуктов в ценностных единицах может быть получена при разном соотношении затрат раб. силы, капитала и земли. При неисчерпанном запасе земельной территории, годной для расширения с.-х. продукции, последнее возможно путем экстенсивным, т. е. увеличением эксплуатируемой с.-х. площади без повышения напряженности затраты труда и капитала на единицу площади. При исчерпании же свободных земель расширение с.-х. продукции возможно лишь путем повышения затраты труда и капитала; но повышение последних возможно лишь при соответствующей оплате их, оплате, удовлетворяющей масштаб выгоды хозяйств разных типов,— капиталистического-наемнического и трудового-ремесленного. Это повышение трудовых и капитальных затрат в свою очередь возможно в пределах прежних господствующих отраслей сел. хозяйства

* А. Н. Челинцев. Русское сельское хозяйство перед революцией. М., 1928.

лишь до известного предела, после которого повышение затрат на единицу площади, т. е. повышение интенсивности, прекращается, так как делается невыгодным. Избегая этого, сельское хозяйство неизбежно должно менять состав производительных отраслей, т. е. культур и животноводственных отраслей в направлении отбора тех из них, которые будут трудо- и капиталоемкими. Мало того, что более интенсивные отрасли земледелия и животноводства прекращают выгодную оплату затрат с ростом интенсивности лишь на более высоком уровне интенсивности, но они и могут иметь место лишь при таком минимуме затрат труда и капитала, который превышает собой максимальный выгодный предел затрат культур и отраслей экстенсивных.

В отношении емкости все более значительных и вместе с тем выгодных затрат труда и капитала отрасли земледелия располагаются, грубо говоря, так: пастбища, луга, зерновые хлеба примитивных культур, зерновые хлеба улучшенных культур, травосеяние вместе с использованием трав скотом, корнеклубнеплоды и прядильные, технические (табак), кустовые садовые и огородные культуры. В отношении животноводства: овцеводство, масляное рогатое скотоводство, дворовостойловое свиноводство, молочное скотоводство и птицеводство. Таким образом, ясно, что сокращение земельного простора предполагает за известным пределом обязательную смену отраслей и культур постоянно в направлении сокращения экстенсивных и дальнейшего расширения интенсивных.

В капиталистических рыночных хозяйствах это означает вздорожание земли и необходимость экономии ее, а следовательно, поднятия затрат, сравнительно более дешевых, предполагается, капитала и рабсилы. С другой стороны, изменение параллельно народному хозяйству развития объема рынка на с.-х. продукты предотвращает или отдаляет обесценение с.-х. продуктов, которое было бы и которое должно наступить, если бы расширение более емких по затратам культур и отраслей происходило без соответствующего изменения рынка. Другими словами, рост рынка обеспечивает всестороннюю интенсификацию сел. хозяйства при исчерпании земельного простора; само собой разумеется, что и экстенсивное расширение сел. хозяйства связано с ростом рынка и возможностью выгодно реализовать

прирост с.-х. продукции; рынок и здесь является условием и предпосылкой роста с.-х. продукции, сверх потребности самого с.-х. населения.

Так как масштаб обесценения выгоды затрат труда и капитала при одном и том же рынке сбыта неодинаков для капиталистического и трудового (ремесленного) сел. хоз. и в последнем рабсила, в особенности в условиях малоземелья, расценивается дешево, накопление капитала задержано и капитал c^c ходится сравнительно дороже, то вышеуказанные сдвиги сел. хоз. в направлении его расширения и большей интенсивности проходят в капиталистическом хозяйстве не так далеко, как в хозяйстве трудовом; — оптимальный предел затраты труда и капитала в трудовом выше, чем в капиталистическом сел. хозяйстве. К этому надо прибавить, что все условия народно-хозяйственной среды, меняющие оценку средств с.-х. производства, в том числе особенно рабочей силы, меняют предел выгодной затраты их; и при разной степени и выгоды продажи рабочей силы для крестьянских хозяйств (промыслов) повышает или понижает оптимальный уровень интенсификации и соответствующую ему пропорцию различных интенсивных культур и отраслей. Так как далее все перечисленные моменты народно-хозяйственной среды (т.е. рынок с.-х. продуктов, его объем и соответствующие ценовые эквиваленты, затем рынок средств производства — рабочая сила, капитал и при капит. строе земля, далее степень землеобеспеченности или наличной плотности с.-х. населения, степень профессиональной и социальной дифференциации с.-х. населения) изменяются в процессе народно-хозяйственного развития, но с известной постепенностью, то перед наблюдателем обычно открывается картина определенной устойчивости строя и состояния сел. хоз. в пространстве и вместе с тем, беря более продолжительный период, закономерного изменения этого строя во времени.

В сказанном вместе с тем мы отмечаем перечень важнейших народно-хозяйственных моментов, определяющих географический облик и динамическую закономерность в организационном строе сел. хозяйства. Географию перечисленных народно-хозяйственных моментов мы должны привести в известность, если хотим отдать себе ответ в пространственном размещении сел.

хоз. всякой страны и, следовательно, нашей страны. С этого мы и должны начать дальнейшее изложение. Но необходимо отметить предварительно, что уже чисто теоретически надо предусматривать неодинаковые сочетания их, которые должны сказываться также в неодинаковых изменениях, пространственно и хронологически, изменениях самого сел. хоз.

К этому надо, конечно, добавить разницу климатических и земельных, а также культурно-этнических условий, которые автор подразумевает как само собой разумеющиеся.— *Прим. Т. Шанина.*

23. Семейная ферма и международные продовольственные режимы

Продовольственное производство давно привлекает внимание на его противоположных полюсах: как на уровне организации отдельного предприятия, так и на уровне международного разделения труда. Коммерческое семейное сельское хозяйство возникло вместе с упрочением капитализма в районах жизни европейцев в последней четверти XIX века. Оно вытеснило не только самодовлеющее крестьянство в Западной и в Восточной Европе, но также и те товарные фермы, которые зависели исключительно от наемного труда. Оно сохранилось по сей день в развитых капиталистических странах. А на международной арене многие из ранее самообеспечивающихся сельских обществ в «третьем мире» стали зависеть от импорта продовольствия. Путем расширения и углубления мировых рынков за последнее столетие основные виды продовольствия во все большей степени стали производиться на семейных фермах развитых капиталистических стран, особенно США.

Ключ ко всему массиву проблем, связанных с продовольствием и сельским хозяйством,— от мирового продовольственного производства до экологических последствий преобладающих методов ведения сельского хозяйства— в том, чтобы понять природу семейной крестьянской фермы.

Простое товарное производство и предприятия, основанные на семейном труде

Два момента отличают семейных фермеров в капиталистическом обществе: сочетание собственности и труда, или *простое товарное производство*, и *единство семейного и производственного коллективов* в процессе труда. Для того чтобы изучить ту неожиданную

ситуацию, при которой работники-собственники вот уже в течение века преобладают в такой большой отрасли капиталистического производства, как производство основных видов продовольствия, нужна концепция. Семейные коммерческие фермы лишены двух характерных для капиталистического предприятия черт: их труд не общественный в том смысле, что он не получает денежного выражения через рынок рабочей силы, а прибыль субъективна и как таковая не может структурно отличаться от других компонентов валового дохода предприятия, что препятствует любой тенденции в направлении выравнивания норм прибыли. В самой строгой интерпретации теории стоимости Уикс утверждает, что все это причины, почему не может существовать простой товарный «способ производства»¹. Однако семейные фермы существуют не как способ производства, а как предприятие внутри отраслей капиталистического хозяйства. В этом плане можно практически использовать понятие простого товарного производства в отношении производственной единицы, в отношении фермы или сектора, в котором эти единицы преобладают. Простое товарное производство — это *форма* производства, которая должна быть одновременно определена как через ее отношения с окружающим капиталистическим обществом, так и через процесс труда внутри самого этого предприятия.

Я определяю простое товарное производство как единство собственности и труда в хозяйстве, для которого характерно общее обращение товаров и поэтому — разделение капитала и труда; этот термин неприменим к семейным трудовым хозяйствам в формациях без развитых рынков рабочей силы, земельных прав и денег, равно как и рынков товаров. Положительные черты простого товарного производства в сельском хозяйстве — это обычно высокий уровень технологии и инвестиций и большая конкурентоспособность в сочетании с семейной основой разделения труда. Понятие простого товарного производства плодотворно, и возражения Уикса не меняют сути дела. Во-первых, поскольку затраты на покупаемые элементы производства перекрывают отдачу от труда, частный труд дает менее значительные отклонения от стоимости. Во-вторых, субъективная прибыль не препятствует расширению и сокращению сектора семейных ферм, поскольку конку-

рентные силы убирают многие предприятия, хотя без трансформации простого товарного характера оставшихся, более крупных предприятий.

Семейные предприятия уникальны внутри капитализма своим разделением труда на основе родства, а именно в зависимости от пола и возраста. И хотя они не включены в понятие простого товарного производства, они важны для исторического анализа. Традиция изучения процесса труда в семейном предприятии восходит к Чаянову. Его попытка построить «крестьянское хозяйство» имеет тот же недостаток, что и понятие простого товарного «способа производства». Впрочем, его пристальное внимание к точке пересечения линий экономики и демографии в семейных предприятиях как внутри одного поколения, так и по мере смены одного поколения другим закономерно. Если подходить к этим идеям критически, то мы должны пойти дальше Чаянова, для того чтобы увидеть семью как средоточие неравенства и господства и как арену борьбы.

Как только капитализм подчиняет семейные предприятия*, они принимают на первое время специфические черты простого товарного хозяйства: только в рамках капитализма собственность и труд образуют противоречивое сочетание. То, что отличает простое товарное хозяйство от прочих семейных производственных групп с древней родословной, — это те внешние отношения, которые привязывают его полностью к общему товарному обращению, включая также рынки труда, земли и ссудного капитала. Поскольку капитализм основывается на отделении собственности от труда и на их соединении путем контрактации труда, специфические и противостоящие интересы капитала и труда соединяются в простом товарном производстве. Этим объясняется заметное непостоянство и непредсказуемость политики и идеологии, характерные

* Это сложный процесс, включающий взаимодействие между товаризацией и половозрастным соотношением. Товаризация сдерживает (ограничивает) дворохозяйство и во все возрастающей мере суживает членство сначала до идеально атомарной семьи, а затем — к еще меньшему количеству человек. Это определяет отделение и обесценение домашней жизни, что создает основу для подчинения женщины при капитализме. — *Прим. авт.*

для простых товарных производителей, особенно для фермеров. Многие зависят от того, какой из аспектов единства взят в отношениях к большой политике.

Несмотря на то что простое товарное производство в условиях капитализма — историческая случайность*, оно имеет логическое отношение к другим формам. С капиталистическими предприятиями его объединяют некоторые общие условия воспроизводства, конкуренция и побуждение к увеличению производительности труда, концентрации и централизации, ведущих к увеличению размеров предприятия и сокращению числа предприятий; увеличению зависимости сельского хозяйства от кредита по мере того, как земля все больше попадает в подчинение к капиталу. Эти черты резко контрастируют с отношениями статуса, господствующими связями внутри дворохозяйств и общин — с тем, что называется «крестьянским» производством. Для простого товарного производства, так же как и для капиталистического, характерна некоторая зависимость от рынков рабочей силы. В простом товарном производстве рынок труда дает возможность скоординировать определенные, фиксированные конкуренцией потребности предприятия в труде с демографическим циклом семьи. Он поставляет дополнительную рабочую силу для компенсации сезонных нехваток труда в те периоды, когда дети или слишком малы, или уже покинули родительский дом. Кроме того, рынок труда является источником дохода, получаемого членом семьи на стороне в целях пополнения дохода внутри своего двора или для накопления на случай раздела хозяйства следующим поколением. Хотя наемный труд и влетает в простое товарное производство, функционирует там он иначе, чем на капиталистическом предприятии.

Предприятие и семья совпадают в рамках семейного производства, и все три сущности появляются в ответ на углубление капиталистических отношений. Гибкость в издержках на рабочую силу и способность отказываться от прибыли дают семейной ферме определен-

* В качестве капиталистических предприятий оно характерно для современной эпохи, но не как капиталистические предприятия простое товарное производство совершенно не обязано существовать.— *Прим. авт.*

ные преимущества по сравнению с конкурирующими капиталистическими предприятиями. Конечно, последние гибки если не в издержках на одного занятого, то в том, что касается количества работников. Соответственно, преимущества простого товарного производства зависят от подходящих технических условий, которые держат потребности в труде в пределах размеров проживающей семьи. Сельскохозяйственная технология совершенствуется на основе крупномасштабных научных исследований и государственных субсидий и, в общем, способствует увеличению размеров хозяйства и накоплению, тем не менее она до некоторой степени отвечает также на спрос со стороны простых товарных производителей — по крайней мере это обстоятельство было причиной уменьшения размеров механических жаток после их внедрения в конце XIX века. Это же обстоятельство могло бы приобрести значение для разработки технологий, подходящих семейным хозяйствам в странах «третьего мира», если они будут в состоянии заплатить за требуемый товар. В то же самое время семейная собственность зависит от жизнестойкости патриархальной семьи или от ее приспособленности. Борьба женщин за независимость и равенство, а также борьба потенциальных претендентов и наследников часто приводят к конфликту по вопросам поддержания семейной собственности в должном состоянии и ее передачи. Семейное право, своего рода заменитель трудового права на семейных предприятиях, эволюционирует в условиях, когда большинство семей живут на зарплату и жалованье, и передача производственной собственности при разводе или смерти нелегко улаживается законами наследования, приспособленными к корпоративным формам.

Семейная ферма маргинальна для капитализма в двух аспектах. Во-первых, в качестве простого товарного производства, поскольку его существование теоретически (то есть по определению) не является необходимым. И во-вторых, в качестве семейной трудовой единицы она также на периферии капитализма, ибо в той мере, в какой капитализм «цивилизует семью», он цивилизует и семейные предприятия. Как и семья, простое товарное производство жизненно необходимо для вовлеченных в него людей, желают ли они укрепить патриархальную собственность, изменить ее или от нее

избавиться. Столкновение того, что находится на обочине общественной жизни, с тем, что находится в центре индивидуальной жизни, становится источником глубоких эмоций, выражающихся в мыслях и действиях. В зависимости от численности семейного фермерства, его положения в обществе и его жизнестойкости люди из этой теоретически маргинальной категории могут оказать драматическое и глубокое воздействие на историю капиталистических обществ.

У этой теоретической дискуссии есть два момента, два выхода, имеющих отношение к историческому анализу. Первый: семейные фермы следует конкретно изучать в плане их отношения к капитализму и к структуре семьи у разных народов. Второй: политика — это суть. Поскольку существование семейных фермеров — случайность, они даже в большей степени, чем другие классы и общественные группы, используют политику для обеспечения прочных условий своего воспроизводства. Типичной политикой в этом плане является поддержка цен и связанных с ними рыночных мероприятий, которые соединяют фермеров и государство сложными, но исключительно прочными связями. Впрочем, такая политика сильно различается по своим причинам и последствиям, проявляющимся в форме различных международных продовольственных режимов.

Международная продовольственная политика

Меняющееся отношение семейных ферм к государству, капиталу и международному разделению труда — это тема, требующая введения трех следующих концепций. Первая — концепция *агропродовольственного комплекса* — дает возможность проследить изменение в продуктах и в связанных с их производством видах деятельности и отраслях промышленности, которые последние сто лет все вместе определяли и рационы питания, и производство продовольствия. Вторая — концепция *режимов накопления* — позволяет поделить историю продовольствия и сельского хозяйства на два периода. Согласно Альетте, экстенсивный режим, в котором капитал организовывал лишь производство, но не образ жизни, существовал с последних десятилетий XIX века вплоть до первой мировой войны; интенсивный режим, в котором капитал организует образ по-

требления, то есть когда товарные отношения превалируют над традиционными в повседневной жизни, получил развитие после второй мировой войны². Третья концепция—это концепция *международного продовольственного режима*, которая унифицирует первые две. Она имеет свои особые источники в каждом из трех миров и оказывает на каждый из них свое специфическое воздействие. Экстенсивное накопление происходило в социалистическом и в слаборазвитом мире одновременно с интенсивным накоплением в развитом капитализме, и его следует понять как сравнительно, в отношении к истории экстенсивного накопления в Европе, так и относительно, в контексте послевоенного интенсивного накопления в развитом мире.

Экстенсивный международный продовольственный режим 1870—1914 гг. отвечал потребностям растущего рабочего класса в Европе и в странах европейских поселений. Товаризация продовольствия произошла в рамках рационов, характерных для разных частей Европы и занесенных европейскими колонистами в Америку и в Южное полушарие. При этом режиме на выросшем до беспрецедентных масштабов рынке были представлены основные виды продовольствия. Структура рынка отражала исторически обусловленную потребность европейской культуры в рационе, состоящем из пшеницы (в противоположность грубым злакам и картофелю) и мяса. Обильное предложение пшеницы и мяса в тот период шло от простых товарных производителей, вовлеченных в ареалы новых европейских поселений государственными проектами колонизации. Отмеченные ранее преимущества простого товарного производства вели к вытеснению как капиталистического, так и крестьянского сельского хозяйства в Европе. В результате стала быстро расти численность потерявших работу европейцев, готовых влиться в ряды поселенцев в Новом Свете. Вереница государственных проектов, простые товарные производители и свободная международная торговля привели к новому международному разделению труда, для которого был характерен экспорт зерна из ставших доминирующими экспортных ареалов, в частности из США.

После первой мировой войны этот режим охватил кризис, и, несмотря на краткие взлеты, он больше не смог возродиться. Его наследием были концентрация

зернового производства в колониистских районах Соединенных Штатов, Канады, Австралии и в отдельных частях Аргентины и сельскохозяйственные преобразования во многих странах Европы. Подобно своим потесненным соперникам в Старом Свете, фермерские классы Нового Света — зависящие от экспорта и регионально привязанные — в бурные 30-е годы стали высокоорганизованными и выдвинули требование государственной помощи. Программы поддержки цен, осуществлявшиеся в рамках Нового курса Рузвельта, дали громадный международный эффект с ростом американской мощи после второй мировой войны. Они создали государственные склады зерновых излишков, которые хотя и создавали проблему хранения, но могли быть мобилизованы для различных проектов за рубежом. Это стало основой нового международного продовольственного режима.

Второй международный продовольственный режим 1945—1973 гг. был одновременно и *интенсивным* в развитии капиталистическом мире, и *экстенсивным* в слаборазвитых регионах. Для рациона питания развитых капиталистических стран интенсификация означала доведенное до большей готовности к потреблению стандартизированное продовольствие. Нормы потребления при интенсивном, или «фордовском», режиме требовали массово производимого, долговременно сохраняющегося (расфасованного, упакованного и специально замороженного) продовольствия, приемлемого для частного «семейного» потребления, дающего возможность широко использовать бытовую технику, начиная от автомобиля, холодильника и кончая микроволновой печью. В «третьем мире», как и ранее в Европе, экстенсивное накопление подразумевало количественное расширение товарной продукции продовольствия. Но это происходило в соответствии с интенсивным развитием агропродовольственного комплекса, уже существовавшего в развитом капиталистическом мире и основанного на образцах европейского рациона. Эпизод нашей истории — это триумф кока-колы, белого хлеба и детского питания вместе с распространением недоедания. Но еще более тяжелым испытанием, чем товаризация, для традиционного производства продовольствия оказалось отеснение его произведенным в массовом масштабе продовольствием европейского типа.

В то время как общее потребление зерновых на душу населения в слаборазвитых странах с начала 50-х до конца 70-х годов увеличилось лишь на 12%, потребление *пшеницы* увеличилось на 60% (для мира в целом потребление зерна возросло на 21%, а потребление пшеницы — на 32%). В качестве грубого показателя вытеснения традиционных рационов питания можно использовать *сокращение* подушевого потребления в «третьем мире» всех остальных видов зерновых на 15% и корнеплодов на 31%.

Агропродовольственный комплекс изменялся в соответствии с потреблением в развитых капиталистических странах. Возникновение сектора сложной переработки продовольствия плюс увеличенные вложения в механические и химические средства производства в сельском хозяйстве создало новый ряд отношений для простых товарных производителей зерна и мяса. Сочетание простого товарного производства — торгового капитала — непосредственного потребления муки и мяса, — сочетание, характерное для экстенсивного режима, открывало дорогу для более тесных отношений между фермерами и крупным капиталом как в плане покупки средств производства, так и в плане продажи своего товара переработчикам. Несмотря на радикальное сокращение численности, простые товарные производители не исчезли с лица земли благодаря проведению сельскохозяйственной политики, отражавшей национальное единение фермеров и государства. Особенное значение для этого международного режима имели общеевропейская сельскохозяйственная политика, восстановившая самообеспеченность в пшенице и в мясе (но не в животных жирах), и принятая в США система экспортных субсидий и поддержки цен.

Второй международный продовольственный режим придал новый облик международным отношениям в том, что касалось продовольственных вопросов, и сделал их более интенсивными. В рамках противостоящих друг другу торговых блоков времен «холодной войны» американский экспорт заменил европейский импорт в центре этого режима: США снабжали Европу кормами для интенсивной товаризации продовольствия, а бывшие европейские колонии и зависимые территории — пшеницей для экстенсивной товаризации. Ключом к этой перекомпоновке была междуна-

одная продовольственная помощь, на первых порах американская помощь по двусторонним соглашениям. Начало *ориентированному на помощь* продовольственному режиму было положено планом Маршалла. Этот план развил механизм преодоления валютных барьеров для импорта произведенного в соответствии с внутриамериканскими фермерскими программами избыточного зерна. Если не считать соевой и кукурузной «бреши» в европейской сельскохозяйственной защите, то эта помощь помогла перейти к самообеспеченности и в конечном итоге — к экспортному соперничеству с США. Для «третьего мира», однако, результатом был закон № 480, по которому импорт американской пшеницы возрос настолько, что международная торговля полностью выстроилась вдоль оси Америка — «третий мир». Высшим достижением в этой торговле стали 30% американского экспорта пшеницы, 35% *мировой* торговли пшеницей и закупка странами «третьего мира» свыше $\frac{3}{4}$ американского зернового экспорта. Правительства стран «третьего мира», в общем, приветствовали эту помощь, поскольку дешевое продовольствие для быстро растущего городского населения было составной частью программ быстрой индустриализации. Конечно, все это отрицательно сказалось на сельском хозяйстве Третьего мира тем, что сбивало цены на продукцию местных фермеров, поставлявших продовольствие на свои национальные рынки.

В 1973 г. наступил кризис второго режима. Зерновое соглашение между СССР и США, продолжившее начатое этими странами общее сближение, в сущности, исчерпало излишки американской пшеницы, дальнейшее воспроизводство которых подрывало режим. Во всяком случае, условия ориентированного на помощь режима исчезали как благодаря экспортной конкуренции (включая различные мероприятия по организации экспортного кредита), так и благодаря перемещению коммерческих продаж в «третий мир». Самым драматическим последствием этого процесса в большинстве слаборазвитых стран явились разрушение крестьянства как жизнеспособной социально-экономической структуры и сопровождавший это рост обнищания сельского и городского населения.

Другим последствием послевоенного режима стали серьезные нарушения, сбой в мировой торговле. Же-

стокая экспортная конкуренция между США и Европейским сообществом время от времени взрывалась торговыми войнами. Возобновление перепроизводства в развитых капиталистических странах столкнулось со стагнирующим спросом слаборазвитого мира, который, несмотря на растущую потребность в продовольствии, испытывал нехватку валюты. Сельскохозяйственная торговля между Западом и Востоком была вовлечена в политику сверхдержав, сложности которой проявились в связи со злополучным американским эмбарго на торговлю зерном с Советским Союзом, принятым после советского вторжения в Афганистан: оно способствовало провалу президента на ближайших выборах. Восстановление торговли в правах рейгановской администрацией было своего рода антитезой ее общей политике «холодной войны» и риторике, той непоследовательности, на которую часто указывали европейские правительства, от которых США требовали наложить эмбарго на ту или иную статью торговли с Советским Союзом.

Наконец, в последние годы ориентированного на помощь продовольственного режима произошел взрыв спекулятивных инвестиций, которые сейчас грозят сельскохозяйственным и экологическим кризисом в развитых капиталистических странах. Американские фермеры, да и не только американские, наделали громадных долгов в ответ на тот земельный бум, который сопровождал рост продовольственных цен в начале 70-х годов. Банки поощряли их к расширению производства в кредит, точно так же, как они поощряли и правительства стран «третьего» мира увеличивать закупки в кредит американского продовольствия. Когда же цены упали, а ставки ссудного процента выросли, то своего рода расплатой стали хозяйственные трудности, а те из фермеров, кто не обанкротился, оказались перед весьма ограниченным выбором, разве что отказаться от экологически чистых методов ведения хозяйства, нацеленных на то, чтобы избежать экологической катастрофы, подобной повсеместной эрозии 30-х годов. Падение цен было недостаточным для оживления экспортного спроса, который теперь зависел от стран государственного социализма и слаборазвитых стран, а перспектив сокращения экспортной конкуренции в сельском хозяйстве было мало. Тогда перед взбудоражен-

ным, находящимся в смятении миром замаячили новые биотехнологии, потенциально способные полностью перестроить сельское хозяйство.

Что же теперь?

Как простое товарное производство, так и международные продовольственные отношения находятся в постоянном изменении. Внешне схожие идеологии благоволят «свободному рынку» в развитых капиталистических, слаборазвитых и в государственно-социалистических обществах. Однако за внешней схожестью прячутся проблемы — сложные и отличные от проблем другого общества. У себя дома, в обществе развитого капитализма, простое товарное производство переживает трудности. С сокращением численности фермеров вследствие их же собственного успеха и усиления их интеграции с крупным капиталом в агропродовольственные комплексы политика поддержки фермерства становилась все менее приемлемой и менее политически жизненной.

Во «втором» и в «третьем мирах» политика следует не только за американским стилем питания, но и за изменяющимися образцами американского сельского хозяйства. Для обоих это означает погоню за производительностью за счет равенства и за счет природной среды. В системах с централизованным планированием «второе» сельское хозяйство, основывающееся на частном, часто семейном труде, дополняет общие усилия в деле перестройки сельского хозяйства. Если исходить из моего определения, то эти хозяйства нельзя отнести к простому товарному производству, поскольку в условия их существования не входит всеобщее обращение, как это отмечено при капитализме (воспевать же или хулить капиталистическую реставрацию, несомненно, преждевременно). В Венгрии, где дело продвинулось наиболее далеко и достигло самых больших успехов, частное сельское хозяйство тесно связано с перестроенными и технически динамичными кооперативами, где динамизм каждого зависит от динамизма остальных.

Для слаборазвитого мира установление простого товарного производства будет означать большую сельскую безработицу и товаризацию продовольствия, причем оба эти процесса будут происходить в условиях

усиления международной интеграции, осуществляемой через агропродовольственные капиталы. Политическая нестабильность, ассоциируемая с продовольственными трудностями, приводит к перестройке сельского хозяйства. По следам провалившихся во многих странах «третьего мира» крупномасштабных преобразований сельского хозяйства акцент многих правительств и международных агентств переместился в направлении преобразования крестьян «третьего мира» в простых товарных производителей. Они надеялись на повторение в этих странах эпохи производительности недавнего американского прошлого, не принимая при этом во внимание имеющий место острый кризис простого товарного производства в США, равно как и особенные условия двух международных режимов, которые позволили ему появиться на свет и процветать в течение столетия.

Несмотря на успех в повышении производительности в различных социальных условиях, эти проекты базировались на технологии, связанной с высокоурожайным сельским хозяйством, тяготеющим к интенсивно использующей энергию и химию монокультурной практике развитого капитализма. Даже в случае успеха в производстве весьма вероятным следствием явились бы экологическая угроза (возможно, даже более серьезная в тропических и субтропических ареалах), рост потребности в иностранной валюте на покупку элементов производства и сокращение занятости в сельском хозяйстве. Надежда на изменение технологии производства, ориентация его на экологически разумное ведение хозяйства и рост потребительского спроса на экологически чистое продовольствие одновременно может стать надеждой для простых товаропроизводителей. Эксперименты с поддерживаемым (sustainable) сельским хозяйством предполагают уменьшение масштаба предприятий и более высокую интенсивность труда. Это подразумевает, что в каждом социальном и экологическом районе должно произойти сознательное изменение социальной структуры агропродовольственного комплекса и политики вокруг ресурсов и социально обусловленных нужд.

Новый международный режим должен будет избегать крайностей автаркии и принесения на алтарь «свободной торговли» природной среды и рациона питания

человека. Он должен основываться на осознанной всеми странами политике, преследующей цель увеличить местное сельскохозяйственное производство и обновить его связи с местным потреблением. Один шаг состоит в том, чтобы понять власть выбора и действия. Коррективой своего рода исторической неизбежности является переоценка упущенных альтернатив второму международному продовольственному режиму: отвергнутые в 1947 г. предложения Всемирному продовольственному совету, работавшие в рамках мировой системы хозяйства, были подчинены национальным проектам развития³. И хотя это было фатально порочно — предполагалось продолжить европейский колониализм, — все же это было частью общей попытки доблестно сражавшихся против фашизма разных партий и движений построить мир независимых народов. Нынешние предложения, как, например, буферные биржи для стабилизации международных рынков, возвращают к первоначальным проектам, но с некоторыми потерями. Технические предложения сельскому хозяйству, как и по международным деньгам, все больше подразумевают, что правительства будут координировать решения, оставляя все меньше и меньше места для демократии. Задача — создать такие формы международной координации, которые согласовывались бы с контролем всех людей над их природными условиями, нациями и общностями.

1. Weeks J. Capital and Exploitation. Princeton University Press, 1981, p. 27—40.

2. Aglietta M. A Theory of Capitalist Regulation: The American Experience. London, 1979.

3. Peterson M. International Interest Organizations and the Transmutation of Postwar Society. Stockholm, 1979, p. 173—181.

24. Политическая экономия голода

Голодание — это характерная черта жизни тех людей, у которых нет достаточно еды. Это не признак отсутствия достаточного количества продовольствия вообще. Хотя последнее может быть причиной первого, это лишь одна из многих причин.

...Если в мире постоянно голодает каждый восьмой, то в этом видят результат неспособности этих людей доказать свое право на получение достаточного количества еды; таким образом, вопрос о физическом наличии продовольствия прямо не затрагивается.

Подход со стороны права получения неизбежен при анализе голода и бедности. Если тем не менее он покажется излишним и необычным, то такое может произойти в силу традиции мыслить скорее в терминах *имеющегося* в наличии, чем в терминах, *кто распоряжается* имеющимся в наличии. Зачаровывающая простота подхода, при котором акцент делается на соотношении массы продовольствия и численности населения, постоянно в течение веков играет затемняющую роль и продолжает вносить путаницу в политические дискуссии наших дней так же, как она расстраивала политику по борьбе с голодом в прошлом.

...Взгляд, сконцентрированный на продовольствии, мало скажет нам о голоде. Он не объяснит нам, как даже без уменьшения наличного количества продовольствия может разразиться голод. Даже когда голод имеет место на фоне падения продовольственного производства, такой подход не скажет нам, почему одни группы населения голодают, а другие могут себя прокормить. Всеохватная продовольственная картина — это слишком отвлеченный экономический показатель, чтобы она могла нам многое рассказать о голоде. С другой стороны, если мы взглянем на продовольствие, поступающее *отдельным* группам, то тогда, конечно, мы сможем многое сказать о голоде. Но и тогда мы не уйдем далеко от простого описания голода, не

объясним, что произошло. Если людям приходится голодать, то ясно, что они испытывают недостаток в продовольствии; вопрос, однако, состоит в том, *почему* у них нет его. Что дает право одной группе в отличие от другой получить в свое распоряжение продовольствие?

Способность индивида иметь в своем распоряжении продовольствие — как, впрочем, и любой другой товар, который он пожелает приобрести или которым пожелает пользоваться, — зависит от отношений собственности (entitlement), которые регулируют владение и пользование в данном обществе. Это зависит от того, чем он владеет, какие у него есть возможности обмена, что ему дано свободно и чего он лишен.

Иногда говорят, что голод может быть вызван не отсутствием продовольствия, а отсутствием дохода и покупательной способности. Это можно рассматривать как элементарную попытку ухватить суть подхода с позиций права получения, поскольку в условиях рыночной экономики лишь доход дает право на получение продовольствия. Однако неадекватность взгляда, сосредоточенного на доходе, выявляется даже тогда, когда доход дает возможность приобретать. Данный подход лишь частично освещает картину процесса получения, а начинать рассказывать историю с нехватки дохода — это значит рассказать ее лишь наполовину. Действительно, люди умирают потому, что у них не хватает средств купить продовольствие, но здесь возникает вопрос: как же так получилось, что у них нет средств?

Подход с позиции права получения требует использования категорий, основанных на определенных типах различий. Как мелкий крестьянин, так и безземельный батрак оба могут быть бедны, но судьба у них складывается по-разному. Для понимания их предрасположенности к голоду нам следует посмотреть на них не как на представителей огромной армии «бедняков», а как на представителей определенных классов, относящихся к определенным профессиональным группам, имеющим разные права собственности и которыми управляют, скорее, разные отношения собственности. Возможно, для определенных целей и в определенных обстоятельствах разбивка населения на богатых и бедных, может быть, и полезна, но она слишком нечетка, чтобы быть полезной при рассмотрении голода, недостатка продовольствия и даже самой бедности.

Если рыночный механизм рассматривать в терминах права на получение, то нет ничего необычного в том, что продовольствие из пораженных голодом районов вывозится в другие местности. Рыночный спрос — это не отражение биологических потребностей или физиологических желаний, а отражение выбора на основе обмена прав получения. Если некто мало что может предложить на обмен, то он и не может слишком многого требовать и поэтому может проиграть в конкуренции с другими, чьи нужды значительно менее остры, но чьи права на получение (entitlement) более крепки. Действительно, при сопровождающем кризис голоде такая тенденция будет иметь место до тех пор, пока в других районах не наступит более серьезная депрессия. Таким образом, *вывоз* продовольствия из пораженных голодом районов может быть «естественной» характеристикой рынка, который признает экономические права, а не нужды.

В крестьянском хозяйстве неурожай уменьшает как наличие продовольствия у крестьян, так и их непосредственные права на получение продовольствия. Но поскольку крестьянин обычно живет на самостоятельно произведенном продовольствии и во всяком случае у него мало возможностей продать и купить дополнительное количество продовольствия на рынке, непосредственной причиной его голодания будет скорее непосредственный кризис прав получения, а не уменьшение количества продовольствия на рынке. Действительно, если в его собственном хозяйстве неурожай, в то время как в других хозяйствах все в порядке, предложение продовольствия может быть большим, в то время как он будет голодать. Аналогично если его урожай хорош, в то время как у других неурожай, то он может прилично жить, несмотря на общее уменьшение предложения продовольствия. Аналитическое сопоставление важно даже тогда, когда оба явления могут одновременно совпасть во всеобщем неурожае. Несмотря на то что такой неурожай внешне может выглядеть как кризис наличия продовольствия, сюда входит нечто большее, чем наличие. Это важно учесть также и с политической точки зрения, поскольку само по себе продвижение продовольствия в такой район не поможет пострадавшему населению, поскольку здесь необходимо наличие у него прав получения...

25. Сельскохозяйственное производство как сфера трудовой деятельности

(Из области прогнозов на будущее)

Трудовая деятельность человека четко делится на четыре этапа: собиратель, земледелец, изготовитель и творец. В сегодняшней жизни можно найти соответствующие примеры: человек по-прежнему остается собирателем (ловля рыбы в океанах), земледельцем (сельскохозяйственное производство), изготовителем (промышленное производство) и творцом (научные исследования). Эта цепочка помогает проследить за тем, как уменьшалась зависимость человека от природы. Для каждого этапа характерны свои нормы и правила. С переходом человечества от собирательства к земледелию произошла грандиозная продовольственная революция.

Сегодня мы являемся свидетелями весьма продолжительного и важного переходного периода. Рыболовство (последний из еще сохранившихся видов собирательства) скоро превратится в систематическое рыбозаведение в отведенных для этого местах. При этом будут использоваться те же методы, что и в животноводстве. Рыбак становится фермером. В конечном итоге научно-техническая революция есть не что иное, как широкое внедрение результатов исследований в промышленное производство. Автоматизация, возможность быстрой и нестандартной переналадки оборудования, высококвалифицированные кадры — все это способствует превращению любого предприятия в научную лабораторию.

Однако нас интересует то, как поставить сельское хозяйство на индустриальную основу (что соответствует переходу от земледелия к промышленному производству). Все нынешние перемены сводятся к тому, что сельское хозяйство во многом утрачивает свои характерные особенности и уподобляется промышленности. Наиболее очевидным примером подобного развития событий может служить механизация. Широкое

использование удобрений, высокоурожайных сортов, орошения — все это свидетельствует скорее о коренном изменении подхода к сельскохозяйственному производству, чем просто о стремлении повысить урожай. Производство продовольствия больше не является естественным процессом, протекающим в гигантской солнечной печи, который только корректируется и подправляется человеком, а является результатом типично промышленного, рассчитанного превращения ряда первичных ресурсов в конечный продукт. Человек использует эти ресурсы с таким расчетом, чтобы добиться оптимальных результатов. В этих условиях воздействие производителя становится сильнее природных стихий, поскольку любую землю можно сделать плодородной путем внесения химических веществ, необходимых для подкормки растений.

Как хорошо известно, климатические условия пока не подвластны человеку. Хотя в конечном итоге положение вовсе не безвыходное. Многие растения и овощные культуры уже удалось заставить не подчиняться сезонному циклу. Количество теплиц все время растет, поля укрываются синтетической пленкой. Существенный прогресс, достигнутый в области метеорологии, приближает то время, когда человек сможет оказывать целенаправленное воздействие на климат. Современное сельское хозяйство все меньше зависит от капризов природы и в этом смысле становится похожим на промышленное производство. Поэтому не приходится удивляться, что исследователи, заглядывающие в 2000 год, почти не уделяют внимания сельскому хозяйству. Это можно трактовать как предвидение грядущей индустриализации сельскохозяйственного производства и его постепенного превращения в совершенно иной вид деятельности, которому, вероятно, суждено получить новое название.

На основании вышеизложенного можно сделать три вывода.

1. Уже упоминавшиеся этапы развития человеческой цивилизации отличаются друг от друга не только своими характерными особенностями, но и методами управления. Одним из признаков перевода промышленного производства на рельсы научно-технического прогресса является внедрение научных методов управления предприятиями, компьютеров

и программирования. Однако нельзя сказать, что сельское хозяйство способно в полной мере перейти на классические методы управления промышленностью, в основе которых — эффективность, поточное производство, концентрация или объединение мощностей и проч. Этому препятствует консерватизм традиционного сельского хозяйства. Следовательно, необходимо тщательно изучить влияние таких методов на сельскохозяйственное производство.

2. Для каждого из четырех этапов характерны свои темпы экономического развития. Пока человек занимается собирательством, движения вперед нет. Периодически повторяющиеся неурожайные годы заставляют его перейти на кочевой образ жизни. Земледелие дает толчок устойчивому росту производства, но лишь в арифметической прогрессии. Одна из посылок Мальтуса нашла свое подтверждение: промышленное развитие несет с собой рост производства в геометрической прогрессии. На этапе научно-технического прогресса в свою очередь отмечается наиболее высокий, экспоненциальный рост производства. Добившись наращивания сельскохозяйственного производства в геометрической прогрессии, удастся уладить извечный спор. Тем самым возможность прокормить растущее население Земли получает новое теоретическое обоснование.

3. И последнее. Согласившись с тем, что сельское хозяйство постепенно приобретает признаки промышленного производства, нельзя не признать важной роли исследований в области социологии труда в этот переходный период. Превращение сельских жителей в горожан — не изолированное явление, а лишь одна из сторон глобального процесса перераспределения трудовых ресурсов из одних сфер человеческой деятельности в другие. Переселившийся в город крестьянин должен научиться по-иному смотреть на вещи, а это все равно что облачиться в новую одежду. Практический смысл сравнительного изучения земледельца и промышленного рабочего не только в том, чтобы разобраться в некоторых социальных явлениях и поставить их под контроль. Такое изучение помогает понять, как происходит включение человека в новую сферу трудовой деятельности, в чем состоят связанные с этим практические и экономические результаты.

К 2000 году крестьянин превратится в промышлен-

ного рабочего, а тот в свою очередь займется научными исследованиями.

И в заключение приведем краткие ответы на два вполне закономерных вопроса. Каково будущее науки? Возможно, появится математическая теория познания. А сельское хозяйство, не войдет ли оно (вместе с промышленностью) непосредственно в сферу науки? Нет. По крайней мере до 2000 года этого не случится, несмотря на самое активное использование результатов научных исследований. Сельскохозяйственное производство обязательно должно пройти тот этап развития, на котором находится промышленность в конце XX века. Однако и этого будет вполне достаточно, чтобы справиться с проблемой обеспечения продовольствием и превратить землю в некое подобие искусственной системы, не подверженной капризам природы и стихийным бедствиям.

III

КРЕСТЬЯНСТВО
КАК КУЛЬТУРА

26. Традиционная крестьянская культура

Этот очерк является попыткой создания теории традиционной крестьянской культуры, существовавшей на территории южной Польши в XIX—XX веках. В его основу положен прежде всего полевой материал, собранный автором в межвоенный период, а частично после второй мировой войны. Не претендуя на исчерпывающую полноту во взгляде на данный предмет, эта работа будет попыткой извлечения из большого числа отдельных фактов типичных, повторяющихся процессов, отражающих культурную динамику определенных фаз исторического развития. Цель этих обобщений в том, чтобы выяснить: 1) силы, которые главным образом формируют традиционную культуру и обеспечивают ее сохранность; 2) основные характерные черты такой культуры; 3) динамику ее распада. В совокупности все вышеназванное может вскрыть действительный механизм функционирования данной традиционной культуры...

Концепция традиционной культуры

В самом общем смысле под «традицией» понимается все культурное наследие, которое передается предшествующим поколением последующему. Известны два основных способа передачи социального наследия. Первый из них — это передача посредством речи и иных звуковых воздействий (например, музыка), которые воспринимаются на слух, а также демонстрация определенных действий и предметов, воспринимаемых визуально. Этот способ передачи всегда предполагает непосредственный человеческий контакт. Во-вторых, существуют такие виды передачи, которые носят механический характер. Это печать, запись музыки с помощью нотных знаков, различные техники иконографии и приборы, производящие и воспроизводящие звукоза-

пись. Эти средства упраздняют необходимость прямого контакта между производителем и получателем культурного текста и создают основу для безличных, опосредованных отношений между людьми.

У историков культуры и этнографов вошло в обычай говорить о «традиционной культуре», имея в виду все то культурное содержание и ценности, *которые передаются устно*. Мы приняли эту условность и употребляем термин «традиционная крестьянская культура» в этом смысле.

Во всех областях социальной жизни, во всякой совместной деятельности, в произведении и накоплении культурных достижений и завоеваний всегда можно обнаружить две основные противостоящие друг другу тенденции, проявляющиеся с различной интенсивностью в разные периоды исторического развития. С одной стороны, существует по сути своей консервативная и стабилизирующая тенденция, выражающаяся в том, что предпочтение отдается сохранению и поддержанию существующего социального устройства. Эта тенденция всегда основана на признании опыта прошлого и, в сущности, ориентирована на прошлое. Тогда за образец берется образ жизни прошлого, которое и становится моделью для всякой человеческой деятельности. С другой стороны, существует тенденция, которая вырастает из сомнения и неудовлетворенности прошлым опытом и ориентируется на изменение существующего социального устройства. Эта тенденция часто носит разрушительный и революционный характер по отношению к нему, что нередко выражается в более или менее явной оппозиции к окружающей действительности и ее отрицание. Эта тенденция имеет своим источником глубоко заложенное в человеке стремление к новым и лучшим формам социальной жизни, новым нравственным истинам и к технике, отвечающей новым запросам. Такой взгляд в будущее и перспектива новой жизни, при том что взгляд этот порожден конкретными условиями человеческого существования, могут стать могущественной движущей силой человеческой деятельности.

Эти тенденции отражают две основные потребности: 1) потребность регулировать и управлять отношениями между людьми на основе установленной системы ценностей, навыков и способностей, признанных истин

и эмпирических данных; 2) потребность в улучшении жизни людей путем овладения природной средой и силами природы, увеличения знаний о мире, в котором мы живем, обеспечения большей безопасности и сохранности от воздействия враждебных стихийных сил, уменьшения чисто физических затрат труда и утверждения сотрудничества между людьми на более гарантированном основании.

Итак, первая тенденция, как известно, проявляется с большей силой в тех культурах, которые опираются исключительно на устную передачу и демонстрацию определенных элементов культурного наследия, воспринимаемых непосредственно, когда передается культурное содержание и опыт прошлого. Напротив, вторая тенденция преобладает в периоды кризисов и социальных переворотов и революций, которые, как правило, открывают новые эры человеческой истории.

Превознесение прошлого, выражающееся в так называемом традиционализме, имеет место также в цивилизациях, пользующихся письмом, то есть в тех культурах, которые в течение продолжительного времени использовали письменность в качестве основного средства социальной передачи. Более того, история знает случаи, когда именно письменность становилась тем фактором, который способствовал усилению роли традиции. Так нередко обстоит дело со священными текстами, на протяжении веков служившими канонами, которые регулировали и контролировали человеческое поведение. В большинстве случаев письменность была положительным, а то и решающим фактором происшедших изменений, поскольку грамотность неизменно влечет за собой неограниченные возможности количественной передачи культурных содержаний от одного поколения другому. По самой своей природе письменность подразумевает возможность более интенсивного культурного накопления во всех сферах человеческой деятельности. Благодаря письменности возможна более адекватная и точная передача тех культурных значений, ценностей и достижений, которые формируют сущность данной культуры. В обществах с развитой письменностью процессы передачи и распространения культурных значений проходят всегда эффективнее, быстрее и получают более широкое распространение, чем в культурах с преобладающим устным способом пере-

дачи наследия. И наконец, письменность по сравнению с устным способом передачи самим фактом накопления текстов располагает куда более широким полем деятельности для сравнительного и критического анализа и для оценки достижений прошлого и суммы унаследованных знаний — технических, естественнонаучных, исторических и прочих.

Теперь, рассматривая динамику консервативной традиционалистской культуры, мы обязаны обратить внимание на такие общности, которые передают культурные значения устным способом. Мы увидим, что этот процесс является одновременно и синхроническим и диахроническим. Он диахроничен в том смысле, что каждое уходящее поколение передает свой культурный опыт потомкам. Но он также и синхроничен, поскольку то, что было достигнуто как отдельными людьми, так и коллективами в результате совместной деятельности, получает распространение посредством прямых контактов между членами общины.

В рамках традиционной культуры процесс передачи главным образом заключается в обучении, посредством которого обучающегося вводят в мир ценностей как материального, так и нематериального порядка. Это достигается путем специального обучения с использованием наглядной демонстрации тех или иных элементов передаваемого наследия, а также соответствующего восприятия этих наставлений на слух и визуально. Эти процессы могут быть осознанными, как это имеет место в тех случаях, когда осуществляемая передача приобрела законченную, отработанную форму и имеет определенные целевые установки; но они могут проходить совершенно естественно и носить спонтанный характер, как имитация, возникающая в ходе обычного контакта.

Классическими представителями традиционной культуры, безусловно, являются так называемые примитивные, дописьменные общины, которые до сих пор можно найти в отдаленных районах земного шара. Но их число заметно сокращается, и в настоящий момент осталось всего несколько общин, сохранившихся в первоначальном виде и не испытавших воздействия высокоразвитых цивилизаций, которые довольствуются в основном механическими способами культурной передачи.

Совсем иной характер носят традиционные крестьянские культуры, возникшие в результате классовой дифференциации и преобладавшие в феодальной Европе. Эти культуры сформировались под влиянием правящих классов и образованного меньшинства, хотя это влияние в различные фазы исторического развития приобретало различный вид. Так, например, в период раннего средневековья культурная дистанция между крестьянами и феодалами в основном сводилась к разнице в материальной обеспеченности, но явных различий в образовании и уровне интеллекта не наблюдалось. Такое положение вещей изменилось в эпоху Возрождения, когда основой образования стало обучение в учреждениях, приобретавших независимый статус, и, таким образом, образование охватывало все более широкие слои светского населения (мирян), частично вышедших из-под влияния церкви и с течением времени приобретающих доминирующую культурную роль в социуме. Влияние правящих классов было и есть далеко не однозначным на различных этапах развития капиталистической и социалистической систем.

27. Большая и малая традиции *

В цивилизации существует большая традиция размышляющего меньшинства и малая традиция в массе своей неразмывляющего большинства. Большая традиция культивируется в школах или храмах; малая традиция вырабатывается и поддерживается жизнью людей необразованных в их деревенских общинах. Традиция философа, теолога и литератора — это традиция, которая культивируется и наследуется сознательно; традиция мелкого люда большей частью принимается как дар и мало подвергается анализу или продуманному развитию и усовершенствованию...

Две традиции являются взаимозависимыми. Большая традиция и малая традиция продолжительное время воздействовали друг на друга, и этот процесс продолжается. Учение Галена о четырех характерах могло быть навеяно представлениями, бытовавшими в малых общинах простых людей, становящихся, но еще не ставших цивилизованными; после разработки мыслителями таковые могли быть восприняты крестьянством и истолкованы в выражениях, присущих соответствующей местности. Великие эпосы возникали из традиционного сказительства многих людей и вновь возвращались к крестьянам, чтобы видоизмениться и влиться в местную культуру. Нравоучения Ветхого Завета возникли у племенных народов и возвратились в крестьянские общины после того, как философы и теологи сделали их предметом своих размышлений. Содержание Корана отражает то, что он возник среди арабов, а не китайцев, и учение Конфуция не было изо-

* Redfield R. Peasant society and culture.—Redfield R. The Little community and Peasant society and culture. Chicago, London, 1973, p. 41—42.

бретено им единолично. В то же время оба учения усваивались и продолжают усваиваться крестьянами иначе, чем это было задумано учителями. Большую и малую традиции можно представить в виде двух потоков мысли и действия, отличных друг от друга и вместе с тем впадающих один в другой и вытекающих один из другого.

28. Моральная экономика крестьянства как этика выживания

«В ряде уездов положение сельского населения можно уподобить положению человека, по горло стоящего в воде: достаточно легкой ряби, чтобы утопить его»¹.

Так Тауни писал о Китае в 1931 г., и это яркое описание вполне применимо к Верхней Бирме, Тонкину и Аннамму в Индокитае или к Восточной или Центральной Яве начала XX века. Здесь те же карликовые наделы, традиционная техника, капризы погоды и дань деньгами, трудом и натурой, взysкиваемая государством, подводящие к воротам каждой деревни недоедание, нехватку продуктов, а иногда и голод.

Определенная экологическая ниша, занимаемая отдельными слоями крестьянства в Юго-Восточной Азии, подвергает их существование больше, чем кого бы то ни было, серьезной опасности. Всегда зависевшая от милости своенравных дождей, сухая зона Верхней Бирмы испытала катастрофическую эпидемию голода в 1856—1857 гг., вскоре после британского покорения Нижней Бирмы. «Дождей не было, и рис высох на полях... и люди умирали. Они умирали на полях, глодали древесную кору; они умирали на дорогах, выйдя в путь в поисках пищи; они умирали у себя дома»². В Аннаме, на северо-востоке Таиланда, и в других местах, где природа жестока, многие взрослые в течение своей жизни хотя бы раз испытали такую нужду, при которой слабые и очень молодые умирают, а остальные вынуждены поедать свой домашний скот и предназначенный для посева рис, пробавляться просом, корнеплодами, отрубями — короче, всем тем, что обычно скармливается домашнему скоту.

Великий голод 1944—1945 гг., обрушившийся на крестьянство Северного Вьетнама, был голодом такой силы, что все остальные продовольственные кризисы XX века в этом регионе отошли на задний план.

Если Великая депрессия оставила неизгладимый след страха на ценностях и привычках целого поколения американцев, то можем ли мы себе представить, какой след должны были оставить периодические продовольственные кризисы на страхах, ценностях и привычках крестьян, производящих рис в условиях муссонной Азии?

Боязнь нехватки продовольствия дала в большинстве докапиталистических крестьянских обществ толчок тому, что условно можно назвать «этикой выживания». Эта этика, которую крестьяне Юго-Восточной Азии разделяли с французскими, русскими и итальянскими крестьянами XIX века, была следствием жизни на пределе. Плохой урожай означал не только урезанные нормы потребления; за еду нужно было платить унижением, обременительной зависимостью или продажей части земли и скота, что подрывало шансы обеспечения существования на следующий год. Поставленная ребром, проблема крестьянской семьи состояла в том, чтобы произвести достаточное количество риса, чтобы прокормить свою семью, купить необходимого товара, как соль или одежда, и удовлетворить нужды некрестьян, от чего нельзя было уклониться. То количество риса, которое может произвести семья, частично зависит от превратностей судьбы, но местная традиция в том, что касается выращиваемых культур, агротехники и сроков проведения работ, предписана опытом веков и направлена на производство при данных условиях как можно более стабильных урожаев. Это были *технические приемы*, выработанные крестьянством для сглаживания тех «волн, что могут утопить человека». Существует и много *социальных приемов*, служащих той же самой цели. Образцы взаимопомощи, вынужденная щедрость, общинная земля и разделение труда помогали выровнять неизбежные провалы в семейных ресурсах, которые в противном случае должны были бы столкнуть семью ниже уровня выживания. Испытанная ценность этих техник и социальных образцов — это, возможно, именно то, что придает крестьянам брехтовское упрямство в общении с агрономами и работниками служб развития, приезжающими из столицы на помощь крестьянам.

Из вышесказанного возникает мысль — поставить этику выживания в центр анализа крестьянской полити-

ки. Сама по себе эта мысль возникла у меня из многочисленных и долгое время предпринимавшихся попыток понять некоторые из крупных крестьянских восстаний, которыми была охвачена большая часть Юго-Восточной Азии в период Великой депрессии 30-х годов. Два из них — восстание Сая Сана в Бирме и так называемые Нгеан-Хатинские советы в Центральном Вьетнаме.

В широком взгляде на колониальную историю Юго-Восточной Азии эти и другие подобного рода восстания должны быть признаны не самыми главными событиями, хотя они вряд ли были незначительными для тех мужчин и женщин, которые умирали под их знаменами. Оба восстания были наголову разгромлены, оба они не достигли ни одной из ставившихся крестьянами целей, оба рассматривались как побочные линии в политической драме, которая все больше определялась борьбой между националистами и колонизаторами. Впрочем, и в другом, более глубоком историческом смысле эти движения были маргинальными, поскольку были обращены к замкнутой и автономной крестьянской утопии в том мире, где централизации и коммерциализации не было альтернативы. Это были более или менее спонтанные восстания, имевшие на себе все меты крестьянского локализма в мире, где большие отряды националистов были единственной эффективной оппозицией колониальному государству. Как и другие обращенные в прошлое движения крестьян и ремесленников, они были, говоря словами Хобсбоума, «неизбежными жертвами», поскольку не могли «противостоять ходу истории»³.

Однако, посмотрев на вопрос в другой перспективе, мы можем многому научиться на опыте бунтов, разгромленных около полусотни лет назад. Если мы поймем негодование и ярость, толкавшие крестьян riskнуть всем, мы сможем понять то, что я решил назвать моральной экономикой, а именно: их понимание экономической справедливости и их рабочее определение эксплуатации — их взгляд на то, какие из притязаний на произведенный ими продукт терпимы, а какие нетерпимы. В той мере, в какой их моральная экономика окажется характерной для крестьян в другом месте — а я надеюсь, что мне удастся показать, что это так, — мы сможем продвинуться к более полному пониманию

нормативных основ крестьянской политики. Далее, если мы поймем, как важнейшие экономические и политические преобразования эпохи колониализма приводили к систематическому нарушению крестьянского видения социального равенства, мы сможем понять, каким образом класс «со слабо выраженной классовостью» много чаще, чем пролетариат, давал материал для пополнения ударных отрядов, участвовавших в бунтах и революциях.

Именно принцип «прежде всего безопасность» лежит в основе громадного большинства технических, социальных и моральных приспособительных приемов докапиталистического аграрного строя. Использование нескольких разновидностей семян, традиционная для Европы практика обработки расположенных в отдалении друг от друга полос — вот только два примера классической техники избежания чрезмерного риска, часто ценой сокращения среднего дохода. В деревне в целях обеспечения жителям минимального дохода обычно действует широкая сеть социальных приспособительных приемов. Это периодическое перераспределение общинной земли, отчасти в соответствии с потребностями, или использование аналогичным образом общинных выгонов и пустырей в европейских деревнях. Кроме того, общественное давление в докапиталистической деревне имеет определенный перераспределительный эффект: от богатых крестьян ждут щедрого финансирования пышных празднеств, помощи временно нуждающимся родственникам и соседям, великодушных даров местным святыням и храмам. Как заметил Майкл Липтон, «многие выглядящие странными деревенские обычаи имеют смысл в качестве скрытых форм страхования»⁴.

Легко впасть в серьезную ошибку, если романтизировать эти социальные приспособительные приемы, столь много определяющие в крестьянском обществе. Они не являются радикально уравнительными. Они, скорее, подразумевают только то, что все имеют право *на жизнь* на основе деревенских ресурсов и что возможной платой за это часто была утрата статуса и самостоятельности. Кроме того, они действовали, широко используя шлифующую силу слухов, зависти и осознания того, что лишенная поддержки беднота может стать реальной угрозой для зажиточных хозяев. Эти

скромные, но исключительно важные перераспределительные механизмы обеспечивали по крайней мере минимальные гарантии существования для деревенских жителей. Поланьи на основе исторических и этнографических данных утверждает, что в традиционных обществах подобная практика была почти повсеместной и что она отличает его от современной рыночной экономики. Он заключает: «Именно отсутствие угрозы *индивидуального* голода делает примитивные общества в определенном смысле более гуманными, чем рыночная система, но в то же самое время и менее эффективными в экономическом отношении»⁵.

Обеспечение гарантий выживания не ограничивалось лишь деревенским миром; оно также включало моральную экономику отношения к внешним элитам. Как отмечает Эрик Вольф, «важным является, однако, то, что до капитализма... социальное равновесие зависело как в ближней, так и в дальней перспективе от баланса передачи крестьянских излишков правителям и обеспечения минимальной безопасности земледельцу. Раздел ресурсов внутри общинных организаций и упование на могущественных патронов были теми проторенными путями, на которых крестьяне стремились сократить риск и укрепить свою стабильность, они допускались (прощались) и часто поддерживались государством»⁶.

И снова мы должны поостеречься от идеализации этих приспособительных приемов. Даже если они и работали — а работали они не всегда, — то были результатом не столько альтруизма, сколько жизненной необходимости. Если земля была в избытке, а рабочих рук не хватало, страхование выживания было действительно единственным путем закрепления рабочей силы; если средства принуждения, которыми располагали элиты и государство, были крайне ограничены, было благоразумным выказать некоторое расположение к нуждам подчиненного населения.

Хотя стремление гарантировать выживание проистекает из потребительских нужд земледельца, из функционирования крестьянского хозяйства, свое социальное проявление оно находит в виде системы моральных прав или ожиданий. Баррингтон Мур уловил нормативный тон этих ожиданий.

«Этот опыт [разделение риска внутри общины] создал

ет почву, на которой произрастают крестьянские обычаи и моральные нормы, в соответствии с которыми они оценивают поведение — как свое собственное, так и окружающих. Суть этих норм — в жестком понимании равенства, подчеркивающим справедливость и необходимость минимума земельных ресурсов для выполнения насущных общественных задач. Эти нормы обычно бывают чем-то вроде религиозных установлений, и, видимо, в силу того, что крестьяне акцентируют эти моменты, религия крестьян отличается от религии других общественных классов»⁷

Можно ожидать, что насилие над этими нормами вызовет возмущение и сопротивление — и не только потому, что нужды останутся неудовлетворенными, но и потому, что нарушаются права.

Несмотря на поразительные аналогии, весьма показательно, что процесс трансформации оказался во всех отношениях более болезненным для колониальных народов. Прежде всего, трансформация спрессовала в несколько десятилетий тот процесс, который в Англии или во Франции шел в течение трех столетий. Более того, в Европе, как это ярко показал Поланьи, местные силы, которые могли много потерять от полного перехода к рыночной экономике (в том числе монархия, известная часть аристократии, ремесленников, крестьян и рабочих), порой оказывались в состоянии воспрепятствовать или по крайней мере ограничить игру рыночных сил, апеллируя к старой моральной экономике. Создание сильного консервативного государства в Германии и Японии открыло путь тому, что Мур назвал «революцией сверху», сохранявшей, пока шла модернизация экономики, не тронутым в исходной социальной структуре столько, сколько было возможно. И хотя возникли предпосылки для развившегося затем фашизма и милитаризма, результаты этого процесса были менее болезненны в ближней перспективе для крестьянства. Но в колониальном мире у политических сил, которые могли бы противостоять рыночной экономике или смягчить всю мощь ее воздействия, было мало или вовсе не было способностей, чтобы заставить себя объединиться, за исключением тех случаев, когда дело касалось бунтов.

Рассматриваемая в этой перспективе проблема кре-

стынства в период капиталистической трансформации «третьего мира» — это проблема обеспечения *минимального дохода*. Хотя минимальный доход имеет четкие физиологические параметры, мы не должны упускать из виду его социальные и культурные аспекты. С тем чтобы быть полноценным членом деревенского общества, двор должен располагать определенным уровнем ресурсного обеспечения для выполнения необходимых ритуально-обрядовых и социальных обязательств, равно как и кормить себя так, чтобы быть в состоянии продолжать заниматься земледелием. Опуститься ниже этого уровня означает не только угрозу голода, но и полную потерю положения в общине и возможность попасть в постоянную зависимость.

Докапиталистическая община была в определенном смысле организована вокруг этой проблемы минимального дохода, — организована с целью минимизировать риск, которому подвергаются ее члены со стороны капризов природы и ограниченности их техники. В этой перспективе можно взглянуть на традиционные формы отношений патрон — клиент, взаимность и перераспределительные механизмы. Хотя докапиталистическое общество было чрезвычайно слабо оснащено для того, чтобы обеспечить своих членов в случае массового бедствия, но через развитую систему социального обмена оно давало крестьянскому двору социальную страховку на случай «нормальных» рисков сельского хозяйства.

Разумеется, в более позднее время само государство взяло на себя роль по обеспечению минимального дохода с помощью таких средств, как антициклическая фискальная политика, компенсация по безработице, программы социального вспомоществования, бесплатная медицина и отрицательный подоходный налог. Одним из последствий этих гарантий, между прочим, было создание более сильных стимулов для поведения, ориентированного на максимизацию прибыли.

Колониальный период в Юго-Восточной Азии, да, в сущности, и везде, был отмечен почти полным отсутствием каких бы то ни было мер для поддержания минимального уровня доходов, в то время как коммерциализация сельского хозяйства вытесняла большинство традиционных форм социального страхования. Далекое от того, чтобы защищать крестьянство от ко-

лебаний рынка, колониальные режимы были, скорее, склонны усилить в случае падения цен нажим для поддержания уровня своих доходов. Результат оказался парадоксальным. В условиях растущего, переживавшего бум экспортного хозяйства, роста новых возможностей, открывавшихся перед местными землевладельцами, чиновниками и ростовщиками, и, между прочим, увеличения среднедушевого дохода имел место также рост беспокойства сельской задолженностью и бедностью и ускорявшимся ритмом крестьянских волнений. То было подобие роста пауперизма во времена английской промышленной революции. Объяснение этого парадокса следует искать в новых угрозах минимальному доходу, которые нависли над наиболее бедными слоями населения. И хотя средний заработок был достаточным, занятость была в высокой степени неопределенной; хотя средние цены на крестьянский продукт имели повышательную тенденцию, их колебания были драматичными; хотя налоги были скромными, они были тяжелым бременем для весьма изменчивого крестьянского дохода; хотя экспортное хозяйство создало новые возможности, оно же сконцентрировало собственность над производственными ресурсами и нарушило уравнительные механизмы старой деревенской экономики.

Моральную экономику этики выживания можно ясно увидеть в темах крестьянского протеста в тот период. Преобладали две. Первая: притязания на крестьянские доходы со стороны помещиков, ростовщиков или государства никогда не признавались законными, если они распространялись на то, что считалось минимальным культурно зафиксированным уровнем существования. Вторая: *продукт* земли должен быть распределен таким образом, чтобы всем гарантировать нишу существования. Почти в каждом случае имела место апелляция к прошлому, к традиционной практике, а восстания, о которых у меня идет речь, лучше всего видятся как защитные реакции. Такая обращенная в прошлое реакция сейчас общее место в анализе крестьянских движений. Как утверждает Мур, цитируя Тауни, «крестьянский радикал был бы удивлен, услышав, что он подрывает основы общества; он всего лишь пытался вернуть назад то, что ему давно принадлежало по праву». Бунты были, говоря теми же словами, в сущ-

ности, бунтами потребителей, а не бунтами производителей. За исключением тех случаев, когда общинная земля присваивалась местной знатью, само по себе требование перераспределения земли поразительным образом отсутствовало. Протест против налогов и рент был выражен в терминах их влияния на потребление: то, что считалось приемлемой ставкой налога или ренты в хороший год, было неприемлемо в плохой год. Крестьян побуждала к бунту чаще недостаточность того, что им оставалось, чем величина того, что у них изымалось (и хотя обе эти вещи взаимосвязаны, они не идентичны).

1. Tawney R. H. *Land and Labor in China*. Boston, 1966, p. 77.

2. Government of Burma Report on the Famine in Burma 1896—97, quoted by Michael Adas.—*Agrarian Development and the Plural Society in Lower Burma*. Madison, University of Wisconsin Press, 1974, p. 45.

3. Hobsbawm E. J. *Class consciousness in history*.—*Aspects of History and Class Consciousness*. London, 1971, p. 11—12.

4. Lipton M. The theory of the optimizing peasant.—*Journal of Development Studies*, vol. 4, 1969, p. 341, cited in: Wolf E. R. *Peasant Wars of the Twentieth Century*. New York, 1969, p. 279.

5. Polanyi K. *The Great Transformation*. Boston, 1957, p. 163—164.

6. Wolf E. R. *Op. cit.*, p. 279.

7. Moore B., Jr. *Social Origins of Dictatorship and Democracy*. Boston, 1966, p. 497—498.

29. Представления крестьян о плохой жизни

Существует масса причин, в силу которых трудно сориентироваться по когнитивной карте чужой культуры¹. В последнее время этнографы-лингвисты разработали методы исследования, обеспечивающие научную точность, которой так не хватало, однако до сих пор эти методы использовались для выделения категорий, в которых люди воспринимают своих сородичей, ту еду, что они едят, или для выяснения того, что они думают насчет потребления спиртного, о болезни или о той земле, на которой они выращивают свое пропитание. Более же общие категории, которых я здесь коснусь,— а это «добро» и «зло», «успех» и «неудача» и трудное для восприятия понятие «моральной общности»— оставались вне досягаемости этих методов. Поэтому мое сообщение будет носить характер впечатления, трудно поддающегося проверке.

Работа этнографа начинается с отбора местных понятий и выделения их значений. Перевод с помощью одного-единственного слова всегда оказывается неадекватным. Часто существующие в местном языке понятия— например, прекрасно известные *мана*, *табу*, *тотем*— можно описать лишь в процессе уточнения контекста, в котором они могут быть правильно употреблены. Иногда у самих людей отсутствуют обобщающие термины. Например, понятие «чужак» является сделанным мною выводом из целого ряда терминов, с помощью которых крестьяне всякий раз обозначали разных чужаков: *сиркар* (чиновник), *марвари* (торговец), *гуджерати* (другой тип торговца), *катаки* (человек с прибрежных равнин) и т. д. Короче, существуют довольно большие проблемы с переводом.

В-третьих, не так легко бывает решить, на каком уровне обобщения делать перевод. Восприятие мира варьирует в соответствии с полом, возрастом, кастовым статусом и т. д. В ходе изучения модернизации

крестьянской Индии обычно принято смотреть в когнитивные карты взрослых мужчин, однако такой подход не избегает столкновения с кастовыми и этническими различиями. Разговор у нас пойдет о крестьянах Ориссы, которые в той местности, где мне довелось жить, были либо ория, либо конды. Когнитивные карты обоих этих народов содержат одинаковые элементы ксенофобии, но они резко различаются в плане восприятия неравенства среди людей. Бессмысленно усреднять эти различия; остается только сделать две когнитивные карты для понятий ранга, явно относящиеся к процессу модернизации. В дальнейшем речь пойдет главным образом об ория, которые, будучи членами кастового общества, рассматривают общество в категориях ранга. Другие темы, из тех что я собираюсь обсудить, в большей или меньшей степени присутствуют во многих крестьянских обществах, впрочем, не берусь утверждать, что во всех.

В каждом обществе существуют разные по своему социальному рангу категории людей: от высших, представленных полноправными членами общности, способными нести социальную ответственность и обладающими соответствующими социальными правами, до низших, представленных теми, кого и за людей-то не считают. Тех же, кто настолько маргинален, что воспринимается как чужак, можно употребить в качестве инструмента или объекта при условии, что у пожелавшего сделать это есть власть, и это будет рассматриваться не как нравственное отношение, а как отношение инструментальное, отношение использования. Нормы честности, уважения и почитания, оставаясь моральными императивами, понижаются по мере понижения статуса индивида, находящегося на другом конце отношения. Более того, предполагается, что такое отношение, обращение он будет воспринимать как должное. Жульничество, обман со стороны правительственных служб обосновывается тем, что вас обманывают работающие там чиновники. Подобные представления порою бывают настолько укоренившимися, что даже доброжелательное поведение, в котором отсутствуют черты использования, эксплуатации, интерпретируется как лицемерие, как маска, под которой скрыт определенный интерес; и тогда все кони превращаются в троянских.

Не существует определенного набора четко обрабо-

таных приемов, позволяющих отнести ту или иную категорию людей к разряду маргиналов. Так, у знакомых мне жителей деревни моральная общность включала их собственную семью, членов их касты в той же деревне, односельчан (четко ранжированных в соответствии с их дистанцией от респондента в кастовой системе), родственников из других деревень, представителей той же самой касты в других деревнях и, наконец, представителей других каст в других деревнях. Затем, после небольшого промежутка, идут те, кто во всем — в образе жизни, в манере говорить — подобны респондентам, но с которыми пока не было никаких соприкосновений, и если они захотят, чтобы их приняли в моральную общность, то жители деревни применяют изошренную и жесткую технику проверки их культурных верительных грамот.

Вне этой категории находятся те, чья культура — манера говорить, одеваться, вести себя, иерархия ценностей — недвусмысленно ставит их вне крестьянской моральной общности: это налоговые и санитарные инспектора, полицейские, чиновники службы развития, ветеринары и т. д., люди в одежде западного покроя, ведущие себя надменно или же демонстрирующие панибратское отношение к собеседнику, которое сразу же прекращается, как только они получают свое от крестьянина; это всё люди, прибывающие в деревню на велосипедах и в джипах и никогда пешком. Этих людей надо перехитрить, ибо их выставленные на обозрение дары, по определению, приманка к замаскированной ловушке.

Значение всего этого для политической модернизации и для развития очевидно. Советы и приказы принять на себя современные политические или экономические роли поступают извне моральной общности, потому они автоматически попадают в разряд опасных или греховных, а те из деревенских жителей, кто воспримет новые роли, рискуют остаться заклеяменными в качестве отступника и быть наказанными. Точно так же, если какое-либо новшество не оправдывает надежд (скажем, неудача с сортовыми семенами), житель деревни не почувствует нужды найти случившемуся рациональное, научное объяснение, он полностью удовлетворится одним тем, что новшество пришло извне, он найдет еще одно подтверждение своему стереотипному восприятию все-

го приходящего извне как злого и опасного (см. Бэйли, 1959, с. 252—254).

Существует нечто парадоксальное в том, что тот способ, которым крестьяне пытаются использовать политика или чиновника или избежать эксплуатации с их стороны, является сколком его собственного крестьянского мира: они переводят отношения с этим человеком из разряда современных функциональных в разряд множественной сложной связи. Крестьянин, имеющий дело с клерком, найдет кого-нибудь, кто поможет ему установить личные отношения, смягчающие неприятную строгость отношений официальных. Политик в погоне за голосами избирателей или чиновник службы развития в поиске поддержки называет крестьян «братья и сестры». Когда же крестьянам что-нибудь нужно от официального лица, то они обращаются к нему так, в такой форме, как они обратились бы к царю, что обязывает его быть великодушным и щедрым, или со словами, с которых в Индии начинаются многие прошения: «Вы моя мать и мой отец...» Во всех таких случаях подразумевается, что официальных отношений, сконцентрированных на одном деле и функционально специализированных, недостаточно, что их надо подкрепить отношениями другого рода.

Взаимоотношения внутри крестьянской или племенной общины но большей части многоплановы, то есть они не сводятся к сумме неких специализированных функций. Разумеется, существует определенное разделение труда, как, например, между землевладельцами и безземельными, но даже если описывать отношения в их чисто экономическом аспекте, то и тогда они будут нести на себе политические, ритуальные и, возможно, семейные черты. Это характеризует ту модель кастовой системы, которая функционирует внутри индийской деревни.

Следует заметить, что, от кого бы ни исходила инициатива — от политика, чиновника или от крестьянина, — именно проситель заинтересован в придании отношениям многопланового характера, в переведении их в моральную плоскость. Его визави обычно притворяется стороной незаинтересованной, если это чиновник или политик, то он будет стараться придать отношениям характер сделки и не смазать их моральными соображениями; если же это крестьянин, то он, скорее

всего, отклонит предлагаемые отношения, поскольку предложение исходит от чужака, или примет, но как голую сделку, из которой он попытается извлечь максимальную выгоду. Мой личный опыт свидетельствует, что таково преобладающее отношение жителей индийской деревни к политикам, проводящим свою кампанию.

Когда же крестьянин в качестве просителя пытается подкупить клерка или установить отношения зависимости с официальным лицом в терминах семейной или придворной иерархии, он, по сути дела, старается оказать давление на клерка или чиновника, включив его в свою моральную общность. Он пытается видоизменить сделку, которая в его глазах выглядит как эксплуатация, переведя ее в плоскость моральных отношений, *потому что сделать так — в его интересах*. Точно так же, когда политик называет его «браток», крестьянин считает это лицемерием и за фасадом деланного дружелюбия ищет скрытый интерес.

Водораздел между традиционным и современным обществами проходит как раз по различию между отношениями, функционально направленными на достижение какой-то цели, и отношениями многоплановыми. Отличительной чертой общества современного является специализация ролей и то, что весь механизм его производственного процветания основан на разделении труда между специализированными ролями. Конечно, и у нас есть такие пронизывающие всю нашу жизнь институты, как семья, однако случаи, когда официальное лицо ищет работу своим родственникам, или тот факт, что большая часть кабинета Макмиллана связана семейно-родственными узами, наша современная культура осуждает, по крайней мере нам от этого становится не по себе.

Это чувство этического дискомфорта может быть причиной того, что индийские плановики решительно закрывают глаза на реалии общества, которое они стараются модернизировать: в его основе лежат отношения многопланового характера. Несомненно, и там есть взяточничество и кумовство, но все это гневно осуждается. Даже в ситуациях, которые не коробят модернистское сознание, официальный взгляд решительно отводится в сторону, как это, например, было после отмены заминдарского землевладения в Ориссе, когда

места заминдаров заняли чиновники по сбору налогов, но другие функции заминдаров — предоставление денежных ссуд, разрешение споров и т. д. — оставались не занятыми представителями новых служб.

Я думаю, что взгляды крестьян на преследующие конкретную цель функциональные отношения не отмечены этическим неприятием. Такие отношения, поскольку они устанавливаются с чужаками, не могут оцениваться в моральных категориях: когда ты работаешь с инструментом, то не предъявляешь к нему нравственных требований, и всё дело состоит лишь в наиболее эффективном использовании инструмента.

Второй важной темой в крестьянской когнитивной карте является то, что можно назвать лидерством. Деревенские жители признают два типа больших людей: светский лидер, которого мы будем называть «вожак», и религиозно возвышенный человек, которого в деревне называют «йоги» или «гуру» (учитель), но мы будем называть его «святой». Я покажу, что идея бескорыстного служения на благо общины — всего лишь небольшой элемент в одной из этих категорий и совершенно отсутствует во второй.

«Вожак» — это человек, способный позаботиться о своей чести, репутации (*мохото*) и считающий репутацию, честь высшей социальной ценностью жизни. Репутация влечет за собой такие понятия, как конкуренция (соревнование) и конфликт; человек возвышается в этом отношении, демонстрируя всевозможными способами, что его соперники обладают меньшими достоинствами, например пороча их. Главы семей, особенно богатые из высших каст — все являются «вожаками», и если они не в ссоре, то относятся друг к другу подчеркнуто корректно и сдержанно.

От «вожака» ожидается защита интересов *не всей* общины, а лишь своих сторонников, и осуществляется она через противостояние другим «вожакам» и их сторонникам. Более того, даже в рамках этого отношения между «хозяином» и его сторонником понятие бескорыстного служения развито слабо: за исключением самого тесного круга сторонников, лояльность подчиненных «хозяин» покупает своими покровительством и щедростью. Если «вожак» не может обеспечить эти вещи, то предполагается, что подчиненные не станут терзаться укорами совести, а приложат силы, чтоб найти

себе более сильного и богатого «вожака». Здесь имеется элемент аморальности, который мы находим в отношениях с «чужаками». Заметим также, что, хотя и от «хозяина» ожидают службы на благо других, понимание этого служения прямо противоположно тому, что мы понимаем под «служением обществу». У нас это охарактеризовали бы такими словами: «вожаки не занимаются бизнесом только ради собственного здоровья». Заметим также, что здесь совершенно отсутствует идея служения с позиций смирения.

Некоторые из «вожаков» к старости становятся филантропами. Они возводят храмы, строят ночлеги для паломников, сажают деревья, оставляющие по ним память в виде тени, или же роют бассейны, в которых верующие могут совершать ритуальные омовения. Крестьяне одобрительно отзываются и о колодцах, и о сходнях к воде для омовения, и о тени деревьев, но в самом акте дарения они цинично усматривают откуп. Так, неподалеку от моей деревни жил человек, который путем обмана и мошенничества добрался до высокого положения в обществе, но, дожив до зрелых лет, продолжал оставаться без наследника. Тогда он потратил деньги на массу бросающихся в глаза внешне эффектных общественных работ и обзавелся молодой женой, которая в положенный срок одарила его сыном. Но счастье было недолгим: сын не дожил до совершеннолетия — и здесь мой рассказчик уже не скрывал своего удовлетворения, — отцу же было суждено пережить его и остаться без внуков.

Более благосклонно, чем к «вожакам», жители деревни относятся к религиозным лидерам. Однако, как и «вожак», «святой» больше заботится сам о себе, или, как бы мы сказали, о своей душе: его жизнь проходит отнюдь не в служении на благо других. Даже гуру (учитель) — это скорее советчик в конкретных сложных ситуациях, а не горящий на службе народу человек. «Святого» уважают и даже любят в особом, мистическом смысле этого слова, но совсем не за то, что он делает для общины, а просто потому, что он святой человек.

Некоторые традиционные представления о светском лидерстве созвучны духу политической модернизации и экономического развития. Заметим, что правильные взаимоотношения между лидерами и их сто-

ронниками не являются несовместимыми с теми установками, которые они имеют по отношению к чужакам. Взаимоотношения между лидерами и сторонниками в рамках моральной общности имеют определенную степень жесткости и практичности, а когда отношения выходят за границы моральной общности, тогда осторожность перерастает в подозрительность и в двойной стандарт поведения. Внутри же моральной общности крестьянин понимает, до каких пор, до каких пределов можно действовать — как в отношении своих действий, так и в отношении действий своего оппонента, — потому что и он, и его оппонент (и здесь неважно, лидер он или просто сторонник) разделяют те же самые основные ценности; более того, отношения представляются нерегулируемыми со стороны советов, *панчат* или верхушки лидеров. Но вне моральной общности ни одно из упомянутых средств контроля неприменимо: действия властей — непредсказуемы, системы ценностей — различны, а арбитражные институты, как, например, суды, не являются составной частью моральной общности и рассматриваются лишь как инструмент или орудие, которое надо использовать в соперничестве. Внутри моральной общности строго следят за тем, как лидер выполняет свою долю обязательств по заключенной сделке; крестьяне знают, что вне моральной общности обязательства не выполняются, и потому они вынуждены подстраховывать себя упреждающим жульничеством.

Во-вторых, язык сотрудничества почти полностью отсутствует в традиционных отношениях между лидером и его сторонниками. Язык сотрудничества в деревне, конечно, существует, но он используется в отношениях равных с равным и в рамках моральной общности. В его основании лежит формальное равенство, символически отражаемое в деятельности сельского совета или в церемониях встречи старших родственников жениха и невесты, его проявления, правда не столь формализованные, можно найти и в организации общих трудовых акций или во время охоты, когда из засады все друг друга подначивают, предлагая сделать решающий выстрел, перебрасываясь теми странными резкими выкриками, вроде тех, что доносятся до нас из кучи регбистов. Каждый отдает приказания, никому конкретно не адресованные, в пространство. Но лиде-

ры не апеллируют к чувству моральной ответственности сторонников, чтобы те сплотились, они скорее стигматизируют тот или иной тип поведения, используя поощрения и наказания.

Традиционные лидеры не требуют сотрудничества. Чужаки *не могут* рассчитывать на успех, обращаясь за сотрудничеством к крестьянам, и тем не менее они постоянно обращаются к ним, а тем кажется все это либо шуткой, либо чем-то весьма настораживающим, точно так же как тому футболисту, который собственными ушами слышит, как капитан противника предлагает ему сотрудничество.

Крестьяне видят в чужаках своих врагов. Однако в понятийном мире крестьянина существует ряд лиц, кого мы могли бы считать посредниками или миротворцами. Как же смотрят крестьяне на этих людей? Эти люди могут быть предателями, вражескими агентами, или же их можно принять и признать за ними моральный статус, сочтя их настоящими посредниками, расширяющими границы крестьянской моральной общности.

На первый взгляд некоторые роли «хозяев» — индийские раджи или проживающие в деревне заминдари — могут заполнить разрыв между официальным миром и миром крестьянским. Эти два вида общественного положения сочетаются в одном лице, совпадают в одной персоне — генерального администратора, сборщика налогов, мирового судьи, чиновника по социальным вопросам и ростовщика, хранителя священных реликвий и организатора коллективных ритуалов по случаю сева, жатвы или по другим поводам. Все эти люди подверглись в Индии официальному развенчанию, правда, не вполне успешно. В крестьянском мире они составляли определенную часть моральной общности. Мы, этнографы, находим здесь много общего с ролью короля, который, будучи хранителем священных реликвий и исполнителем священных ритуалов, символизирует единство и ценности своего народа. Я считаю эту аналогию правомерной; немало трудностей возникло во время форсирования модернизации из-за игнорирования неполитических компонентов роли традиционного лидера и нежелания выделить в современных институтах место для этих компонентов.

Однако по ряду причин раджу или помещика трудно рассматривать в качестве посредника в деле модернизации. Во-первых, они не позволят это сделать, поскольку в когнитивной карте модернизирующейся элиты они отмечены как враги и не без основания идентифицированы с политической системой, созданной британской авторитарной администрацией. Во-вторых, поскольку они занимают самую высокую «хозяйскую» позицию, их положение как членов крестьянской моральной общности несколько непрочно. Один бывший орисский раджа, которого избрали в Законодательную ассамблею (причем почти единогласно), рассказал мне, что он абсолютно не беспокоился относительно исхода выборов и что если бы он занес в списки своего слона, то выбрали бы в ассамблею слона. Однако на следующих выборах этот экс-раджа потерпел поражение, и неудивительно: за десять лет, как законодательно был ликвидирован институт раджей, ранее соединявшиеся в его персоне роли (причем неважно, выполнял он их или нет) рассредоточились по множеству администраторов. Я полагаю, он недооценил посредническую природу своих связей со своими бывшими подопечными. Та народная любовь, которой он так гордился, на проверку оказалась любовью по расчету, корыстной. В-третьих — и здесь судьба раджи может послужить примером, — как только такие люди начинают вести себя как чужаки, они неизбежно вживаются в роль чужаков и теряют свое место в моральной общности крестьян. К редким исключениям можно отнести тех — а я знаю всего лишь два таких случая в Ориссе, — кто, став современным политиком, укрепился в своей прежней роли: несомненно, их царский статус («раджа» — царь, князь. — *Прим. перев.*) помог им стартовать, но на одном лишь статусе далеко не уедешь. Между прочим, модернизирующаяся элита очень неохотно принимала их в свою среду, несмотря на то что эти двое на самом деле были политиками модернизации.

Второй тип потенциального посредника — это те, кто совсем недавно попал в элиту и сохранил связи со своими соплеменниками-крестьянами. Для большинства районов это местная элита, состоящая из совершенно новых людей; так же дело обстоит и в Индии со многими политиками не только на уровне штатов, но даже и на общенациональном уровне; правда, это

и меньшей степени относится к гражданским службам. Такое происходит потому, что дети элиты получают образование, а дети бедняков — нет. Такое положение в Индии имело место в течение многих поколений. Я думаю, что то же самое и в Африке, а ряд сообщений из Западной Африки свидетельствует о том, что элита там перерастает в класс.

Как же относятся крестьяне к сородичу, выбившемуся в элиту? Он продолжает оставаться частью их моральной общности, и от него ожидается, что он будет нести ответственность и определенные обязательства перед сородичами, а то, что эти обязательства могут вступать в конфликт с его новыми ролями, в расчет не принимается. Такой человек должен внимательно следить за своим поведением, не упуская из виду, какую из своих ролей он представляет в данный момент: когда он приезжает в отпуск домой, то перед тем, как войти в деревню, он должен сменить свой городской наряд на *дохоти* (набедренную повязку. — *Прим. перев.*). А то, что в современном мире осуждается как кумовство и коррупция, в мире традиционном часто является всего лишь выполнением обязанностей. Отсюда можно сделать несколько парадоксальный вывод о том, что недавно вошедший в элиту человек не может действовать ни в качестве посредника между двумя мирами, ни как агент модернизации в среде собственного народа, он сохраняет связь с собственным народом лишь до тех пор, пока действует в соответствии с его ценностями.

Третий тип посредников — это те, кто использует почитаемые крестьянами религиозные символы с целью внедриться в крестьянскую моральную общность или (что, видимо, точнее отражает мотивы самых известных из их числа) с целью отказаться от членства в модернизирующейся элите. Как же крестьяне относятся к таким людям?

Личность «святого» — это часть известного крестьянам мира. «Святой» выступает за нечто такое, пусть даже неясное, но что имеет цену в крестьянской среде, — за то, что можно назвать личным спасением. Крестьяне не вступают в сделку со «святым» и не пытаются его использовать. Для большинства людей эти отношения дистанцированы и обезличены, они преисполнены почтения, и символом для них служит раздача милостыни и получение благословения. Те, кто вступает со

«святыми» в более тесные отношения, в качестве учеников или послушников, следуют этому стилю поведения из идеологических или моральных соображений, ведь «святой» не зазывает последователей, чем и отличается от «хозяина».

Политик же, работающий под имидж «святого», одетый в дхоти и обутый в сандалии, пешком прибывающий в деревню, не всегда ведет себя так, как надо было бы вести себя при таком внешнем виде. Гость не сидит молча под деревом и не дает советы лишь тем, кто его об этом попросит, — он произносит речи. Более того, то, за что он ратует, представляется жителям деревни весьма странным, вроде бы звуками священной музыки воспевается рок-н-ролл. Он говорит о гигиене, о начальном образовании или о том, почему бедным надо дать землю, — короче, на все темы, которые крестьянам предлагает *сиркар*, правительство. В ту деревню, где мне довелось жить, приходили люди от Винобы Бхаве, но получили такой решительный отпор, как будто они были правительственными агентами — пожалуй, даже посильнее, так что сразу стало ясно: силы поддерживать свои требования и предложения у пришельцев не было. С той поры, как Вебер ввел в оборот термин «харизма», мы с легкостью говорим о харизматических лидерах, однако мы часто обманываемся, попадаясь на удочку пропаганды тех, кто амбициозно выдает себя за харизматических лидеров.

Нам осталось рассмотреть ту посредническую роль, которая, по-видимому, наилучшим образом заполняет пробел, существующий между крестьянами и элитой. Речь пойдет о деревенском маклере, о человеке, сделавшем своей профессией помощь официальным лицам, политикам и крестьянам в общении друг с другом, и получающем за эти свои услуги плату — то ли непосредственно, то ли каким-то другим способом. Он знает, как получить лицензию или налоговую скидку, знает, кому дать взятку, он может достать настоящие лекарства из больницы. А еще он сколачивает блоки избирателей или устраивает приемы высоких гостей, наезжающих в деревню, он на собственный страх и риск делает ту работу, которая запрещена руководителям современных институтов, но которая, по их мнению, должна быть сделана.

И хотя маклеры работают на благо людей, уваже-

нием и даже доверием среди жителей деревни они не пользуются. Их считают приспособленцами, наполовину чужаками, и это даже при том, что они смягчают удары, наносимые жесткой бюрократической системой. Но никто из этих людей не в состоянии приобрести моральный вес в качестве посредника между традиционалистами и модернизаторами. Обе стороны считают их чужими. В результате их активность объективно приносит вред: их паллиативная деятельность лишь увековечивает коммуникативный разрыв между крестьянством и элитой.

С точки зрения сторонников модернизации, нарисованная мною картина малоутешительна. Редкое исключение составляют те люди, которые смогут стать, как говорится, «уважаемыми людьми» в крестьянской моральной общности и могут подтолкнуть крестьян воспринимать новые, современные роли. Однако они могут преуспеть в этом лишь в ограниченной степени, поскольку крестьяне обладают очень низким порогом терпимости по отношению к тем членам общности, которые слишком тесно связаны с внешним миром.

Суть моей аргументации состоит в том, что строительство современного общества — это не накатанный рутинный процесс, в котором заранее известны все шаги и предусмотрены все случайности. Совсем напротив: это мир ошибок, разочарований, несостыковок, тревог и конфликтов. В довольно редких случаях крестьяне вступают в этот мир по своей воле; они делают это в надежде извлечь хоть какую-нибудь выгоду для себя, и тогда они изо всех сил используют ситуацию. Если их ожидания не оправдываются, они отступают, как отступились бы от неудачливого лидера. Только те, у кого есть моральные обязательства перед современным обществом, устоят перед лицом разочарований и неудач. Мы рассмотрели ряд ролей, которые, как это может показаться на первый взгляд, обеспечивают эту моральную ответственность через оказываемое крестьянами доверие. Но практически во всех случаях крестьяне отказывают маклеру в доверии, если видят в нем миссионера модернизации.

До сих пор речь шла о крестьянском восприятии чужаков, лидеров и маклеров, т. е. о восприятии личностей. Теперь, с уровня более высокой абстракции, посмотрим, что крестьяне думают не о политиках, а о по-

литике. Много было написано о том, что крестьяне или члены племени думают о конкретных политических акциях, но не столь много о самой идее формирования политики.

Эта идея содержит два основных компонента, причем ни один из них не является частью крестьянской культуры. Первый — это убеждение в том, что человек способен управлять своей судьбой и той средой, которая его окружает: никто не станет строить политические планы, не будучи уверен, что сможет осуществить намеченное. Действительно, суть политической деятельности состоит в том, что существует план манипулирования совокупностью находящихся под нашим контролем переменных, ставящих целью адаптировать нас к тем переменным, которые неподвластны нашему контролю, но тем самым достичь парадоксальным образом своего рода контроля над тем, что было неподконтрольно.

Одним из компонентов нашего романтического восприятия сельской жизни является представление о ее определенности и надежности. Четыре времени года проходят чередой, из года в год жизнь возобновляется по тому же самому сценарию. Этот цикл вечности, запечатленный и приходящий к нам через поэзию или кино, дает нам ощущение защищенности. Отходя ко сну, мы не сомневаемся, что, проснувшись утром, мы застанем всё тот же мир.

Я не знаю, присуще ли крестьянам, с которыми мне довелось жить, это мистическое ощущение беспрестанности жизни, я в этом сомневаюсь, поскольку в отличие от нас они знают сельскую жизнь во всей ее неприглядности, не адаптированную для драматических постановок. Несмотря на стабильность генерального плана природы, у них мало уверенности в завтрашнем дне. Нет уверенности в том, каким будет урожай, никто не знает, будет ли он жив через год или даже через неделю. В два или три года богач может стать бедняком, а бедняк — богачом. Женщины умирают при родах; в Бисипара (это та деревня, где я жил) были женщины, родившие пять, восемь, а одна даже десять детей, и ни один из них не дожил до двухлетнего возраста. В подобных условиях вряд ли кому может показаться, что человек — хозяин обстоятельств его жизни; у природы, может быть, и есть большой непрерывный план, однако

человеческая жизнь полна несостыковок. Никто из крестьян не осмысливает жизнь в категориях пятилетних планов, и я утверждаю, что идея планирования может присутствовать только на тех когнитивных картах, которые включают в себя идею возможности контроля человека над предсказуемыми и поддающимися контролю *неличными* силами.

Даже в наших когнитивных картах люди представляются менее предсказуемыми и поддающимися контролю, чем неодушевленные предметы. Иногда мы приписываем наши неудачи недоброжелательности других, особенно если наше предприятие трудно и рискованно. Если провалился пятилетний план, то это из-за злобствующей внутренней оппозиции, тупых крестьян и происков неокOLONIALISTОВ: «охоту на ведьм» можно найти в культуре каждого. Но мы также подчеркиваем и полностью разделяем ту идею, что наши неудачи могут быть результатом нашего собственного недоучета совершенно безличностных переменных, не обладающих волей и которые нельзя привлечь к моральной ответственности. В таких случаях идея наказания, реванша или устрашения бессмысленна, ибо исправлять надо ошибку, а не человека. В той мере, в какой когнитивная карта не включает идею безличностных неморальных сил, она не может включать и понятие планирования. Гораздо больше, чем мы с вами, крестьяне приписывают свои неудачи людской недоброжелательности. В индийской культуре и в ряде других культур судьба часто выступает в роли объяснения; но, даже поддающаяся предсказанию, судьба находится вне возможностей контроля. Успех тоже приписывается человеческой греховности. Человек, как мы сказали бы, сорвавший солидный куш, по этой логике, получил свое не вследствие тяжких трудов и верного расчета, он добился этого путем колдовства или в крайнем случае каким-нибудь таким способом, который окажется губительным для его близких. Судя по рассказам о том, как люди в Бисипара становились богатыми, в крестьянской мифологии нет категорий честно добытого богатства, благородного богача. Отмеченное выше очень важно учитывать в проведении инноваций и модернизации: любой крестьянин, применивший новые методы производства и вследствие этого разбогатевший, в представлении других крестьян обязательно

мошенник и эксплуататор односельчан, и поэтому его следует наказывать и изгнать из моральной общности.

Короче говоря, и неустойчивость крестьянской жизни, и тот факт, что крестьяне, объясняя свои неудачи, более склонны обвинять других людей, чем обращаться к собственным просчетам и действию внеличностных сил, означают, что формирование политики и планирование не являются частью их когнитивной карты мира и человеческого общества. Они не отвергают идею планирования как несостоятельную, у них просто нет такой категории.

На первый взгляд такое утверждение может показаться неверным, поскольку ни один крестьянин не выживет, если не будет планировать использование находящихся в его распоряжении ресурсов. Крестьяне разводят скот, они откладывают деньги на будущую свадьбу, в наши дни они составляют завещания, они с макиавеллиевской изощренностью составляют планы тех или иных дел: если обратиться к самому простому и основополагающему акту планирования, то это — выделение семенного фонда для посева на будущий год. Но при этом я утверждаю, что для всего вышеперечисленного слово «планирование» используется иначе, чем, скажем, слова «пятилетний план». Это подводит меня ко второму компоненту идеи формирования политики.

Вторым компонентом идеи формирования политики является инновация. Политик видит будущее отличным от настоящего не только потому, что оно отдалено от дня сегодняшнего неделей или годом, но и потому, что жизнь в будущем должна отличаться от жизни в настоящем. Давайте сделаем различие между этими двумя способами осмысливать будущее, назвав первый способ осмысления «кругом времени», а второй — «стрелой времени».

Планы крестьянина — для круга времени. Он распределяет ресурсы, как бы исходя из соображения, что с минимальными отклонениями и редкими исключениями следующий год будет повторением года нынешнего. Каждый из ресурсов раскладывается на круге времени: через столько-то лет нужно сменить быка, через столько-то лет сын сменит отца, каждые два-три года надо перестилать крышу. В этом мире люди не столь склонны во всех неудачах видеть происки колдунов.

Если у кого-то неурожай в то время, как у всех остальных хороший урожай, тогда, имея за собой славу нерадивого земледельца, напрасно сваливать все на ведьм: стало уже общим местом, что помимо удачи (т. е. отсутствия зависти людей и гримас судьбы) для хорошего урожая нужно много работать, умело возделывать землю. Но, как, видимо, обстоит дело и в нашем обществе, мало кто верит, что упорный труд и мастерство способны за 20 лет сделать из бедняка богача: если подобные превращения и происходят, то они приписываются действию мистических сил, магии, судьбе или удаче (нахождению кувшина с золотом, или — в нашей культуре — незаконным махинациям с собственностью, или выигрышу на футбольном тотализаторе).

Те же, кто строит пятилетние планы, воспринимают время как стрелу. Работа имеет конец и начало, есть и цель, которой необходимо достигнуть. В конце трудов состояние дел отличается от того, что было вначале, и представляет собой необходимую точку для следующего начинания. Мы не испытываем трудностей с этой концепцией: планировать следующую ситуацию, радикально отличающуюся от настоящей, для нас представляется рациональным. Но для тех, кто привык осмысливать происходящее в терминах временного круга, подобные изменения приходят от вмешательства мистических сил: судьбы, удачи, ведьм или Бога, — и планировать подобные ситуации не имеет смысла. Политика, обещающего хорошую жизнь для всех в случае, если крестьяне помогут ему воплотить в жизнь его планы, крестьяне выслушивают так же, как и мы каждую неделю выслушиваем человека, обещающего нам главный приз в тотализаторе.

Это культурные категории, которые так же, как и правила статистики, допускают, что люди могут придерживаться различных убеждений. Некоторые крестьяне научились видеть время как стрелу; большинство крестьян, по крайней мере в таких странах, как Индия, иногда бывают принуждены жизненными обстоятельствами воспринимать время именно в таком образе. Но при неудачах, когда что-то происходит и стрела летит мимо цели, они ищут объяснения и предпринимают действия в соответствии с концепцией круга времени, и вместо поиска научного просчета идет поиск человеческих пороков. Даже те, кто строит планы и кто

впитал в себя идею времени-стрелы, могут реагировать на неудачи поиском не причин, а козла отпущения.

Этим завершается мое исследование нескольких основных культурных тем в когнитивной карте индийского крестьянина. Эти темы связаны друг с другом: взаимоотношения с лидером инструментальны, но в большей мере такое характерно в отношении чужаков. Бросающийся в глаза успех — это зло, поскольку твой успех означает мое поражение, моя неудача — следствие твоей недоброжелательности. Чужаки говорят об эффектных изменениях и ощутимых успехах, но мы, крестьяне, являемся всего лишь инструментом осуществления их планов, во всяком случае, если их фантазии осуществляются, то только благодаря использованию антиобщественных средств.

¹ Существует много синонимов для понятия «когнитивная карта»; одни из них более, а другие менее объемны: этос, мировоззрение, коллективные представления, верования и ценности, идеология, и — наиболее объемное — культура. Сравнение с картой здесь допустимо, ибо по ней можно ориентироваться в действиях. Когнитивные карты состоят из ряда ценностных директив и имеющихся в наличии предложений, что вместе позволяет направлять социальное взаимодействие.

30. Лад и ритм *

Столетия гранили и шлифовали жизненный уклад, сформированный еще в пору язычества. Все, что было лишним, или громоздким, или не подходящим здравому смыслу, национальному характеру, климатическим условиям, — все это отсеивалось временем. А то, чего недоставало в этом всегда стремившемся к совершенству укладе, частью постепенно рождалось в глубинах народной жизни, частью заимствовалось у других народов и довольно быстро утверждалось по всему государству.

Подобную упорядоченность и устойчивость легко назвать статичностью, неподвижностью, что и делается некоторыми «исследователями» народного быта. При этом они намеренно игнорируют ритм и цикличность, исключая бытовую статичность и неподвижность.

Ритм — одно из условий жизни. И жизнь моих предков, северных русских крестьян, в основе своей и в частностях была ритмичной. Любое нарушение этого ритма — война, мор, неурожай — лихорадило весь народ, все государство. Перебои в ритме семейной жизни (болезнь или преждевременная смерть, пожар, супружеская измена, развод, кража, арест члена семьи, гибель коня, рекрутство) не только разрушали семью, но сказывались на жизни и всей деревни.

Ритм проявлялся во всем, формируя цикличность. Можно говорить о дневном цикле и о недельном, для отдельного человека и для целой семьи, о летнем или о весеннем цикле, о годовом, наконец, о всей жизни: от зачатия до могильной травы...

Все было взаимосвязано, и ничто не могло жить отдельно или друг без друга, всему предназначалось свое место и время. Ничто не могло существовать вне цело-

* В. Белов. Лад. Очерки о народной эстетике. М., 1984.

го или же явиться вне очереди. При этом единство и цельность вовсе не противоречили красоте и многообразию. Красоту нельзя было отделить от пользы, пользу — от красоты. Мастер назывался художником, художник — мастером. Иными словами, красота находилась в растворенном, а не в кристаллическом, как теперь, состоянии.

...Ритм — основа не только труда. Он необходим человеку и во всей его остальной деятельности. И не одному человеку, а всей его семье, всей деревне, всей волости и всему крестьянству.

«Лад» и «строй», как и не русские по происхождению слова «такт» и «тембр», принадлежат миру музыки. Но «такт» в современном русском языке употребляется в более широком бытовом смысле и служит для характеристики хорошего поведения.

О «ладе» и «строе» и говорить не приходится. Достаточно вспомнить гнезда слов, связанных с этими словами.

Гармония как духовная и физическая по отдельности, так и вообще — это жизнь, полнокровность жизни, ритмичность. Сбивка с ритма — это болезнь, неустройство, разлад, беспорядок.

Смерть — это вообще остановка, хаос, нелепость, прекращение гармонического звучания, распадение и беспорядочное смешение звуков.

Ритмичная жизнь, как и музыкальное звучание, не подразумевает однообразия. Наоборот, ритм высвобождает время и духовные силы каждого человека в отдельности или этнического сообщества, он помогает прозвучать индивидуальности и организует ее, словно мелодию в музыке. Ритм закрепляет в человеке творческое начало, он обязательное, хотя и не единственное условие творчества.

Ритмичность была одной из самых удивительных принадлежностей северного народного быта. Самый тяжелый мускульный труд становился посильным, менее утомительным, ежели он обретал мерность. Не зря же многие трудовые процессы сопровождались песней. Вспомним общеизвестную бурлацкую «Эй, ухнем» или никитинское:

Едет пахарь с сохой, едет — песню поет,
По плечу молодцу все тяжелое...

Гребцы в лодках, преодолевая ветер и волны, пели; солдаты на марше пели; косцы на лугу пели. Пели даже закованные в кандалы каторжане... Ритм помогал быстрее осваивать трудовые секреты, приобретать навыки, а порой, пусть и на время, освобождал человека даже от собственных физических недостатков. Например, женщина-заика, неспособная в обычное время связать и двух слов, петь могла часами, причем сильно, легко и свободно.

Ритмичным был не только дневной, суточный цикл, но и вся неделя. А сезонные сельхозработы, праздники и посты делали ритмичным и весь год.

Лишь дальние многодневные поездки «под извоз» сбивали суточный ритм крестьянской жизни. В прошлом веке и в начале нынешнего эти поездки (на ярмарку, по гужовинности, на станцию, на лесозаготовки и т. д.) не были частыми. Они, несмотря на тяжесть и дорожную неустроенность, воспринимались вначале как вынужденное нарушение обыденности. С ростом российской промышленности в сельскую экономику все больше начало внедряться отходничество, поездки стали чаще и обременительней, что приводило к нарушению не только суточной, но и годовой ритмичности.

Человек менял свои возрастные особенности незаметно для самого себя, последовательно, постепенно (вспомним, что и слово «степенно», иначе несуетливо, с достоинством, того же корня). Младенчество, детство, отрочество, юность, молодость, пора возмужания, зрелость, старость и дряхлость сменяли друг друга так же естественно, как в природе меняются, например, времена года. Между этими состояниями не было ни резких границ, ни взаимной вражды, у каждого из них имелись свои прелести и достоинства. Если в детскую пору младенческие привычки еще допускались и были терпимы, то в юности они считались уже неестественными и поэтому высмеивались. То, что положено было детству, еще не отсекалось окончательно в юности, но в молодости подвергалось легкой издевке, а в пору возмужания считалось уже совсем неприличным. Например, в младенчестве человек еще не может вырезать свистульку из весеннего тальникового прутика. У него не хватит для этого ни сил, ни умения (не говоря уже о том, что старшие никогда не доверят ему отточенно-

го ножа). В детстве он ворохами делает эти самые свистульки, в юности уже стесняется их делать, хотя, может быть, и хочется, а в молодости у него достаточно других, более сложных и полезных развлечений. Можно лишь сократить или удлинить какое-либо возрастное состояние, но ни перескочить через него, ни выбросить из жизни невозможно.

Такая постепенность подразумевала обязательную новизну и многообразие жизненных впечатлений. Ведь ничто в жизни уже нельзя было повторить: ни первый младенческий крик, ни первый нырок в окуневый омут. Возможность стать рекрутом или женихом не представляется человеку дважды, а если и представляется, то исчезает новизна и очарование, очарование любого, даже такого печального события, как разлука с родиной, связанная с уходом в солдаты. Вдовец, вынужденный жениться во второй раз, стеснялся делать свадьбу. У женщин было отнюдь не в чести второе замужество. Общественное мнение, весьма снисходительное к физическому или другому недостатку, становилось совершенно беспощадным к недостатку нравственному.

Не потому ли дурной человек хотел стать не хуже других (по крайней мере, не хвастался тем, что он дурной), средний стремился быть хорошим, а хороший считал, что ему тоже не мешало бы стать лучше?

Ритмичность, сопровождавшая человека на всем его жизненном пути, объясняет многие «странности» крестьянского быта. Считалось, к примеру, вполне нормальным, хотя и не очень почтенным то, что дитя и старик из зажиточного хозяйства вдруг пошли с корзиной по миру (значит, в хозяйстве неожиданно пала лошадь, или сгорело гумно, или вымокла рожь). Но никто даже и представить себе не смог бы такую картину: не дитя и не старик, а сам хозяин потерпевшего двора в разгар сенокоса пошел бы с корзиной по миру. В северных деревнях еще не так давно считалось позорным праздновать в будние дни. Женщинам и холостым парням разрешалось пить только сусло и пиво, а тех мужчин, которые напивались и начинали «шалить», под руки выводили «из помещения». Старики и старухи имели право нюхать табак. Но трудно сказать, что ждало подростка или молодого мужчину, осмелившегося бы завести свою табакерку.

Всему было свое время и свой срок.

31. Крестьянская эстетика: видение крестьянства

Очень мало крестьян становятся художниками — разве что случайно ими могут стать сын или дочь крестьянина. И это отнюдь не вопрос таланта, а вопрос возможности и свободного времени. О крестьянской доле сложены песни, а в последнее время появилось несколько автобиографий. Еще есть замечательный философский труд Гастона Башляра. В общем-то, не так уж много. Этот пробел означает, что крестьянская душа неродственна или незнакома большинству горожан, как и крестьянская жизнь и материальные условия крестьянского труда.

Правда, в средневековой Европе крестьяне иногда становились художниками, каменщиками и даже скульпторами. Но тогда их нанимали для того, чтобы они выражали идеологию Церкви, а не свое собственное видение мира.

Но есть одна грандиозная работа, не похожая ни на одну другую, и в ней непосредственно отразилось крестьянское мироощущение. Вот как раз об этой работе — в которой и поэзия, и скульптура, и архитектура слиты воедино — я и хотел бы рассказать.

«Сельский почтальон, как и 27 тысяч моих коллег, я каждый день выхожу своим путем из Отрив (Nauterives) в Терзан, в район, где до сих пор видны следы от тех времен, когда здесь шумело море. Иногда иду через снега и льды, иногда — среди цветов. Что же остается делать человеку, когда он все время ходит через одно и то же место, как только мечтать? Я строил в своих мечтах дворец, превосходящий все представления, во всяком случае, превосходящий то, что может себе представить гений простого человека, — дворец с садами, гротами, башнями, крепостными стенами, музеями и статуями: он был настолько прекрасным и живопис-

ным, что его образ жил в моей душе самое малое десять лет...

А когда я уж было забыл о своей мечте — и она была последним, о чем я думал, — то мне о ней напомнила моя нога: она наткнулась на что-то, и я чуть не упал. Тогда я заинтересовался, что же это было: то был камень дивной формы, я поднял его, положил в карман, чтоб на досуге полюбоваться им. На следующий день, проходя мимо того самого места, я подобрал еще пару камней, которые были даже лучше давешнего. Я собрал их вместе и поразился... Я облазил ущелья, пригорки, самые заброшенные и безлюдные места... Я нашел туф, проточенный водой, который был столь же прекрасен...

Вот отсюда и начались все мои испытания и несчастья. Тогда я принес несколько корзин. Кроме своих почтальонских 30 километров в день, я проделывал еще дюжину, неся на плечах корзину, полную камней. В каждой общине были свои особенные виды очень крепких камней. Когда я проходил через деревню, я обычно ссыпал их в маленькие кучки, а вечерами возвращался с тачкой и забирал их. Самые близкие из них находились на расстоянии 4—5 километров, иногда в 10 километрах. Случалось, я выходил из дому в 2 или 3 часа ночи».

Написал это родившийся в 1836-м и умерший в 1924 г. Фернан Шеваль: в течение 33 лет строил он свой «дворец, превосходящий все представления». Этот дворец все еще стоит в Отрив (департамент Дром, Франция) — деревне, где родился его создатель.

Вечером, когда спускается тьма
И все люди отдыхают,
Я работаю в моем дворце.
Никто не узнает о моих страданиях.
В минуты досуга,
Которые остаются у меня от работы,
Я строил этот дворец
из тысячи и одной ночи —
Я памятник свой ваял.

Сегодня дворец разрушается, его скульптуры рассыпаются, а слова, высеченные в камне или написанные на стенах, постепенно стираются. Сооружению менее

80) лет. Многие более древние строения и скульптуры находятся в лучшем состоянии потому, что они не выходят из русла преобладающей традиции и созданы в соответствии с ее канонами, по которым известно, для кого они сделаны и как их следует сохранять. Эта же работа обнажена, она вне традиции, потому что это всего лишь работа «сумасшедшего» крестьянина-одиночки.

Сейчас существует масса книг с фотографиями дворца и даже фильм о нем, но вот беда — все это сделано с точки зрения стороннего наблюдателя, а дворец — это опыт пребывания внутри. Это как лес: чтобы его увидеть, надо в него войти. Вы или входите в него, или проходите мимо.

Как объяснял Шеваль, толчком для воображения стали камни: камни, приобретшие свою форму в разные геологические эпохи, казались ему карикатурами. «Странные скульптуры всевозможных зверей и карикатурных персонажей. Таких, что даже трудно вообразить. Я сказал себе: если природа хочет изваять скульптуру, то я построю стены и возведу здание для нее». Если вы всмотритесь в эти камни, они предстанут перед вами живыми существами, по большей части — птицами или зверями. Одни пристально глядят на вас, другие лишь мельком выглядывают из камня и снова в него прячутся. Дворец полон жизни, той жизни, которую сразу и не разглядишь.

За редким исключением — а об этих исключениях я скажу позже, — здесь определенно нет поверхностей, обращенных наружу, каждая поверхность смотрит внутрь. Животные обращаются в камни, а когда вы не смотрите, они выглядывают вновь. Причем каждый раз они появляются в новом обличье. Поэтому неправильно было бы думать о дворце, что он похож на мечту. В этом состояла ошибка сюрреалистов, первыми «открывших» дворец в 30-е годы. Психологизировать дело, задаваться вопросом о шевалевском бессознательном — значит рассуждать в терминах, которые никогда не объяснят уникальности дворца.

Вопреки названию моделью Шевалю служил вовсе не дворец, а лес, внутри которого много маленьких дворцов, замков, храмов, домов, берлог, нор, гнезд, отверстий и т. д. Невозможно с точностью установить все содержимое дворца или всех его обитателей. Каждый

раз, когда вы в него входите, вы видите больше, чем видели там до сих пор, или видите все то же, но в другом свете. Шеваль далеко не ограничился каменной кладкой и архитектурным обрамлением природных скульптур. Он начал делать свои собственные скульптуры. Но и здесь природа осталась для него моделью: не вместилищем фиксированных видов, не источником систематики всего, а образцом постоянных превращений. Стоит взглянуть, как тут же увидишь:

сосну
теленка, такого большого, что сосна могла стать его
рогом
змею
римскую вазу
двух женщин-прачек размером с родинку
выдру
маяк
улитку
трех друзей, примостившихся на коралле
леопарда, который больше, чем маяк
ворону

Этот список можно продолжать и продолжать, с тем чтобы составить перечень в первом приближении. И как только вы это поймете, вам сразу станет ясно, насколько чужды духу работы подобного рода упражнения. Ее функция не в том, чтобы представлять, изображать что-то, а в том, чтобы окружать.

Взбираетесь ли вы на его башни, прохаживаетесь ли среди его крипт (подземных часовен) или смотрите на фасад, стоя на земле, вы понимаете, что вы *входите* куда-то. Вы оказываетесь внутри системы, которая включает в себя занимаемое вами пространство. Эта система может менять свое обличье, предполагая в разное время самые разные превращения. Я уже сравнивал ее с лесом. Местами она похожа на живот. В других местах она как мозг — физический орган в черепной коробке, а не абстрактный *разум*.

Все, что вас окружает, обладает физической реальностью и построено из песчаника, туфа, известняка, песка, ракушек и окаменелостей. В то же самое время все эти разнообразные материалы являются целостной

и исполненной таинственности живописью. Я говорю сейчас не о населении его образов, а о минеральных материалах, так скомпонованных в единое целое, что оно представляет живую органическую систему.

Все это соединено своеобразной тканью. Вы можете думать об этом как о состоящем из листьев, как о складках, коконах или пещерах. Вся неумная шевалевская энергия, вся его жизнь ушли на эту постройку. Именно в этой ткани вы чувствуете настоящий ритм его движений, то, как он заливал цемент или укладывал камни. Его поддерживало созерцание того, как материя растет под его руками. Вот эта-то материя и окружает вас, как лоно.

Я говорил, что основной элемент этой материи называется листья или складки. Возможно, самое точное определение, какое я мог бы дать этому — как внутри дворца, так и за его пределами — основному элементу, или наиболее полное представление о нем — это подумать об идеальном листе, о котором писал Гёте в своей работе «О превращении растений». О том архетипическом листе, от которого ведут свое начало все растения.

Во дворце этот основной элемент подразумевает процесс воспроизводства: не воспроизводство проявлений, а воспроизводство самого себя путем роста.

Шеваль покидал Дром всего лишь раз в жизни: в молодости он несколько месяцев работал в Алжире, а свои знания о мире он черпал из новых популярных энциклопедических журналов, появившихся на книжном рынке во второй четверти XIX века. Эти знания дали ему возможность расширить свой кругозор до мирового масштаба, столь отличавшегося от масштаба локального и частичного. (Сегодня современные средства связи оказывают в разных частях мира заслуживающий внимания политический эффект. Крестьяне в принципе могут ощутить свою принадлежность к миру в целом.)

Без ощущения дыхания мира Шеваль ни за что бы не смог в течение 33 лет поддерживать в себе уверенность в необходимости своей работы. В средневековой церкви предлагала универсальный взгляд, но ее ремесленники работали по большей части в условиях ограничений, предписанных иконографией, в которой крестьянское мировоззрение присутствовало, но не играло

ведущей роли. Шеваль появился для того, чтобы противопоставить современному миру свое незамутненное крестьянское мировоззрение, в соответствии с которым он возводил дворец.

Это событие было невероятным, невозможным, зависевшим от стечения многих обстоятельств. От темперамента. От географии. От социального окружения. Вот, например, тот факт, что он был почтальоном и что у него была хоть маленькая, но зарплата. Будь он крестьянином, работавшим на своей собственной земле, он никогда бы не смог выкроить тех 93 тысяч часов, которые он провел на строительстве дворца. Но все же он органически и сознательно оставался членом того класса, из которого вышел. «Сын крестьянина, я желал жить и умереть как крестьянин, чтобы доказать, что и в моем классе есть люди энергичные и гениальные».

Характер дворца определяют два существенных качества: телесность (дворец не содержит абстрактной, сентиментальной привлекательности, да и все шевалевские заявления подчеркивают громадный физический труд по его созданию) и обращенность вовнутрь (весь его упор на то, что внутри, и на пребывание в интерьере). Такого сочетания нет в современном урбанистском опыте, но оно в высшей степени типично для опыта крестьянского.

Понятие *внутреннего* здесь, вероятно, можно использовать в качестве примера. Необходимо, однако, и предостеречь. Думать, что крестьянское отношение более «внутреннее», чем городское,— это значит не понять сути и скатиться к избитому клише.

Дверь хлева. На гвозде висит освежеванный и выпотрошенный козленок; дедушка с величайшей осторожностью раскрыл лезвие складного ножа, так осторожно, как будто это игла. За ним стоит бабушка: она держит кишки козленка и помогает своему мужу выбрать их, не повредив. В ярде впереди, сидя на земле, забыв на минуту о своих дедушке-бабушке, четырехлетний внук играет с кошкой и трется своим носом о ее нос. Внутренности— это ежедневная, привычная с юных лет категория для крестьянина.

Напротив, ужас, который испытывает город от внутренних, усугубляется редкостью подобных картин и ассоциируется с отношением городских к смерти

и рождению. Оба эти события становятся секретными, отстраняемыми моментами. В обоих невозможно отрицать примат внутренних, невидимых процессов.

Идеальная городская поверхность — это блестящая поверхность (например, хромированная), которая отражает все, что впереди и, похоже, отрицает, что есть еще что-то видимое за ней. Ее антитезой является бок тела (*flank of body*), поднимающийся и опускающийся в ритме дыхания. Городской опыт сосредоточивается на узнавании того, что снаружи и для чего оно, на измерении этого, опробовании его и использовании в дело. Затем приходит черед объяснить то, что внутри (я веду разговор не в терминах молекулярной биологии, а на языке обыденной, повседневной жизни), оно объясняется как механизм, хотя механические параметры обычно всегда относятся к области внешнего. Внешнее отмечено постоянной визуальной репродукцией (копированием) и подтверждается эмпирически.

Для крестьянина же эмпиризм наивен. Он работает с тем, что никогда полностью нельзя предсказать, что только зарождается. Видимое обычно является для него показателем состояния невидимого. Он дотрагивается до поверхностей, с тем чтобы сформировать у себя в мозгу более точную картину того, что лежит за этой поверхностью. Прежде всего он чувствует, начинаются или застопориваются длительные процессы изменений, которые протекают помимо его или когонибудь: он всегда сознает себя внутри процесса.

С фабричного конвейера сходят одинаковые изделия. Но нет двух одинаковых полей, овец, деревьев. (Катастрофы «зеленой революции», когда сельскохозяйственное производство планируется сверху городскими экспертами, обычный результат игнорирования специфики местных условий или пренебрежения законами природного разнообразия.) Компьютер стал складом, «памятью» современной городской информации: в крестьянских культурах таким складом является устная традиция, поддерживаемая в течение многих поколений; однако между ними есть и различие: компьютер очень быстро дает четкий ответ на сложный вопрос, а устная традиция дает многозначный ответ — иногда даже в форме загадки — на простой практический вопрос. Истина как определенность и истина как неопределенность!

Крестьян считают традиционалистами, поскольку помещают их в русло исторического времени, но в своей жизни они гораздо больше приучены к циклическим изменениям.

Близость к непредсказуемому, невидимому, неконтролируемому и циклическому располагает ум к религиозной интерпретации мира. Крестьянин не верит, что прогресс раздвигает границы неизвестного, потому что крестьянин не принимает стратегической схемы, навязываемой ему таким утверждением. В крестьянском опыте постоянно присутствует непознанное, и оно находится в центре: знание окружает непознанное, но никогда его не исключит. Нельзя сделать обобщающих выводов относительно роли религии среди крестьян, но можно сказать, что через нее находит четкое выражение другой глубинный опыт: их трудовой опыт участия в производстве.

Я уже говорил, что некоторые поверхности своей реальностью в шевальевском дворце обращены не вовнутрь. В их число входят изображения, например, Белого дома в Вашингтоне, Мезон Каре (Квадратного дома) в Алжире. Остальные представляют человеческие лица. И все они загадочны. Человеческие лица скрывают свои секреты, и, возможно, как ничто другое в этом дворце, их секреты ненатуральны (неестественны). Он изваял эти лица с уважением и настороженностью.

Сам Шеваль называл свой дворец храмом природе. Не природе путешественников, пейзажистов или даже Жан-Жака Руссо, а той природе, о которой мечтал гений, выражая взгляд класса ловких и закаленных бойцов за право жить.

В центре дворца находится крипта, окруженная скульптурными изображениями животных — лишь по отношению к ним Шеваль показал всю свою нежность. Кроме животных, попадаются и раковины, и камни, из которых, кажется, на вас смотрят глаза, и все это соединяет материя, ткань перволиста. На потолке этой крипты по кругу Шеваль написал: «Здесь я хотел бы ун-нуть».

32. Крестьянское сознание: культура и конфликт в Зимбабве

Введение

В течение долгих лет в крестьянах видели в основном или жертву, или объект чьего-то воздействия. Ученые обращали внимание на то, что сделали с крестьянами помещики, государство или международный капитализм, или на то, что несут крестьянам освободительные движения и революции. Если крестьянские верования или представления и признавались вполне достойными изучения, то лишь как следствие гегемонистской манипуляции и препятствие для политической деятельности современного типа, словом, как нечто отрицательное. Однако в начале 80-х годов исследователи крестьянских обществ во всем мире провозгласили жизненно важную роль крестьянской деятельности и сознания.

Так, во введении к специальному выпуску «Radical History Review», посвященному теме «Колониализм и сопротивление в Латинской Америке», четко говорится об общем выходе из перспективы слаборазвитости и теории зависимости. «Аграрные социальные структуры невозможно выводить из логики раннего капитализма, равно как и... представлять крестьян в качестве его жертв. Крестьяне являются... как следствием, так и причиной исторических перемен. В своих действиях и борьбе они... часто покушались на намерения колонизаторов и даже изменяли условия своей собственной эксплуатации. Пронизанные этими перспективами, социальные историки ввели в повестку дня исследований культуру, сознание и идеологию»¹.

Аналогичен подход и в предисловии к сборнику «История и крестьянское сознание в Юго-Восточной Азии», где говорится: «Этот симпозиум рассматривает крестьянство в качестве исторического субъекта, в качестве сознательного деятеля в беспокойной истории этих стран и в качестве носителя традиции и тех форм культуры, которые часто приглушены или отсутствуют в официальной историографии. Это означает решитель-

ный разрыв с теми подходами, в которых крестьянство рассматривается всего лишь как объект или народ, подчиненный стоящей над ним власти. Вряд ли можно переоценить важность нового подхода для региона с населением 400 миллионов человек, большинство которого составляют крестьяне»².

Один из ведущих индийских аграрных историков отмечает, что до сих пор перемены в сельском обществе Индии объяснялись как процессы, которые были навязаны крестьянству. Сейчас важно попытаться «восстановить субъектность крестьян, посмотреть на их политические действия не как на «изначальные», «дополитические», «иррациональные» и потому изнутри необъяснимые «спонтанные» действия, а как на действия, проникнутые их собственным сознанием»³.

Постепенно общая тенденция новой историографической интерпретации стала повсеместной. Более того, существует гораздо более глубокое согласие среди историков, исследующих эту область и разные регионы мира как по самому предмету, так и в отношении метода. Один из пунктов этого согласия — значимость «крестьянского сознания не в качестве абстрактного мира мыслей, а в качестве конкретной общественной силы»⁴. Крестьянское сознание, сообщают нам составители сборника по Юго-Восточной Азии, проявляет себя в практике или в дискурсе.

Значение дискурса при изучении крестьянского сознания на заре современной Германии подчеркивает также Сэйбин: «Одна из проблем предпринятого изучения народной культуры — это попытка подойти к культуре как к совокупности идей, хоть и отличающихся от идей «высокой культуры», но все же созвучных им. С одной стороны, действия и практика не изучались как часть культуры, с другой — идеи и ценности не воспринимались как часть практики, но оставались чем-то овеществленным». Его собственная работа — это попытка «исследовать культуру и практику, верования и действия»⁵.

Другой пункт согласия акцентирует центральное положение «общины» в крестьянском сознании. Почти везде с представлением о легитимности первоначальной общины связывают «и причины организации сопротивления, и формы этого сопротивления вместе с идеей преобразования общества». Однако широкое

согласие имеется и в отношении того, что в очень многих случаях деревенский организм является продуктом новых сил. Для западногерманских крестьян «община не была чем-то «предшествующим современности», структурно неизменным; она была когда-то создана, изменялась во времени, и ее можно понять только как исторический процесс». В самом деле, для Сэйбина «если в общине и есть что-то общее, то это не столько разделяемые ценности или общее понимание, сколько сам факт, что альтернативные стратегии, недоразумения, конфликтующие цели и ценности члены общины толкуют в рамках единой аргументации, одного дискурса». Для индийских крестьян вера в древнюю общину — скорее мобилизующий миф, чем историческая данность, поскольку, по словам Чаттерджи, «узы, о которых думали, что они определяют общину, не неизменны... Они — суть исторически развившейся общности и подвержены изменениям, которые иногда могут быть крайне резкими». Именно из-за многообразия путей, по которым можно построить воображаемую общину, и из-за быстроты, с какой могут изменяться общности, крестьянское политическое действие непредсказуемо.

Наконец, в этой работе выражалось единство взглядов историков относительно важности для крестьянского сознания контекста культурной и идеологической «традиции», или «наследия». Однако не считается, что такие традиции ограничивают крестьянское творчество. Традиции — это ресурс. Практика или дискурс, которые претендуют на то, что они корнями уходят в традицию (вне зависимости от происшедших с ними изменений), обретают законность, способствуют мобилизации, оказывают моральное давление на помещиков и чиновников. Таким образом, эти исследователи крестьянского сознания изучали как «большие» религиозные и культурные традиции правящих элит, так и «малые» традиции крестьянского устного творчества, а также пути, которые использовались для утверждения гегемонии правящего класса и крестьянской контргегемонии.

Историки африканской деревни подхватили эту переоценку крестьянского сознания. Ведь в современной Африке как-никак живут миллионы крестьян. Относительно Африки можно с тем же основанием, как и в отношении стран Юго-Восточной Азии или Латин-

ской Америки, утверждать, что крестьяне и их восприятие — это ключ к будущим реформам или революционным переменам, модернизации или спасению от голода. Более того, многие историки, занимающиеся проблемами африканского общества, начали разделять установки современных историков неафриканского крестьянства. Африканисты также сосредоточились на крестьянском дискурсе, на структуре общности, на использовании традиции. Но что поражает меня в множественной литературе по африканскому крестьянскому сознанию, так это не столько схожесть с находками историографии крестьянства в других частях света, сколько имеющееся различие.

И это неудивительно. Общность установок новой историографии крестьянского сознания неизбежно ведет к различиям. Существует множество стилей дискурса, путей построения общины, разнообразие «больших» и «малых» традиций, политических возможностей. Конечно, можно изучить какое-то одно крестьянство, сделать на основе этого ряд обобщений и применить их к другому крестьянству. Особенно необходимо подчеркнуть это в отношении Африки. До 1960 г. об африканских земледельцах говорили скорее как о «людях племени», а не как о «крестьянах». Прорыв к более эффективной аграрной историографии произошел, когда почти повсеместно стали применять термин «крестьянин». В результате перестали рассматривать африканских земледельцев в качестве членов сохранившихся с незапамятных времен племенных обществ, замкнутых в традиционных культурах; началось изучение с точки зрения их положения в современных колониально-капиталистических обществах. Но за это достижение пришлось заплатить. Наверстывая упущенное время, историки и социологи сельских обществ Африки заимствовали всевозможные крестьяноведческие идеи других континентов и применяли их к Африке, и — что хуже всего — обычно заимствовались идеи у старых крестьяноведческих школ, а не из более гибкой новой историографии.

Все чаще стали раздаваться голоса о «типичном» крестьянском консерватизме, иррациональности, дополитичности его идеологии. Вот так африканские крестьяне попали в разряд «архаичных», хотя в большинстве частей Африки крестьянство было создано как раз

колониализмом. Африканские крестьяне чуть ли не по определению считались неспособными на активные действия против колониального капитализма. Во многих частях Африки земледельцы были обращены в крестьян — «окрестьянены», если употреблять этот ужасный жаргон, — с тем чтобы и у колониального капитализма был свой собственный период первоначального накопления. Тем не менее крестьяне не воспринимались как класс, жизненно важный для колониально-капиталистического способа производства, и поэтому не считались способными предпринять эффективные революционные действия в отношении последнего. Крестьяне рассматривались прежде всего как жертвы колониального капитализма, закабаленные колониальным государством, подвергающиеся сверхэксплуатации и превращающиеся в пролетариев по мере изменения нужд колониального капитализма. Вот почему особые черты африканского крестьянства — их «африканскость», с одной стороны, и их модернизированность — с другой, — были упущены.

В такой интеллектуальной атмосфере новый акцент на крестьянском сознании был весьма благотворным. Сосредоточение на крестьянском дискурсе, на устройстве крестьянских общин и на соотношении традиции и изменений в крестьянской идеологии позволяет нам избежать неприменимых и чрезмерно абстрактных моделей и приступить к выявлению особенностей африканского крестьянства. Урок состоит в том, что ничего нельзя считать само собою разумеющимся. Мы думали, что крестьяне — это те, кто живет в деревнях, однако сами деревни для Африки являются скорее недавним созданием, чем существовавшими издавна микрообществами. Этническое сознание в Африке часто оказывается идеологическим новшеством XX века, а не отдаленным следствием давно установившейся «большой» традиции. Сельская религия в Африке часто является скорее ответом на колониальные реалии и их отражением, чем дошедшим до наших дней иррациональным архаизмом. В то же время, пока происходили все эти инновации, африканские крестьяне старались опутать своих правителей призывами к публичному уважению «традиции». Правители в свою очередь часто пытались опутать их кодификацией обычаев.

Будучи отнюдь не вечными жертвами, многие афри-

канские крестьяне остались «непокоренными», слишком автономными как в колониальном, так и в постколониальном государстве. На окрестьянивание начинают смотреть как на процесс, в котором часто принимают участие сами африканские земледельцы, осуществляя выбор или инициативу. «Самоокрестьянивание» соединилось с тем, что в жаргоне африканской аграрной историографии называется «окрестьяниванием». Как в Африке, так и в Латинской Америке крестьяне «своей борьбой изменили условия своей эксплуатации»; как и в Юго-Восточной Азии, так и в Африке крестьяне были «сознательными деятелями в тревожной истории этих стран».

И действительно, африканское крестьянство подвергалось жестокой эксплуатации, и его история, несомненно, была тревожной. Сказать, что африканские крестьяне были сознательными деятелями (actors), отнюдь не значит отрицать, что они участвовали в самом неравном из сражений — в борьбе против колониального государства или против фермеров-колонистов. Африканские земледельцы были выселены со своих земель, испытали на себе дискриминирующее воздействие со стороны системы цен, понесли урон их стада, произошло насильственное изъятие из крестьянских хозяйств рабочих рук для капиталистических плантаций, государственное вмешательство в технологию крестьянского производства и в систему землевладения. Вот почему исследователи сознания африканского крестьянства много внимания уделяли политическому и революционному потенциалу крестьянства — вопросу чрезвычайно важному как для политических функционеров, так и для академических исследователей. Здесь также ничего нельзя считать само собою разумеющимся. Африканские крестьяне — это не французские, не русские и не китайские крестьяне. Их политический потенциал можно оценить только при помощи тщательного изучения выражения протеста в африканском крестьянском дискурсе, устройства общины и гибкости традиции.

Становление крестьянского сознания в Зимбабве

Все сказанное можно самым лучшим образом проиллюстрировать на одном конкретном примере. Для

этой цели прекрасно подходит Зимбабве. Она дает захватывающее сочетание колонии с сильным господством поселенцев, в которой производство африканских крестьян постоянно страдало от поборов и ущемлялось в пользу капиталистического фермерства, в которой крестьяне были изгнаны с миллионов акров земли, но где в то же время успешная партизанская война велась на основе крестьянской поддержки, вдохновлялась крестьянской религией, оправдывалась крестьянским сознанием. Независимая Зимбабве являет собой пример страны, в которой правящая партия и госбюрократия одновременно поощряли капиталистическое фермерство, выражали надежды на перестройку деревни в марксистско-ленинском направлении, периодически выступали с технократической критикой крестьянского способа производства, и вместе с тем это страна, в которой быстро росло крестьянское производство, а крестьянское сознание, даже без какой-либо формальной организации, представлялось достаточно могущественным, чтобы удержать государство от форсирования как коллективизации так и экспроприации.

Земледельцы Зимбабве стали крестьянами, когда был нарушен сложный баланс между традицией и инновацией. Часть земледельцев перешла к регулярному производству излишков для удовлетворения потребностей рынка или для выплаты дани задолго до колониальной оккупации. Но в общем земледельцы Зимбабве начали превращаться в крестьян только после установления правления британской Компании Южной Африки в 1890-х годах. Когда был возможен выбор, африканцы предпочитали реагировать на требования колониального государства и колониальной экономики поставкой продукции, а не труда. Этот процесс самокрестьянивания был чрезвычайно важным, однако в нем не было ничего трагического. Он не требовал никаких радикальных изменений в методах или технологии.

Колониальной экономике Родезии было нужно скорее продовольствие, чем рыночная продукция. В частности, ей были нужны зерновые, для того чтобы кормить африканских рабочих в городах и на шахтах, большинство из которых были свезены из других колониальных территорий. Колониальным администраторам не было надобности регулировать раннее колони-

альное производство в Африке или внедрять новые методы. Африканские земледельцы, разумеется, всегда выращивали зерновые, и они продолжали выращивать их по большей части тем же способом, что и раньше; поэтому европейские наблюдатели могли заметить только увеличение количества произведенного африканцами и продаваемого на рынке продукта. Первые 20 лет колониального правления белые зависели от африканского производства продовольствия, их возмущала и тяготила эта зависимость; они надеялись, что вскоре производство капиталистических фермеров-поселенцев заменит продукцию местного населения. Поэтому они не предпринимали попыток реорганизовать африканское производство или внедрить новые технологии или системы землевладения. С другой стороны, имели место попытки получить рабочую силу из африканских сельских обществ. Будущее африканцев, как его представляли администраторы, находилось не в мелкотоварном производстве, а в промышленном секторе.

Все это означало, что африканское продовольствие, по-видимому, поступало на рынок из целиком «традиционного» африканского сельского общества. Африканские земледельцы продолжали работать в рамках не знавшей постоянной собственности на землю системы общинного землевладения, где земля распределялась между семейными группами в соответствии с возможностями последних ее обрабатывать. Они продолжали признавать власть вождей, хотя «прямое колониальное правление» несколько сократило ее. Многие земледельцы продолжали приносить жертвы духам земли, поклоняться местным культам. Они использовали мотыги, а не плуги и придерживались традиционного пологого разделения труда. Хотя африканские земледельцы переключились на рыночное производство, в глазах белых администраторов они продолжали оставаться представителями племени.

И вот, сохраняя свой прежний вид людей из племени, африканские земледельцы прошли через ряд нововведений и стали крестьянами. Здесь перед нами действительно хороший пример того, как важно сосредоточиться в большей степени на практике, чем на четко сформулированной системе идей, поскольку лишь изучение практики этого раннеколониального периода дает возможность увидеть постепенное возникновение

обыденного крестьянского сознания. Африканские земледельцы предприняли ряд шагов к обеспечению успеха своего выбора. Семьи группами переселялись поближе к шоссе или железным дорогам, шли к факториям, и такие миграции часто предпринимались без совета со старейшиной или вождем, у которых оставалось все меньше последователей. Разваливались большие поселения вокруг резиденций вождей или старейшин, и начал развиваться значительно более рассеянный тип поселения. В колониальный период намного больше мужского труда стало вкладываться в сельскохозяйственное производство и гораздо меньше — в охоту, ремесло или «племенную» политику и разрешение споров. Были введены новые культуры, и был сделан упор на кукурузу, оказавшуюся тем зерном, которое пользовалось спросом у нанимателей африканской рабочей силы и у торговцев. Постепенно кукуруза вытеснила просо и стала основной продовольственной культурой. Африканские производители зерна проявили понимание рынка, приведшее их к бойкоту торговцев, предлагавших низкие цены на зерно или запрашивавших высокие цены за свои товары, а когда торговцы сговаривались с целью фиксировать цены на свой товар, африканские производители коллективно забирали зерно с рынка. Во время засух африканские земледельцы отказывались принимать положенную в таких случаях помощь из рук администраторов, с тем чтобы не расплачиваться за нее трудом, и сокращали, вместо того чтобы расширить, обработку земли в надежде на производство излишка в текущем году. Мало-помалу основная часть проблем стала типично крестьянской.

Африканские земледельцы все еще продолжали обращаться к традиции, но происходившие изменения трансформировали их отношение к традиционной власти. В прошлом вожди изымали дань зерном и скотом. Теперь же постепенно, но неуклонно земледельцы придерживались эту дань, поскольку им было нужно теперь все для того, чтобы сделать крестьянский выбор реальностью. Вожди стали получать официальное жалование. В прошлом вожди контролировали ход сельскохозяйственных работ от имени предков. Духовные посредники, медиумы, в которых, как полагали, воплощается дух умерших вождей, определяли, когда можно начинать сев, контролировали использование огня, объ-

являли нерабочие дни в честь духов предков. Теперь крестьяне увеличивали посевы настолько, насколько это им удавалось, использовали огонь для очистки до тех пор охранявшихся запретами земель и работали в дни, объявленные нерабочими.

В той мере, в какой они становились крестьянами, африканские земледельцы освобождались от векового наследия консерватизма. Напротив, стать крестьянином означало порвать с традицией и открыться новым идеям. Оставаясь членами племенного общества, африканские земледельцы были в состоянии отбирать и приспособлять традицию. Фактически, преследуя собственные цели, зимбабвийские крестьяне могли черпать как из африканской, так из европейской «большой традиции».

В первые два десятилетия XX века многие зимбабвийские крестьяне начали следовать европейской «большой традиции» в лице христианских миссий. Если колониальное правительство и администрация в этот период не пытались трансформировать африканское сельское общество, с тем чтобы воспитать процветающее крестьянство, то для многих миссионеров был характерен совершенно иной подход, другое отношение. В начале XX века почти все миссионеры враждебно относились к эксплуататорскому городскому и промышленному обществу и стремились защитить африканцев от его влияния. Почти все они работали во имя жизнеспособного христианского крестьянства. Некоторые из них — как, например, американские методисты — проповедовали «Евангелие от Плуга» и полагали тем самым дать начало чернокожему сельскому предпринимательству. Другие же — как большинство католических миссионеров — были одержимы идеей основать деревенское общество благоверных крестьян. Католики везли в Зимбабве крестьянские культы XIX и начала XX веков. Англикане держались средней линии, с одной стороны, поощряя умеренный предпринимательский энтузиазм, с другой — отстаивая христианское единство деревни. Все они основали школы, дали местным языкам письменность, обучали грамоте и публиковали материалы на местном языке.

Историческая дискуссия о христианских миссиях рассматривает их деятельность, скорее, как культурный империализм. Несомненно, правда, что, подобно

тому как африканцы сделали свой крестьянский «выбор» в условиях стесненности выбора, представленного колониальным хозяйством, африканцы Зимбабве «выбрали» христианство только после колониального порабощения. Тем не менее элементом выбора не следует пренебрегать. Имелась масса аспектов миссионерского христианства, которые могли быть полезными земледельцам, пытавшимся стать крестьянами.

В том районе Макони, который ближе всего к городским рынкам и расположен на пригодной для плужного земледелия равнине, возникла элита пахарей-методистов. В других районах, расположенных менее выгодно, но жители которых были в состоянии поставлять минимальное количество зерна на рынок, переноса товар на голове, возникла сеть англиканских деревень под руководством африканских учителей-евангелистов, и функциональная грамотность помогала крестьянам вступать в контакт с торговцами. На огромной затерявшейся в горах ферме, подаренной последователями римско-католической церкви, где производство на рынок было невозможно, возникло самодовлеющее крестьянское общество, в котором работали набожные крестьянки, а мужчины регулярно совершали паломничество. В каждом из районов методизм, католицизм или англиканство становились народной религией, их символы, ритуалы и установки перемешивались с африканскими нуждами и идеями.

Таким образом африканские крестьяне приобщались к европейской «большой традиции» христианства, они использовали ее, а она использовала их. Тот же дуализм существовал среди тех крестьян, которые не выбрали христианство, а продолжали участвовать в территориальных культах экорелии. В Зимбабве такие культы представляли доколониальную «большую традицию», а не локализованную совокупность деревенских обычаев. Пещеры-святилища Высокого Бога Мвари на юго-западе страны и ряд духовных посредников, медиумов, представлявших умерших предков или героев, в центре и на востоке признавали светскую власть и контролировали использование земли. Отношение вождя к святилищу Мвари или старшему медиуму узаконивало его требование дани. Земля находилась «в собственности» как раз предков-основателей и распределялась вождем в рамках системы общинного зем-

лепользования. Поэтому следовало бы думать, что африканские земледельцы, продолжавшие участвовать в отправлении этих местных культов, оставались в докрестьянской традиции, все еще привязанные к выплате дани вождю и враждебно настроенные к христианскому производству на рынок.

Фактически в условиях раннеколониального периода африканский крестьянин Зимбабве мог извлечь пользу из этой местной «большой традиции», и эта традиция использовала его. Но по мере того, как вожди все больше и больше становились агентами на содержании колониального государства, развивалось разделение вождей и жрецов Мвари и медиумов. Во всяком случае, местные культы в прошлом хорошо доказали свою приспособляемость к новым политическим и экономическим структурам. На этот раз они приспособлялись к крестьянскому производству. Жрецы Мвари и медиумы часто проклинали нововведения в африканском сельском хозяйстве, но представляли это как проклятие предпринимательским новшествам, которые отделяют получателя выгод от общественных обязательств. Ревнителю культа часто запрещали продажу продукта белым, но оказывалось, что они делали это, когда необходимо было оказать давление на торговцев. Короче говоря, тот мелкий крестьянин, который выращивал продовольственные культуры установленными методами и чья торговая деятельность не подрывала общинности, мог много извлечь из «большой традиции» местных культов: обещание плодородия и дождя, когда нужно — координацию мер защиты или протеста и гарантии того, что при сохранении права земля останется в его владении.

Далее можно увидеть, что сельская религия в раннеколониальный период не была простым продолжением архаических форм веры. Она была, скорее, отмечена теми аспектами как европейской, так и африканской «большой традиции», которые более соответствовали новому занятию — быть крестьянином. В течение всего колониального периода в Зимбабве европейцы рассматривали африканских крестьян в рамках доколониальных способов сельскохозяйственного производства, а радикалы считали их пленниками допотопных суеверий. Оба подхода были весьма далеки от

истины даже в том, что касается крестьянизации на заре колониализма.

Выделение роли крестьянской практики и крестьянского использования «большой традиции» имеет отношение к крестьянскому сознанию как в Зимбабве, так и в Латинской Америке, как в Индии, так и в современной Германии начала ее становления. Таким образом проходит проверку подвижность понятия общины. В разное время европейские администраторы находили его полезным для определения «традиционных общностей». Сначала они сочли этими общностями большие деревни вокруг усадеб вождей или правителей. Позднее они приняли за общности более рассеянный тип поселений, который получил развитие при колониализме и определил основную сельскую общность как «административный район» («ward»), сегмент владений клана (chiefdom), во главе которых стоит глава, к которому все его односельчане обращаются для разбора спорных дел. Такие локальные суды действительно были местами, где члены общины сходились для отстаивания своих целей и разрешения конфликтов. Но административные определения были попытками охарактеризовать сельских африканцев скорее как членов племени, а не как крестьян и навязать скорее единичную из множественных возможностей общины.

Описываемые мною события дали начало целому ряду возможных самоопределений, из которых можно было получить целый ряд общностей. Житель зимбабвийской деревни 20-х годов мог ощущать себя последователем определенного вождя или главы племени. Но он не мог равным образом воспринимать себя в качестве члена христианской общины.

В колониальном Макони больше всего на деревню походили христианские поселения, сосредоточенные вокруг церкви и школы. Их жителям было лестно сознавать, что они зависят друг от друга и от других христианских деревень в силу скорее общности судьбы, чем родства. Во время первой мировой войны местный комиссар Макони сообщал, что ни вожди, ни администрация не пользовались авторитетом и действительными центрами для местного населения были народные церкви. Все ожидали скорого начала войны между «английскими» народными англиканами и «немецкими» народными католиками со стоявшими поодаль

и сохранявшими вооруженный нейтралитет «американскими» методистами!

Иногда сельское население Зимбабве могло осознавать себя в качестве прежде всего крестьян — это когда собрания туземных советов под председательством местных комиссаров давали простор громогласному изъяснению недовольства ценами на зерно. Однако зачаточные классовые различия между крупными предпринимателями и мелкими крестьянами редко выходили наружу и проявлялись или в различиях между религиями, или в солидарности общих крестьянских обид.

Поэтому община не выражала себя в чистом виде в традиционных «племенных» формах. Впрочем, так же важно отметить, что для выражения племенной идентичности каждый раз находились новые средства. Грамотные и образованные христиане использовали новые письменные формы местного языка для записи и публикации местной истории, придававшей авторитетное современное выражение племенным традициям. Чернокожий учитель или священник, автор напечатанной в школьных учебниках истории становился соперником медиума или племенных старейшин с их устной традицией как властителей прошлого. И пока таким образом местные привязанности приводились в порядок, рационализировались и модернизировались, ширилось понимание этнической принадлежности. Языковая работа миссий привела к появлению целого ряда так называемых диалектов шона, и они стали ассоциироваться как с определенными церквями, так и с определенными районами. Эти диалекты — чикаранга, чизезуру, чиманьика и др. — служили в первую очередь разработке и воплощению в жизнь региональной культурной идентичности и сплоченности: таким образом, и в городе, и в деревне африканцы стали называть друг друга каранга, зезуру или маньика. Как и во многих других случаях, которые вскоре были признаны в качестве давнишней традиционной идентичности, они были на самом деле культурным нововведением.

Эти многочисленные разновидности идентичности сделали зимбабвийское крестьянское общество трудно понимаемым и труднопредсказуемым как для администраторов, так и для историков. Зимбабвийские крестьяне все соотносили с прошлым — то ли с «традицией», то ли с быстро установленными законами мо-

ральной экономики, которые, как предполагается, направляли отношения между торговцами и крестьянами или помещиками и арендаторами. Таким образом, крестьянские права уходили своими корнями в воображаемое прошлое. Но то было прошлое, причем постоянно пересматривавшееся прошлое. В каждый данный момент было трудно сказать, будет ли группа сельских африканцев действовать как защитники прав института вождей, как представители более широкой культуры маньика, как люди, оскорбленные нарушением крестьянской моральной экономики или как оскорбленные покушением на догмы и практику народного христианства. Это множественность, а также редкость примеров четко выраженной классовой солидарности заставили политических радикалов в Зимбабве, как, впрочем, и в других местах, поставить крест на крестьянстве не только как на эффективном политическом агенте, но и как на потенциальной политической силе. И это было так, поскольку комплекс идей и идентичности, который я описываю, возникает как часть процесса приспособления к колониальному хозяйству, а не отказа от него. Чтобы стать крестьянином, надо было явно войти в это хозяйство, а не пытаться отвергнуть его.

Тем не менее было бы ошибкой списать крестьянское сознание в Зимбабве со счета как пассивное, расщепленное и приспособляющееся. Изменяющаяся идентичность представляла собой серию ресурсов, каждый из которых следовало использовать в подходящий момент. Более того, если эти ресурсы заимствовались с целью войти в колониальное хозяйство на возможно лучших условиях, то их можно было в случае угрозы крестьянскому выбору использовать самым разнообразным способом. Полезно рассмотреть, как использовались ресурсы крестьянского сознания и как расширились возможности крестьянского выбора во время трех великих кризисов, когда грозило полное разрушение. То были кризис Великой депрессии конца 20-х и начала 30-х годов, кризис Великого выселения конца 40-х — начала 50-х годов и кризис Великого разрушения 70-х годов, проявившийся во время партизанской войны и принятия правительственных контрмер.

Крестьянское сознание и протест в Зимбабве

Депрессия означает резкое падение цен на крестьянское зерно и скот; она означает также резкое падение занятости в промышленности и возвращение отходников в сельскую местность; наконец, она означает предпочтение поселенческим государством белого фермерства и дискриминацию крестьянского производства. Зимбабвийское крестьянство не было сокрушено депрессией, а в конце 30-х годов колониальное хозяйство пришло в себя, так что крестьянский выбор снова стал реальностью жизни. Тем не менее депрессия предстала водоразделом в крестьянском сознании, поскольку крестьяне должны были обдумать вероятность, что все сделанные ими приспособительные приемы, все предпринятые ими инициативы были напрасны, и поскольку они прочувствовали как мощь колониального государства, так и его пристрастия. В начале 30-х годов было мало случаев открытого политического протеста, даже несмотря на то, что вернувшиеся рабочие-мигранты исповедовали радикальные идеологии, с которыми они познакомились в городах Южной Африки. Но зато имел место острый идеологический конфликт.

Одна сторона была представлена миссионерами и администраторами, озабоченными обеспечением сельской стабильности и предотвращением падения власти. Со своей стороны миссионеры прекратили подталкивать к модернизаторской перемене и к развитию крестьянского предпринимательства, они почувствовали, что простолюдины становятся слишком неуважительными к вождям, жены — к мужьям, а молодые — к старшим. Миссионеры стали больше симпатизировать тем традиционным идеологиям, которые поддерживали политический порядок. Администраторы со своей стороны стали больше заботиться о поддержании сельской патриархальной верхушки, но в то же самое время начали вмешиваться в крестьянское производство с целью предотвратить всеобщий экономический крах. Консервативный союз государства и церкви, вождей и старейшин стал фактом. Исчезла творческая напряженность в отношениях между миссионерской церковью, государством и традиционной религией, давав-

шая место для крестьянского выбора и маневра. Вместо нее стала утверждаться смешанная авторитарная идеология, в которой миссионеры, вожди, местные комиссары и духовные медиумы, по-видимому, объединились с целью усилить единственную идентичность — члена племени. Во всяком случае, как только профессионально обученные черные учителя и священнослужители начали заменять старых, укоренившихся учителей-миссионеров, внутри церкви стало меньше свободы для веры и действий. Внутри традиционной религии также стало меньше свободы для народной инициативы, как только на время был восстановлен старый тесный союз вождей и медиумов.

Этому сковывающему согласию противостояли различные устремления молодежи. Возвратившиеся рабочие-отходники пытались создавать ассоциации, которые связали бы сельский протест с протестом городов, и в одном или в двух местах, как, например, в сельских округах вокруг Булавайо, им сопутствовал недолгий успех. Однако более значительными, чем этот политический протест, были религиозные нововведения. Это не было крестьянским возвратом в иррациональность. Авторитарный колониальный порядок поддерживался, в частности, религиозной идеологией, и в 30-е годы он ухитрялся сочетать миссионерское христианство и традиционную религию. Недовольные крестьяне, эксплуатируемые женщины и оттесненная молодежь нуждались в средствах отказа от обоих направлений — в чем-то более убедительного, чем импорт секуляристских идей из города. Так, в большинстве районов Зимбабве возникли африканские пророческие церкви и церкви Святого Духа. Они осуждали миссии за их приверженность к школам, учение которых не принесло ничего хорошего африканским крестьянам в те времена, когда все трещало под натиском депрессии. Помнявшись ролями с миссионерами, африканские пророки подвергли нападкам материализм первых и отсутствие духовности. В частности, они напали на практику сборов церковных пожертвований. Одновременно пророки обвиняли духовных медиумов и жрецов бога Мвари, которых они считали и коррумпированными, и бесполезными сторонниками государственной религии. Они призывали молодежь отказаться от церкви и от культов, выйти как из колониального, так и из

традиционного экономического порядка, прекратить производство на рынок, прекратить продавать рабочую силу, прекратить выплату церковных пожертвований или принесение жертв духам земли. Вместо этого пророческие церкви предлагали новые общины Сионской церкви, где было бы коллективное сельскохозяйственное производство в интересах самой церкви и развития ремесел.

Эти пророческие церкви с их громадным числом приверженцев в молодежной и женской среде часто рассматривались как всего лишь неуместный эскапизм, как уход в себя и бегство от реальности. Впрочем, всегда избегая замкнутости и локальной ограниченности, они были соединены со всемирными движениями сионцев и пятидесятников, направленными против государственной церкви, и вдохновлялись ими. А движения эти — от белой Америки до Скандинавии и белой Южной Африки — придавали новое чувство общности тем людям, которые оказались на обочине жизни общества из-за развития промышленного капитализма. Некоторые из этих зимбабвийских церквей стали международными церквями.

В конце 30-х годов вызванный депрессией кризис миновал. По мере восстановления рыночной экономики приобретало смысл использование миссионерского просвещения и грамотности, стала возвращаться уверенность предпринимателей в своих силах и консервативный альянс развалился, в самих миссионерских церквях народному христианству была придана новая жизненная сила со стороны возрожденческих движений, во главе которых стояли африканцы-англикане, католики и методисты. Прежняя множественность идентичности и стратегий, по-видимому, была восстановлена. Однако изменилось положение дел. Пророческие церкви выжили, выросли и продолжали представлять альтернативу сотрудничеству с колониальной экономической системой. Тем временем вмешательство государства, начавшееся еще в период депрессии, усилилось. На государство смотрели со всеобщим недоверием: в учредительный период окрестьянивания его помощь не была нужна; оно демонстративно помогало белым против черных и продолжало это делать; на его выступления в защиту интенсивного мелкого земледелия смотрели всего лишь как на оправдание широко-

масштабных выселений чернокожих земледельцев с тех земель, которые потом предполагалось отдать белым. В дальнейшем уже не могло быть позитивного стимула к вхождению в качестве крестьян в колониальную экономику на более выгодных условиях. После 30-х годов крестьянское сознание навсегда стало оборонительным и бдительным.

Все эти подозрения и страхи в полной мере подтвердились в конце 40-х годов. Государство вмешалось и выселило сотни крестьян с земель, которые многие семьи обрабатывали с 1890-х годов. В целях обеспечения пространства для экспансии белого капиталистического сельского хозяйства, которое переживало бум, они были переселены на засушливые земли, удаленные от шоссе и железных дорог. Деятельность государства в отношении резерваций была направлена на то, чтобы сократить поголовье скота, ограничить посевную площадь и ужесточить правила консервации и интенсивного земледелия. Население здесь значительно увеличилось, и остро ощущалась нехватка земли. Крестьянский выбор еще раз был поставлен под серьезную угрозу, но на этот раз не из-за общеэкономического краха, а из-за политики государства.

В этом кризисе использовался каждый крестьянский ресурс и вид идентичности, хотя по большей части безуспешно. Пророческие церкви, которые с самого начала проповедовали отход от окрестывания и государственной экономики, приобрели новых последователей. Но те, кто хотел защитить крестьянский выбор, применили широкий спектр стратегий. Одни в своем протесте обратились за руководством к вождям, особенно в Матабелелэнде, где городские политики объединились с традиционным *indunas* и чернокожим духовенством в рядах оппозиции выселению. Другие, прибегнув к ресурсам миссионерских церквей, пытались как можно лучше использовать методы интенсивного земледелия. Третьи осознанно выступали в своих действиях и пропаганде как члены племени — говорили, что обещания безопасности, которые Сесиль Родс дал ндебеле, больше не имеют силы. Были и такие, кто действовал и говорил, как христианские миссионеры, о предательстве прогрессивной идеологии самопомощи. И наконец, такие, кто все больше обращался к духовным медиумам или к культу бога Мва-

ри — территориальные культы буквально воплощали требования африканцев быть реальными владельцами земли.

Между тем, как только крестьяне стали сознавать роль государства и понимать, что крестьян в других округах государство затронуло в той же степени, как и их самих, получило развитие другое расширение идентичности. Раньше люди осознавали себя как ма-ньяка, или зезуру, или каранга. Теперь они стали осознавать себя как шона или даже как африканцы. Эта развивающаяся идентичность требовала не выхода за рамки традиции, а ее расширения. Образованные африканцы, те, кто уже писал историю местных племен или помогал миссионерам в создании местной письменности, теперь взялись за написание истории Империи Шона. Такая экспансия традиции подготовила многих крестьян к взаимодействию с националистическими движениями. В середине 50-х годов, когда такие движения начались в городах, националистические лидеры вначале предполагали сосредоточиться на мобилизации городского недовольства. Однако к концу 50-х годов они открыли для себя тот потенциал протеста, которым обладало смешанное сознание деревни. Крестьяне засушливых зон там, где стал возможным крестьянский выбор, слали своих собственных эмиссаров в города на поиски правовой и политической поддержки. Вскоре сельский национализм стал угрожать тщательно поддерживавшейся стабильности резерваций.

Так кратко мы можем охарактеризовать сельский национализм. Но в действительности дела обстояли намного сложнее. Крестьянское сознание было далеко не идентично сознанию городских лидеров. Крестьяне были одновременно и более осторожными, и более радикальными, чем националистические лидеры начала 60-х годов. Они были более осторожными, потому что лучше чувствовали реалии сельской власти и чаще становились жертвами репрессий со стороны властей; они были более радикальны, потому что эрозия крестьянского выбора сделала их сторонниками решительных преобразований. Крестьяне желали, если бы это было возможным в будущем, согнать белых с отчужденных земель, изгнать экспертов авторитарного правительства из крестьянских зон. Такие цели националисты тогда еще не были готовы провозгласить. Более того,

вступая в националистические партии и обращаясь за правовой защитой, крестьяне ни в коем случае не признавали автоматически националистических политиков более легитимными, чем разного рода представители из их собственных общин, выражающих их идентичность. Националисты пришли к выводу, что общие нападки на вождей или на миссионеров-христиан бьют мимо цели в тех ареалах, где могущественный вождь противостоял, как умел, государству, или в тех ареалах, где народное христианство сохранило свою полезность и жизнеспособность. Когда молодые националисты из рабочих-мигрантов, вернувшись из городов, провозглашали среди прочего возврат к доколониальной культуре и объявляли себя медиумами, то они отстраняли настоящих духовных медиумов, возмущавшихся этими выскочками.

В это время националистические лидеры часто обсуждали, каким «массам» можно больше верить — городским или сельским, — и часто приходили к неутешительным выводам относительно и тех и других. Эти лидеры нападали на «консерватизм» и «иррациональность» крестьянства. Однако правда состояла в том, что крестьянскую «массу» надо было исследовать во всей ее сложности или что крестьянскую «традицию» надо было понять как серию приспособлений к среде открытий. Крестьяне в свою очередь часто задавались вопросом, как долго могут они доверять лидерам, чей лексикон так сильно отличается от их собственного и кто, очевидно, был более озабочен получить в свое распоряжение во все вмешивавшуюся государственную машину, чем сломать ее.

К 70-м годам многое изменилось. Кризис крестьянского сельского хозяйства теперь обострился. Отвечая на международные санкции, режим Смита снова бросился помогать белому фермерству. Режим помогал белым фермерам перейти от экспортных товарных культур назад к кукурузе и животноводству, делая их конкурентами чернокожих крестьян и ставя их в более благоприятные условия в этой борьбе. Более того, как только начала распространяться и набирать силу партизанская война, крестьянское производство оказалось под угрозой. Крестьяне многих районов были переведены в «защищенные» деревни и подчинены сигналам тревоги, что сделало неимоверно трудной работу на

полях. К концу войны секретные части начали проведение операции «Индюк», целью которой было уничтожение зерна и лишение тем самым партизан продовольствия. Тысячи голов принадлежавшего крестьянам скота были захвачены или забиты в порядке наказания за помощь партизанам. К концу 70-х годов крестьянская доля на внутреннем продовольственном рынке фактически сошла на нет. С другой стороны, старые, опиравшиеся на города националистические движения уступили место молодым партизанам, чье отношение к крестьянам было совершенно другим.

Успех или поражение в партизанской войне существенным образом зависели от способности понять сложность крестьянского сознания и его потенциал. Является ли крестьянство революционным классом или нет, перестало быть вопросом отвлеченной теории и стало предметом повседневной практики. А повседневная практика очень сильно разнилась от господствовавшей тогда модели, как **должна** протекать народная война. Крестьянская враждебность по отношению к государству значительно усилилась с 50-х годов, но в других отношениях составные части крестьянского сознания оставались в 70-е годы теми же самыми, что и 20 лет назад. Различие состояло в их взаимодействии с вооруженными партизанами.

Мы видели, что в течение XX века, несмотря на привязанность многих крестьян к христианским миссиям, к независимым церквам и к националистическим партиям, доколониальная «большая традиция» территориальных культов никогда не теряла своего значения. Различные группировки пытались использовать ее в качестве ресурса. Мелкие крестьяне ожидали плодородия, дождя и экологических рекомендаций от медиумов; администраторы в 30-е годы проявляли уважение к африканской религии в надежде на поддержку власти вождей; националисты в начале 60-х годов призвали возвратиться к почитанию предков как к проявлению аутентичности. Сейчас же, в 70-е годы, происходило соперничество за контроль над этим ресурсом. Руководство Родезийского Фронта с запозданием попыталось привлечь истинно племенные политические институты как оплот против партизан и таким образом склонить духовных медиумов поддержать «законных» вождей; комиссары округов составили по своим районам спи-

ски всех духовных медиумов, одаряя соответствующими подарками их духов. Некоторые амбициозные медиумы, имевшие широкое региональное влияние, объединились с властью и прокляли оскверняющую землю кровопролитие партизанской войны. Однако гораздо больше духовных медиумов оказались использованы в качестве ресурса партизанами и теми, кто поддерживал крестьян.

Медиумы представляли самым эффективным символическим образом крестьянские притязания на утраченные земли. Выступая за традиционное распоряжение землей, они были жестокими критиками навязанных норм сельскохозяйственного производства. Таким образом, они представляли политическую программу большинства крестьянства, требовавшего возвращения отчужденных земель и прекращения государственного вмешательства в сельскохозяйственное производство. В то же самое время благодаря своей роли в создании и передаче устной традиции и мифа медиумы могли «делать историю», не только общаясь с партизанами на злободневные темы, но также формируя в восприятии людей образ прошлого. Духовные посредники дали новые образцы или модифицировали старую устную традицию, приобщая непосвященных молодых партизан к наследию и связи с землей предков и легитимируя повстанцев обращением к наиболее фундаментальным мифологемам доколониальной «большой традиции». Они накладывали запреты, позволявшие крестьянам до некоторой степени контролировать вооруженных людей. Вот почему роль медиумов в 70-е годы не была ни атавистической, ни дисфункциональной. Она была, скорее, очередной стадией взаимопроникновения нововведений и традиции, очередной ступенью в новом определении общин. В соответствии с некоторыми определениями прошлого партизаны были посторонним элементом для существующих сельских общин. Духовные медиумы дали новое определение этим общинам и перестроили их.

Но и другие крестьянские ресурсы и идентичность не оказывались лишними. В зонах интенсивного народного христианства партизаны работали со священниками или с африканскими катехистами в большей степени, чем с медиумами. Если духовные медиумы могли поставить устную историографию на службу партизан-

ской войне, то африканские католические интеллектуалы могли использовать свою грамотность и свой доступ к печатным станкам также весьма эффективно. В тот момент это было не вопросом написания местной племенной истории или националистических трактатов, а вопросом записи и публикации сведений о жестокостях правительственных сил. Как некоторые медиумы сотрудничали с властями, так и некоторые традиции сельского народного христианства были враждебны партизанам. Более всего здесь отличалась методистская церковь при епископе Абеле Музорева. Аналогично прежняя националистическая идентичность иногда способствовала осуществлению сотрудничества между крестьянскими старейшинами и партизанами, а иногда препятствовала. В одних местах старейшины, стоявшие у истоков сельского национализма, возмущались новой властью молодых вооруженных пришельцев, в других долгая история радикальной оппозиции государству выделила старейшин в качестве естественных посредников между партизанами и населением. В одном или двух случаях крестьянские ресурсы или идентичность **не имели** отношения к войне. Так, общины пророческих церквей с их принципиальной отстраненностью от политики, ни сотрудничавшие с партизанами, ни враждебные партизанам, сделали самое большое, на что они были способны,— в разгар войны оказались в стороне. Региональная идентичность — быть маньика, или зезуру, или каранга,— по-видимому, не была мобилизована в ходе войны, поскольку крестьяне принадлежали к одной такой осознанной идентичности, а партизаны — к другой.

В целом не было, несомненно, ни всеобщей мобилизации всех типов крестьянского сознания в поддержку партизан, ни всеобщей трансформации крестьянского сознания через партизанское политическое образование и через обучение радикальной секуляристской самопомощи. Что действительно имело место, так это мобилизация сторонников большинства видов крестьянской идентичности и общин и введение ряда новых идей и новой идентичности. Партизаны и крестьяне пришли к соединению в переплавленной и смешанной идеологии, самым захватывающим воплощением которой являются песни чимуренга (освободительной войны) 70-х годов.

Заключение

В своем происхождении, отношении к «большим традициям», потенциале для политического действия и для мятежа сознание зимбабвийских крестьян отличалось и продолжает отличаться от крестьянского сознания в Азии или в Латинской Америке и даже от крестьянского сознания во многих других частях Африки. Этот урок специфичности — один из тех, что мы обязаны постоянно повторять и повторять.

Его необходимо вновь усвоить даже политическим лидерам независимой Зимбабве, которым известно, какую видную роль в партизанской войне сыграли крестьянское участие и идеология, но которые тем не менее пытаются в мирное время применить к крестьянству все старые огульные обобщения. Даже когда зимбабвийский крестьянский выбор был подтвержден большим, чем когда бы то ни было, успехом, а крестьяне теперь стали производить более половины кукурузы в стране и треть хлопка, официальные сообщения описывают крестьянское хозяйство как привязанное к традиции, отсталое и ориентированное на потребление. Даже в то время, когда научные публикации отмечают радикальную роль крестьянского сознания в партизанской войне, партийные идеологи в Зимбабве говорят о неизбежности ведущей роли городского пролетариата и необходимости сокрушения сельского консерватизма. Возможно, такие огульные обобщения никогда серьезно и не учитывали какое-либо конкретное крестьянство, а всего лишь служили обоснованием программ плановиков и политиков. Если это так, то зимбабвийское крестьянское сознание, несомненно, еще не раз удивит.

1. Larson D. Shifting views of colonialism and resistance.— *Radical History Review*, 1983, vol. 27, May, p. 11—12.

2. Ishii Y. History and Peasant Consciousness in South East Asia.— *Senri Ethnological Studies* № 13. Osaka, 1984.

3. Chatterjee P. The colonial state and peasant resistance in Bengal, 1920—1947.— *Past and Present*, vol. 110, February, 1986, p. 202.

4. Turton A. and Tanabe S. History and Peasant Consciousness in South East Asia.— *Senri Ethnological Studies*, no. 13, Osaka, 1984, p. 1.

5. Sabea D. W. Power in the Blood: Culture and Village Discourse in Early Modern Germany. Cambridge, 1984, p. 221.

IV

КРЕСТЬЯНСТВО КАК КЛАСС: ВЛАСТЬ И КОНФЛИКТ

33. Крестьянство как политический фактор

На политической арене крестьянство довольно часто выступало как социальная общность классового типа. Важно отметить, что и в современном мире оно проявило способность к сплоченным действиям. Это были не только запоздалые битвы докапиталистического типа; общие интересы вовлекали крестьян в политические конфликты и с капиталистическими землевладельцами, различными группами горожан, и с современным государством.

Общепринятая картина быстрого раскрестьянивания оказалась чрезмерно упрощенной. Поляризация деревни в индустриализованном обществе — ее разделение на собственников-капиталистов и сельский пролетариат — сдерживалась или замедлялась оттоком капитала и рабочей силы в города, а также специфическими особенностями крестьянской семейной экономики. Сильное влияние на конечный результат оказали экономические тенденции, действовавшие в противоположном направлении. Более того, выяснилось, что для формирования классовой позиции важное значение имели наличие специфической культуры и общинной организации. Все это сделало крестьянскую сплоченность как потенциальную базу для формирования политического класса более сильной, чем можно было ожидать, судя по предсказаниям русских марксистов или американских стратегов.

Вместе с тем раздробленность крестьянства на малые локальные группы, различие и неопределенность их политических целей подрывало их потенциальное политическое влияние. Следовательно, вопрос о том, насколько крестьянство можно считать классом, следует рассматривать как вопрос о том, в какой степени, в каком периоде и в каком контексте это происходит. Если построить воображаемую шкалу или кон-

тинуум, то можно сказать, что крестьянство оказалось бы социальной общностью с относительно низкой «классовостью», которая возрастает в кризисных ситуациях.

Однако характерные особенности крестьянства как социально-политической группы нельзя рассматривать лишь по количественной шкале. Марксова оценка двойственности в социальном характере крестьянства (с одной стороны — это класс, с другой — не класс)¹ оставляет загадку неразрешенной. Постольку поскольку крестьянство не класс, что же оно представляет собой в качественном отношении?

Классовая позиция — это в основном отношения социального конфликта с другими классами и группами. Вне этих взаимоотношений класс не существует. В то же время совершенно правильно, говорит Галески, что, «поскольку продукт крестьянина является необходимым и на самом низком уровне достаточным для человеческого существования, труд крестьянина необходим для существования общества, однако существование общества в целом не является в той же мере необходимым для существования крестьянина». Крестьяне доказывают это, изымая продукцию с рынка в кризисных ситуациях, и, действительно, иногда сознательно используют эту возможность как средство политического давления.

Фундаментальная двойственность положения крестьян в обществе состоит в том, что, с одной стороны, они являются общественным классом с низкой степенью «классовости» и в целом находящимся под господством других классов, а с другой стороны, представляют собой общество «в себе», обладающее высокой степенью самообеспеченности, содержащее элементы отдельной, своеобразной и частично замкнутой структуры общественных связей. Именно поэтому крестьянство представляет собой социальное явление, марксистский классовый анализ которого совпадает с основными концептуальными дихотомиями немарксистской социологической мысли: братство — экономическая конкуренция у Г. Мэна, семейственность — индивидуализм у Фюстеля де Куланжа; *Gemeinschaft* — *Gesellschaft** у Ф. Тённиса или же

* *Gemeinschaft*—*Gesellschaft* (нем.). Общность (община)— общество.

«механическое» (сегментарное) — «органическое» общество Э. Дюркгейма. Специфическая двойственность («класс» и «общество») ведет к концептуальным трудностям, однако вполне может быть использована как критерий отличия крестьянства, особенно в целях выделения этой общности из более широких, более аморфных группировок, таких, как «средние слои», «эксплуатируемые массы», «мелкая буржуазия» или «остатки феодализма».

Другим путем развития дихотомий классической социологии идет А. Л. Кребер, который определяет крестьянство как часть более широкой общности, включающей город. Таким образом крестьяне представляют этап, на котором сельское население, не являясь полностью изолированным от других общественных групп, не вполне интегрировано в более широкую общность². Редфилд развил мысль Кребера и соответственно пришел к выводу, что «нет крестьянства, пока нет первого города»³.

Этот подход, при котором степень культурной самодостаточности используется в качестве показателя общественного развития, вполне обоснован. Однако данное Редфилдом определение крестьянства представляется слишком узким, а его определение докрестьянского общества — слишком абсолютным. Группы поселенцев во многих частях мира, отрезанные от городов, вдали от знати и недосыгаемые для государства с его сборщиками налогов, едва ли *ipso facto* * могут быть названы «некрестьянскими». В действительности они то, по-видимому, и демонстрируют часто основные присущие крестьянству черты, то есть самодостаточность. Именно социально-политическое значение этих особенностей стало причиной возникновения характерной структуры отношений в докапиталистическом обществе — потенциальная возможность экономической самостоятельности крестьянства вызвала необходимость прямого и жесткого политического контроля со стороны правителей.

* *Ipso facto* (лат.) — самим фактом.

Крестьянство в политике

Политическое влияние крестьянства обуславливалось в целом характерными для него социально-политическими слабостями. Дробление крестьян на семьи, локальные общности и кланы, а также дифференциация интересов внутри общностей затруднили процессы кристаллизации национально значимых целей и символов и возникновения лидеров и организаций в масштабе всей страны (это в свою очередь привело к тому, что мы назвали низкой «классовостью»). Техническая отсталость, особенно в области коммуникаций, вооружения и тактического опыта, определила безуспешность многих попыток организовать политическое движение. Однако у крестьянства имеются свои сильные социально-политические стороны, среди которых особенно важны следующие: крестьянство является главным производителем продовольствия, рассеяно в сельской глубинке и часто преобладает в численном отношении. Монополия на производство продовольствия зачастую имела решающее значение в периоды кризисов и обеспечила дополнительную степень автономии в случае конфронтации. Обширность сельской территории служила фактором силы. Численное превосходство также относится к положительным моментам. Однако в долгосрочном плане больше проявлялись слабые стороны крестьянства. Крестьянство оказывалось не в состоянии противостоять менее многочисленным, но тесно сплоченным, лучше организованным и обладающим техническим превосходством группам, и во многих случаях оно становилось объектом манипулирования и подавления политическими методами или силой оружия.

Распространение индустриализации и массовой культуры открывает перед крестьянством новые возможности общения, а также культурной и политической сплоченности. Однако одновременно оно снижает значение сельской местности для национальной экономики, снимает влияние «монополии на продовольствие», так как способствует развитию международной торговли, стимулирует поляризацию на уровне села и повышает относительные преимущества правительственных сил в отношении организации, мобильности, вооружения и новых форм репрессивной власти. Ход

исторического развития ослабляет политическую силу и потенциал крестьян. Учитывая это, все же нельзя игнорировать крестьянство и его действия. Ибо не только победители и правители определяют политическую реальность.

Возможности крестьян воздействовать на политическую сферу возрастают в периоды национальных кризисов. Когда сталкиваются некрестьянские общественные силы, когда происходит раскол между правителями или нападение иностранной державы, позиция и действия крестьянства могут оказаться решающими. Реализация этого потенциала зависит главным образом от способности крестьян к согласованным действиям независимо от наличия формальной организации. Это в свою очередь зависит от сплоченности крестьянства, его экономической, социальной и культурной однородности и отражения этих факторов в идеологической сфере.

Предстоит еще провести достаточно широкое сопоставление политической деятельности и вооруженной борьбы крестьян в доиндустриальных обществах. В современном обществе специфика моделей политической деятельности крестьянства определяется его характером как социальной общности. Здесь можно различить три основных типа.

1. *Автономное классовое движение* — в том смысле, который вкладывался в это понятие Марксом. В этом типе движения общественный класс кристаллизуется в ходе конфликта, создает собственную организацию в масштабах страны, вырабатывает идеологию, цели и символы и выдвигает лидеров, главным образом из своих рядов. У современного крестьянства этот вид политической деятельности выражали партии Зеленого Интернационала в Восточной Европе 20-х годов, крестьянские союзы в России в 1905 г. и Китае в 1926 г., движение Сапаты в Мексике и аналогичные явления в других частях мира.

2. *Направляемое политическое движение*, в котором соответствующая социальная группа объединяется и действует под руководством извне со стороны элиты. Такой тип деятельности особенно важен, когда речь идет о крестьянстве. Циклическая стабильность от-

дельного крестьянского хозяйства и деревни и политическое значение этой стабильности подрываются, как правило, лишь серьезным кризисом в сочетании с воздействием внешней силы, мощной политически и эмоционально. Таким внешним организатором крестьянства являлись милленаристские религиозные движения, тайные общества, русское казачество, французский бонапартизм или Народная армия Мао Цзэдуна, которые обеспечивали крестьянству недостающий элемент единства в более широком, междеревенском и межрегиональном масштабе. Общим для всех этих весьма различных движений является наличие тесно сплоченной группы активистов с ее собственным внутренним миром, особой организационной структурой, целями и лидерами — для этой группы крестьянство является объектом руководства или манипуляций. В таких случаях крестьянство может быть «использовано» (то есть преднамеренно втянуто обманным путем в какое-то движение, чуждое его интересам) либо его могут «повести к достижению его собственных целей», однако само определение «целей» осуществляется по усмотрению лидеров, находящихся в качественно отличном от крестьян положении. Интересы и позиции крестьян — это лишь один из факторов, принимаемых в расчет. Маркс описал подобную ситуацию, говоря о французском крестьянстве середины XIX века: крестьяне не способны проводить свои классовые интересы самостоятельно. Идет ли речь о парламенте или о Конвенте, они не могут представлять себя, их должен представлять кто-то, их представитель должен в то же время выступать как их хозяин. Единственное, что вызывает здесь возражение, так это безапелляционность, которая была опровергнута более поздними событиями.

Низкий уровень «классовости» крестьянства делает изучение крестьянских движений особенно интересным с точки зрения социологического анализа внешней элиты, которая им руководит. Поскольку влияние крестьянства на таких лидеров ограничено, динамика элитарных групп проявляется в более чистом виде. Кроме того, это также помогает рассматривать проблему «классоподобных» масс (то есть таких социальных групп, которые временно выступают как классовые

общности, но не имеют всех признаков класса — например, русские солдаты в 1917—1918 гг.) и их место в политических процессах.

3. *Аморфное политическое движение.* Этот вид деятельности представляется весьма типичным в том, что касается влияния крестьянства на политику, и может проявляться в двух формах:

а) Местные бунты, которые возникают «внезапно», как кратковременный взрыв накопившегося недовольства и бунтарских настроений. В общем они легко подавляются центральными властями, но могут служить уздой для государственной политики, а также стимулировать ее изменения. При кризисе в других сферах бунты могут вылиться в общенациональные движения, способные оказать определяющее воздействие на ход политического развития.

б) Крестьянская пассивность. Трактовка пассивности как фактора динамики создает некоторую сложность на концептуальном уровне. Однако же, стихийное ограничение производства русскими крестьянами в 1920 г. оказалось достаточно сильным, чтобы сломить волю правительства, одержавшего победу в войне против многочисленных и сильных врагов. Правительственные декреты и указы повсеместно переставали действовать из-за того, что их стихийно, упорно и молчаливо не выполняло крестьянство. В действительности, как отметил Р. Смит, пассивное сопротивление является чисто крестьянским вкладом в политику, оно было подхвачено и осмыслено Толстым и Ганди. Взаимосвязь между основными социальными особенностями крестьянского общества, о которых шла речь, и пассивным сопротивлением представляется очевидной. Оно служило формой протеста, однако, с другой стороны, влияние консервативной крестьянской апатии часто оказывалось решающим для победы сил порядка над революционерами. Все это опять-таки следует рассматривать в связи с особенностями социальной структуры, сознания и опыта крестьянства.

Армия и крестьянская вооруженная борьба

Вооруженная борьба занимала особо важное место в политической жизни обществ с многочисленным кре-

стьянским населением. Замечание Клаузевица о том, что «война является продолжением политики иными средствами», верно не только для отношений между государствами. Особенности этой формы крестьянского политического движения проявились в воинской службе, партизанской войне и в «боевом духе».

1. Современная армия на основе всеобщей воинской повинности является одной из немногих общенациональных организаций, в которых крестьянство принимает активное участие. Таким образом преодолевается раздробленность крестьянства. При взаимном культурном общении, даже если оно происходит без навязывания идеологии, крестьянин-солдат учится мыслить в масштабе страны, а не только своей деревни. Он учится организации, сложным совместным действиям, координации, осваивает современную технику и военные профессии. Армия также открывает ему доступ в иерархическую организацию, где он может стать лидером и получить необходимую для этого подготовку. Пока крестьянин служит в армии, раскрытие его потенциальной способности к политической деятельности значительно ограничивается строгой дисциплиной и контролем со стороны некрестьянского офицерского корпуса. Вместе с тем в периоды кризиса эта власть начальства и сила подавления могут ослабнуть, и истинные предпочтения и взгляды, выражающиеся в действиях или в отказе крестьянской армии от действий, вполне могут стать решающими. Кроме того, опыт, полученный на военной службе, является важным фактором влияния в деревнях. Бывший военнослужащий может стать руководителем и проводником внешнего влияния для других крестьян. В попытках организовать политически крестьяне часто обращаются к своему прошлому армейскому опыту. Русская Таманская армия и «Зеленая армия Черноморья», ФНО Алжира, китайская «народная милиция», армии Сапаты и Вильи в Мексике являлись не только военными, но и важными политическими организациями — своего рода вооруженными политическими партиями.

Таким образом, армия может иметь признаки как первого, так и второго типа политической деятельности, описанных выше, то есть крестьянства как «класса для себя» и как «руководимой» социально-политической общности.

2. За последнее десятилетие успешная партизанская война оказалась в центре общественного внимания. Американские стратеги склонны были рассматривать партизанскую войну как военные приемы или тактику, которые наряду со строевой подготовкой и стрельбой можно освоить с помощью толковых сержантов. Лучшей оценкой такого подхода служит их поражение как в партизанской, так и в антипартизанской войне во Вьетнаме.

Социальная сущность партизанской войны состоит в том, что она придает наиболее подходящую форму крестьянскому движению. Ее история столь же стара, как и само крестьянство. Бесчисленные бунтовщики, разбойники и бандиты вошли в мифы и фольклор каждого народа, а также в реальную историю. Способность партизанской «армии» раствориться при необходимости в сочувствующей крестьянской массе или исчезнуть в просторах сельской местности, ее способность использовать различные степени крестьянской воинственности и дружественной пассивности, способность выжить без внешних источников снабжения и достаточность относительно примитивных видов оружия для ведения войны этого типа могут сделать партизанскую силу непобедимой для современной армии.

В то же время крестьянский характер партизанской войны объясняет, по существу, не только ее сильные, но и слабые стороны — раздробленность, отсутствие четко выраженной идеологии и целей, неустойчивость состава. Эти существенные слабости могут быть преодолены путем внедрения твердого ядра профессиональных мятежников, превращающих бунт в «руководимое политическое движение». Идеологическая и организационная сплоченность профессиональных бунтовщиков, их устойчивость и усердие, их способность выработать долгосрочную стратегию могут превратить крестьянское восстание в успешную революцию. Однако ключ к пониманию успешной партизанской войны следует искать не в чудесах организации повстанцев, а в их взаимоотношениях с крестьянством, не в военных методах, которыми владеют немногие, а в социологии масс.

3. Наконец, имеются субъективные факторы военных действий, обычно определяемые как «боевой дух». Трудность определения этого термина не уменьшает

его значения. Крестьянские восстания во всем мире характеризуются общими культурными особенностями, которые, видимо, могут быть лучше выражены с помощью обобщений, присущих искусству, нежели путем препарирования их с использованием аналитических методов социальных наук. Возникает живописный образ молодого крестьянина-мятежника, который бросает вызов рутине повседневной крестьянской жизни. Наивное фанфаронство, типичное, по словам Знанецкого, для молодых крестьян, старающихся сохранить свою индивидуальность в жестких рамках семейных ограничений, многое объясняет в действиях крестьянских повстанцев. Герой-лидер, окружающие его легенды, его «личное обаяние» могут в значительной мере заменить идеологию и организацию в качестве объединяющих факторов. Все это сказывается на общем характере крестьянских отрядов как боевой силы, особенно в условиях гражданской войны.

1. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 8, с. 208.

2. Kroeber A. Anthropology. Harrap, 1923, p. 284.

3. Redfield R. The Primitive World and its Transformation. Cornell University Press, 1953, p. 31.

34. Крестьянство как класс

(из статей «Классовая борьба во Франции», «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» и «Наброски ответа на письмо В. И. Засулич»)

10 декабря 1848 г. было днем крестьянского восстания. Лишь с этого дня начался февраль для французских крестьян. Символ, выразивший их вступление в революционное движение, неуклюже-лукавый, плутовато-наивный, несуразно-возвышенный, расчетливое суеверие, патетический фарс, гениально-нелепый анахронизм, озорная шутка всемирной истории, непонятный иероглиф для цивилизованного ума,— этот символ явно носил печать того класса, который является представителем варварства внутри цивилизации. Республика заявила ему о своем существовании фигурой *сборщика налогов*, он заявил ей о своем существовании фигурой *императора*. Наполеон был единственным человеком, в котором нашли себе исчерпывающее выражение интересы и фантазия новообразованного в 1789 г. крестьянского класса. Написав его имя на фронтоне республики, крестьянство этим самым объявляло войну иностранным государствам и борьбу за свои классовые интересы внутри страны. Наполеон был для крестьян не личностью, а программой. Со знаменами, с музыкой шли они к избирательным урнам, восклицая: “Plus d’impôts, à bas les riches, à bas la république, vive l’Empereur!” — «Долой налоги, долой богачей, долой республику, да здравствует император!». За спиной императора скрывалась крестьянская война. Республика, ими забаллотированная, была *республикой богачей*.

10 декабря было *coup d’état* крестьян, свергнувших существующее правительство. («Классовая борьба во Франции».)

Бонапарт — представитель класса, и притом самого многочисленного класса французского общества, представитель *парцельного крестьянства*.

Подобно тому как Бурбоны были династией крупной земельной собственности, а Орлеаны — династией денег, Бонапарты являются династией крестьян, т. е. французской народной массы. Избранником крестьян является не тот Бонапарт, который подчинился буржуазному парламенту, а тот, который разогнал буржуазный парламент. Городам удавалось в течение трех лет извращать смысл выборов 10 декабря и обманывать крестьян в их надежде на восстановление империи. Выборы 10 декабря 1848 г. нашли свое осуществление только в перевороте 2 декабря 1851 года.

Парцельные крестьяне составляют громадную массу, члены которой живут в одинаковых условиях, не вступая, однако, в разнообразные отношения друг к другу. Их способ производства изолирует их друг от друга, вместо того чтобы вызывать взаимные сношения между ними. Это изолирование еще усиливается вследствие плохих французских путей сообщения и вследствие бедности крестьян. Их поле производства, парцелла, не допускает никакого разделения труда при ее обработке, никакого применения науки, а следовательно и никакого разнообразия развития, никакого различия талантов, никакого богатства общественных отношений. Каждая отдельная крестьянская семья почти что довлеет сама себе, производит непосредственно большую часть того, что она потребляет, приобретая таким образом свои средства к жизни более в обмене с природой, чем в сношениях с обществом. Парцелла, крестьянин и семья; рядом другая парцелла, другой крестьянин и другая семья. Кучка этих единиц образует деревню, а кучка деревень — департамент. Таким образом, громадная масса французской нации образуется простым сложением одноименных величин, вроде того как мешок картофеля образует мешок с картофелем. Поскольку миллионы семей живут в экономических условиях, отличающих и враждебно противопоставляющих их образ жизни, интересы и образование образу жизни, интересам и образованию других классов, — они образуют класс. Поскольку между парцельными крестьянами существует лишь местная связь, поскольку тождество их интересов не создает между ними никакой общности, никакой национальной связи, никакой политической организации, — они не образуют класса. Они поэтому неспособны защищать свои классовые ин-

тересы от своего собственного имени, будь то через посредство парламента или через посредство конвента. Они не могут представлять себя, их должны представлять другие. Их представитель должен вместе с тем являться их господином, авторитетом, стоящим над ними, неограниченной правительственной властью, защищающей их от других классов и ниспосылающей им свыше дождь и солнечный свет. Политическое влияние парцельного крестьянства в конечном счете выражается, стало быть, в том, что исполнительная власть подчиняет себе общество.

Историческая традиция породила мистическую веру французских крестьян в то, что человек по имени Наполеон возвратит им все утраченные блага. И вот нашелся некто, выдающий себя за этого человека только потому, что он — на основании статьи Code Napoléon: «La recherche de la paternité est interdite» (Кодекса Наполеона: «Отыскание отцовства запрещается») — носит имя Наполеон. После двадцатилетнего бродяжничества и целого ряда нелепых приключений сбывается предсказание и человек становится императором французов. Навязчивая идея племянника осуществилась, потому что она совпадала с навязчивой идеей самого многочисленного класса французского общества.

Но тут мне могут возразить: а крестьянские восстания в доброй половине Франции, а облавы, устраиваемые армией на крестьян, а массовые аресты, массовая ссылка крестьян?

Со времени Людовика XIV Франция не знала подобных преследований крестьян «за демагогические происки».

Но прошу меня понять. Династия Бонапарта является представительницей не революционного, а консервативного крестьянина, не того крестьянина, который стремится вырваться из своих социальных условий существования, определяемых парцеллой, а того крестьянина, который хочет укрепить эти условия и эту парцеллу, — не того сельского населения, которое стремится присоединиться к городам и силой своей собственной энергии ниспровергнуть старый порядок, а того, которое, наоборот, тупо замыкается в этот старый порядок и ждет от призрака империи, чтобы он спас его и его парцеллу и дал ему привилегированное положение. Династия Бонапарта является представительницей

не просвещения крестьянина, а его суеверия, не его рас-судка, а его предрассудка, не его будущего, а его про-шлого, не его современных Севеннов, а его современ-ной Вандеи.

Трехлетнее суровое господство парламентарной республики освободило от наполеоновской иллюзии и революционизировало — правда, пока лишь поверх-ностно — часть французских крестьян; но каждый раз, как только они приходили в движение, буржуазия си-лой отбрасывала их назад. При парламентарной респу-блике в сознании французского крестьянина происхо-дила борьба между новыми идеями и традицией; этот процесс протекал в форме непрерывной борьбы школь-ных учителей против попов — буржуазия умирляла учи-телей. Крестьяне в первый раз делали усилия, чтобы за-нять самостоятельную позицию по отношению к пра-вительственной деятельности; это обнаруживалось в беспрестанных столкновениях между мэрами и пре-фектами — буржуазия смещала мэров. Наконец, в раз-личных местностях Франции крестьяне в период парла-ментарной республики восставали против своего соб-ственного детища, против армии,— буржуазия нака-зывала их осадным положением и экзекуциями. И эта самая буржуазия вопит теперь о тупости масс, этой презренной толпы, которая якобы предала ее Бонапар-ту. Она сама насильственно укрепляла приверженность класса крестьян к империи, она усердно сохраняла по-ложение вещей, образующее ту почву, на которой вы-растает эта крестьянская религия. Правда, буржуазия должна одинаково бояться невежества масс, пока они остаются консервативными, и сознательности масс, как только они становятся революционными.

В восстаниях, последовавших за *coup d'état*, часть французских крестьян с оружием в руках протестовала против своего же собственного выбора от 10 декабря 1848 года. Школа, пройденная ими с 1848 г., научила их уму-разуму. Но они продали свою душу преисподней истории, история их поймала на слове. (*«Восемнадца-тое брюмера Луи Бонапарта»*.)

Россия — единственная европейская страна, в кото-рой «земледельческая община» сохранилась в нацио-нальном масштабе до наших дней. Она не является, по-добно Ост-Индии, добычей чужеземного завоевателя. В то же время она не живет изолированно от современ-

ного мира. С одной стороны, общая земельная собственность дает ей возможность непосредственно и постепенно превращать парцеллярное и индивидуалистическое земледелие в земледелие коллективное, и русские крестьяне уже осуществляют его на лугах, не подвергающихся разделу. Физическая конфигурация русской почвы благоприятствует применению машин в широком масштабе. Привычка крестьянина к *артельным* отношениям облегчает ему переход от парцеллярного хозяйства к хозяйству кооперативному, и, наконец, русское общество, так долго жившее на его счет, обязано предоставить ему необходимые авансы для такого перехода. С другой стороны, *одновременное существование* западного производства, господствующего на мировом рынке, позволяет России ввести в общину все положительные достижения, добытые капиталистическим строем, не проходя сквозь его кавдинские ущелья.

Если бы представители «новых столпов общества» стали отрицать *теоретическую* возможность указанной эволюции современной сельской общины, их можно было бы спросить, должна ли была Россия подобно Западу пройти через долгий инкубационный период развития машинного производства, чтобы добраться до машин, пароходов, железных дорог и т. п. Их можно было бы также спросить, как им удалось сразу ввести у себя весь механизм обмена (банки, акционерные общества и пр.), выработка которого потребовала на Западе целых веков.

Есть одна характерная черта у русской «земледельческой общины», которая служит источником ее слабости и неблагоприятна для нее во всех отношениях. Это — ее изолированность, отсутствие связи между жизнью одной общины и жизнью других, этот *локализованный микрокосм*, который не повсюду встречается как имманентная характерная черта этого типа, но который повсюду, где он встречается, воздвиг над общинами более или менее централизованный деспотизм. Объединение северных русских республик доказывает, что эта эволюция, которая первоначально вызвана была, по-видимому, обширным протяжением территории, была в значительной степени закреплена политическими судьбами, пережитыми Россией со времен монгольского нашествия. Ныне этот недостаток весь-

ма легко устраним. Следовало бы просто заменить во-
лость, учреждение правительственное, собранием вы-
борных от крестьянских общин, которое служило бы
экономическим и административным органом, защи-
щающим их интересы.

С одной стороны, «сельская община» почти доведе-
на до края гибели; с другой — ее подстерегает мощный
заговор, чтобы нанести ей последний удар. Чтобы спа-
сти русскую общину, нужна русская революция. Впро-
чем, те, в чьих руках политические и социальные силы,
делают все возможное, чтобы подготовить массы к та-
кой катастрофе.

И в то время как обескровливают и терзают общи-
ну, обеспложивают и истощают ее землю, литератур-
ные лакеи «новых столпов общества» иронически ука-
зывают на нанесенные ей раны, как на симптомы ее
естественной и неоспоримой дряхлости, и уверяют, что
она умирает естественной смертью и что сократить ее
агонию было бы добрым делом. Речь идет здесь, таким
образом, уже не о проблеме, которую нужно разре-
шить, а просто-напросто о враге, которого нужно со-
крушить. Чтобы спасти русскую общину, нужна рус-
ская революция. Впрочем, русское правительство
и «новые столпы общества» делают все возможное,
чтобы подготовить массы к такой катастрофе. Если ре-
волюция произойдет в надлежащее время, если она со-
средоточит все свои силы, чтобы обеспечить свободное
развитие сельской общины, последняя вскоре станет
элементом возрождения русского общества и элемен-
том превосходства над странами, которые находятся
под ярмом капиталистического строя. (*«Наброски отве-
та на письмо В. И. Засулич».*)

35. Оружие слабых: повседневное сопротивление и его значение

Революции немногочисленны и происходят не часто. В большинстве случаев они безжалостно подавляются. Когда же, в более редких случаях, они увенчаются успехом, то — и это грустно, но факт — ведут к таким последствиям, которые крестьяне редко предвидят. Каковы бы ни были другие достижения революций, а у меня нет намерения отрицать эти достижения, они вместе с тем, как правило, приводят к появлению более многочисленного и более властного государственного аппарата, способного процветать, паразитируя на своих подданных — крестьянах, даже более эффективно, чем предшественники.

По этим причинам мне кажется очень важным понять то, что можно было бы назвать формами *повседневного* крестьянского сопротивления, — прозаическую, но постоянную борьбу между крестьянством и теми, кто стремится отнять у них труд, еду, содрать с них налоги, ренту и процент. Большинство форм этой борьбы очень далеки от прямого коллективного выступления. Здесь я имею в виду обычное оружие относительно бессильных групп: волокиту, симулирование, дезертирство, притворную угодливость, воровство, мнимое неведение, клевету, поджоги, саботаж и т. п. Эти — в духе Брехта и Швейка — формы классовой борьбы имеют некоторые общие черты. Они вообще не требуют или требуют незначительной координации или планирования; в них используются тайные сговоры и скрытые сети информации; часто они представляют собой определенную форму взаимопомощи; как правило, в такой борьбе избегают какого-либо прямого, явного столкновения с властями. Разобраться в этих обычных формах сопротивления — значит многое понять в том, что на протяжении истории делали крестьяне для защиты своих интересов как от консервативных, так и от прогрессивных порядков. По моему мнению, именно тако-

го рода сопротивление в долгосрочном плане часто оказывается наиболее значительным и наиболее эффективным. Так, Марк Блок, историк феодализма, отметил, что великие миссианские движения были «бурей в стакане воды» по сравнению с «терпеливой, молчаливой борьбой, которую упорно ведут сельские общины» для того, чтобы избежать покушений на излишки и отстаивать свои права на средства производства, например пашню, лес, пастбища. Почти такой же подход уместен при исследовании рабства в Новом Свете. Героические и безнадежные выступления Ната Тэрнера и Джона Брауна были редки и просто не годятся в качестве примеров борьбы между рабами и их хозяевами. Образец может быть найден скорее в постоянных мелких конфликтах по поводу работы, съестного, права на самостоятельность, ритуалов — то есть в повседневных формах сопротивления. В Третьем мире крестьяне редко рискуют идти на прямой конфликт с властями из-за налогов, навязываемой им структуры земледелия, политики развития или обременительных новых законов. Вместо этого они предпочитают постепенно разрушать такие меры путем неподчинения, отлынивания, жульничества. Разделу земли они предпочитают постепенное расселение; открытому мятежу — уклонение от действий; нападению на государственные или частные зернохранилища — растаскивание по мелочам. Когда крестьяне отказываются от такой стратегии и совершают более донкихотские действия, то это всегда знак крайнего отчаяния.

Такие приемы замечательно соответствуют социальной структуре крестьянства — класса, который рассредоточен в сельской местности, не имеет формальной организации и располагает всем необходимым для продолжительной партизанской оборонительной войны на истощение. Индивидуально осуществляемые крестьянами акты волокиты и уклонения, поддерживаемые высокочтимой народной культурой сопротивления и помноженные на тысячи случаев, могут в конце концов полностью разрушить меры, задуманные теми в столице, кто мнит себя выше крестьян. Повседневные формы сопротивления не привлекают внимания газет. Но подобно тому как миллионы полипов-антозоанов создают, как бы там ни было, коралловый риф, так и многочисленные акты крестьянского неподчинения

и уклонения создают собственные рифы политических и экономических препятствий. И, продолжая сравнение, когда корабль государства напарывается на такие рифы, внимание всегда бывает направлено на само крушение, а не на большое скопление мелких актов, сделавших его возможным. Именно по этой причине представляется важным постичь крестьянскую стихию квиетистских и анонимных действий.

Борьба между богатыми и бедными в Седаке — это не только борьба за работу, право собственности, зерно и наличность. Это также борьба за обладание символами, борьба за то, как следует понимать и оценивать прошлое и настоящее, борьба, чтобы назвать причины и определить виновников, это настойчивая попытка придать свой смысл местной истории. Подробности этой борьбы малопривлекательны, поскольку часто связаны со злословием, сплетнями, компрометацией, грубыми прозвищами и жестами, молчаливым попустительством, которые характерны для закулисной жизни деревни. В общественной жизни, что называется — во властных отношениях, преобладает большей частью тщательно рассчитанный конформизм. Замечательным в этом аспекте классового конфликта является то, в какой степени для него необходимо существование общественного мнения. Ни сплетни, ни, например, диффамация не имеют большого смысла, если нет единого мнения относительно того, что же является ненормальным, недостойным, невежливым. В некотором смысле жесткость аргументации объясняется тем, что она взывает ко всеобщим ценностям, которые, как заявляется, были преданы.

36. Разбой как социальное явление

Главные враги бедных — типичные жертвы такого разбойника. Из истории известно, что ими всегда являются те группы, которых бедняки особенно ненавидят: представители закона, прелаты и бездельники-монахи, ростовщики и торговцы, иностранцы и другие нарушители традиционной жизни крестьянина. В доиндустриальных и докапиталистических обществах в число этих врагов почти никогда не входит монарх, сохраняющий дистанцию и выступающий за справедливость. Действительно, в легендах нередко рассказывается о монархе, преследующем разбойника, монарху не удается победить его, он приглашает разбойника ко двору и заключает с ним мир, признавая тем самым, что в глубинном смысле они оба заинтересованы в одном — в справедливости. Так было с Робинем Гудом и Олексой Довбушем.

Типичная модель разбоя, которую я попытался здесь обрисовать, в определенных условиях может быть обнаружена почти повсюду в мире. Это сельское явление, а не городское. Крестьянские общества, где есть разбойники, могут быть богатыми или бедными, могущественными или слабыми, могут властвовать или быть в подчинении, но во всех случаях они остаются глубоко и устойчиво традиционными и докапиталистическими по структуре. Социальный разбой не следует искать в таком сельском обществе, которое было в XIX веке в Восточной Англии, Нормандии или в Дании... Разбой — это дополитическое явление, и его сила обратно пропорциональна силе организованной аграрной революционности и социализма или коммунизма. Бандитизм в Калабрии появился до первой мировой войны, когда возникли социализм и крестьянские лиги. Он сохранился в Аспромонте, на родине великого Мусолино и многочисленных других народных героев, за которых трогательно молились женщины. Но в этих

местах крестьянские организации менее развиты, чем в других местах региона.

В таких обществах разбой является эндемическим. Но, по-видимому, вероятность того, что робингудство может стать крупным явлением, особенно велика в тех случаях, когда нарушается традиционное равновесие этих обществ: во время и после периодов чрезмерных тягот, например голода, войн, или в моменты, когда челюсти динамичного современного мира сжимают статические сообщества, чтобы их разрушить и преобразовать. Поскольку в XIX и XX веках такие моменты были в истории большинства крестьянских обществ, то в некоторых отношениях наша эпоха является самой подходящей для социального разбоя. Мы наблюдаем подъем разбоя — по крайней мере в сознании народа — в Южной Италии и долине Рейна во время революционных преобразований и войн конца XVIII века, в Южной Италии после Риссорджименто, где позже оно было уничтожено с введением капиталистических порядков. В Калабрии и Сардинии расцвет бандитизма начался в 90-х годах XIX века, когда современная экономика (а также депрессия и эмиграция из деревни) дала свои горькие плоды. В Карпатских горах разбой вспыхнул после первой мировой войны.

Однако именно в этом факте нашла свое выражение трагедия социального разбойника. Крестьянское общество создает его и призывает, когда чувствует необходимость в лидере и защитнике, но как раз в тот момент, когда он не может помочь этому обществу. Дело в том, что социальный разбой — это протест, однако протест слабый и неревolutionный. Это выступление не против того, что крестьяне бедны и угнетены, а против того, что они порой слишком бедны и угнетены. От героев-разбойников не ждут, что они создадут мир равенства. Они могут лишь восстановить справедливость и доказать, что иногда угнетение может осуществляться в противоположном направлении.

37. Экологическое движение крестьян

Крестьянские общества проявляют интерес к экологическим проблемам (иначе говоря, к взаимосвязям между человеческим обществом и природной средой) с тех самых пор, когда с развитием земледелия начался процесс «покорения» природы.

Известно, что причиной крушения таких древнейших цивилизаций, как хараппская и майя, явилось истощение природных ресурсов применявшимися в то время системами земледелия. В дальнейшем феодальным обществам удалось пережить стихийные бедствия вроде наводнений, голода и чумы лишь ценой неисчислимых жертв среди крестьян.

Развитие капитализма (особенно во второй половине XX века) отрицательно сказалось на жизни сохранившихся крестьянских общин, и не в последнюю очередь из-за его воздействия на среду обитания. В результате строительства гигантских плотин нередко оказывались в запущенном состоянии оросительные системы, которые раньше как-то справлялись с подачей воды на поля. Ради создания быстро заилившихся водоемов, появления переувлажненных, подверженных засолению и заболачиванию почв (что сопровождалось ростом заболеваемости) с насиженных мест были согнаны сотни тысяч людей. Внедрение химических удобрений и высокоурожайных сортов положило начало «зеленой революции», которая провозгласила своей целью повышение продуктивности сельского хозяйства. Но часто за это приходилось платить снижением естественного плодородия почв и гибелью тысяч сортов местных культур. Немало крестьян, сельскохозяйственных рабочих становятся жертвами отравления пестици-

дами и удобрениями, а трагедии наподобие бхопальской оборачиваются тысячами человеческих жертв.

И наконец, вырубка лесов, которая осуществляется быстрыми темпами в странах «третьего мира», наносит ущерб крестьянским общинам, обосновавшимся как в лесных, так и в равнинных районах. Крестьяне, живущие на равнинах Северной Индии, уже давно лишились своих общинных лесов в результате грабительской колониальной политики и потому вынуждены использовать коровий навоз (одно из лучших органических удобрений!) в качестве топлива, а не средства повышения плодородия почвы. В результате продолжающегося процесса уничтожения лесов в холмистых районах за последние годы участились засухи и внезапные наводнения. Но даже там, где леса сохранились, традиционному образу жизни скотоводов-кочевников и оседлых земледельцев приходит конец. Дело в том, что в странах, которые после обретения независимости встали на путь капиталистического развития, широко развернулось строительство дорог, шахт, плотин и промышленных объектов, то есть продолжилась вырубка лесов. Программы «общественного лесовосстановления» только ухудшили положение, ибо они нацелены на создание монокультурных лесопосадок, предназначенных для промышленной эксплуатации, за счет вытеснения природных смешанных лесов.

Поэтому неудивительно, что во многих странах «третьего мира» возникли массовые экологические движения. В Индии все началось с движения «Чипко» («Обними дерево»): в 1973 г. гималайские крестьяне заслоняли собой деревья в попытке защитить их от вырубки. Затем это движение приобрело более широкий характер. Жители деревень стали сажать деревья, бороться с пьянством, выступили в поддержку полной занятости. Были сформулированы принципы, согласно которым восстановление лесов необходимо поставить под контроль местных органов власти, а породы деревьев подбирать не с учетом их ценности для промышленного производства, но исходя из потребностей в фураже, топливе, удобрениях, волокне и продуктах питания. В 1978 г. земледельческие племена южного штата Бихар начали движение за вырубку деревьев, посаженных правительством в соответствии с программами Международного банка реконструкции и разви-

тия. Дело в том, что посадки тика стали вытеснять местные леса, и в особенности священное сандаловое дерево, имевшее широкую область применения. Под лозунгом «Сандал — наш, тик — эксплуататоров!» начались столкновения с полицией. В ходе одного из них во время ожесточенной перестрелки были убиты десятки людей. Подобно местному населению в других районах мира, бихарские племена выступили и против строительства плотин.

Обосновавшиеся в лесах общины нередко первыми выступали за решение экологических проблем, поскольку разграбление природных ресурсов проходило буквально у них на глазах. Крестьянам же, живущим в равнинных районах, было не так-то просто понять, что наносящие им ущерб наводнения и засуха обусловлены социальными причинами. Кроме того, развитие капитализма породило или же усилило классовое расслоение, что отнюдь не способствовало росту сопротивления со стороны крестьянских масс. Богатые арендаторы, которые получают доход от искусственно орошаемых плантаций товарных культур; оптовые торговцы, наживающиеся на том, что бедные крестьяне вынуждены продавать свою продукцию за бесценок; специалисты и чиновники, занимающиеся осуществлением крупномасштабных проектов, — все эти люди очень удобно прикрываются идеей «развития». В Индии во главе движений, борющихся с засухой и строительством плотин, часто стоят левые политические партии. Тем не менее выдвигаемые требования, как правило, относятся к сфере распределения. Речь идет о предоставлении работы, воды, другого земельного участка, привлечении безработных к общественным работам и т. д. Направление и характер экономического развития сомнению не подвергаются. Редко анализируются основные причины засух, наводнений и прочих «стихийных бедствий». Однако с обострением экологических проблем в 80-х годах XX века обозначились и новые тенденции. Деревни стали совместно выступать против строительства какой-нибудь загрязняющей реку фабрики. Появились массовые требования шире внедрять орошаемое земледелие, не сводя все к поливу таких товарных культур, как сахарный тростник, но подвести воду и на поля под продовольственными культурами. Со временем местные политические деятели станут лучше разбирать-

ся в вопросах экологии, а также в новых экспериментах с сельским хозяйством и общиной. Поэтому в будущем мы можем стать свидетелями качественного изменения тех движений, в которых участвуют крестьяне и сельскохозяйственные рабочие. Ясно одно: экология уже не является предметом забот средних слоев общества или же только населения Европы и Северной Америки.

38. Крестьянские восстания

Шесть крупных социально-политических переворотов, совершенных при поддержке крестьянства, потрясли мир в XX веке: революция в Мексике в 1910 г., революции в России в 1905 и 1917 гг., революция в Китае, изменявшаяся на различных этапах с 1921 г., революция во Вьетнаме, уходящая корнями во вторую мировую войну, восстание в Алжире в 1954 г. и революция на Кубе в 1958 г. Все они в известной мере базировались на участии сельского населения. Данная работа посвящена анализу этого участия.

Вопреки представлениям романтиков крестьянство не просто вовлечет в длительное восстание. Особенно тяжело ему дается переход от пассивного осознания несправедливости к участию в политическом процессе как средству ее устранения. Во-первых, крестьянская работа чаще выполняется в одиночку, на собственной земле, нежели вместе с братьями. Более того, все крестьяне являются в какой-то степени конкурентами в сфере ресурсов, имеющих в распоряжении общины и в сфере внешних источников кредитов. Во-вторых, специфический характер труда ложится на крестьян тяжелым грузом: их жизнь обусловлена сезонным распорядком работ и подготовкой к предстоящему году. Мгновенные перемены заведенного порядка угрожают их возможности позднее вернуться к нему. В-третьих, контроль над землей чаще всего позволяет им прибегнуть к натуральному хозяйству, если возникают неблагоприятные условия для культур, с которыми они выходят на рынок. В-четвертых, широкие родственные связи и взаимопомощь внутри общины могут смягчить потрясения. В-пятых, крестьянские интересы — особенно среди бедных слоев — часто могут идти вразрез с понятиями классовой принадлежности: бедный крестьянин и богатый могут быть родственниками, или крестьянин может одновременно являться владельцем, арендатором,

издольщиком, подрабатывать у соседей и быть сезонным рабочим на соседних плантациях. Каждый из различных видов деятельности и положения по-разному связывает его с собратьями и внешним миром. Наконец, существовавшее отчуждение крестьянина от процесса принятия решений за бамбуковой оградой его деревни слишком часто лишает его знания, необходимого для выражения своих интересов в соответствующей форме действий. Посему крестьяне часто являются лишь пассивными наблюдателями политической борьбы или жаждут мгновенного наступления царства небесного на земле, не задумываясь, что их и их соседей отделяет от этого рая множество ступенек.

Если правда то, что крестьяне тяжелы на подъем, тогда их участие в крупных восстаниях XX века должно подчиняться влиянию ряда особых факторов, отягчивших их положение. Мы не поймем этого, если не будем постоянно помнить, как тяжело отразились на нем три кризиса: демографический кризис, экологический кризис и кризис власти. Демографический кризис легче всего описать в голых цифрах, хотя его глубинные причины остаются плохо понятыми. Вполне может статься, что его основная причина связана с сокращением смертности не столько за счет расширения сферы медицинского обслуживания, как из-за распространения по всему миру американских сортов продовольственных культур, которое обеспечило прожиточный минимум многочисленным сельским жителям. И все же голые цифры в достаточной мере отражают серьезность демографической проблемы. Население Мексики составляло 5,8 млн. человек в начале XIX века; в 1910 г.— накануне революции—16,5 млн. Население европейской части России составляло 20 млн. человек в 1725 г., к началу XX века—87 млн. В Китае было 265 млн. человек в 1775 г., 430 млн.—в 1850 г. и около 600 млн. ко времени революции. Население Вьетнама в 1820 г. составляло 6—14 млн. человек; в 1962 г.—30,5 млн. Местное население Алжира составляло 10,5 млн. человек в 1963 г., что представляет рост в четыре раза по сравнению со временем французской оккупации в начале XIX века. На Кубе проживало 550 тыс. человек в 1800 г.; к 1953 г. ее население составило 5,8 млн. Рост населения сам по себе уже мог бы серьезно деформировать унаследованный культурный порядок.

Экологический кризис частично связан с количественным ростом населения; но независимо от этого он также имеет важное значение. Рост населения в упомянутых масштабах совпал с историческим периодом, в течение которого земля и другие ресурсы усиленно обращались в товар — в капиталистическом смысле слова. Как товар они были подчинены требованиям рынка, который очень опосредованно связан с нуждами сельского населения. Если в прошлом рынок был в основном подчинен проблемам обеспечения жизни, то теперь само существование и его проблемы оказались подчинены рынку. Отчуждение сельских ресурсов происходило в прямой форме — путем захватов, конфискации или принудительных сделок, как в Мексике, Алжире и на Кубе. Оно происходило также — особенно в Китае и Вьетнаме — путем постепенной капитализации ренты, что приводило к переходу ресурсов от тех, кто не мог их сохранить, к тем, кто мог платить. В дополнение к этому, капиталистическая мобилизация ресурсов усиливалась путем налогового пресса, требований выкупа и через рост потребностей в промышленных товарах среди крестьян. Совместно эти различные виды давления разрушили непрочный экологический баланс крестьянского общества. Там, где крестьянину требовалось соединение ресурсов для обеспечения соответствующего уровня жизни, их раздельная и дифференцированная мобилизация разрушила эту экологическую связь. Лучше всего это, вероятно, видно на примере России, где серия земельных реформ поставила под угрозу дальнейший доступ крестьян к пастбищам, лесам и пахотным землям. Это, однако, в равной мере очевидно и в тех случаях, когда коммерциализация ставила под угрозу доступ крестьян к общинным землям (Мексика, Алжир, Вьетнам), к незанятым землям (Мексика, Куба), к общественным житницам (Алжир, Китай), а также там, где она создала угрозу равновесию между кочующим и оседлым населением (Алжир). Одновременно с разрушением сельской жизни коммерциализация создала новые и неблагоустроенные экологические ниши в промышленности. Разрушительные перемены в сельской местности сопровождались зарождением новых, но неопределенных возможностей для многочисленных бывших крестьян. Многие из последних сохранили формальные связи со своими родными

деревнями (Россия, Китай, Алжир), другие мигрировали в постоянном круговороте между селом и городом (особенно во Вьетнаме). Рост нестабильности в сельской местности дополнялся, таким образом, сохранением нестабильности в отношении к работе в промышленности.

В конечном счете демографический и экологический кризисы слились в кризисе власти. Развитие рынка породило быстрое расширение элиты, в которой манипуляторы новыми «свободными ресурсами» — профсоюзные боссы, коммерсанты, промышленные предприниматели — бросили вызов наследственной власти тех, кто контролировал закрепленные общественные ресурсы, племенных вождей, мандаринов, помещиков. Неоспаривавшиеся и стабильные требования уступили место нестабильным и спорным требованиям. Это соперничество между теми, чья власть носила главным образом политический характер, и теми, чья власть была преимущественно экономической, имело свою собственную диалектику. Внедрение рыночного механизма влекло за собой уменьшение социальной ответственности за население, затронутое его действием: предприниматель не интересовался социальными издержками своей деятельности; представитель традиционных структур власти был часто слишком ограничен в своих возможностях оказывать помощь или отстраняться своими более удачливыми соперниками. Введение рынка, таким образом, не только вызвало экологический кризис; оно расстроило многочисленные связи между центром и периферией, между городским и сельским секторами. Коммерциализация разрушила районы, прилегающие к промышленному центру, и в то же время уменьшила возможности властей предрержащих воспринимать и предвидеть перемены в сельских районах. Результатом стал все увеличивавшийся разрыв между правителями и управляемыми. То, что такой ход развития не является неизбежным, продемонстрировал, пожалуй, Баррингтон Мур, который показал, как были использованы традиционные феодальные формы в Германии и Японии для того, чтобы предотвратить образование подобного разрыва в сфере власти и коммуникации в решающий период перехода к коммерческому и индустриальному порядку. Там, где это не было достигнуто, — именно там, где отсутство-

вал административный милитаризованный феодализм,— продолжавшееся увеличение разрыва в сфере власти вызвало к жизни образование контрэлиты: она могла бросить вызов и деструктивному руководству, базировавшемуся на рыночных отношениях, и бессильным наследникам традиционной власти, создавая новый консенсус через связи с крестьянством. Такую контрэлиту чаще всего составляли представители провинциальных элит, вытесненных на периферию коммерческой деятельности и политической власти; должностные лица или специалисты, находящиеся между глубинкой и центром и завязшие в противоречиях между ними, а также интеллигенты, которым доступна система символов, способная обеспечить взаимопонимание между руководством и деревней.

Однако длительная мобилизация крестьянства — задача нелегкая. Такие усилия не найдут поддержки в сельской массе, которая подчинена властным требованиям крайней нужды. Крестьяне не могут успешно бунтовать в положении полного бессилия; бессильные легко становятся жертвами. Следовательно, только крестьянство, обладающее некоторым тактическим контролем над собственными ресурсами, может обеспечить надежную базу для продолжительного действия политических средств достижения цели. Как сказал Ричард Адамс, в конечном счете власть относится «к реальному физическому контролю, которым может обладать одна сторона над другой. Причина, по которой в большинстве случаев отношения не сводятся к физической борьбе, заключается в том, что участвующие в них стороны могут принимать рациональные решения, основанные на оценках тактических возможностей и других факторов. Таким образом, власть обычно осуществляется путем здравого признания обеими сторонами степени тактического контроля, которой обладает одна из них, и принятия одной стороной рационального решения делать то, что хочет другая. Каждая сторона оценивает свой уровень тактического контроля, сравнивает его с другой стороной и решает, может ли она взять верх»¹. Бедный крестьянин или безземельный работник, большая часть или даже все средства существования которого зависят от землевладельца, не обладает тактическими возможностями: он целиком находится во власти своего нанима-

теля, не имея достаточных собственных ресурсов, которые могли бы служить ему в борьбе за власть. Следовательно, бедные крестьяне и безземельные работники вряд ли прибегнут к восстанию, если не могут рассчитывать на какую-либо внешнюю силу, для того чтобы бросить вызов угнетающей их власти. В случае Мексики такой внешней силой стала конституционалистская армия, «сверху» освободившая пеонов от бремени налогов; в России она появилась в результате развала русской армии в 1917 г. и оттока вооруженных солдат из числа крестьян в деревню; в Китае — путем создания китайской Красной армии как орудия, предназначенного для уничтожения власти помещиков в деревнях. Там, где присутствует такая внешняя сила, бедные и безземельные работники обладают свободой маневра. В свою очередь маловероятно, чтобы богатые крестьяне поднимались на восстание. Как наниматели, как кредиторы (ростовщики), как влиятельные лица, интегрированные государственным механизмом, они осуществляют власть на местах в союзе с внешними властителями. Их власть в деревне носит производный характер: она зависит от внешней поддержки. Только когда внешняя сила, подобная китайской Красной армии, окажется способной разрушить эти другие высшие сферы власти, богатый крестьянин окажет поддержку восстанию.

Есть только две составные части крестьянства, имеющие достаточные внутренние возможности для участия в длительном восстании. Это: а) собственники-середняки, б) крестьянство, проживающее на периферии вне сферы контроля помещика. Среднее крестьянство относится к той части сельского населения, которое имеет надежный доступ к своей земле и обрабатывает ее семейным трудом. Владение собственными ресурсами дает им минимальную тактическую свободу, необходимую, чтобы бросить вызов помещику. Однако то же самое относится и к слою крестьянства, бедного или среднего, чьи наделы находятся лишь под минимальным внешним контролем. В этом случае самих наделов может быть недостаточно для поддержания семьи и хозяйства, но вспомогательная деятельность, например случайный заработок, контрабанда, выращивание скота, — вне сферы внешнего контроля — дополняет земельные ресурсы в достаточной мере, чтобы дать кре-

стьянину какую-то свободу маневра. Мы отмечаем наличие такого тактически мобильного крестьянства в деревнях Морелос в Мексике; в общинах центральных аграрных районов России; в северных бастионах, установленных китайскими коммунистами после Великого похода; как базу для восстания во Вьетнаме; среди феллахов Алжира; среди колонистов провинции Ориенте на Кубе.

И все же подобное пополнение рядов «тактически мобильного крестьянства» за счет крестьян-середняков и «свободных» крестьян из периферийных районов представляет любопытный парадокс. Они также представляют ту часть крестьянства, в которой социоантропологи и социологи склонны видеть основных носителей крестьянских традиций. Если наше оценка верна, тогда — удивительно — именно этот консервативный в культурном отношении слой наиболее действен в подрыве крестьянского социального порядка. Однако парадоксальность постепенно исчезает, когда мы принимаем во внимание, что среднее крестьянство также наиболее уязвимо к воздействию экономических перемен, вызванных коммерциализацией, в то время как его общественные отношения остаются скованными традиционной системой. Оно балансирует, и его равновесие постоянно находится под угрозой роста населения, помещичьего произвола, утраты прав на пастбища, леса, воды, падение цен и неблагоприятных условий рынка, необходимости выплаты ссуды и лишения прав выкупа по закладной. Более того, именно этот слой больше всех зависит от традиционных отношений родства и соседской взаимопомощи; среднее крестьянство больше всего страдает при их уничтожении. Оно также менее всего способно противостоять грабежу сборщиков налогов или помещиков.

Наконец, — и это тоже парадоксально — среднее крестьянство наиболее подвержено влиянию развивающегося пролетариата. Бедный крестьянин или безземельный работник, уходя в город или на фабрику, обычно рвет свои связи с землей. Крестьянин-середняк, напротив, остается на земле и посылает своих детей на работу в город. Он оказывается... передаточным звеном в распространении брожения и политических идей из города. Здесь можно уточнить. Революционная ак-

тивность, очевидно, является результатом не столько роста промышленного пролетариата как такового, сколько расширения промышленной рабочей силы, все еще тесно связанной с деревенской жизнью.

Итак, сама попытка среднего и «свободного» крестьянина остаться в рамках традиций делает его революционным.

Если придерживаться до конца гипотезы о том, что средние, а также бедные, но «свободные» крестьяне, не стесненные какой-либо властью, составляют основную силу крестьянских восстаний, то из этого следует, что любой фактор, благодаря которому возрастает свобода, предоставляемая тактической мобильностью, усиливает их революционный потенциал. Одним из таких факторов является проживание на периферии относительно центров государственного контроля. Действительно, население пограничных районов часто проявляет тенденцию восставать против центральных властей, независимо от того, является оно крестьянским или нет. Южный Китай представлял очаг восстаний в китайском государстве — частично потому, что он первоначально был пограничной областью в продвижении на юг ханьцев, а позже потому, что он стал основной зоной контакта между западной и китайской цивилизациями. Север Мексики также был зоной противоречий и вражды с центром в Мехико, частично потому, что его экономика основывалась на горном деле и скотоводстве больше, чем на возделывании кукурузы, частично же, поскольку он был открыт для влияний со стороны США на севере. На юге Китая беспокойство центру часто доставляли шэньши, опиравшиеся на поддержку крестьян; на севере Мексики это были местные дельцы, владельцы ранчо и ковбой. К тому же там, где бедное крестьянство проживает в районах, находящихся вне пределов постоянного контроля со стороны центральной власти, тактическая мобильность такого крестьянства «удваивается» благодаря местожительству. Так обстояло дело в Морелос (Мексика), провинции Нгеан (Вьетнам), Кабилии (Алжир) и Ориенте (Куба). Тактическая эффективность таких местностей «утраивается», если на их территории есть удобные для обороны горные оплоты: это подтверждает опыт Морелос, Кабилии и Ориенте. Эффект «учетверяется» там, где население подобных оплотов отличается в этниче-

ском или языковом отношении от окружающего населения. Так, жители деревень Морелос говорили на нахуатль, жители Кабилии — на берберском...

Важно, однако, осознать, что отдаленность от государства или окружающего населения не обязательно может быть только физической или культурной. Случай как России, так и Мексики показывают, что можно постепенно создать крестьянский анклав при государственной политике, сочетающей сохранение общинной автономии с обеспечением общинами выполнения государственных повинностей. Организация крестьянства в самоуправляемые общины с обусловленными обязанностями по отношению к государству и помещикам создало в обоих случаях настоящие крепости крестьянских традиций в организме самой страны. Спущенные окружающей структурой, они, подобно кипящему котлу, в момент взрыва направили свою силу вовне, чтобы обеспечить себе большее жизненное пространство для привычного корпоративного образа жизни...

Но как обстоит дело с переходом от крестьянского восстания к революции, от движения, направленного на устранение несправедливости, к попыткам свергнуть общественный строй? Марксисты вообще давно доказывают, что крестьяне без внешнего руководства не могут совершить революцию; и наши материалы это подтверждают. Там, где крестьянство успешно восстало против установленного порядка — под собственным знаменем и со своими лидерами, — ему случалось перекроить социальную структуру села по своей воле. Но оно не распространяло власть на государство, города, являющиеся центрами контроля, не завладевало стратегическими несельскохозяйственными ресурсами общества. Сапата держался в границах Морелос, «народное движение» Панчо Вилья просто отступило после поражения у Торреона; украинский повстанец Нестор Махно останавливался перед городами; русские крестьяне Центрального аграрного района еще глубже зарывались в свои общины. Таким образом, крестьянское восстание, происходящее в сложном обществе, захваченном коммерциализацией и индустриализацией, имеет тенденцию к самоограничению и, следовательно, к превращению в анахронизм.

Крестьянская утопия — это деревня, свободная от сборщиков налогов, вербовщиков рабочей силы, круп-

ных землевладельцев, чиновников. Управляемые, но никогда не управляющие, сами крестьяне не знакомы с функционированием государства как сложного механизма и воспринимают его по опыту только как некое чудовище. Они выучили, что против этой враждебной силы их традиционные властители могут предоставить им очень слабую защиту, даже когда те проявляли такое стремление, если это отвечало их собственным интересам. Для крестьян, таким образом, государство — это негативная величина, зло, которое надо быстро заменить своим собственным социальным устройством «домашнего производства». Они верят, что такое устройство может существовать без государства; следовательно, в своем восстании крестьяне — это природные анархисты.

Подобная политическая перспектива часто еще более усиливается при дальнейшей идеологизации. Крестьянский опыт порождает противоречие между представлением о том, как должен быть организован мировой порядок, и реальностями мира, впавшего в расстройство, беспорядок. Этому беспорядку крестьянин всегда противопоставляет свои мечты об освобождении, видение «*махди*», который освободит мир от тирании, Сына Божьего, который истинно воплотит волю Небес. Вносящие беспорядочность современные сдвиги очень часто воспринимаются как вывернутый наизнанку мировой порядок и, следовательно, как зло. Двойственность прошлого легко совмещается с двойственностью настоящего. Истинный порядок еще должен прийти — путем сверхъестественного вмешательства, путем восстания или обоими путями сразу. Крестьянский анархизм и апокалипсическое видение мира вместе обеспечивают идеологический заряд для крестьянских восстаний.

Крестьянские восстания XX века не являются более простыми откликами на местные проблемы, если они вообще когда-либо были таковыми. Они представляют собой не что иное, как ограниченную реакцию на крупные общественные сдвиги... Распространение рынка лишило людей корней и оторвало их от социальных связей, в системе которых они родились. Индустриализация и расширение сети коммуникаций породили новые социальные группы, все еще не уверенные в своем общественном положении и не вполне осознающие

свои интересы, но понуждаемые самим неравновесием жизни к поискам новой организации. Традиционная политическая власть разложилась или рухнула; новые претенденты на власть ищут новых избирателей для того, чтобы занять освободившуюся политическую арену. Таким образом, когда поборники интересов крестьянства зажигают факел восстания, общественное здание уже тлеет и готово вспыхнуть. Его структура никогда не будет прежней после окончания битвы.

Ни одна культурная система — никакой комплекс экономики, общества, политики и идеологии — никогда не является статичной; все ее составные части находятся в постоянном изменении. Все же до тех пор, пока эти изменения остаются в терпимых пределах, вся система сохраняет устойчивость. Если они тем или иным образом начинают выходить за эти пределы или если извне вторгаются иные компоненты, то система будет отброшена. Части системы становятся несовместимыми друг с другом; система становится бессвязной. В таких ситуациях люди оказываются в мучительной ловушке между старыми решениями проблем, внезапно изменивших форму и смысл, и новыми решениями проблем, которых они часто не могут понять. Поскольку несвязность редко проявляется сразу целиком и во всех частях системы, они могут какое-то время следовать то по одному пути, то по другому, противоположному, но в конечном счете брешь, решающий разлом проявится в каком-то месте системы. В таких обстоятельствах крестьянское восстание, по любой причине из тех, что мы бегло обрисовали, может — без сознательного намерения — привести все общество к крушению.

1. Adams R. N. Power and power domains.— *America Latina*, 1966, p. 3—21.

39. Сапата! Крестьянская война в Мексике

Подобного не могли бы достичь ни политическое честолюбие, ни военная жестокость. Механизма принуждения не существовало. Если деревню не устраивал самозванный лидер, мужчины просто оставались дома. Борьба за революционную власть в Морелосе не перерастала в вооруженные столкновения. Это был процесс осознания многими местными лидерами того факта, что в штате существует только один человек, которого все они достаточно уважают, чтобы сотрудничать с ним, и что им следует подчинить его власти своих приверженцев. Таким человеком оказался Сапата, исключительно подходящий кандидат: одновременно и фермер-издольщик, которому доверяют деревенские, и лошадиный барышник, с которым считаются ковбой, пеоны и разбойники; достойный гражданин и решительный воин. Однако его возвышение не происходило автоматически и никогда не было окончательным. Как сам он впоследствии писал Альфредо Роблесу Доминго, он должен был быть очень осторожен со своими людьми: они шли за ним не потому, что подчинялись приказу, а потому, что чувствовали к нему *carino* — то есть любили его, восхищались им, относились к нему с нежной почтительностью и были ему преданы. И именно потому, что он был человеком, способным вызывать подобные чувства у самых прагматичных людей, ни Тепепа, ни Мерино, ни кто-либо другой из тех, кому дороги были интересы их движения, никогда не пытались соперничать с ним. Он никогда не превышал свою власть над ними, они в свою очередь никогда не противодействовали ему.

...Лишенные всякой собственности и средств, семьи жили в этих местах веками; но психологически они словно только сейчас появились. То, что они завоевывали, расчищали, выравнивали и заселяли, было не только территорией — ее они возвращали себе, — а,

скорее, обществом, которое они тем самым создавали заново. Подобно другим иммигрантам и пионерам, они продвигались рывками — иногда под давлением неотложных нужд, иногда — влекомые мечтой, от которой они не в силах были отказаться. Но в этой социальной пустыне они удивительно твердо двигались по пути установления демократического местного самоуправления, сельских общин, в которых каждая семья могла участвовать в распоряжении местными ресурсами.

В центральной и южной Мексике утопические представления о свободных сообществах деревенских кланов имели древнюю историю. В той или иной форме они волновали крестьян задолго до прихода испанцев. Впоследствии проводником этих идей стала армия Сапаты; по иронии судьбы, деревенские жители Морелоса определили для себя свои сугубо гражданские взгляды только на военной службе. Освободительная армия Центра и Юга была «народной армией». И для мужчин, сражавшихся в ее рядах, и для женщин, сопровождавших их в качестве личных квартирмейстерш и маркитанток, быть «народом» значило гораздо больше, чем быть «армией». Они готовы были видеть лидеров скорее в своих деревенских предводителях, нежели в офицерах революционной армии... Поддержав и, собственно, составив революционную армию, эти простые люди рассчитывали воспользоваться ее победами. И, что важнее, во время войны они также усвоили, что военные командиры должны их уважать, а если нет — появятся другие, кто будет это делать. Деревенские власти в штате поддерживали эту уверенность, что стало непреодолимым препятствием на пути появления местных диктаторов.

Сапата и большинство его военачальников разделяли эти популярные представления о гражданских правах. Они не забывали и того, кем они были — сыновьями селян, издольщиков и батраков. Подлинная власть сосредоточилась в местных советах. Требования их были простыми крестьянскими требованиями. Никто из революционеров — выходцев из Морелоса не носил мундиров цвета хаки — этого цвета честолюбивых политиков Мексики. Когда какой-нибудь лидер в Морелосе хотел выглядеть элегантно, как, например, Сапата в Зочимилко (Xochimilco), он одевался словно

на сельскую ярмарку — кольца, кричащие цвета, блестящие серебряные пуговицы.

...Результатом стала реальная возможность появления местных демократий. Хотя лидеры сохраняли огромную власть и передавали ее своим доверенным лицам, отправляясь в очередную военную кампанию, их власть не была ни институциональной, ни жесткой, как у боссов прошлого. И хотя личное участие Сапаты в делах не было регулярным, он тем не менее оставался уважаемым верховным судьей. В революционном обществе, сформировавшемся в Морелосе, не прекращалось соперничество между новыми гражданскими и военными властями; но по крайней мере оно было честным, и законность в штате соблюдалась. Революционное движение было задумано сельскими лидерами как борьба за восстановление самостоятельности деревень штата и обретение местностями права на участие в развитии страны. Когда Мадеро начал революцию в ноябре 1910 г., сельские лидеры Морелоса не ринулись под его знамена. Им потребовались недели тяжелых раздумий, чтобы все просчитать; и когда они все же примкнули к нему, то из осознанных практических побуждений: чтобы вернуть себе деревенские земли и обеспечить благополучие местных жителей. Когда впоследствии они выступили против Мадеро, отказавшегося от своих обещаний, ими опять двигали практические общественные интересы. И, несмотря на огромную популярность Мадеро, теперь многие крестьяне активно или пассивно поддержали их. Если дальше в войне против Уэрты и после нее эти государственные деятели ощущали свою ответственность за решение местных проблем, то более широкие и менее четкие программы так и остались для них малопонятными: в деревне они были как дома, а прочее представляли писцам. В этом упорном провинциализме была и сила, и слабость движения.

40. Революции угнетенных: свидетельство защиты *

Недовольство крестьянства обычно выражается в реакционных формах, поэтому марксисты часто относятся к крестьянскому радикализму со смесью презрения и подозрительности или, в лучшем случае, с покровительственной снисходительностью. Противники марксизма настолько увлеклись насмешками над подобной слепотой и указаниями на то, что успехи самих марксистов ведут происхождение от крестьянских революций, что это заслонило более значительные вопросы. При обзоре развертывания современного революционного процесса от его отправных точек — Крестьянской войны в Германии и пуританской революции в Англии, через успешные и неудавшиеся фазы в распространении на запад — в Соединенные Штаты — и на восток — Францию, Германию, Россию и Китай — обращают на себя внимание два момента. Во-первых, радикальные утопические концепции одной фазы реализуются в общепринятых институтах и становятся философскими аксиомами на следующей фазе. Во-вторых, главной социальной базой радикализма были крестьяне и мелкие ремесленники в городах. Из этих фактов можно сделать вывод о том, что дух человеческой свободы выражается не только в том, в чем видел Маркс — то есть в устремлениях классов, идущих к власти, но также — и, вероятно, даже больше — в предсмертном вопле класса, который вот-вот будет захлестнут волной прогресса. Продолжающийся распространяться индустриализм может в отдаленном будущем заглушить эти голоса навсегда и сделать революционный радикализм таким же анахронизмом, как клинопись.

Западному ученому нелегко сказать доброе слово о революционном радикализме, поскольку это противоречит глубоко укоренившимся установкам. Мнение

* Moore B. Social Origins of Dictatorship and Democracy, L., Penguin, 1967, pp. 504—506.

о том, что постепенные и частичные реформы в качестве пути завоевания человеческой свободы доказали свое превосходство над насильственной революцией, распространено так широко, что даже задавать вопросы на эту тему кажется странным... Я хотел бы привлечь внимание к тому, о чем в данном вопросе может свидетельствовать сравнительная история модернизации. И я вынужден признать, что издержки умеренности были по меньшей мере столь же ужасными, как издержки революций, а возможно, и во много раз большими.

Справедливость требует признать, что способ, каким почти все историки воссоздавали прошлое, вызывает огромное предубеждение против революционного насилия. Воистину это предубеждение становится ужасающим при осознании его глубины. Равнять насилие тех, кто сопротивляется угнетению, с насилием угнетателей уже само по себе достаточное заблуждение. Но это далеко не все: Со времен Спартака, затем через Робеспьера и вплоть до сегодняшних дней использование угнетенными силы против своих бывших хозяев было объектом почти всеобщего осуждения. Тем временем повседневные репрессии в «нормальном» обществе лишь слабо мерцают на заднем плане большинства трудов по истории. Даже те радикальные историки, которые подчеркивают несправедливый характер предреволюционных эпох, обычно сосредоточиваются на коротком периоде, непосредственно предшествующем взрыву. Таким образом, они также невольно искажают истинное положение вещей.

Это один аргумент против удобного мифа постепенности. Но есть еще более важный, касающийся издержек движения без революций.

41. Аграрные реформы и аграрная революция в России

Известно гегелевское высказывание о том, что «народы и правители никогда ничему у истории не учились». Это утверждение справедливо, поскольку каждый раз история предлагает решение даже сходных по существу задач в совершенно особенных конкретных обстоятельствах. Тем не менее знание исторического опыта важно для того, чтобы лучше понимать современность, ее происхождение, способность к переменам, а также хотелось бы избежать *опасных повторений*. Ход новейших аграрных преобразований, например, часто заставляет вспоминать об опыте прошлых реформ, обнаруживая при этом удивительные аналогии и прямые совпадения, особенно в просчетах и заблуждениях. Хочется одновременно и смеяться и плакать, видя полное тождество восторженно-романтических ожиданий старой и новой бюрократии — ни разу не оправдавшихся на деле ожиданий быстрого успеха проводимых сверху реформ.

Однако главное состоит в сущностном единстве старых и новых аграрных перестроек: все они — суть реформы и контрреформы эпохи первоначального накопления. Именно поэтому они стали основным средством модернизации и ускорения социально-экономического развития страны в целом, заняли совершенно особенное место в историческом процессе, во всяком случае — они определили характер аграрной эволюции России после 1861 г.

Исторические судьбы страны второго или даже третьего «эшелона» перехода к капитализму, связанные с ее социально-экономической отсталостью, толкали Россию на путь догоняющего развития, усиливали роль государственной власти. Государство принимало на себя осуществление необходимых изменений в обществе, выступало их творцом. Придавленность гипертрофированной государственной властью лишало об-

щество способности спонтанных изменений, которые в других странах совершались как бы сами собой. Это обстоятельство многое объясняет в ходе и исходе российских реформ. Бросается в глаза сильнейшее влияние посторонних интересов (государственных, господствующих классов и т. п.) — посторонних тем задачам, которые реформы были призваны решать. С этим была связана прежде всего их вынужденность разного рода политическими событиями: военными поражениями, социальными конфликтами, отставанием в «соревновании» стран и т. п.

Названные особенности в полной мере проявились в реформе 1861 г., положившей начало ликвидации крепостной зависимости крестьян от помещиков. Если обратиться к историческим реалиям, то перед нами возникает картина растянутого, неопределенного в стадиях и формах, мучительного для крестьян процесса. Напомню об «отрезках» крестьянских земель и других ущемлениях крестьян в пользу их бывших владельцев. В помещичьих же интересах вводилось «временнообязанное» состояние крестьян — обязанностью было продолжение барщинной работы или выплаты оброка на все время до перехода на выкуп.

«Временнообязанное» состояние — нечто вроде переходного периода и в качестве такового имело определенный смысл. Важно, что временные обязанности оформлялись в виде соглашений на 3 года. И хотя совершенно очевидным был помещичий диктат, начинал признаваться и юридически и практически голос самих крестьян.

Как часто бывало при проведении реформ в России, почему-то предполагалось, что «временнообязанное состояние» продлится около 9 лет, что за это время крестьянство соберется с силами и начнет выплачивать «выкупные» за землю. Никаких оснований для таких предположений не имелось, ибо тогда вообще не существовало ни статистических, ни социологических данных для расчетов... Впрочем, и сейчас, когда есть и статистика, и социология, реальных данных для оценки возможного хода аграрной реформы все равно нет.

Ожидалось, что крестьянское хозяйство сразу станет на путь подъема. На самом же деле 60-е гг. оказались временем неурожаев и голоданий. В предполагавшийся — девятилетний — срок крестьяне в мас-

се своей не смогли начать выкупные платежи. «Временнообязанное состояние» затянулось надолго, пока 28 декабря 1881 г. не был издан закон об обязательном выкупе с 1 января 1883 г. Выплата «выкупных» была рассчитана на 49 лет и продолжалась бы до начала 30-х гг.

С прекращением «временнообязанного состояния» встал вопрос о дальнейших путях и формах развития сельской жизни. Именно тогда министром финансов Н. Х. Бунге было предложено предоставить крестьянству некоторую — весьма ограниченную — свободу хозяйствования, прежде всего возможность выхода из общины и организации подворно-участкового землепользования — того, что впоследствии стало главным в земельной реформе П. А. Столыпина.

Н. Х. Бунге — ученый-экономист, педагог и публицист, представитель либерально-фритредеровского направления и, следовательно, убежденный сторонник частной собственности. Главной идеей всей его деятельности было превращение крестьян в частных землевладельцев — «консервативный оплот современной цивилизации». Бунге — активный участник реформы 1861 г. Как член-эксперт Редакционной комиссии он предложил план выкупной операции, организации земельного кредита и отмены подушной подати — чисто крепостнического налога, взимавшегося с крестьян. Поэтому, оказавшись в 1880 г. товарищем министра финансов, а в 1881 г. — министром финансов (тогда это было министерство экономики), Бунге начал с перевода бывших помещичьих крестьян на обязательный выкуп, о чем мы уже говорили. В 1886 г. на обязательный выкуп были переведены государственные крестьяне: их оброчная подать превращалась в выкупной платеж, приравненный к таковому у помещичьих крестьян, что увеличивало его на 45%.

В апреле 1882 г. был учрежден Крестьянский банк, призванный, по проекту Бунге, способствовать «распространению частной поземельной собственности между крестьянами» путем покупки земли у помещиков и государства. Наконец, в том же 1882 г. была отменена подушная подать.

Бунге был грамотным и реалистически мыслящим политиком. Примеров этому можно привести много. Ограничусь одним: он считал важнейшим делом орга-

низацию переселения крестьян на свободные земли, ставшую впоследствии одним из направлений столыпинской аграрной политики. Разрабатывая программу переселений, Бунге настаивал на возможно более постепенном его развертывании: «передвижение целых масс малообеспеченных поселян может быть сопряжено с большими денежными расходами и потерю населения, которое гибнет от перемены климата и от недостаточной обеспеченности на новых местах».

Вот еще один пример реалистического понимания сельскохозяйственной действительности 70—80-х гг. прошлого века. Это было время резкого возрастания хлебного экспорта. Отвечая на восторги некоторых публицистов, Бунге писал, что экспорт хлеба вызван, к сожалению, не успехами сельского хозяйства, а «необходимостью оплачивать налоги и рассчитываться по займам, сделанным в банках».

Имеется достаточно оснований считать, что реализация предложений Н. Х. Бунге могла быть успешной. Впереди было время, необходимое для того, чтобы заложить основы новых социально-экономических структур в деревне, выйти на путь интенсивной капиталистической модернизации сельского хозяйства. Однако это обрекало бы дворянство на довольно быстрое вытеснение из экономической жизни деревни. За 20 лет «временнообязанного состояния» оно ничего не поняло и ничему не научилось. Предложения Н. Х. Бунге были отвергнуты. Начиналась полоса контрреформ. «Победоносцев над Россией простер совиные крыла», — по выражению А. Блока.

Контрреформы для деревни означали укрепление власти общины над своими членами через ужесточение круговой поруки и ограничение выхода крестьян из общины, а тем самым фактическое прикрепление крестьянина к земле, что должно было, по мысли царской бюрократии, предупредить образование «язвы пролетариата» и связанной с ней революционной угрозы. В ходе контрреформ было отменено даже весьма ограниченное разрешение на выход крестьян из общины, содержавшееся во 2-ой части ст. 165 Положения 1861 г. (она была отменена 14 декабря 1893 г.). Это вполне соответствовало экономическим интересам помещиков.

Контрреформы были призваны вместе с тем увековечить прямое политическое господство помещиков в де-

ревне. В 1889 г. был введен институт земских начальников — жизнь крестьян отдавалась под контроль и управление представителей местного дворянства. Картина положения крестьянства в пореформенной России будет неполна, если не сказать о праве административной (без суда) высылки неблагонадежных крестьян и, наконец, о таком позоре, как сохранявшиеся в деревне телесные наказания — прямой пережиток крепостного рабства.

Россия вступила в XX век с полукрепостническим режимом в деревне и, следовательно, с нарастающей необходимостью новых реформ, промедление с которыми делало неизбежным революционный взрыв. Он и произошел, причем именно в деревне. Совершенно неожиданно и для правых, и для левых — и для самодержавия, и для революционеров — по черноземной полосе Украины и России в 1902 г. прокатилась волна крестьянских восстаний, сопровождавшихся захватами помещичьих земель, поджогами усадеб и т. п. В России начиналась крестьянская революция, на фоне (и основе) которой разворачивались все другие социальные и политические революции, включая Октябрьскую 1917 г.

Двигателем социального прогресса становилась революция. И это выявилось при первом же социальном взрыве в деревне: в феврале 1903 г. было провозглашено обещание облегчить отдельным крестьянам выход из общины, в марте 1903 г. ликвидирована круговая порука, а в августе 1904 г. отменены наконец телесные наказания крестьян. 1905 год вырвал у крепостников новую уступку: в ноябре было объявлено о прекращении взимания выкупных платежей с 1907 г. и об уменьшении наполовину их суммы в 1906 г. Недоимку же прошлых лет крестьяне продолжали выплачивать до 1917 г.

Сказанное отнюдь не означает согласия с известным утверждением о том, что «реформы есть побочный продукт революции». Исторический опыт свидетельствует о предпочтительности для общества именно реформаторских решений объективно назревших проблем. Революция совершается там и тогда, где и когда общество оказывается неспособным решать такие проблемы с помощью реформ.

Именно революционный взрыв 1902 г. возобновил реформаторскую деятельность самодержавной бюрократии. Вслед за названными частными (хотя и важны-

ми) мерами в конце 1904 г. по инициативе С. Ю. Витте вспомнили о предложениях Н. Х. Бунге, то есть о реформе крестьянского землепользования посредством замены общинных порядков подворно-участковым. На протяжении 1905 г. правительство С. Ю. Витте готовило проекты и документы будущей аграрной реформы, вошедшей в историю под именем столыпинской. Поэтому-то назначенный премьер-министром в июле 1906 г. П. А. Столыпин смог уже 9 ноября того же года провести первый указ, положивший начало реформе. Разработка основных законодательных актов, обсуждение в Государственной Думе и их принятие потребовали еще немало усилий и времени: закон о крестьянском землевладении и землепользовании был принят 14 июля 1910 г., закон о землеустройстве — 29 мая 1911 г. Эти три законодательных акта и составили юридическую основу аграрной реформы. Точно так же в марте 1906 г., то есть до назначения Столыпина председателем Совета министров, были созданы землеустроительные комиссии в столице, губернских и уездных городах. Они-то и стали главными органами будущей аграрной реформы.

П. А. Столыпин был последним крупным государственным деятелем старой России. В нем многое вызывало симпатию: и мужество, и ум, и ораторские способности. Пожалуй, он был последней надеждой самодержавно-помещичьей России, и именно ее программу он пытался осуществить. Эта программа была четко изложена в верноподданнической записке Балашова — одного из лидеров «Совета объединенного дворянства» в самом начале 1906 г. (опять-таки до назначения Столыпина премьер-министром): отдать «крестьянам их земли» (из общинного владения в «полную собственность»), дополнить незанятой казенной землей на колонизируемых окраинах и той землей, которую помещики захотят продать в порядке «полюбовной» (рыночной) сделки.

Отмечу в этой связи, что и вспыхнувшая вдруг ненависть помещиков к общине, и смена по отношению к ней охранительной политики на разрушительную были вызваны заботой не о будущем процветании России, а о сохранении помещичьего землевладения, поскольку в 1902—1906 гг. община проявила себя в качестве организации массовых антипомещичьих выступлений.

Столыпинская аграрная реформа действительно явилась одним из важнейших событий в истории России начала XX в. Она успешно содействовала уже происходившему в стране становлению капитализма. Реформа была призвана произвести расчистку крестьянских земель от «слабых» в пользу «сильных», решить, наконец, задачи первоначального накопления в деревне, причем решить уже радикальными средствами, прямым административным форсированием разрушения общины.

В то же время социально-политическую опасность такой перестройки понимали разработчики реформы. Они пытались сократить масштабы внутрикрестьянской мобилизации земли и — тем самым — масштабы массового разорения беднейших слоев деревни, которые хлынули бы в города, пополняя армии безработных и бездомных — армии нового социального взрыва. Поэтому был установлен предел скупки земельных наделов — не более 6 «высших душевых наделов» в пределах одного уезда, что давало в среднем на «крепкое хозяйство» от 70 до 100 дес. (при посеве от 50 до 60 дес.), на окраинах и больше, но все же для создания крупного товарного хозяйства недостаточно. Возможности, связанные с помещичьими землями, по самому замыслу реформы, не использовались.

Однако и при этих ограничениях реформа воспринималась крестьянством как насилие. Свидетельств этому очень много и в виде крестьянских жалоб или обращений в прессу, и в виде прямых протестов, вплоть до мятежей. Конечно, все такого рода свидетельства легко представить результатом революционной пропаганды, эсеровского влияния и т. п. Поэтому я сошлюсь на выступление члена Государственного Совета Олсуфьева на заседании этого Совета 22 марта 1910 г. На местах происходит, говорил Олсуфьев, «отнюдь не созидательный процесс хуторского устройства и личной собственности, а происходит успешный процесс разрушения общины... Бессовестная агитация заставляет крестьян думать, что у них отберут землю, если они не выступят из общины. Этот характер развития... заставляет ожидать скорой реакции на это положение в деревне, ибо неминуемо последует обратное движение маятника». Олсуфьев призывал «к осторожности, к отсутствию излишнего энтузиазма».

Замечу, что излишество энтузиазма у сторонников Столыпина особенно возросло в наше время. В современной публицистике распространены утверждения о колоссальном росте сельскохозяйственного производства в ходе реформы, даже об удвоении зерновой продукции. Все это не более чем та самая «бессовестная агитация». Историки вновь и вновь проверяют и перепроверяют динамику сельскохозяйственного производства за пореформенное время. Факт состоит в том, что среднегодовой прирост продукции в сельском хозяйстве России не возрос, а снизился: с 2,4% в 1901—1905 гг. до 1,4% в 1909—1913 гг.

Столыпин говорил, что для преобразования России нужны по крайней мере 20 лет «покоя». Этого срока было бы явно недостаточно: за 10 лет реформы из общины уходило, по самым щедрым расчетам, по 1% крестьянских дворов в год. Общая численность крестьян-подворников выросла с 23% в 1905 г. до 30—33% в 1916 г. При всем возможном ускорении времени на реформу потребовалось бы намного больше. Да и «покой» был невозможен, ибо Россия не могла не участвовать в первой мировой войне, что с неизбежностью обрекало народные массы на крайние бедствия, отчаяние и озлобление.

Практически столыпинская аграрная реформа не могла решить поставленную задачу, потому что было уже поздно. Больше того, административно-принудительные методы осуществления реформы только ускоряли революционный взрыв, а ее массовый социальный продукт явился той силой, которая сыграла активную роль в 1917—1918 гг. «Ставка на сильных» не просто ослабляла слабых, а гнала их из деревни в город, который не мог принять десятки и сотни тысяч обездоленных и отчаявшихся людей. За 1907—1915 гг. свыше 1,2 млн. дворов, вышедших из общины, продали надельную землю (4,1 млн. дес.). В основном они с этой целью и становились «новыми собственниками». Переселение на многоземельный Восток (важное направление реформы) для слишком многих заканчивалось возвращением назад, полностью разоренными и озлобленными (за 8 лет — с 1907 г. по 1914 г. — свыше 1 млн. официально зарегистрированных «обратников»). В конечном итоге столыпинская реформа лишь умножила ненависть и ярость крестьянских масс против помещи-

ков и царизма, делала неминуемым, по выражению Олсуфьева, обратное движение маятника.

Известно, что требование национализации земли было выдвинуто самим крестьянством в ходе первой русской революции как средство радикальной ликвидации помещичьего землевладения и передачи *всех земель «в пользование только тем, кто будет ее обрабатывать своим трудом»* (курсив мой.— В. Д.). Так формулировал крестьянские требования «Земельный проект 104-х», внесенный в Государственную думу 23 мая (5 июня) 1906 г.— то есть еще до назначения П. А. Столыпина премьер-министром.

Современные критики большевизма, в том числе из поклонников Столыпина, сказали немало обличительных слов по поводу раскола, вносимого в деревню большевиками, по поводу комбедов, классовой борьбы и т. п. Им следовало бы направить огонь своей критики также против Столыпина, который разделением деревни на «сильных» и «слабых» — за 10 лет до большевиков! — искусственно форсировал процесс классового расслоения, разжигал классовую борьбу внутри крестьянства, ускорял формирование революционных сил...

Эпоха первоначального накопления чревата социальными взрывами. Они имели место во всех странах, когда там совершался этот процесс. Однако в развитых странах Европы эта эпоха пришлась на XVI—XVIII вв., в России же — на конец XIX—XX в., что само по себе резко обострило социальную реакцию на все то, что входит в понятие первоначального накопления капитала. Во-первых, человечество в целом стало более человечным, и поэтому в XX в. оказались невозможны те способы подавления социального протеста, которые запросто сходили с рук в XVI или XVII вв. Во-вторых, первоначальное накопление не исчерпывало происшедшего в России начала XX в.: здесь мы сталкиваемся с феноменом наложения разных социальных эпох — и предшествующих первоначальному накоплению (натурально-общинный крестьянский мир), и сменивших его (развитые формы капитализма, особенно в промышленности). Революционные взрывы 1905 и 1917 гг. были взрывами народного отчаяния эпохи первоначального накопления, в которые наслоение эпохи промышленного капитализма внесло мощный социалистиче-

ский потенциал. Отсюда их ярко выраженная антикапиталистическая (а не только антифеодальная) направленность с реализацией в конечном итоге отнюдь не социалистической программы.

Крестьянская революция оставалась основой всего происходившего в стране и после Октября 1917 г.— до 1922 г. включительно. Аграрная революция в деревне и нежелание воевать крестьян, одетых в серые шинели, отдали власть большевикам. Как ни сложно складывались отношения большевиков и крестьянства, они фактически носили характер «военно-политического союза». Крестьянские восстания против советской продразверстки, против разных мобилизаций, против попыток коллективизации и т. п. были постоянным явлением, но лишь до тех пор, пока не появлялась белая опасность. С ее устранением союзники вновь оказывались лицом к лицу. Миронов на Дону, Махно на Украине, Мамонтов в Западной Сибири и многие другие герои гражданской войны были на самом деле вождями крестьянской революции. Их гибель не случайно совпала с завершением крестьянской революции — с ее победой, которая очень скоро оказалась поражением. Замечу «в скобках», что так обычно и бывает с крестьянскими революциями.

Крестьянская революция заставила отказаться от продовольственной разверстки, ввести нэп, признать особые интересы и права деревни. Земельный кодекс РСФСР, принятый в декабре 1922 г., закрепил итоги осуществленной самим крестьянством аграрной революции. «Социалистическое» земельное законодательство 1918—1920 гг. было отменено. Решение земельного вопроса вновь приводилось в соответствие с требованиями крестьянского Наказа 1917 г.

Передача практически всех сельскохозяйственных земель в трудовое пользование крестьянства и их уравнительное перераспределение означали, во-первых, «осереднячивание» крестьянских хозяйств, натурализацию производства, ослабление рыночных связей и преодоление — в значительной мере — социально-экономического расслоения деревни. Во-вторых, совершилось возрождение общины, которая к 1927 г. на территории РСФСР охватывала 95,5% крестьянских земель. И то и другое со всей определенностью свидетельствовало о том, что процесс первоначаль-

ного накопления был прерван и даже отброшен к каким-то начальным стадиям.

В известном смысле можно говорить вслед за некоторыми экономистами 20-х гг. об «экономически реакционных» результатах аграрной революции в России или вслед за М. Левиным даже об «архаизации» после-революционной структуры общества. Продолжая рассуждение в этом направлении, можно прийти к выводу о том, что историческим наказанием крестьянству и стране в целом за противодействие объективно необходимому процессу первоначального накопления явился сталинский план накопления капиталов для индустриализации, которое осуществлялось путем катастрофического разорения и беспощадной эксплуатации деревни.

Однако ограничение результатов аграрной революции «архаизацией» допустимо лишь в известном смысле, поскольку (1) из аграрной структуры были устранены помещики (а это меняло ситуацию весьма радикально), поскольку (2) крестьяне, возродившие общинную организацию, сами были уже далеко не архаичны, о чем свидетельствовал довольно быстрый подъем сельского хозяйства и его обновления, как, впрочем, и (3) возобновление с переходом к нэпу и процесса социального расслоения деревни, но уже как органического, без насильственной экспроприации бедных богатыми. Главное все же состоит в том, что итоги революции в деревне не исчерпывались «архаизацией».

Россия подошла к 1917 г. с развитой системой кооперации и с идеей кооперативного будущего всей страны, особенно деревни. Казалось, что русское общество в кооперации нашло пути преодоления тех социальных трудностей, которые неизбежно сопровождают модернизацию экономики на основе индустриализации. Для аграрной страны особенно важной являлась возможность включения в рыночную экономику с помощью кооперации огромной массы мелких крестьянских хозяйств. Не случайно, быстрый рост кооперации в России — явление именно XX-го века, когда рыночные отношения достаточно глубоко проникли в толщу крестьянских хозяйств. Достаточно сказать, что за 1902—1915 гг. число кооперативов выросло с 1,6 тыс. до 35,2 тыс., что они стали охватывать не меньше третьей части населения страны. Кооперация выдер-

жала испытания гражданской войны и военного коммунизма и возобновила активную деятельность и рост с переходом к нэпу. К 1927 г. она охватывала третью часть крестьянских хозяйств. В товарообороте деревни ее доля достигла двух третей, намного превысив довоенный уровень.

Один из выдающихся теоретиков крестьянской кооперации, А. В. Чаянов, разработал концепцию «кооперативной коллективизации» мелкокрестьянского сельского хозяйства (1919 г.). Процесс кооперирования, по Чаянову, позволял, не разрушая мелкого семейного хозяйства, выделить и организовать на началах крупного производства те отрасли или работы, где это давало несомненный экономический эффект. Создавалась такая система кооперативного хозяйства, где сами крестьяне — в своих интересах и в меру реальных возможностей — определяли степень и формы крупного общественного производства. Практика 20-х гг. подтверждала высокие возможности кооперирования крестьянских хозяйств. Это был реальный преобразовательный процесс, который мог послужить действительной альтернативой и первоначальному накоплению капитала «сильными» за счет «слабых», и сталинской коллективизации.

Сталинский вариант решения проблем модернизации социально-экономической структуры России не был единственно возможным и неизбежным, хотя, разумеется, он имеет свое объяснение и в отсталости России, и в необходимости ускоренной индустриализации, и в образовании бюрократической командно-репрессивной диктатуры, стоящей над обществом и опирающейся на демагогию и насилие. Со времени сталинской «революции сверху» в 1928—1929 гг. начинает осуществляться политика открытого волюнтаризма, не стесняемого никакими теоретическими или практическими соображениями и пренебрегающего любыми иными путями и формами развития. С этого времени и община и кооперация вступают в стадию своего прямого уничтожения. В начале 30-х гг. их история практически завершилась. Но не завершилась эпоха первоначального накопления для России. Нерешенная задача заставляет общество вернуться к своему решению, но в намного ухудшившихся условиях.

42. Деревенские фракции

Термин «фракции» адекватно отражает самую распространенную форму политического взаимодействия крестьян, наблюдаемого в их обществах; история крестьянских обществ изобилует примерами «фракционализма». Политические расколы в крестьянских обществах часто проходят по вертикали, пересекая линии классового деления, а не по горизонтали, как в случае классовых конфликтов. Лидерами фракций оказываются либо местные властители, либо ловкие политические воротилы, которые организуют политические группы из наемных работников, издольщиков и других экономически зависимых от них лиц, если таковые имеются, и вступают в союзы с другими влиятельными индивидами или группами. Важный аспект фракционных конфликтов состоит в том, что соперничающие фракции, как правило, структурно схожи, то есть в них представлен сходный набор социальных групп... Поэтому такие конфликты не имеют идеологической окраски, ведь соперничающие фракции или лидеры фракций борются за контроль над ресурсами, за власть и за такой статус, который имеется в уже существующей общественной системе, а отнюдь не за изменения социальной структуры.

Для описания и определения концепции фракций Николас использует комплекс из пяти положений, которые стремится обосновать и проиллюстрировать. Он заявляет следующее:

1. Фракции — это группы, возникающие в ходе конфликта.

2. Это политические группы, участвующие в организованных конфликтах по поводу права на власть в обществе.

3. Эти группы не имеют корпоративного характера:

они по сути непостоянны, хотя и могут сохраняться в течение продолжительных периодов времени (в отличие, например, от родственных связей, которые отражены в родословных и являются постоянными).

4. Вербовку в эти группы проводит лидер; участники могут принадлежать к фракции только через деятельность лидера, поскольку это объединение не существует юридически самостоятельно или не имеет четко выраженного единого принципа вербовки. Лидером, отвечающим за организацию участников фракции, обычно является человек, пользующийся большей политической властью, чем любой из его последователей.

5. «Члены фракции вербуются на основе различных принципов» или различных связей с лидером фракции¹.

Бейли предлагает проводить еще одно различие — между «ядром» и «последователями». Он представляет себе «ядро» как «внутренний круг приверженцев», тогда как «внешний круг последователей» образуют те, чьи связи с лидером заключены в единичном интересе и носят деловой характер².

Два теоретических положения, касающихся фракций, требуют некоторых пояснений. Первое — это утверждение о том, что фракционная форма политики, проявляющаяся в вертикальных расслоениях, исключает классовую солидарность и классовые конфликты и что фракционная форма характерна для некоторых обществ, так как присуща их культуре и социальной структуре. Такую широко дискутировавшуюся точку зрения изложил Герц, который использует индонезийское слово *алиран* (поток) для обозначения фракции. Однако под этим термином он понимает «идеологически определенную фракцию... политическую партию, окруженную группой товарищеских объединений (то есть совокупность организаций, через которые на определенных уровнях проявляются фракционные конфликты)». Он добавляет: «*Алиран* — это больше чем просто политическая партия и чем просто идеология: это комплекс взаимосвязанных социальных форм, которые действуют, с тем чтобы сгруппировать большие массы людей в определенную обобщенную категорию»³. Следует указать, что трактовка Герцем феномена фракции, включающая идеологию и партийную принадлежность, идет от наблюдения фракционной политики на раз-

личных уровнях политического соперничества и относится не только к уровню деревни. Мы не рассматривали, каким образом фракционные расколы на уровне деревни воспроизводятся на более высоких уровнях путем союзов между лидерами соперничающих фракций и каким образом расколы находят свое выражение в политических партиях во время выборов. В подходе Герца важным элементом является его понимание этой формы политики как культурно детерминированной.

Николас подчеркивает конструктивную и необходимую роль фракций в обществах, которые подверглись «разрушению» в результате социальных изменений... Но фракционная политика обнаруживается в крестьянских обществах, например в обществах Южной Азии, где быстрых социальных перемен не было,— и это типичный случай. Вместе с тем быстрые социальные изменения, связанные с «зеленой революцией» в этих обществах, вели к замене фракционных форм политики классовыми конфликтами.

Допустить, что фракционная форма неизбежно является единственным видом политики, который может существовать в обществах, характеризующихся определенными, данными признаками, значило бы придерживаться статического взгляда на общественный прогресс и социальную структуру... В решении этой проблемы главным должно быть определение условий, которые приводят к вертикальным расколам, и тех, при которых такие расколы уступают место новым видам политического конфликта, характеризующегося горизонтальным расслоением и классовой солидарностью бедных крестьян.

Второе, требующее рассмотрения теоретическое положение, касающееся фракционных форм политики,— это «принцип многообразия вербовки во фракции». В нем, по определению, отличительная черта фракций. Однако она превращается в простое теоретическое заявление, когда подчеркивается, что решающим фактором вербовки во фракцию является лишь наличие связи между лидером и последователем, но характер этой связи сам по себе значения не имеет.

Наилучшим дополнением к нашему анализу и к вопросам, поднятым в этой связи, может стать ссылка на модель политической жизни в деревнях Пенджаба в Пакистане. Экономическая структура и образование

группировок в ее пределах определяются прежде всего распределением собственности на землю и способом ее использования. Земля продается и покупается, право собственности на нее предусмотрено законами пакистанского государства; его законы распространяются также на отношения между землевладельцем и издольщиками. Таким образом, внутренняя экономическая структура крестьянского общества в Пенджабе зависит от его отношений с более крупной общностью — государством Пакистан, которое узаконивает и реализует эту структуру.

Около 70% земли принадлежит 5% сельских хозяев, каждый из которых владеет более чем 25 акрами. Значительная часть площадей возделывается издольщиками; некоторая часть «самообрабатывается» землевладельцами, которым принадлежат трактора и которые используют наемную рабочую силу. Эти два способа производства иногда различают: один — это «феодальный» (или «полуфеодальный», или «феодалистский») способ производства — с применением этой концепции связаны очевидные семантические трудности; другой — это «капиталистический» способ производства. Как я уже показал в другой работе, в Пакистане такая дихотомия не соответствует реальному положению дел, так как около 90% земли обрабатывается с помощью средств механизации, но вместе с тем хозяева по-прежнему пользуются трудом издольщиков и лишь часть их земли подвергается механизированной обработке. Они сохраняют издольщину, так как нуждаются в источнике дешевого сезонного труда. Таким образом, эти два «сектора» аграрной экономики не существуют отдельно, и они не автономны, а, напротив, тесно взаимосвязаны: один не может существовать без другого. В этом случае мы могли бы говорить о «множественном» способе производства, в котором сочетаются два типа производственных отношений, а именно — «феодальные» и «капиталистические». Общим для издольщиков и наемных работников является, однако, их эксплуатация землевладельцем и экономическая зависимость от него в отношении доступа к средствам существования — этот аспект производственных отношений имеет большое значение в контексте рассматриваемых нами проблем. Существуют также различные категории «деревенской услуги», например парикма-

херы, плотники, кузнецы, гончары и другие, зависимость которых от одного хозяина возникает в тех редких случаях, когда одна семья владеет целой деревней или группой деревень. Как правило, «деревенская услуга» работает сразу на нескольких работодателей, поэтому пользуется относительной автономией, которой нет у издольщиков и наемных работников. На ней сказывается власть крупных землевладельцев их деревни, но все же ее положение отличается от положения двух других классов.

Такие взаимоотношения характеризуются как отношения патрон — клиент, и нередко предполагается, что это означает отношения взаимности, которые приносят некоторую выгоду каждой стороне. Пауэлл, не будучи оригинальным в этом вопросе, описывает ситуацию как «взаимоотношения», заключающиеся в обмене несопоставимыми товарами и услугами между лицами, занимающими неравное социально-экономическое положение, и считает, что этот обмен носит взаимный характер⁴. Это суждение носит патерналистский характер. Противоположное ему — эти взаимоотношения основаны на эксплуатации того, кто фактически обрабатывает землю, то есть издольщика и наемного работника, паразитическим классом. Что означает эта противоположность двух взглядов — слишком очевидно и не требует каких-либо пояснений. Проблема, однако, не только в субъективности оценок. Вся марксистская литература сосредоточена на мистификации, которая скрывается за такой концепцией «взаимности».

Однако можно было бы привлечь внимание к тому, что в Южной Азии отношения хозяин — подчиненный закрепляются ритуальными связями и комплексом «прав» и «обязанностей», известным как система джаджмани. Она предоставляет «права» подчиненному на льготный доступ к определенным благам, которые он получает от своего хозяина, и налагает на последнего «обязательства». Система джаджмани узаконивает и закрепляет секулярную привязку подчиненного к хозяину «священными» идеологическими узами. Эти узы имели определенное значение, когда издольщиков и наемных работников было недостаточно. Но в последние годы эти узы разрушались все больше из-за острой нехватки земель для издольщины. Землевладельцы игнорируют ритуальные «обязательства», а сла-

бые клиенты не могут принудить их к выполнению этих обязательств. В конечном счете эти отношения оказываются неравными. Однако усиление нехватки земель привело к тому, что зависимость издольщика от землевладельца в отношении доступа к земле стала более острой. Узлы экономической зависимости и политического подчинения теперь стали даже крепче, несмотря на разрушение ритуальных взаимоотношений в рамках системы джаджмани.

В отличие от принуждения и зависимости, привязывающих издольщиков и наемных работников к землевладельцу, существуют и иные отношения. Речь идет о независимых крестьянах-собственниках, которых иногда называют «середняками». Они сами обрабатывают свою землю. Принадлежат к «идеальному типу», они не используют наемный труд и не нанимаются на работу к другим в качестве наемных работников или издольщиков. На практике те, кому принадлежит значительно меньше 5 акров земли, вынуждены пополнять свои доходы, работая на других, а те, у кого земельный надел значительно больше, стремятся нанять кого-либо и использовать наемный труд для сезонных работ, чтобы иметь помощников для сбора урожая. Мы обнаружили, что определяемые взаимосвязями в экономической структуре отношения зависимости в одном случае и автономии — в другом оказывают большое воздействие на политическое деление и на факторы, которые могут привести к изменениям в нем.

Вторая дифференцированная и институированная структура опирается на систему родства. В Пенджабе в основе структуры родственных связей находится эндогамный патрилинидж, известный под названием «*бирадери*», генеалогическая глубина которого составляет четыре-пять поколений. Система родства в Пенджабе рассматривалась в других работах, и здесь необходимо лишь подчеркнуть те ее аспекты, которые проявляются при создании корпоративных групп и возникновении политических объединений. В этой связи особый интерес представляют различия между разными классами крестьянства в зависимости от степени их родовой солидарности и организации родовых групп. Солидарность по линии «*бирадери*» наиболее сильна у независимых крестьян-собственников; в этом случае правила эндогамии и ритуалы «*бирадери*» соблюдают-

ся особенно ревностно и лица, принадлежащие к различным «*бирадери*», образуют соответствующие корпоративные группы, где есть «*бирадери панчаяты*» (советы), которые управляют внутренними делами «*бирадери*» и представляют «*бирадери*» в целом в отношениях с внешним миром, и в частности, конечно, на политической арене. В то же время самая слабая организация «*бирадери*» у издольщиков и наемных рабочих; они зависят от власти землевладельца, причем даже в своих личных домашних делах и раздорах, и не способны установить собственную власть в противовес власти над ними землевладельца. Организация «*бирадери*» также довольно слаба среди землевладельцев, которые часто соперничают между собой из-за власти и статуса на местной политической арене. У них не всегда есть должным образом организованный «*панчайт*», который бы выносил авторитетные и обязательные для выполнения решения; вместо этого они собираются в неформальной частной обстановке для того, чтобы выяснить между собой, действовать ли им совместно или же расстаться, не достигнув соглашения.

Третья структура, посредством которой устанавливаются связи между членами крестьянского сообщества,— это «политическая структура», и прежде всего административная структура государства. Влиятельные землевладельцы (индивидуально или коллективно) берут на себя роль политических посредников между жителями деревни и правительством. Они создают обширную сеть связей с правительственными чиновниками, что позволяет им расширить свои посреднические функции. Правительство со своей стороны традиционно опиралось на влиятельных землевладельцев для установления связей с местными структурами власти. Оно заинтересовано в этих связях не меньше, чем землевладельцы. Эта структура включает связи с политическими партиями и политические движения в городах. Фракционные союзы на уровнях, превышающих уровень деревни, становятся политическими партиями; или же партии побуждают лидеров фракций, тех, кто держит в своих руках власть на местах, создавать местные филиалы этих партий. Со своей стороны революционные политические партии стремятся перестроить существующие объединения и лишит власти тех, кто ею владеет.

В деревнях Пенджаба есть еще один элемент «политической структуры», который, несмотря на свою противозаконность, широко признан в качестве местной «организации». Это своего рода «мафия» под управлением богатых и могущественных землевладельцев, у которых имеются связи, в особенности с полицией. В делах они принимают на себя роль патронов местных бандитов, которые терроризируют крестьян, крадут их скот и похищают женщин. Мелким крестьянам они предлагают «защиту» в обмен на политическую поддержку. Для независимых крестьян-собственников ценность солидарности и тесной сплоченности в организации «*бирадери*» заключается отчасти в том, что такая организация в какой-то мере обеспечивает им безопасность по отношению к власти крупных землевладельцев; в одиночку они слишком уязвимы. (Это уже показывает, что «функцию» системы родства нельзя вывести только лишь из самой сферы «родства».) Использование этой системы грабежа, террора и «протекционизма» в качестве части «политической структуры» подчеркивает ложность и непригодность определения структуры через культурные нормы и юридические правила, поскольку здесь нарушается и то и другое; она признается людьми только как неприятный «факт жизни». Это — беззаконие, но вместе с тем не нарушение закона в том смысле, который вкладывает в это понятие Дюркгейм. Эта система приобретает структурный характер благодаря регулярности, систематичности использования и предсказуемости в ее рамках результатов всех действий.

...«*Бирадери*» независимых крестьян-собственников обычно участвуют в политической деятельности в качестве организованных корпоративных групп. В основе их альянса с лидерами определенных фракций могут лежать различные факторы. Это могут быть взаимоотношения «покровителя» и «протезе», где «покровителем» является патрон местных бандитов, который терроризирует этих крестьян, заставляя подчиняться. Лидер фракции может также заручиться поддержкой, выступая посредником между слабыми и невлиятельными крестьянами и бюрократией...

Иногда «*бирадери*» независимых крестьян-собственников объединяются против землевладельцев. Крестьянину далеко не всегда легко играть роль лидера

среди своих. Объединение «*бирадери*» часто происходит с помощью организаторов, принадлежащих к радикальным политическим партиям или крестьянским союзам: иногда это человек их же класса, но его роль лидера узаконена положением в определенной политической партии или в крестьянском союзе. Радикальные или «революционные» политические партии и крестьянские союзы, как правило, получают признание при поддержке прежде всего со стороны этого класса крестьян, несмотря на свои идеологические обязательства организовывать «бедное крестьянство», то есть издольщиков и наемных работников. Приведенный Николасом пример политических группировок в деревне Говиндапур, по-видимому, относится именно к первому случаю. Можно сказать, что для этого класса крестьян их горизонтальная солидарность, то есть солидарность родовой группы, является только первой стадией проявления классовой солидарности; вторая стадия достигается, когда они политически организуются в рамках крестьянских союзов или политических партий.

Что касается землевладельцев, то проблема классовой солидарности не возникает на политической арене деревни, где члены их класса появляются как лидеры соперничающих фракций и где интересам их класса ничто не угрожает. Для них горизонтальная солидарность внутри родов не равнозначна классовой солидарности, это скорее потенциальная возможность, использование которой позволяет консолидировать политическую поддержку. Это в особенности очевидно в тех случаях, когда у богатых землевладельцев много бедных родственников. Для получения достаточной поддержки землевладельцы вступают с союз с равными себе; в основе этих союзов «деловые» связи, которые, конечно, слабее институированных связей по линии родства. «*Бирадери*» лидера фракции и экономикки зависимых от него лиц представляют собой ядро фракции, в котором наличествуют как горизонтальные, так и вертикальные связи. Они «мобилизуют» поддержку крестьян-собственников, связи с которыми у них номинально «деловые», основанные на равенстве, но на самом деле часто характеризуются неравенством и основаны на политической зависимости «протече» от «покрови-

теля», или на патронаже через посредничество в отношениях с правительством, или еще на чем-либо.

Эта картина структурных условий, определяющих политические объединения на уровне деревни, где определяющим фактором является экономическая и политическая власть крупных землевладельцев, усиленная их связями с бюрократией и господствующими политическими партиями, ставит под вопрос обычные предположения относительно эффективности (и значения результатов) представительной демократии и процесса выборов в обществах, где преобладают крестьяне. Она заставляет также задуматься над проблемами и дилеммами, которые стоят перед революционными политическими партиями, стремящимися мобилизовать бедное крестьянство путем парламентской политической борьбы, и которым при этом почти нечего предложить для разрушения власти землевладельцев, кроме напыщенных призывов повышать классовое сознание... В определенных обстоятельствах классовое сознание бедных крестьян, издольщиков и наемных работников повышается, и вертикальное деление во фракционных формах политики не выдерживает давления классового конфликта. Но условия, в которых это происходит, требуют тщательного рассмотрения и анализа.

И наконец, как обнаруживается, в крестьянских обществах фракционная модель политики не означает отрицания модели классовых конфликтов; они обе отображают различные формы политических объединений в разных условиях. Кроме того, первичная лояльность, например в родовых отношениях, предшествующая проявлениям классовой солидарности, не исключает последней; она скорее опосредует сложные политические процессы, в которых последняя кристаллизуется. Более того, первичная лояльность и родовые структуры не существуют сами по себе в «функциональной» изоляции. Выяснилось, что они формируются классовыми отношениями, определяя различия в проявлениях внутриродовой солидарности или отмечая ее отсутствие, когда речь шла о различных слоях крестьянства и отношениях между землевладельцами. Сложные промежуточные процессы, посредством которых классовая солидарность устанавливается и проявляется, остаются вне сферы внимания тех марксистов, которые сосредоточены исключительно на ярких проявлениях классово-

вой солидарности крестьян в революционной деятельности. В то же время подход с позиций «функционального» разделения структур и анализа первичных форм лояльности самих по себе, вне матрицы классовой структуры приводит к искажению результатов в политической социологии и социальной антропологии.

1. Nicholas R.W. *Factions—a comparative analysis.*—*Political Systems and the Distribution of Power*, London, 1965, p. 27—29.

2. Bailey F.G. *Stratagems and Spoils.* Oxford, 1969, p. 49.

3. Geertz C. *The Social History of an Indonesian Town.* Cambridge, 1965, p. 128.

4. Powell J.D. *Peasant society and clientelist politics.*—*American Political Science Review*, vol. 64, no. 2, p. 412.

43. Сельский конфликт и сопротивление развитию капитализма и государства

Многие боролись с последствиями развития капитализма и усилением государства. Рассматривая то, как и когда они боролись, мы не видим всего разнообразия деревенских конфликтов и коллективных действий. Большую часть времени европейские крестьяне имели дело с нападающими на их скот волками, наводнениями, ворами, насильниками, беспризорными детьми, порочными священниками, с соседями, захватывающими их поля; такие нежелательные обстоятельства и лица толкали крестьян на ответные действия. В целом такие бедствия не имели сильных связей с развитием капитализма и государства. Рискуя принять исключение за правило, рассмотрим все же случаи и формы конфликтов, сопротивления и коллективных действий, которые нарастали или убывали в зависимости от развития капитализма и становления сильных национальных государств.

Каким образом развитие капитализма и государства затрагивает интересы сельского населения? Говоря попросту, развитие капитализма изменило характер крестьянской жизни, так как земля, труд и товары стали более доступными и более зависимыми от рынка, где преобладали владельцы значительного капитала. Все эти изменения усиливали позиции тех крестьян, кому удалось накопить капитал. Они же ослабили эффективность многочисленных коллективных требований в отношении земли, труда или товаров; уменьшили возможность (а часто и привлекательность) снабжения семейного хозяйства товарами и услугами, произведенными на земле и трудом этого семейного хозяйства; поставили наемный труд в условия конкуренции с неоплачиваемым трудом в домашнем хозяйстве; уменьшили вероятность того, что определенное семейное хозяйство может сохраняться от одного поколения до другого; и способствовали концентрации земли в руках лю-

дей, максимально увеличивающих ее денежную отдачу. Хотя эти изменения и открыли прекрасные возможности перед некоторыми крестьянами, в долгосрочном плане они обрекли крестьянство в целом на исчезновение. И создали стимул для сопротивления.

Что касается развития государства, то наибольшее воздействие на сельскую жизнь в Европе оказали, вероятно, не события, отмеченные праздниками, такие как учреждение национального гражданства, разработка унифицированного права, снижение значения местных и семейных авторитетов и даже не осуществление государственной политики, закрепляющей выгоду севооборота. Укрепление государством позиций капитала и капиталистов оказало, вероятно, большее воздействие на повседневную сельскую жизнь, нежели любое из этих политических изменений. Но усиливающееся государство больше всего оказывало влияние через свой, государственный, спрос на ресурсы, в особенности на те, которые необходимы для ведения войны: на людей, продовольствие, жилище, одежду, оружие и деньги для покупки всего этого. Конечно, наиболее явные формы прямого сопротивления деревни усилению государства в Европе были связаны с этим спросом на ресурсы. Уклонение от воинской повинности, налогообложения, расквартирования войск, принудительных работ и реквизиции имущества для военных создали европейским крестьянам репутацию обманщиков, малодушных и упрямцев.

Проведенная по всем правилам таксономическая систематизация поможет нам сделать первый шаг в классификации разнообразных реакций сельского населения на развитие капитализма и государства. Анализируя с этой точки зрения претензии, которые одни люди предъявляют к другим, совершая определенные действия, можно различить оборонительные, наступательные и сопернические формы действия. Оборонительными действиями предъявляют претензии на находящиеся под угрозой права, которыми уже пользовались в соответствии с установившейся практикой. Наступательными действиями предъявляют права на то, что положено в принципе, но не установилось на практике. Сопернические действия вовлекают участников в борьбу друг против друга в тех областях, где само их право на что-либо не является предметом разногласий. Сель-

ские жители, которые борются против покушений сборщика налогов на их имущество, заняты оборонительными действиями. Сельские жители, настаивающие на своем прежде отрицавшемся праве приобретать земли знати, вовлечены в наступательные действия. А селяне, участвующие в драках между деревнями, заняты в сопернических акциях. Внутри каждой из этих категорий можно также установить определенную градацию от преобладания реакции на развитие капитализма до преобладания реакции на развитие государства.

Приблизительная классификация и характерные примеры реакций сельского населения на развитие капитализма и государства

Реакции на развитие	Характер требований		
	оборонительный	наступательный	сопернический
капитализма индивидуальные коллективные	охота на огороженных землях, поджог захват огороженных полей, голодные бунты	покупка церковного имущества создание сбытовых кооперативов	торги при найме объединение для покупки земли и удержания ее в руках местных жителей
государства индивидуальные коллективные	сокрытие облагаемого налогом имущества изгнание вербовщиков новобранцев, антиналоговые восстания	возбуждение дел против местных властей в королевских судах создание общественных движений, например, за твердые цены, за земельную реформу	легальное отстаивание личных интересов петиции в парламент по поводу законопроекта

V

**«МЫ» И «ОНИ»:
ВЗГЛЯДЫ НА АГРАРНЫЙ ВОПРОС
И ПОЛИТИЧЕСКИЕ СТРАТЕГИИ**

44. Но это вовсе не было правдой...

...Мне приходилось слышать, что сельский опыт, трудовая деревня ушли в прошлое, что в Британии она занимает незначительное место и что со временем так будет везде. И я соглашался с этим, соглашался гораздо дольше, чем это сегодня может показаться возможным. Сейчас я вижу, что это было одним из импульсов, заставивших меня заняться старой литературой и историей деревни. Я не могу ясно вспомнить тот момент, когда я неожиданно понял, что на самом деле это вовсе не было правдой. И вот, когда я читал в романах о столь отличном и столь неизменном опыте, эта идея осенила меня. Когда же я понял, что то, что я знал, неправда, то решил, что я должен найти источники этого неправильного понимания. Ими оказались не только, как можно было бы предположить, сентиментальные деревенщики, с которыми мне приходилось сталкиваться и раньше, но и даже более критично настроенные бойкие столичные прогрессисты, многие из которых, по общему мнению, были интернационалистами и социалистами и чье презрение к сельским обществам имело основанием лишь их уверенность в городском индустриальном будущем общества, которое они собирались так или иначе — через модернизацию, через высшие достижения технологии или через революцию — привести к социализму. До сих пор существует еще так много писателей и мыслителей каждого из этих сортов, что потребуются немало времени и солидные усилия, чтобы все как следует взвесить и сказать, что их общая идея о погибшем деревенском хозяйстве — ложная идея.

Но, может быть, она не ложная, эта идея? Разве не очевидно, что в Британии трудовое сельское хозяйство занимает ничтожное место, место на обочине? Это первый тип ошибки, которую я научился распознавать: подспудное упрямство, своего рода абстрактный шови-

низм, бытующий в старых империалистических странах,— считать, что то, что случилось с ними, должно происходить также и со всеми остальными. Пока что большинство стран в мире — это сельские страны, но в рамках империалистического строения мира, в котором с ними серьезно не считаются, они не находят солидного места. Даже те, кто видел, что их эксплуатируют в рамках империалистического строения мира, не всегда понимали, что благодаря этому положению и их борьбе трудовое сельское хозяйство, деревенская экономика в любой из возможных форм просто обязаны были выжить, остаться в самих эксплуатируемых странах и, если уменьшить некоторые элементы эксплуатации, в тех, что абстрактно считались развитыми странами-метрополиями. Сейчас, возможно, большинству из нас это известно. Факты продовольственного и демографического кризисов широко и подробно освещены. Если мы хотим выжить, мы должны развивать и расширять наше трудовое сельское хозяйство. Общая идея погибшего деревенского мира здесь не только абстракция той или иной стадии в продолжающейся истории (как мы были бы рады видеть многие из этих стадий пройденными или проходящими). Она находится в прямом противоречии с каким бы то ни было эффективным образом нашего будущего, когда работа на земле станет значительно более важным и центральным занятием. В том и состоит одна из наиболее поразительных деформаций промышленного капитализма, что один из основных, настоятельных и необходимых видов деятельности настолько был вытеснен во времени или в пространстве, или и в том и в другом вместе, что ассоциировался с далеким прошлым или с дальними странами.

Кое-что из этого сейчас меняется даже в старой империалистической Европе, однако до сих пор будущее сельского хозяйства видится и здесь, и в «третьем мире» преимущественно в капиталистических формах, и особенно в формах, вызывающих массовое вытеснение людей из отрасли. А ведь развивать его можно — а кое-где это уже делается — совсем другим путем. Еще один аспект кризиса — состояние городов и промышленности и тревога за их будущее — заставляет делать это способами, не связанными с капитализмом. Одна из действительных заслуг некоторых сельских пи-

сателей, часто невидимая за другими элементами, заключается в настойчивых утверждениях о сложности живой природной среды. Сейчас, когда стало виднее, что угрожает природной среде, наши представления снова приходится менять. Некоторые из самых мрачных картин города следует рассматривать как вполне реальное будущее. Безумная своей чрезмерностью вера в специализированные силы метропольного индустриализма привела нас к тому пункту, в котором — и мы точно оцениваем это — угроза человеческому существованию становится очевидной, или, если мы выживем — а я думаю, что мы выживем, — к тому пункту, в котором становится ясно, что дальше так, как мы живем, жить нельзя.

Посмотрите на социализм или коммунизм: исторические враги капитализма, но в деталях, а часто и в принципах, в том, что касается отношений между городом и деревней, они продолжают и даже усугубляют некоторые из присущих ему фундаментальных процессов.

В этом заключается настоящая историческая и политическая трудность. Лев Троцкий говорил, что история капитализма — это история победы города над деревней. В первые критические годы русской революции он продолжал разрабатывать программу такой победы, широкомасштабную программу, ради сокрушения капитализма и упрочения социализма. Сталин очень способствовал претворению программы в жизнь с размахом и с жестокостью, которая превратила эту «победу» над крестьянами в одну из самых жутких страниц во всей истории деревни. Местные нужды и приоритеты не принимались во внимание: вдребезги было разбито хозяйство и в результате — страшная нехватка продовольствия. Сельский капитализм, несомненно, распространялся в новых формах; но тот способ, каким все это было сделано, и тот дух, в каком все это было выдержано, были более чем отвратительными. У марксизма заимствовали один элемент двусмысленности, имевший громадные последствия для характера общества как целого.

В «Коммунистическом манифесте» Маркс и Энгельс утверждали, что буржуазия подчинила деревню господству города... создала огромные города... варварские и полуварварские страны она поставила в зависимость от стран цивилизованных — знакомая история

капитализма и империализма. Они утверждали, что эти отношения централизации и зависимости создали предпосылки для революции, и в определенном смысле они были правы.

Но в основе аргументации была двусмысленность. Они разоблачали то, что безжалостно делалось для прогресса капитализма и империализма; они настаивали на том, что люди должны бороться за его свержение, и показали нам некоторые из путей достижения этой цели. Наряду с этим разоблачением имелись и другие ценностные суждения: буржуазия «вырвала значительную часть населения из идиотизма деревенской жизни»; покоренные народы были «варварскими и полуварварскими», а господствующие силы — «цивилизованными». Именно эта вера в исключительную ценность модернизации и цивилизации породила в истории коммунизма крупнейшее искривление. Новобранцы армии городского пролетариата должны были учиться и создавать новые и более высокие формы общества: если бы это было все, что было сказано, то было бы совсем по-другому. Но если формы буржуазного развития содержат, пусть с некоторым противоречием, более высокие ценности, чем «деревенский идиотизм» или «варварство», то тогда во имя городского пролетариата можно оправдать и провести любую программу. Жестокая ирония заключалась в том, что реальный процесс утверждения абсолютного городского и промышленного приоритета и соответствующего приоритета развитых и цивилизованных народов действовал не только в направлении уничтожения «деревенских идиотов» и колониальных «варваров и полуварваров», но и поражал в самое сердце самих городских пролетариев и развитые и цивилизованные общества, над которыми в свою очередь эти приоритеты со странным диалектическим вывертом осуществили свое господство.

Трудность неожиданным образом разрешилась в нашем веке. Революции пришли не в «развитые», а в «неразвитые» страны. Потерпев поражение в городах, китайская революция пошла в деревню и приобрела исключительную силу. Кубинская революция ушла из города и пришла в деревню, где и формировались ее силы. В течение всей эпохи борьбы за национальное и социальное освобождение эксплуатируемое сельское на-

селение и колониальные народы были главным источником продолжающейся революции. В знаменитой китайской фразе о мировой революции «деревня» окружала «город». Вот эти-то «деревенские идиоты» и «варвары и полуварвары» и были в последние сорок лет главной революционной силой в мире.

...Это можно теоретически обосновать. Разделение и противостояние города и деревни, промышленности и сельского хозяйства в их современных формах являются критической кульминацией начавшихся, правда, не при капитализме, но развившихся при нем до чрезвычайной и преобразующей степени разделения и специализации труда. Другие формы того же основного разделения — это отделение умственного труда от физического, управления от производства, политики от общественной жизни. Симптомы этого разделения можно найти в каждом проявлении нашей повседневной жизни: в идеях и практике общественных классов, в господствующих определениях труда и образования, в пространственном распределении поселений и во временной организации дня, недели, года, всей жизни. Многое в творческом мышлении нашего времени есть попытка переосмыслить каждую из этих концепций и практик. Это основано на убеждении, что та система, которая их порождает и которая из них составлена, не терпима и не выживет. Во многих областях этого мышления есть не только аналитический, но и программный ответ: это новые формы принятия решений, новые виды обучения, новые определения работы и работа по-новому, новые виды поселений и использования земли.

45. Варвары *

Человек Запада еще в раннем детстве, только что встав на задние лапы, видит всюду вокруг себя монументальные результаты труда его предков. От каналов Голландии до туннелей Итальянской Ривьеры и виноградников Везувия, от великой работы Англии и до мощных Силезских фабрик — вся земля Европы тесно покрыта грандиозными воплощениями организованной воли людей, — воли, которая поставила себе гордую цель: подчинить стихийные силы природы разумным интересам человека. Земля — в руках человека и человек действительно владыка ее. Это впечатление всасывается ребенком Запада и воспитывает в нем сознание ценности человека, уважение к его труду и чувство своей личной значительности, как наследника чудес труда и творчества предков.

Такие мысли, такие чувства и оценки не могут возникнуть в душе русского крестьянина. Безграничная плоскость, на которой тесно сгрудились деревянные, крытые соломой деревни, имеет ядовитое свойство опустошать человека, высасывать его желания. Выйдет крестьянин за пределы деревни, посмотрит в пустоту вокруг него и через некоторое время чувствует, что эта пустота влилась в душу ему. Нигде вокруг не видно прочных следов труда и творчества. Усадьбы помещиков? Но их мало и в них живут враги. Города? Но они — далеко и не многим культурно-значительнее деревни. Вокруг — бескрайняя равнина, а в центре ее — ничтожный, маленький человечек, брошенный на эту скучную землю для каторжного труда. И человек насыщается чувством безразличия, убивающим способность думать, помнить пережитое, вырабатывать из опыта своего идеи. Историк русской культуры, характеризую крестьянство, сказал о нем:

«Множество суеверий и никаких идей».

* М. Горький. О русском крестьянстве. Берлин, 1922.

Это печальное суждение подтверждается всем русским фольклором.

...Спора нет — прекрасно летом «живое золото пышных нив», но осенью перед пахарем снова ободранная голая земля и снова она требует каторжного труда. Потом наступает суровая шестимесячная зима, земля одета ослепительно белым саваном, сердито и грозно воют вьюги и человек задыхается от безделья и тоски в тесной, грязной избе. Из всего, что он делает, на земле остается только солома и крытая соломой изба — ее три раза в жизни каждого поколения истребляют пожары.

Технически примитивный труд деревни невероятно тяжел, крестьянство называет его «страда» от глагола «страдать». Тяжесть труда, в связи с ничтожеством его результатов, углубляет в крестьянине инстинкт собственности, делая его почти неподдающимся влиянию учений, которые объясняют все грехи людей силою именно этого инстинкта.

...О них можно сказать буквально то же, что сказано историком о грозной эпохе «Смуты»:

«Все эти восстания ничего не изменили, ничего не внесли нового в механизм государства, в строй понятий, в нравы и стремления»...

К этому суждению уместно прибавить вывод одного иностранца, внимательно наблюдавшего русский народ. «У этого народа нет исторической памяти. Он не знает свое прошлое и даже, как будто, не хочет знать его».

...Но — где же — наконец — тот добродушный, вдумчивый русский крестьянин, неутомимый искатель правды и справедливости, о котором так убедительно и красиво рассказывала миру русская литература XIX века?

В юности моей я усиленно искал такого человека по деревням России и — не нашел его. Я встретил там сурового реалиста и хитреца, который — когда это выгодно ему — прекрасно умеет показать себя простаком. По природе своей он не глуп и сам хорошо знает это. Он создал множество печальных песен, грубых и жестоких сказок, создал тысячи пословиц, в которых воплощен опыт его тяжелой жизни.

Он знает, что «мужик не глуп, да — мир дурак» и что «мир силен, как вода, да глуп, как свинья».

Он говорит: «не бойся чертей, бойся людей». «Бей своих,— чужие бояться будут».

О правде он не очень высокого мнения: «Правдой сыт не будешь». «Что в том, что ложь, коли сыто живешь». «Правдивый, как дурак, также вреден».

...Тех, кто взял на себя каторжную, Геркулесову работу очистки Авгиевых конюшен русской жизни, я не могу считать «мучителями народа»,— с моей точки зрения они — скорее жертвы.

Я говорю это, исходя из крепко сложившегося убеждения, что вся русская интеллигенция, почти целый век мужественно пытавшаяся поднять на ноги тяжелый русский народ, лениво, нерадиво и безталанно лежавший на своей земле,— вся интеллигенция является жертвой истории прозябания народа, который ухитрился жить изумительно нищенски на земле, сказочно-богатой. Русский крестьянин, здравый смысл которого ныне пробужден революцией, мог бы сказать о своей интеллигенции: глупа, как солнце, работает так же бескорыстно.

Он, конечно, не скажет этого, ибо ему еще не ясно решающее значение интеллектуального труда.

46. Те, кто оплачивает счета...

Наше внимание к деньгам и индустрии заставляло нас сконцентрироваться на городском развитии. Мы осознаем, что не обладаем достаточными средствами для того, чтобы принести прогресс в каждую деревню. Нам также известно, что невозможно в каждой деревне построить промышленные предприятия и с их помощью увеличить доходы людей. Поэтому большинство средств вкладывается в города и там создается промышленность. Однако, основная часть средств, расходуемых в городах, берется в заем, и заем этот должен возвращаться, чтобы ни строилось — школы, больницы, дома или заводы. Но очевидно, что он не может быть погашен только за счет городского и промышленного развития. Для этого нужна конвертируемая валюта, полученная от экспорта товаров.

Но сегодня мы не продаем на зарубежный рынок промышленную продукцию и еще не скоро начнем ее продавать. Основной задачей нашей новой индустрии является «замещение импорта», — то есть производство товаров, которые мы еще недавно должны были ввозить из-за рубежа. Поэтому ясно, что конвертируемая валюта должна быть получена из другого источника.

Откуда? Из сел и сельского хозяйства. Что это означает?

Это означает, что платить по счету должны не только те, кто непосредственно выигрывает от прогресса в результате этих заемных денег. И хотя большая часть займа будет израсходована в городах, вместе с тем большая часть долга будет выплачена благодаря усилиям фермеров.

Все это напоминает эксплуатацию. Мы не должны забывать, что горожане, возможно, эксплуатируют тех, кто проживает в сельской местности. Все наши большие больницы находятся в городах, а пользуется ими

только небольшая часть населения Танзании. И если мы построили их за счет иностранных займов, то получены эти займы благодаря продаже за море продукции, производимой крестьянами. Получается, что те, кто не пользуется больницами, должны платить за них.

Асфальтированные дороги опять же встречаются чаще в городах и очень полезны владельцам машин. И если дороги построены на займы, то выплачивать по ним опять придется фермерам.

Да и сама внешняя торговля, приведшая к появлению машин в стране, основана на экспорте фермерского продукта. Электричество, белая бумага, гостиницы и другие стороны современного развития опять же присущи в основном городам. Большинство из них построены на займы и не приносят фермерам непосредственной пользы, но именно они платят за них валютой, полученной в результате продажи их продукции. Это необходимо помнить.

Хотя, говоря об эксплуатации, мы обычно имеем в виду капитализм, нельзя забывать, что существует много различных ее форм. В море крупные рыбы поедает мелких, мелкие еще более мелких: так и в нашем мире можно разделить людей. Можно разделить их на капиталистов и феодалов, с одной стороны, и рабочих и крестьян, с другой. Но так же можно разделить людей на городских и сельских жителей, и тогда можно прийти к мысли, что истинная эксплуатация в Танзании — это эксплуатация крестьян горожанами.

47. Революционеры наших дней

Наши национальные партии переняли свои методы от западных политических партий, в большинстве случаев они также не направляли свою пропаганду на крестьянские массы. Но если бы они проанализировали колониальное общество, они бы увидели, что местное крестьянство ведет традиционный образ жизни именно там, где традиционная структура общества осталась нетронутой. В то же время в индустриальных странах эта традиционная структура была разрушена процессом индустриализации.

В колониях, именно в среде рабочего класса можно найти индивидуальное поведение. Безземельные крестьяне, пополняющие люмпен-пролетариат, покидают сельские районы, где столь много нерешенных проблем, и перемещаются в города, создавая там временные поселения из лачуг. Масса сельских жителей продолжает жить в жесткой структуре, и лишние рты должны эмигрировать для того, чтобы обеспечить себе пропитание.

Крестьяне, которые упрямо сохраняют свои традиции, и в колониальных странах символизируют дисциплинированный элемент, заинтересованный в сохранении существующей социальной структуры. Этот неизменный образ жизни, сохраняющий жесткую социальную структуру, может породить движение, основанное на религиозном фанатизме. Но в этих движениях сельские жители остаются дисциплинированными и индивидуальное отодвигается на второй план во имя интересов общины.

Сельские жители относятся к горожанину с подозрением. Он одевается как европеец, говорит на языке европейца, работает вместе с европейцами и иногда живет в одном с ними районе; таким образом, горожанин — это перебежчик, предающий все то, что составляет основу национального наследия. Горожане — это

предатели и мошенники, хорошо ладающие с оккупационными властями и делающие все возможное для того, чтобы проникнуть в структуры колониальной системы. Поэтому часто можно услышать от селян, что городские жители не имеют морали. Мы имеем здесь дело не со старым противоречием между городом и деревней, это противостояние между теми из местных жителей, кто выключен из достижений колониальной системы, и теми их соотечественниками, кому удалось извлечь из колониальной эксплуатации выгоду.

Революционеры отступают в горы и сельскую местность, ближе к сельским жителям. Крестьяне повсеместно принимают повстанцев, скрывают их от полиции. Националистически настроенные революционеры предпочитают укрыться в селе, чем играть в прятки с полицией в городе. Крестьяне проявляют к ним необыкновенное внимание. Революционеры-повстанцы, фактически изгнанные в глушь, оторванные от городской жизни, в борьбе против которой родились их политические идеи и движение, они, по сути, становятся «маквизардами».

Они все время передвигаются с одного места на другое, особенно по ночам, скрываясь от полиции. Благодаря этому они получают хорошую возможность узнать всю страну. Их уши слышат глас страны, их глаза видят великую и бескрайнюю нищету народа. Они осознают цену времени, растраченного на бесплодную критику колониального режима. Они начинают понимать, что реформы не изменят ситуации. С долей некоторой растерянности, которая не покидает их и в дальнейшем, они сознают, что политическая борьба в городах никогда не сможет изменить или свергнуть колониальный режим. Эти люди учатся разговаривать с крестьянами. Для них открывается целый мир крестьянских устремлений. Они понимают, что крестьянские массы всегда думали о своем освобождении — освобождении своих земель от иностранцев, национальной борьбе, вооруженном восстании.

Они обнаруживают людей, которые живут статично, но хранят нравственные ценности. Они самоотверженны, очень нетерпеливы и горды. И теперь становится понятно, какую взрывчатую смесь породила встреча революционеров с полицией и с крестьянскими массами.

48. Примитивная аккумуляция *

Для того, чтобы могло начаться капиталистическое накопление, были необходимы следующие предпосылки: 1) предварительная аккумуляция капитала в отдельных руках, достаточная для применения более высокой техники или более высокой степени разделения труда при той же технике; 2) наличие кадра наемных рабочих; 3) достаточное развитие системы товарного хозяйства вообще как базы для товарно-капиталистического производства и накопления.

...*Социалистическим* накоплением мы называем присоединение к функционирующим средствам производства прибавочного продукта, который создается внутри сложившегося социалистического хозяйства и который не идет на добавочное распределение среди агентов социалистического производства и социалистического государства, а служит для расширенного воспроизводства. Наоборот, *первоначальным социалистическим* накоплением мы называем накопление в руках государства материальных ресурсов главным образом либо одновременно из источников, лежащих вне комплекса государственного хозяйства. Это накопление в отсталой крестьянской стране должно играть колоссально важную роль, в огромной степени ускоряя наступление момента, когда начнется техническая и научная перестройка государственного хозяйства и когда это хозяйство получит, наконец, чисто экономическое преобладание над капитализмом. Правда, в этот период происходит и накопление на производственной основе государственного хозяйства. Однако, во-первых, это накопление также носит характер предварительного накопления средств для подлинно социалистического хозяйства и этой цели подчинено. А во-вторых, накопление первым способом, т. е. за счет него-

* Е. А. Преображенский. Новая экономика. Опыт теоретического анализа советского хозяйства. М., 1926.

сударственного круга, явно преобладает в этот период. Поэтому весь этот этап мы должны назвать периодом первоначального или предварительного социалистического накопления. Этот период имеет свои особенные черты и свои особенные законы.

...Рассмотрим теперь систематически основные методы первоначального капиталистического накопления и сравним их, поскольку это только возможно, с аналогичными или близкими к ним методами и процессами первоначального социалистического накопления. Мы будем брать для сравнения не только период, предшествовавший капиталистическому производству, но и эпоху первых шагов капиталистического производства, потому что первоначальное накопление, как накопление вне круга капиталистического производства, продолжалось и после возникновения капиталистических предприятий, принимая самые различные формы.

Начнем с грабежа некапиталистических форм хозяйства. В сущности, весь период существования торгового капитала с того момента, когда работа ремесленника на заказчика и на локальный рынок сменилась работой на отдаленные рынки и когда скупщик стал необходимым агентом производства, можно рассматривать как период первоначального накопления, как период систематического грабежа мелкого производства.

Другой формой грабежа, имевшей огромное значение, была колониальная политика стран мировой торговли. Мы пока имеем здесь в виду не такой грабеж, который связан с обменом меньшего количества труда на большее на основе «нормальной» торговли, а грабеж в форме налогов на туземцев, лишения их имущества, скота, земель, запасов драгоценных металлов, обращения побежденных в рабство, бесконечно разнообразных систем грубейшего обмана и т. д. Сюда же относятся все методы насилия и грабежа по отношению к крестьянскому населению метрополий. Ограбление мелкого крестьянского производства в интересах первоначального накопления принимало самые различные формы. Знаменитое «огораживание», которому посвятил столько блестящих страниц Маркс в первом томе «Капитала», не было типичным методом первоначального накопления для всех стран. Наиболее же типичными методами являются: грабеж крепостных крестьян

сеньерами и раздел награбленного с торговым капиталом, во-первых, и налоговое обложение крестьянства государством с передачей части этих средств капиталу, во-вторых. Когда помещичье хозяйство стало превращаться из чисто натурального в денежное или полунаатуральное, когда помещики получили вследствие роста торговли и благодаря росту своих потребностей стимул к увеличению поборов с крестьян, они вступили в определенного рода бессознательную кооперацию с торговым капиталом. Все, что грабилось в деревне, за вычетом потребляемого на месте, продавалось купцам. В свою очередь купцы доставляли помещикам продукты городского или иностранного производства, служившие для удовлетворения их растущих и более рафинированных потребностей. Торговый капитал продавал эти продукты с прибылью в 100% и более. Он давал затем прогоревшим дворянам займы под ростовщические проценты. В результате феодалы являлись в известном смысле в этот период агентами торгового капитала, передаточным насосом в деле ограбления мелкого производства деревни в интересах первоначального капиталистического накопления. Будучи «высшим классом» по сравнению с третьим сословием в правовом отношении, они экономически кооперировались с купцами, взяв себе не высшую, а, наоборот, низшую ступень в деле выколачивания средств из крестьянства.

Другая форма грабежа мелкого производства — это государственные налоги. Из налоговых источников абсолютистские государства поощряли развитие мануфактур, выдавали субсидии купцам, делавшимся промышленниками, или дворянам, превратившимся в фабрикантов. Эта поддержка особенно оказывалась мануфактурам, так или иначе обслуживавшим снаряжение армии: суконным фабрикам, оружейным заводам, металлургическим предприятиям и т. д. Такая же перекачка средств из каналов мелкого производства через государственный аппарат в крупную, особенно тяжелую промышленность происходит и в гораздо более поздний период.

О роли государства, в частности о роли государственного насилия в период первоначального накопления, Маркс писал:

«Эти методы в значительной мере покоятся на гру-

бейшем насилии, как, напр., колониальная система. Но все они пользуются государственной властью, т. е. концентрированным и организованным общественным насилием, чтобы облегчить процесс превращения феодального способа производства в капиталистический и сократить его переходные стадии. Насилие является повивальной бабкой всякого старого общества, когда оно беременно новым. Само насилие есть экономическая потенция» (Маркс К. «Капитал», т. I, ч. I).

Это насилие играло огромную роль и при формировании национальных государств как арены деятельности торгового капитала. Вспомните только глубокий и полный конкретной исторической правды классовый анализ, которому подвергает М. И. Покровский политику московских царей, чтобы воскресить в памяти эти страницы из рассматриваемого периода. Завоевание необходимой территории, торговых путей и т. д. — это также не что иное, как звено в цепи первоначального капиталистического накопления, потому что без накопления необходимых территориальных предпосылок развитие торгового капитала и переход его в капитал промышленный не могут развиваться успешно. С этой точки зрения крестьянин платил дань молоху первоначального накопления не только тогда, когда через руки сеньера передавал часть своего оброка купцу, не только тогда, когда через государство передавал часть податей мануфактуристу, но и в том случае, когда отдавал кости своих сыновей на прокладку новых торговых путей и на завоевание новых стран.

Важную роль в процессе первоначального накопления играет система государственных займов, при которой в форме процента происходит перекачка части ежегодного дохода мелких производителей в руки капиталистов-кредиторов заключающего заем государства. В связи с этим Маркс говорит:

«Государственный долг делается одним из самых сильных рычагов первоначального накопления. Словно прикосновением волшебного жезла он одаряет непродительные деньги производительной силой и превращает их таким образом в капитал, устраняя всякую надобность подвергать их опасностям и затруднениям, неразрывно связанным с помещением денег в промышленность и даже с частно-ростовщическими операциями. Государственные кредиторы в действительно-

сти не дают ничего, так как ссуженные ими суммы превращаются в государственные долговые свидетельства, легко обращающиеся, функционирующие в их руках совершенно так же, как и наличные деньги. Но роль государственных долгов не ограничивается созданием класса таких праздных рантье и импровизированным обогащением финансистов, выступающих посредниками между правительством и нацией, а также откупщиков налогов, купцов и частных фабрикантов, в руки которых, как капитал, свалившийся с неба, попадает ажиотаж,— одним словом, биржевую игру и современную банкократию» (господство банков) (Маркс К. «Капитал», т. I, ч. I).

Остановимся пока на только что перечисленных нами методах первоначального накопления, основанных, главным образом, на грабеже мелкого производства и на внеэкономическом давлении на него, и посмотрим, как обстоит здесь дело в период первоначального социалистического накопления.

Что касается колониального грабежа, то социалистическое государство, проводящее политику равноправия национальностей и добровольного вхождения их в то или иное национальное объединение, принципиально отвергает все насильственные методы капитала в этой области. Этот источник первоначального накопления для него с самого начала и навсегда закрыт.

Совсем иначе обстоит дело с отчуждением в пользу социализма части прибавочного продукта из всех досоциалистических экономических форм. Обложение несоциалистических форм не только неизбежно должно иметь место в период первоначального социалистического накопления, но оно неизбежно должно получить огромную, прямо решающую роль в таких крестьянских странах, как Советский Союз. На этом пункте мы должны остановиться достаточно подробно.

Из предыдущего мы видели, что капиталистическое производство могло начать функционировать и далее развиваться, лишь опираясь на ресурсы, получавшиеся от мелкого производства. Переход общества от мелкобуржуазной системы производства к капиталистической не мог бы совершиться без предварительного накопления за счет мелкого производства, а в дальней-

шем происходил бы черепашьям шагом, если бы добавочное накопление за счет мелкого производства не протекало рядом с капиталистическим накоплением за счет эксплуатации рабочей силы пролетариата. Самый же переход предполагает как систему такой обмен ценностей между крупным и мелким производством, при котором мелкое производство больше дает крупному, чем от него получает. В период первоначального социалистического накопления государственное хозяйство не может обойтись без отчуждения части прибавочного продукта деревни и ремесла, наконец, без вычетов из капиталистического накопления в пользу накопления социалистического. Мы не знаем, насколько разоренными выйдут из гражданской войны другие страны, в которых победит диктатура пролетариата. Но такая страна, как СССР, с ее разоренным и достаточно вообще отсталым хозяйством, должна будет пройти период первоначального накопления, очень щедро черпая из источников досоциалистических форм хозяйства. Не надо забывать, что период первоначального социалистического накопления является самым критическим периодом в жизни социалистического государства после окончания гражданской войны. В этот период социалистическая система не в состоянии еще развить всех органически свойственных ей преимуществ, но она в то же время ликвидирует неизбежно ряд экономических преимуществ, свойственных развитой капиталистической системе. Пробежать быстрее этот период, поскорей достигнуть момента, когда социалистическая система развернет все свои естественные преимущества над капитализмом,—это есть вопрос жизни и смерти для социалистического государства. По крайней мере так стоит вопрос сейчас для СССР, и так он будет стоять, может быть, известное время для ряда европейских стран, в которых победит пролетариат. При таких условиях рассчитывать только на накопление внутри социалистического круга — значит рисковать самым существованием социалистической экономики, либо продлить до бесконечности период предварительного накопления, что, впрочем, не зависит от доброй воли пролетариата. В конкретной части настоящей работы, которая будет посвящена промышленности и земледелию СССР, мы приведем числовые расчеты относительно того, как долго при-

шлось бы ждать нам восстановления нашей промышленности даже в довоенных размерах, если бы мы опирались в этом только на прибавочный продукт самой промышленности. Во всяком случае, мысль о том, что социалистическое хозяйство может развиваться само, не трогая ресурсов мелкобуржуазного, в том числе крестьянского, хозяйства, является, несомненно, реакционной мелкобуржуазной утопией. Задача социалистического государства заключается здесь не в том, чтобы брать с мелкобуржуазных производителей меньше, чем брал капитализм, а в том, чтобы брать больше *из еще большего* дохода, который будет обеспечен мелкому производству рационализацией всего, в том числе мелкого, хозяйства страны.

49. Вести деревню, насаждая колхозы и совхозы *

Ленин говорил, что крестьянство есть **последний капиталистический класс**. Верно ли это положение? Да, безусловно верно. Почему крестьянство квалифицируется как последний капиталистический класс? Потому, что из двух основных классов, из которых состоит наше общество, крестьянство является тем классом, хозяйство которого базируется на частной собственности и мелком товарном производстве. Потому, что крестьянство, пока оно остается крестьянством, ведущим мелкотоварное производство, выделяет и не может не выделять из своей среды капиталистов постоянно и непрерывно. Это обстоятельство имеет для нас решающее значение в вопросе о нашем марксистском отношении к проблеме союза рабочего класса и крестьянства. Это значит, что нам нужен не **всякий** союз с крестьянством, а лишь такой **союз**, который базируется на борьбе с капиталистическими элементами крестьянства.

Наша крупная централизованная социалистическая промышленность развивается по марксистской теории расширенного воспроизводства, ибо она растет ежегодно в своем объеме, имеет свои накопления и движется вперед семимильными шагами. Но наша крупная промышленность не исчерпывает народного хозяйства. Наоборот, в нашем народном хозяйстве все еще преобладает мелкое крестьянское хозяйство. Можно ли сказать, что наше мелкокрестьянское хозяйство развивается по принципу расширенного воспроизводства? Нет, нельзя этого сказать. Наше мелкокрестьянское хозяйство не только не осуществляет в своей массе ежегодно расширенного воспроизводства, но, наоборот, оно не всегда имеет возможность осуществлять даже простое воспроизводство. Можно ли двигать дальше ускоренным темпом нашу социализированную инду-

* Сталин И. В. Вопросы ленинизма. М., 1939, с. 233, 277—281.

стрию, имея такую сельскохозяйственную базу, как мелкокрестьянское хозяйство, неспособное на расширенное воспроизводство и представляющее к тому же преобладающую силу в нашем народном хозяйстве? Нет, нельзя. Можно ли в продолжение более или менее долгого периода времени базировать Советскую власть и социалистическое строительство на двух разных основах — на основе самой крупной и объединенной социалистической промышленности и на основе самого раздробленного и отсталого мелкотоварного крестьянского хозяйства? Нет, нельзя. Это когда-либо должно кончиться полным развалом всего народного хозяйства. Где же выход? Выход в том, чтобы укрупнить сельское хозяйство, сделать его способным к накоплению, к расширенному воспроизводу и преобразовать таким образом сельскохозяйственную базу народного хозяйства. Но как его укрупнить? Для этого существуют два пути. Существует путь **капиталистический**, состоящий в укрупнении сельского хозяйства посредством насаждения в нем капитализма, путь, ведущий к обнищанию крестьянства и к развитию капиталистических предприятий в сельском хозяйстве. Этот путь отвергается нами, как путь, несовместимый с советским хозяйством. Существует другой путь, путь **социалистический**, состоящий в насаждении колхозов и совхозов в сельском хозяйстве... Нет сомнения, что ведущая роль социалистического города в отношении мелкокрестьянской деревни велика и неопределима. На этом именно и строится преобразующая роль индустрии в отношении сельского хозяйства. Но достаточно ли этого фактора для того, чтобы мелкокрестьянская деревня сама пошла за городом в деле социалистического строительства? Нет, недостаточно. При капитализме деревня шла стихийно за городом, потому что капиталистическое хозяйство города и мелкотоварное хозяйство крестьянина является в своей основе **однотипным** хозяйством. Конечно, мелкокрестьянское товарное хозяйство не есть еще капиталистическое хозяйство. Но оно в своей основе однотипно с капиталистическим хозяйством, так как опирается на частную собственность на средства производства.

Стало быть, чтобы мелкокрестьянская деревня пошла за социалистическим городом, необходимо еще кроме всего прочего **насаждать** в деревне крупные со-

циалистические хозяйства в виде совхозов и колхозов... Социалистический город должен **вести** за собой мелкокрестьянскую деревню, **насаждая** в деревне колхозы и совхозы и преобразуя деревню на новый, социалистический лад...

Что привязывало, привязывает и будет еще привязывать мелкого крестьянина в Западной Европе к его мелкому товарному хозяйству? Прежде всего и главным образом наличие своего собственного клочка земли, наличие частной собственности на землю. Он копил деньги годами для того, чтобы купить клочок земли, он его купил и, понятно, он не хочет с ним расстаться, предпочитая переносить все и всякие лишения, предпочитая впасть в дикость, лишь бы отстоять свой клочок земли — основу его индивидуального хозяйства. Можно ли сказать, что этот фактор в таком его виде продолжает действовать и у нас, в условиях советских порядков? Нет, нельзя сказать. Нельзя сказать, так как у нас нет частной собственности на землю. И именно потому, что у нас нет частной собственности на землю, у нас нет и той рабской приверженности крестьянина к земле, которая имеется на Западе. А это обстоятельство не может не облегчать перехода мелкокрестьянского хозяйства на рельсы колхозов.

Вот где одна из причин того, что **крупным** хозяйствам в деревне, колхозам в деревне, удастся так легко демонстрировать у нас, в условиях национализации земли, свое **превосходство** перед **мелким** крестьянским хозяйством.

50. Кооперация и коллективизация

Энтузиазм по поводу коллективизации имел в своей основе три причины. Во-первых, народное хозяйство и крестьянские массы, составлявшие большинство населения стран Восточной Европы, вне всякого сомнения, оказались перед необходимостью быстрого наращивания сельскохозяйственного производства и производительности труда. Указанная необходимость подкреплялась идеей «модернизации» и опытом той политической работы, которую европейские социалисты вели в основном в городах. А отсюда следовал вывод: индустриализация сельского хозяйства — это тот магистральный путь развития сельских районов Восточной Европы, который позволит вывести их из плачевного экономического состояния, поднять производительность труда и уровень доходов. В карикатурном виде эта идея была, по существу, воплощена в «агрофабриках», которые недолгое время существовали в СССР в 20-х годах. Теперь предстояло внедрить на селе тот триединый подход, который имел впечатляющий успех в промышленных центрах: крупные предприятия — значительные капиталовложения (в частности, в механизацию) — эффективное использование достижений научно-технического прогресса в производственном процессе.

Во-вторых, считалось, что коллективизация покончит с эксплуатацией крестьянских общин их более состоятельными членами. Тем самым будет завершено уравнивание, начатое ликвидацией огромных поместий и революционными переменами в землепользовании. Осуществление в сельском хозяйстве принципа «каждому — по труду» приведет к исчезновению остатков капиталистических классов и ознаменует решающий шаг к бесклассовому, справедливому обществу.

В-третьих, подобное развитие событий будет соответствовать подлинным чаяниям основной массы крестьянства, а потому успех обеспечен. С одной стороны, крестьяне глубоко заинтересованы в увеличении объемов сельскохозяйственного производства, равно как и в построении более справедливого и прогрессивного общества, которое сулит коллективизация. С другой стороны, благодаря существованию сельских общин крестьяне уже приобрели опыт местной кооперации (несмотря на низкий уровень развития производительных сил, а следовательно, простоту и традиционность их организационных форм). Вместо того чтобы сразу оказаться в заводских условиях, крестьянину предстоит промежуточный период. Сельская общность будет существовать и дальше, а тем временем преобразования в технологии и социальной сфере сведут на нет различия между социалистическим городом и коллективизированной деревней. Между тем перед молодым поколением, а также перед людьми с новыми взглядами, овладевшими современными профессиями, откроется параллельно широкое поле деятельности на крупных сельскохозяйственных предприятиях нового типа. Коллективизация рассматривалась как разумное сочетание модернизации и социализма, эффективности производства и справедливости, быстрых преобразований и преемственности общественного развития, коммунистического партийного руководства и воли народа.

Однако реальные результаты коллективизации оказались разочаровывающими. Производительность труда в колхозах во много раз ниже, чем у западных фермеров, и этот разрыв отнюдь не становится меньше. «Приусадебные участки» — ничтожно малая часть сельскохозяйственных угодий, которая дает поразительно большую долю общего объема производства сельскохозяйственной продукции Советского Союза¹. Во всем «социалистическом лагере» бегство крестьян из колхозов привело к принятию целого ряда ограничивающих законодательных актов. В деревнях полностью коллективизированной, промышленно развитой Чехословакии практически не осталось молодых людей, а колхозы превратились в очаги экономического застоя, для которых характерно падение производительности труда. В Югославии и Польше, где крестьянам вернули право выбора, 99% из них предпочли выйти из колхозов, «прого-

лосовав ногами» против коллективизированного хозяйства. Почти каждый год в тех странах Восточной Европы, где была проведена коллективизация, наступают продовольственные кризисы, сопровождающиеся административными передвижками и кампаниями по наведению порядка в сельском хозяйстве. Все это имеет серьезные последствия для народного хозяйства в целом. Зачастую просто чудовищная разница в темпах промышленного развития, с одной стороны, и производства продовольствия—с другой (при том, что в нем по-прежнему занята чуть ли не одна треть трудовых ресурсов СССР), нашла прекрасное отражение в гуляющей по Москве шутке про ребенка, который объясняет гостям: «Родителей нет дома. Отец улетел на Луну, а мама стоит в очереди за сахаром».

Объяснить эти достаточно хорошо известные факты не так уж просто. В конце концов широкомасштабная специализация и механизация действительно позволили быстро увеличить промышленное производство, а совместный труд был провозглашен средством освобождения не только бюрократами. Сами инициаторы коллективизации объясняли подобные трудности (всегда «временные» и возникающие «вопреки общему прогрессу») чем угодно: от неискоренимого крестьянского консерватизма до прямого саботажа кулаков и агентов империализма. Отсюда и постоянное возвращение к мысли Каутского о том, что отсталость изначально присуща сельскому хозяйству и потому оно обречено плестись в хвосте промышленного прогресса. С другой стороны, приверженцы «свободной Европы» в этом усматривают доказательство естественной и неизменной склонности любого человеческого существа к рыночной демократии.

Было бы полезно и своевременно несколько демистифицировать риторику вокруг коллективизации. В самом деле, историками уже создано немало крупных работ о генезисе коллективизации. Сторонники коллективизации почти никогда не упоминали основной причины ее проведения в России в 1920—1936 гг. Однако эта причина была блестяще вскрыта Преображенским еще в 1922 г. В своей книге «Новая экономика» он утверждал, что необходимой индустриализации должна предшествовать стадия «первоначального накопления капитала»². В Англии этот процесс был

связан с эксплуатацией колоний, созданием внешнеторговых монополий и экспроприацией крестьянства путем огораживаний. Советская Россия не могла воспользоваться первыми двумя способами накопления. Следовательно, оставался только один путь: эксплуатация крестьянства как средство обеспечения экономического «взлета» — вплоть до того, как накопление промышленного капитала в промышленности станет достаточным для дальнейшего развития. Коллективизация 1929—1933 гг. осуществляла именно эту задачу. То есть в рамках курса на индустриализацию у крестьян изымался прибавочный продукт, чему способствовал всеобъемлющий контроль над средствами производства. К тому же, как показано в работе М. Левина³, в этих мерах было не так уж много спланированности и «рациональности», во многом они породились кризисом снабжения продовольствием, который в свою очередь был следствием неадекватности и недостаточной квалификации работников органов управления. Кризис разрешался с помощью грубой силы, что влекло за собой уничтожение ресурсов в огромных количествах. Оправдание, «логическое обоснование» и восхваление происшедшего начались позднее.

Однако исторические корни коллективизации все еще сами по себе не проясняют ситуации в целом. Остается вопрос: почему укрупнение сельскохозяйственных предприятий, механизация и т. д. не привели к более быстрому (и более значительному, чем в Западной Европе) росту производства? Более того, почему в дальнейшем, по завершении стадии «первоначального накопления капитала» и в условиях промышленного подъема, положение дел — пусть с опозданием — так и не улучшилось?

Интересно, что Россия не только впервые явила миру «коллективизацию сельского хозяйства», но и выработала ряд основополагающих подходов, необходимых для ее критического осмысления. После всех идеологических примитивов этот анализ до сих пор позволяет оценить проблему более глубоко и свежим взглядом. Я имею в виду главным образом работу Чайнова и его соратников, их рассуждения о «вертикальной» и «горизонтальной» концентрации ресурсов, а также о кооперации как одном из возможных путей модернизации традиционных крестьянских обществ⁴.

Эта школа черпала вдохновение в основном в коллективном опыте отечественных агрономов, специалистов по экономике и социологии села. Нужно отметить, что в тот период Россия шла впереди всех в мире в исследовании проблем деревни.

Программа, которую Чаянов назвал программой горизонтальной кооперации, предполагала объединение всех ресурсов деревни с целью укрупнения хозяйств. Расчет делался на лучшее использование фактора механизации производства, а следовательно, на повышение производительности труда. Должны были получить развитие также уравнивательные тенденции, демократия, выраженная в том, что функции управления будут переданы общему собранию трудящихся. По существу, горизонтальная кооперация была сталинской моделью коллективизации.

Чаянов и его соратники подчеркнули необходимость учета специфических особенностей сельскохозяйственного производства и деревенского общества. Вот их основные позиции.

1. Максимальное увеличение размера хозяйств не сопровождается автоматическим ростом объема производства. Если концентрация земли, машин, рабочей силы превышает некий предел, это чревато серьезными трудностями с транспортировкой, разделением труда, эффективностью руководства и т. д. То есть дальнейшее укрупнение становится нецелесообразным. Следовательно, вопрос не в том, чтобы предприятие было как можно больше, а в том, чтобы его размер был оптимальным, и в сельском хозяйстве оптимальный размер будет намного меньше, чем в промышленности. И в довершение этот оптимум неодинаков, если речь идет, скажем, о выращивании зерновых и овощей: в последнем случае хозяйства, как правило, гораздо более мелкие.

2. Приверженность уравнивательным принципам, демонстрируемая передачей функций управления предприятием общему собранию производителей, будет с учетом существующих условий означать, что в руках небольшой кучки бюрократов окажутся необычайно широкие административные полномочия. Недостаток образованных (да просто элементарно грамотных) людей, организационных навыков, опыта и квалификации — все это неизбежно повлечет за собой низкий уро-

вень компетентности, подверженность коррупции; нижнее звено управления не выдержит напора гигантской бюрократической машины государства и вместо того, чтобы отстаивать местные интересы и чаяния, довольно быстро превратится в ее уполномоченного представителя. Так на смену типам эксплуатации традиционно патриархального уклада крестьянской жизни придет эксплуатация мелких бюрократов. На фоне падения компетентности и ослабления преданности руководства интересам своих коллективов произойдет новое разграничение привилегий их членов.

3. Горизонтально организованный кооператив рассечет типичные для традиционного крестьянского общества «вертикальные» линии социальной организации: власть, разделение труда и взаимная поддержка (взять хотя бы патриархальные отношения между соседями). Иными словами, подрывая привычные устои, такой кооператив не сулит взамен очевидных экономических выгод. Следовательно, внедрение горизонтальной кооперации будет неизбежно сопряжено с преодолением сопротивления крестьянских масс. Под угрозой будут поставлены основы заинтересованности крестьянина в результатах своего труда, что особенно опасно в сельском хозяйстве, где в целом невозможно применить те же методы количественного либо качественного контроля производства, как в промышленности. Это повлечет за собой ожесточенное столкновение между чужаками, полномочными представителями государства и местными крестьянскими вожаками. А в результате — уничтожение и без того скудных ресурсов, а также не менее ценных кадров организаторов и практиков земледелия.

4. В работе Чаянова косвенным образом поставлен еще один вопрос, который был окончательно сформулирован учеными следующего поколения. Советский «кооператив горизонтального типа» в любом случае не сулил крестьянину ничего хорошего: с одной стороны, тот утрачивал относительную свободу мелкого хозяина, а с другой — так и не получал восьмичасового рабочего дня, твердой зарплаты или пенсии по старости, то есть всего того, что предоставляется промышленным рабочим.

В этой связи ответом Чаянова и его единомышленников на необходимость перемен была разработка кон-

цепции «вертикальной кооперации», или, можно сказать, кооперативной коллективизации, причем в приемлемых для крестьянства формах. На их взгляд, типичная для промышленности концентрация капитала не дает сходных результатов в сельском хозяйстве. Стихийное развитие крестьянских хозяйств в условиях рыночной экономики ведет, скорее, к общественному разделению труда «по вертикали», то есть к специализации. Торговый капитал отстраняет мелких производителей от решения части производственных проблем (получение ссуд, сбыт готовой продукции и т. д.), ставя это дело на региональную или общенациональную основу. Отсюда — эксплуатация фермеров (Макаров, например, подчеркивал, что американские фермеры в 20-х годах лишались таким образом 65% дохода). В рамках программы вертикальной кооперации должна получить признание и поддержку общая тенденция к общественному разделению труда и специализации, но при этом новые виды услуг нужно передать в руки кооперативных организаций, которые станут руководствоваться исключительно интересами своих членов. Такие кооперативы будут способствовать подъему сельского хозяйства и в то же время не допустят эксплуатации крестьян как капиталистами, так и государственной бюрократией.

Кроме того, вертикальная кооперация призвана обеспечить гораздо более гибкое решение проблемы оптимизации размера хозяйств («теория дифференцированных оптимумов»). Различные отрасли сельскохозяйственного производства можно разделить на разные категории: те, где оптимально привлечение трудоспособного населения нескольких деревень (в другом случае — одной деревни), и такие отрасли, с развитием которых лучше всего справятся отдельные семейные хозяйства. Подобная кооперация, а именно комбинация крупных и мелких хозяйственных форм, гарантирует выход на оптимальные уровни производства, что принесет максимальную пользу как ее членам, так и народному хозяйству в целом. Если события будут развиваться известным и приемлемым для крестьян образом, суля очевидные и прямые выгоды, то можно не сомневаться, что предложенные преобразования найдут поддержку в деревне.

Основные идеи чаяновского исследования представ-

ляются удивительно актуальными. По-видимому, коллективизированное сельское хозяйство восточноевропейских стран сталкивается в основном с трудностями структурного характера, как это и было предсказано с помощью аналитической модели, разработанной группой Чаянова. Теперь уже и самым твердолобым чиновникам в Восточной Европе приходится отдавать себе отчет, что сельское хозяйство стало главным из узких мест национальной экономики и что речь не идет о всего лишь временных трудностях, которые исчезнут сами по себе. В самом деле, ожесточенные споры о том, как улучшить положение дел, идут непрерывно и довольно открыто (по крайней мере со времен Хрущева). В числе предлагаемых решений: крупные капиталовложения в сельское хозяйство, производство удобрений или «инфраструктуру» (дороги, складские помещения); более глубокое овладение секретами сельскохозяйственного производства и/или общей культурой; стимулирование заинтересованности земледельцев в результатах своего труда путем существенного повышения цен на сельскохозяйственную продукцию. Однако за пределами дискуссии, как правило, остается вопрос о социальном устройстве деревни как решающем факторе сельскохозяйственного производства. К тому же рекомендации экономистов (при всей их эффективности в том, что касается управления сталеплавильными заводами или цехами) на удивление мало учитывают специфические особенности сельского хозяйства в реально существующем обществе. И по сей день дальнейший прогресс советского сельского хозяйства зависит от способности перестроить систему земледелия с учетом всего своеобразия этой отрасли производства.

1. Эти участки (3% сельхозгодной страны) в 1958—1965 гг. давали до одной трети общего объема производства сельскохозяйственной продукции.—См.: *Soviet Studies*, 1969, vol. XX, № 1, p. 52—53.

2. Преображенский Е. Новая экономика. М., 1922.

3. См.: Lewin M. *Russian Peasants and Soviet Power*. London, 1968.

4. См.: Чаянов А. В. Основные идеи и формы организации сельскохозяйственной кооперации. М., 1927.

51. Земельные реформы в экономическом развитии — контртезис

Среди исследователей экономического развития Японии нет разногласий относительно того, что сельское хозяйство внесло значительный вклад в строительство мощной индустриальной базы. Оно было источником валютных поступлений от экспорта продукции и сэкономило валюту, предлагая заменители импортных товаров, что помогало приобретать машины и сырье, которые тогда приходилось покупать за границей. Неуклонно увеличивая производство, оно обеспечило растущее городское население продовольствием по довольно низким ценам. Земельный налог дал значительную часть фондов, обеспечивавших коммуникации, местное управление и систему образования, — а прибыли помещиков дали тот капитал, который пошел в основном на развитие мелкой промышленности. Рост же производительности в сельском хозяйстве сделал это «изъятие» средств возможным без такого значительного понижения уровня жизни на селе, которое вызывает неконтролируемую политическую нестабильность.

Происходило ли сказанное отчасти благодаря или вопреки природе существовавшей системе поземельных отношений? Ведь сейчас никто не отрицает, что система институтов собственности, в рамках которой осуществляется землевладение и землепользование, является важным фактором, определяющим производительность сельского хозяйства. Поэтому, допуская, что сельское хозяйство внесло значительный вклад в экономический рост Японии, мы, естественно, задаемся вопросом, было ли достигнутое тем максимумом, на который оно было способно? Или, возможно, при другой системе землепользования сельское хозяйство могло бы сделать еще больше?

На этот, как и на все другие вопросы из человеческой истории, можно ответить лишь предположениями,

взятыми из сравнений с другими странами. Для таких сравнений полезно иметь типологию. Предлагаемая мною типология не имеет никаких достоинств, за исключением, может быть, того, что она применима к самым разным ситуациям и дает удобную основу для обобщений.

Она чуть шире простого различия между двумя типами земельных реформ, классифицируемыми по типу помещика, чья власть и собственность затрагиваются в ходе их проведения. Первый тип — это помещик, который получает контроль над территорией вследствие военного покорения или путем феодализации, пребывает на ней в качестве военачальника, защищающего безопасность своих подданных. Поначалу он полный правный господин и хозяин во всех отношениях; он получает продукт от земледельца по праву своей монополии на насилие; политический контроль и экономическая эксплуатация едины и неразделимы, а потому здесь нет концептуального различия между рентой и налогом.

На более поздних стадиях развитие центральной государственной власти может ограничить автономию и деспотизм помещика. Центральное правительство может требовать для себя монопольного права взимать налоги, а бывшему феодальному магнату тогда остается получать ренту. Однако он все еще может осуществлять политическую власть в своем наследственном поместье благодаря предустановленному (*ascriptive*) праву, впрочем, он может постоянно жить в столице и осуществлять власть через уполномоченных, лишь время от времени наезжая в свои владения для наблюдения или участия в церемониях.

Для второго типа помещика характерно достижение своего положения *экономическими* средствами в рамках системы с установившимся политическим порядком. Иногда он может быть купцом, иногда процветающим фермером, получающим землю благодаря нераспорядительности или невезению других, иногда — ростовщиком. В каких-то пределах он может также осуществлять политическую власть, но эта власть осуществляется в рамках системы правления, в которой он не обладает предустановленным правом; у него всего лишь власть манипулировать ресурсами, полученная в силу его более крепких экономических позиций. У помещиков второго типа и поместья были несколько меньше, чем у помещиков первого типа, и жили они вбли-

ти от своего землевладения. Они могли, если использовать марксистскую терминологию, действовать как сельская фракция буржуазии, как консервативная политическая сила, пользующаяся преимуществами контактов с городскими политиками и обеспечивающая последних необходимой поддержкой в протодемократических системах. Они не обязательно являются препятствием на пути экономического прогресса, а в некоторых случаях могут быть агентами экономического развития.

Из первого различия логически следует еще одно различие. То, что можно назвать первой ступенью перераспределения,—это та ступень, на которой экспроприируется первый тип помещика или резко сокращается его власть. Вторая ступень земельного перераспределения—это та ступень, на которой экспроприируется или ослабляется власть второго типа помещика.

Для некоторых стран эта классификация, по-видимому, очень подойдет. Можно точно выделить два различных исторических события, представляющих две стадии земельной реформы. Проходившие после первой мировой войны в Чехословакии, Югославии и других странах бывшей Австро-Венгерской империи земельные реформы были реформами первой ступени, те же, что проходили после второй мировой войны, были реформами второй ступени. Земельную реформу в России после революции можно отнести к реформам первой ступени, а коллективизацию, уничтожившую власть *кулаков*,—ко второй. Есть страны—например, Англия, где не было реформ первой ступени и где помещик первого типа никогда не исчезал. Там их местная политическая сила уменьшилась до такой степени, что лишь в самых отдаленных районах сельской Шотландии потомки знати, такие, как лорд Хоум, могли требовать себе места в парламенте чуть ли не как наследственного права. Однако они продолжали осуществлять экономическую власть над своими владениями, и эта власть никоим образом не отличалась от власти помещиков второго типа, получивших землю экономическими методами, часто путем инвестиций в мелкие имения прибылей, полученных из промышленности и торговли. (Споры историков на тему возникновения и падения «джентри» и «аристократии» говорят о том, что уже для XVI века трудно разделить два типа помещиков.)

Во Франции, напротив, перераспределение первой ступени довольно четко проявилось в знаменательных событиях 1789 г., но ни в Англии, ни во Франции не было перераспределения второй ступени. Зато в обеих странах помещики второго типа, поддерживающие буржуазные режимы XIX века, были принуждены — по мере того как убывала их политическая власть — принимать перераспределявшие доход, но не затрагивавшие земельную собственность реформы землепользования. В этих странах, и особенно в Англии, *до того*, как рост народонаселения создал серьезное давление на землю, индустриализация и способность помещиков принять постепенную реформу (разве только из-за того, что они уже приобрели также и существенные промышленные интересы) создали ситуацию, при которой предприимчивых арендаторов можно было бы счесть за представителей процветающего среднего класса. С другой стороны, в Ирландии более сильное давление населения на землю, более острая нужда арендаторов и упорное нежелание помещиков принять реформу привели не к постепенной эволюции, а к резким переменам, результатом которых была фактическая ликвидация в течение десятилетия помещиков первого типа.

Далее, существуют страны, где земельная реформа первой ступени прошла лишь совсем недавно: Индия, например, где устранение джагирдаров и заминдаров не оказало непосредственного воздействия на помещиков второго типа, и Иран, где мерами первоначальной земельной реформы были затронуты лишь владельцы целых деревень.

Однако в современном мире наблюдается новое явление: это — ускоренное распространение средств сообщения, образования и рост политического сознания; одним из результатов этого процесса стали настойчивые политические требования земельной реформы даже в странах такого уровня экономического развития, на котором сто лет тому назад эффективно организованные политические требования любого рода были бы просто немислимы. Отсюда сильное политическое давление на земельную реформу второй ступени в Индии, лишь около десятилетия спустя после первой. Отсюда вторая волна земельных реформ в Иране, которая через два года после первой нацелилась на поместья менее крупных помещиков. Отсюда также страны, где

были спрессованы первая и вторая ступени земельной реформы, страны, совершившие скачок от структуры больших «феодалных» владений к атомизированной крестьянской собственности. Недавно Боливия дала этому прекрасный пример.

Тот, кто признает за этой типологией некоторую ценность, не станет сомневаться относительно ее применимости к Японии. Революция Мэйдзи и создание централизованной правительственной системы лишили (правда, с приличной компенсацией) японских помещиков первого типа, *даймё*, владений. Они оставались зажиточными, но земельная собственность больше не составляла их богатства. Став столичной аристократией, они почти полностью потеряли политическое влияние на местах, и, хотя их, разумеется, наделили местами в политической системе — в палате пэров, — последняя никогда не находилась в центре политической власти.

Сам по себе этот факт имел чрезвычайное значение для японской индустриализации. Те, кто контролировал политику после революции Мэйдзи, были не земельной знатью, а представителями бюрократической системы, доходы которых зависели от жалованья и от менее формальных источников, открывавшихся им через более или менее коррумпированные отношения с новым индустриальным классом. Вот почему у них не было личной заинтересованности в защите сельскохозяйственных доходов за счет замедления роста промышленности. Они могли поддерживать, да и на самом деле поддерживали, высокий уровень налогообложения сельского хозяйства. Здесь резкий контраст с тем, что имело место, скажем, в Англии, где земельная аристократия с сильными личными сельскохозяйственными интересами поддерживала свое политическое влияние вплоть до относительно высоких ступеней промышленного развития. С середины XIX века, с отменой хлебных законов, обозначилось окончательное превосходство промышленных интересов. Аналогично в довольно многих современных странах Латинской Америки находящийся у власти традиционный помещичий класс (усиленный теми, кто обратил накопленное в городе на покупку поместий и воспринял традиционные ценности) продолжает оставаться помехой серьезному промышленному развитию.

Устранение *даймё* расчистило путь помещикам вто-

рого типа, тем мелким помещикам, которые во второй половине эпохи Токугава с помощью экономических средств приобрели контроль над землей. Первые десятилетия нового режима показали расширение их власти: различные факторы — в особенности новая налоговая система — увеличили количество земли, находившейся под контролем этих помещиков, примерно с 30 до 45% всего земельного фонда. Они оставались доминирующей экономической и политической силой в японской деревне, пока проведенные в 1947—1949 гг. земельные реформы второй ступени не вывели их из игры.

Экспроприировавшие *даймё* земельные реформы первой ступени, несомненно явились существенной предпосылкой развития Японии. Поэтому вопрос, была ли система землепользования после 1870 г. наилучшей в плане поддержки развития, переходит в такой вопрос: могла ли земельная реформа второй ступени успешно произойти раньше? Допустим, что правительство Мэйдзи настояло бы на том, чтобы выпущенные в 1870 г. сертификаты всегда давались действительным земледельцам и чтобы все прочие требования и залоги не принимались в расчет или компенсировались; допустим также, что оно наложило бы жесткие ограничения на размеры земельного участка, который могла приобрести семья; иначе говоря, допустим, что земельные реформы первой и второй ступеней были бы спрессованы в одной реформе таким образом, что непосредственно образовывалась бы система мелкокрестьянского землевладения. Был бы тогда рост сельскохозяйственного производства более быстрым, или, другими словами, был бы тогда вклад сельского хозяйства в развитие всей экономики более весомым?

Существуют основания для отрицательного ответа.

1. Эти помещики были деревенскими помещиками и часто сами работали на земле, они знали толк в сельском хозяйстве, и у них были личные мотивы для улучшения условий ведения хозяйства для их арендаторов. (Хотя ренты были, в общем, фиксированными рентами в продукте, обычай сокращать ренты в трудные неурожайные годы сохранил элементы издольной системы.) Многие из них, вследствие отсутствия опыта руководства деревней и контактов с классом *самураев*, развивали конфуцианские идеи об отеческой ответственности, означавшие, что их экономические интересы иногда

усиливались чувством морального долга улучшать производственные методы их арендаторов для пользы последних. А в результате у них был *мотив* использовать базировавшийся на экономике их политический контроль над деревенским обществом для совершенствования сельского хозяйства.

2. Они находились также в лучшем, чем их односельчане, положении в отношении *знания*, как и что делать. Они были богаче, и у них было больше свободного времени, они больше путешествовали. Они брали в жены женщин издалека и, следовательно, имели более широкие родственные связи. Они могли получать образование и были иногда единственными грамотными жителями своих деревень. Следовательно, они имели большие возможности, для того чтобы знакомиться с более совершенными производственными методами, применявшимися в других местностях, и находиться в контакте с национальными центрами технической инновации — но часто они сами были новаторами и экспериментаторами.

3. Многие из производственных нововведений в сельском хозяйстве в этот период — а здесь и схемы по перепланировке землевладений, направленные на содвинение участков, и планы ирригации, и строительство дренажных систем — требовали создания новых оформленных организаций. Таковыми были и создание новых рыночных каналов, организация выставок и конкурсов, стимулирующих новаторское поведение, создание системы передвижного лектория по вопросам сельскохозяйственного развития и т. д. Все это можно было бы создать значительно легче, используя авторитарные приемы традиционной помещичьей власти, чем демократически убеждать большинство жителей деревни объединиться на платформе равенства в создании такого рода организации.

4. Роль помещика как связующего звена в системе коммуникаций, соединяющей деревню с центром правительства, была более важной, чем просто распространение сельскохозяйственных усовершенствований. Они были проводниками правительственной политики, без которых было бы гораздо больше крестьянских возмущений и всеобщей политической нестабильности. В то же время их собственные политические амбиции форсировали создание таких систем местной власти,

которые могли бы постоянно расширяться, с тем чтобы соответствовать растущим требованиям участия в политике. Если бы не было помещичьего класса, выдвигавшего в принципе довольно умеренные требования, чтобы их с известными коррективами могла принять правящая токийская олигархия, тогда бы с уступками могла выйти задержка и действительно революционные силы разрушили бы всю административную структуру. Особенно важной была роль помещиков как проводников правительственной политики в области образования и их ведущая роль в строительстве школ и расширении их сети. Деревенские помещики посылали своих собственных детей в деревенские школы и поэтому непосредственно были заинтересованы в школьных делах. Даже становясь абсентеистами, они в течение одного-двух поколений не теряли тесных связей со своей деревней, а желание поддержать «престиж дома» в той деревне, где находятся семейная земля и могилы предков, побуждало многих не жалеть собранных налогов и вкладывать деньги в деревенские школы и в общественные работы.

5. Помещики распоряжались «сельскохозяйственным излишком». Пока он находился в их руках, государство могло эффективно облагать его налогом. Более того, многие из помещиков использовали свое богатство производительно — на образование своих детей и на вложения в переработку продовольственного сырья и в другие отрасли местной промышленности. Если бы это богатство не выжималось ими из арендаторов, то оно использовалось бы на непосредственное потребление, а общий уровень накопления и темп экономического развития были бы ниже.

6. Исходя из таких ситуаций, как, например, в Бolivии, где наложение земельных реформ второй ступени на реформы первой ступени оставило деревню без мелких помещиков и лишило ее тем самым структуры местного руководства, можно по аналогии утверждать, что и здесь, по-видимому, не просто не было бы экономического роста, но произошел бы спад производства и началась бы административная анархия.

В качестве контртезисов вышесказанному можно привести следующее:

1. Помещики могли принести новые идеи и новую технологию в деревню, но этот плюс сводился на нет

известными минусами арендной системы; фактом остается то, что одна лишь незащищенная аренда отнимала у арендаторов все стимулы для введения новшеств и усовершенствований, рассчитанных на долгосрочный эффект, как и то, что рентное бремя удерживало арендаторов в таком бедственном состоянии, при котором они не могли обеспечить вложений даже, например, в удобрения, дававшие самое большое увеличение продукции.

2. Была ли санкционированная традицией власть помещиков непременным условием для создания организационной структуры, необходимой для совершенствования сельскохозяйственной практики,— вопрос спорный. Сотрудничество равных — старая традиция японской деревни. Существовали и такие деревни, особенно в коммерчески более развитых районах Центральной Японии от Гифу до Хиросимы, где влияние помещиков было менее сильно и где преобладал более эгалитарный тип деревенской структуры. Эти районы не показывали заметного отставания в развитии столь необходимых для сельского хозяйства кооперативов, и нет оснований предполагать, что авторитарная деревня не могла бы приспособиться к более эгалитарным формам, если бы было устранено влияние помещиков, как это и произошло после 1950 г.

3. Помещики могли вложить некоторые из тех средств, которые они выжали из арендаторов, в производство, но эти средства шли отчасти на преступное потребление дорогих импортных товаров. Если бы доходы в деревне распределялись более равномерно, не было бы столь больших местных вложений в торговлю и промышленность, но зато быстрее и шире распространилось бы народное образование. Много больше жителей деревни смогли бы послать своих детей в школу на, скажем, шесть лет вместо четырех.

4. Завладение помещиками местными институтами политической власти было потерей для сельского хозяйства, а не выигрышем. Как только им было разрешено представительство в парламенте страны, их главные интересы направились в сторону сокращения лежавшего на них налогового бремени. Это давление на национальный бюджет замедлило рост сельскохозяйственных исследований, служб развития и систем кре-

дитования развития. Если бы голос жителей деревни в парламенте был бы голосом настоящих, работающих фермеров, то этими бы статьями не пренебрегли.

5. Политическая стабильность деревни, обеспечиваемая властью помещиков, также была скорее потерей, чем выигрышем. Если бы требование политического участия выросло до революционных пропорций до того, как были сделаны уступки, то возникла бы настоящая революционная ситуация и демократическая политическая система с правительством, по-настоящему преданным благу народа, могла бы появиться еще раньше.

Нет возможности дать какое-либо определенное заключение по данному вопросу. В итоге, по-видимому, трудно признать (при данном уровне насилия, связанного даже с политикой среднего класса, и даже в 20-х и 30-х годах), что в эпоху Мэйдзи из победоносной народной революции мог бы появиться режим такой стабильности и такой силы, чтобы он смог планировать экономическое развитие. Так же, видимо, трудно допустить, что организационные и технические нововведения в деревне могли бы пройти столь быстро без обращения к традиционной власти помещиков. Я склонен полагать, что экономическое развитие шло бы медленнее, если бы земельная реформа второй ступени прошла бы раньше, скажем, 1900 г.

Но уже в 1920 г. ситуация стала другой. Тогда большинство фермеров были грамотны и в большей степени способны воспринимать информацию о новых методах в сельском хозяйстве, а также образовывать организации, необходимые для внедрения этих методов в практику. (Как заметил в 1963 г. Джон Гэлбрейт: «Нигде в мире нет неграмотного крестьянства, которое было бы прогрессивно, равно как и нет нигде грамотного крестьянства, которое не было бы прогрессивно».) Гораздо важнее отметить, что если традиционная власть помещиков и была использована в период Мэйдзи в производственных целях, то это произошло только потому, что арендаторы признавали эту власть. В 20-х годах с ростом числа конфликтов относительно рент и с созданием арендаторских союзов арендаторы начали терять отличавшую их покорность. Поэтому к тому времени преимущества помещичьего контроля исчезли. Остались одни лишь отрицательные стороны — слабые стимулы и бедность арендаторов. Реформа второй сту-

нии после 1920 г., по-видимому, никак не прекратила бы ускорения экономического развития и формирования более удовлетворительной внутренней политической структуры (более удовлетворительной, по нашим сегодняшним оценкам) и, насколько возможно, изменила бы также внешнюю политику Японии.

На эту тему следует сделать еще два замечания. Первое касается оценочных выводов из того факта — если его можно счесть фактом, — что помещики эпохи Мэйдзи внесли свой вклад в дело экономического развития Японии. Японские историки склонны писать о помещичьей системе периода Мэйдзи как о социальном зле. Отчасти это ретроспекция, опрокидывание в прошлое сегодняшних суждений; но допустим, что такой ретроспекции нет, как тогда ответить на утверждение, что в результате экономического развитие быстрее прошло бы с помещиками, чем без них? Один ответ, который, вероятно, устроил бы большинство, гласит, что это утверждение ложно и что мои выводы относительно баланса между двумя рядами аргументов неверны. Но есть и другой ответ. Можно принять это положение и продолжать утверждать, что земельная реформа второй ступени была желательна на самой ранней стадии. Можно допустить, что помещики помогли ускорить ход экономического развития, но что это было сделано за счет нищеты арендаторов и ценой сохранения оскорбляющей человеческое достоинство системы социальных отношений в деревне. Можно утверждать, что лучше было бы поправить положение арендаторов эпохи Мэйдзи, даже если это и означало бы замедление экономического роста, даже если бы это отодвинуло время появления телевизоров в японской деревне с 1960 г. на 1980 г., на поколение правнуков тех арендаторов, а не внуков. Это самый весомый аргумент. Действительно, экономический рост — это еще не все в жизни. Перед каждым, кто планирует процесс развития, стоит очень трудный вопрос: каким улучшением жизни будущих поколений оправдываются жертвы в личном благополучии поколения нынешнего?

Второе замечание таково: если не прибегать к резким модификациям, сделав из истории Японии эпохи Мэйдзи вывод о том, что помещичья система малых деревень была благоприятным фактором на начальных

этапах экономического роста, не следует пытаться применить этот вывод как «урок» к сегодняшней ситуации. В качестве урока это не годится по многим соображениям. Темп роста народонаселения в современных развивающихся странах гораздо выше японского в период Мэйдзи, а это добавляет новое измерение в проблему сельского развития. С тех пор значительно улучшилась техника связи, что делает менее необходимой информационно-посредническую функцию помещиков эпохи Мэйдзи по проведению политики. Многие страны меньше нуждаются в традиционном секторе сельского хозяйства как источнике получения капиталов для промышленности; они в большей мере рассчитывают на доходы от продажи сырья, на иностранную помощь или на поступления от пошлин, налагаемых на экспортную продукцию капиталистических плантаций. Кроме того, политическая революция XX века — давшая понимание, что все правительства должны черпать свою силу в избирателях, — вместе с развитием средств массовой информации создала даже в бедных странах, даже в тех экономических системах, для которых характерно преобладание самодовлеющего крестьянского хозяйства, политический спрос на земельные реформы. Это означает только то, что традиционная *поддержка* власти помещиков — необходимое условие того, что помещики могли сыграть полезную роль в Японии периода Мэйдзи, — уже разрушена. Социальные отношения в деревнях современных развивающихся стран часто доходили до конфликтного уровня, похожего на конфликты 1920 г., даже несмотря на то, что сельскохозяйственное развитие могло оставаться на уровне 1870 г.

Обеспокоенность всеми этими историческими вопросами существует не только потому, что на них редко можно найти удовлетворительные ответы. Даже если удастся найти такой ответ, из него едва ли можно будет извлечь урок, который окажется полезным для решения стоящих сегодня перед нами проблем. И пусть существуют пути, по которым страны мира движутся в разных направлениях — бедные становятся относительно беднее, а богатые относительно богаче, — есть и другие пути, по которым движется мир как целое, — пути накопления научного знания и политических идей.

52. Крестьяне, капитализм и государство в Латинской Америке

Состояние сельского хозяйства и положение крестьян в общественном разделении труда можно проанализировать только в рамках отношений со всей той общественной формацией, частью которой они являются. В нее входят экономическая структура и ее включенность в мировой рынок, социальная структура с присущими ей способами контроля над излишком, ряд институтов, составляющих государство, включая как госаппарат, так и правительство, осуществляющее официальный контроль над последним. Следовательно, изучение крестьянства должно быть соотнесено с определенным историческим, географическим, экономическим и институциональным контекстом. Только путем привязки к этому контексту можно понять работу крестьянских хозяйств, уровень их благосостояния, их расслоение на различные классы, а также их устойчивость, исчезновение или их трансформацию. Именно этим контекстом обусловлен динамический треугольник отношений между крестьянами, капитализмом и государством.

Хотя при изучении крестьянского поведения обнаруживается сильная зависимость от обстоятельств, существует целый ряд неких констант, которые можно найти в разных общественных формациях, которые объединяют различные категории крестьян. Одна такая константа — это природа крестьянского производства, в основе которого семья и мотивацией для которого служит обеспечение воспроизводства производителей и самой производственной единицы. Это придает крестьянскому хозяйству разительное отличие от коммерческого сельского хозяйства: полное привлечение семейного труда в целях производственного использования; нерасчлененность статей дохода; частичная рыночная направленность продукции; включенность в про-

изводство членов семьи (например, детей, стариков и беременных), имеющих на рынке труда нулевую оценку; также поведение, в котором главное — обеспечение безопасности, минимизация риска. Другая константа — это социально подчиненное положение крестьян, которое приводит к отчуждению их прибавочного продукта в самых различных формах; неблагоприятные условия торговли и низкие заработки, а также ростовщический кредит. Наконец, географическая распыленность крестьян и личностная природа по крайней мере некоторых из отношений господства и подчинения, в которых они пребывают, делают формы их коллективного действия спорадическими и еще оборонительными.

Эти крестьянские константы (семейное производство, социальная подчиненность и оборонительная стратегия) в разных общественных формациях по-разному проявляются в производственной деятельности, в благосостоянии, в социальной дифференциации и в живучести крестьян. Необходимо рассеять научную близорукость многих исследователей, изучавших процесс сельского развития и не уделивших достаточно внимания роли государства. Это свойственно как многим ортодоксальным марксистам, для которых существует капитализм с его законами движения, а не государство, так и многим либеральным экономистам, для которых существуют рыночные силы, но опять же не государство. Государство занимается не только крупными реформами, такими, как перераспределение земли, оно вовлечено в крупномасштабные манипуляции с ценами, кредитом, зарплатой, технологическими альтернативами и с образовательными возможностями, и все это оказывает сильное воздействие на благосостояние крестьян, на их живучесть или исчезновение.

Периферийный капитализм, или дешевый труд как двигатель промышленного роста

Начнем с рассмотрения трех хорошо известных фактов, характеризующих рост латиноамериканских стран за последние 20 лет. Факт первый заключается в том, что хозяйства многих из этих стран были исключительно динамичны, показывая высокий темп промышленного роста, но что этот высокий темп роста был

крайне нестабильным, систематически усугублял неравенство в распределении дохода. Лучший пример дает Бразилия, где среднегодовой темп роста ВВП в период 1965—1980 гг. составил 8,5%, но в 1980—1982 гг. упал до минус 0,3%. Доля дохода богатейших 20% населения страны увеличилась с 54% в 1960 г. до 62% в 1970 г. и 63% в 1980 г. Второй факт состоит в том, что, несмотря на значительную вертикальную мобильность, уровню реальной зарплаты неквалифицированных рабочих в течение долгого времени не удавалось значительно подняться, а промышленный рост даже в период экономических бумов не мог принять оказавшуюся избыточной рабочую силу. В Чили, например, в то время как ВВП рос ежегодно в среднем на 8,5% в 1977—1980 гг., официальный уровень безработицы составлял 18%, а реальная заработная плата была на 20% ниже уровня 1970 г. Третий факт состоит в том, что наиболее высокий темп роста показали сектора, где производились дорогостоящие потребительские товары, автомобили или бытовые электроприборы и средства производства, а отнюдь не сектора, производящие товары широкого спроса.

Существует ряд теоретических толкований, почему экономический рост, происходящий в отдельных экономических и социальных структурах современных латиноамериканских стран, создает спирали неравенства. Всем этим структурам присущ один общий элемент: тенденция сделать дешевый труд двигателем роста современного сектора. Крайне неравномерное первоначальное распределение дохода, гораздо более неравномерное, чем это было в промышленно развитых странах на схожих с сегодняшними латиноамериканскими уровнях дохода на душу населения, проистекает из крайней неравномерности в распределении активов (в частности, земли), наличия избыточной рабочей силы и, следовательно, низкой зарплаты, использования в современном секторе технологии, требующей высокой квалификации и поднимающей уровень зарплаты квалифицированных рабочих и служащих, неблагоприятных для сельского хозяйства условий торговли. Эти источники неравенства усугублены ростом, который ревальвирует активы, ростом народонаселения как логичным ответом на бедность и тенденцией внедрять трудосберегающую технологию и таким образом уве-

ковечивать избыток рабочей силы. Увеличивающееся неравенство в распределении дохода искажает структуру эффективного спроса и тем самым — инвестиционную структуру в сторону вложений в предметы роскоши.

Программа инвестиций, в которой доминируют средства производства и предметы роскоши, имеет тенденцию сама себя усиливать: дело в том, что межсекторное распределение вложений до некоторой степени независимо от спроса, во всяком случае, определяется не только им. Это происходит вследствие той роли, которую играет государство, благоприятствуя вложениям госсектора в средства производства в целях ускорения будущего роста. Такой путь подсказывает теория планирования, рекомендующая инвестировать в сектора, производящие средства производства и предметы роскоши, ибо эти сектора имеют высокие обратные и прямые связи и вследствие той роли, которую играет иностранный капитал при вложении его в производство товаров, являющихся в развитых странах товарами широкого потребления, но — из-за больших различий в уровнях зарплаты между развитыми странами, с одной стороны, и развивающимися — с другой, — предметами роскоши в странах «третьего мира». Крепким на вложения в предметы роскоши и периодическим появлением избыточных производственных мощностей государство соответственно стимулируется к созданию эффективного спроса для поддержания роста. Это принимает форму потребительского кредита и потребительских налогов на покупку предметов роскоши и уступок в реальной зарплате квалифицированным рабочим и служащим, в то время как минимальная зарплата для неквалифицированных рабочих отстает от темпа инфляции.

От дешевого труда к дешевому продовольствию

В латиноамериканских странах имеет место систематическое занижение оценки сельскохозяйственных товаров (в частности, по сравнению с промышленным ширпотребом), в то время как в большинстве развитых стран имеет место обратное. Латиноамериканская политика дешевого продовольствия в основном проводится путем завышения обменного курса своей валюты,

введения торговых ограничений и фиксирования цен. Завышенный курс своей валюты понижает цены внутри страны как на импортируемое продовольствие, так и на местные продукты сельскохозяйственного экспорта. Торговые ограничения приняли форму выдвигаемых монополистическими торговыми объединениями экспортных налогов и экспортных запрещений. Фиксирование цен ведет к чрезмерному спросу и требует введения такого рационирования, как постные дни. Несмотря на долгую и постоянную социальную дифференциацию в сельском хозяйстве и десятилетия, если не столетия развития капитализма, крестьянство все еще существует и крестьян все еще много. Взять хотя бы латиноамериканское крестьянство: как часть экономически активного населения (ЭАН) оно увеличилось с 60% в 1950 г. до 65% в 1980 г. Абсолютная численность крестьянского ЭАН увеличилась на 31% за 30-летний период, несмотря на то что доля сельскохозяйственного ЭАН во всем ЭАН сократилась с 32% в 1950 г. до 20% в 1980 г. Это говорит о том, что, несмотря на интенсивную миграцию из деревни в город и значительное вытеснение традиционного сектора, крестьянство продолжает оставаться большим и растущим сектором общества.

Мотивы для политики дешевого продовольствия исключительно сильны. Удержание низких цен на продовольствие позволяет удешевить рабочую силу для современного сектора, что в свою очередь дает возможность сдерживать инфляционное давление и стимулировать промышленные вложения, увеличивая тем самым эффективный спрос на товары современного сектора, так как понижение расходов на продовольствие высвобождает средства для покупки других (то есть непродовольственных) товаров, и, наконец, это дает волю доверия правительству в глазах политически важного городского контингента избирателей. Последствием политики дешевого продовольствия и увеличения неравенства в распределении дохода стал перекосяк в структуре самого сельскохозяйственного производства, выразившийся в отходе от потребительских товаров в сторону экспортных культур, в утечке вложений в промышленность и в предметы роскоши. В результате — плохое функционирование сельскохозяйственного производства с выходом продукции, едва успевающей

за ростом народонаселения, и увеличение доли импорта в потреблении.

Капиталистические фермеры частично или полностью получают компенсацию от государства за низкую цену их продукции через социально дискриминирующие «институциональные ренты». Эти последние включают льготный кредит, общественные технические службы и службы развития, инфраструктурные проекты и дифференцированный подход к ценам на разные культуры в зависимости от того, кто их произвел и кто потребляет. Таким образом, пока экономическая политика выборочно компенсирует поддержку уровня прибыли на отдельных фермах и в отдельных видах деятельности, рынок уходит от производителей через разрушенную систему цен. В Бразилии, например, крупные фермы, производящие экспортные культуры, получают львиную долю льготного кредита. Следовательно, государственное вмешательство, осуществляемое путем искажения цен и введения институциональных рент, создает значительный крен в распределении ресурсов, что ведет к неэффективности и запрограммированности производства и к ускоренной социальной дифференциации, ущемляющей беднейшие слои населения, в частности крестьян, которые редко пользуются благами институциональных рент.

В условиях крайне неравномерного развития по фермам, видам деятельности, регионам и периодам крестьянство (равно как и городской неформальный сектор) продвигается по четырем различным путям в направлении к всемирному типу накопления. Крестьяне здесь определены как социальные группы, которые находятся в социальном пространстве между полностью безземельными сельскохозяйственными рабочими на одном полюсе и капитализированными семейными фермами, способными обеспечить отдачу от используемых ими факторов производства, равную отдаче от них на рынках факторов, на другом полюсе. В этих пределах мы найдем разные типы крестьян, выполняющих четыре основные функции, соответствующие логике несочлененного (дуалистического) роста.

Прорехи рынка труда и капитала позволяют зажиточным крестьянам, имеющим достаточное количество земли и способным производить излишек на рынок, поставлять продовольствие на рынок по значите-

льно более низкой, чем у капиталистических ферм, цене. Их преимущество в издержках имеет своей основой самоэксплуатацию, то есть использование в процессе производства набранной из родственников рабочей силы, имеющей на рынке факторов производства нулевую оценку. Если капиталистический сектор не может компенсировать это преимущество в издержках ни путем повышения общей производительности фактора, ни путем дискриминации доступа к институциональным рентам, то крестьяне могут превзойти капиталистов и поставить на рынок продовольствие, произведенное с низкими издержками, например в тех случаях, когда цена на него занижена из-за проводимой политики дешевого продовольствия. Таким образом, крестьяне продолжают существовать не только благодаря эффективному использованию ресурсов и самоэксплуатации, но и благодаря структурной логике, которая делает эту эксплуатацию частью требований дешевого труда — дешевого продовольствия для несочлененного роста.

В ситуациях, когда крестьяне не являются владельцами участка, избыток, возникающий на основе их эффективности и самоэксплуатации, может быть отчужден от них в форме ренты. Вот почему мы являемся свидетелями устойчивости издольных договоров даже при развитии капитализма. Они (эти соглашения) позволяют мобилизовать рабочую силу внутри родственных отношений, когда терпит крах рынок труда, в обход трудового законодательства, избегая издержек по надзору и передавая крестьянам часть произведенной продукции и рыночный риск.

Крестьяне с наделами, недостаточными для того, чтобы занять семейную рабочую силу в производстве, обычно полагаются на стратегию выживания, которая приводит их к разнообразным видам деятельности вне семейного земельного участка, в частности к продаже своей рабочей силы на стороне. Так эти крестьяне-полупролетарии могут покрыть часть издержек по поддержанию и воспроизводству хозяйства. Получаемая зарплата может упасть ниже этих издержек, и наниматели выгадывают на той субсидии, что проистекает из неоплачиваемого труда, применяемого на участке в крестьянском хозяйстве. Крестьяне становятся источником дешевой рабочей силы для капиталистического

хозяйства и прямо, в качестве работников современного сектора, и косвенно, как недооплачиваемые наемные рабочие на производящих продовольствие капиталистических фермах, которые могут за счет дешевого труда полупролетариев покрывать издержки политики дешевого продовольствия.

Последняя выполняемая крестьянами функция состоит в финансировании системы социального обеспечения крестьянства средствами самого крестьянского хозяйства, что делает возможными как поддержку и воспроизводство избыточной рабочей силы без каких бы то ни было издержек со стороны современного сектора, так и рассасывание политических напряжений, создаваемых сельской бедностью и неурядицами. Это особенно важно во время экономической стагнации, когда увеличивается безработица, а городская миграция резко сокращается и крестьянский двор вынужден принять на себя главный удар от роста продовольственных цен и безработицы. Это важно в процессе развития товарно-денежных отношений в сельском хозяйстве, когда такие традиционные системы безопасности, как отношения патрон — клиент и гарантированная занятость, которую давала принадлежность к социальным структурам, рушатся. А поскольку это является типичным для сегодняшнего развития «третьего мира» и резко контрастирует с историей индустриализации в странах Запада, то это, наконец, важно и тогда, когда развитие капитализма в сельском хозяйстве отчуждает крестьян от земли, предлагая в то же время недостаточно возможностей миграции и занятости в других отраслях хозяйства. При ограниченной мобильности распределения ресурсов (в противоположность типичным предположениям ортодоксальных экономистов) этот процесс быстрых структурных преобразований создает огромные слои населения, пополняющие крестьянский и городской неформальные сектора. В условиях слабого развития институтов социальной защиты родственные связи становятся беззатратной альтернативой системе социального обеспечения. Тогда функция крестьян по отношению ко всему хозяйству не в том, что они источник дешевого труда или дешевого продовольствия, а в том, что они — источник финансирования провалов системы. В этом случае их живучесть не дает оснований для вывода о более высокой эффективности

по отношению к капиталистическим фермам и об успехах периферийного капитализма в деле использования крестьянской способности к самоэксплуатации в качестве движущей силы рынков товаров или труда. Напротив, это свидетельствует о социальном провале периферийного капитализма.

Противоречивый дуализм и возможность дешевого труда

В то время как крестьяне выполняют целый ряд функций, которые объясняются системной логикой их живучести, ключом к пониманию самой этой живучести является их способность противостоять если не социальному расслоению, то по крайней мере отчуждению от земли. Своими приспособительными приемами в разделении труда по полу и возрасту на различных этапах жизненного цикла семьи крестьяне демонстрируют большое разнообразие стратегий выживания. Доходы, получаемые за пределами собственного или арендованного земельного участка, являются солидной составляющей валового дохода средних и мелких крестьянских хозяйств. Подворные обследования показывают, что работа на стороне дает 67% общего дохода хозяйства в штате Пуэбла, Мексика (в хозяйствах менее 4 га, составляющих 71% крестьянских дворов в регионе); 71% в Кахамарка, Перу (менее 11 га, 89% крестьянских дворов); 61% в Боливии (менее 5 га, 67% крестьянских дворов); 58% в Эквадоре (менее 5 га, 77% крестьянских дворов); 76% в Гватемале (в хозяйствах менее 1,4 га, составляющих 63% крестьянских дворов) и т. д.

Занятость в капиталистическом секторе сельского хозяйства за 30 лет увеличилась лишь на 7%, в то время как валовой продукт сельского хозяйства — на 85%. Получила широкое распространение замена постоянных наемных рабочих временными. В Чили, например, доля временных работников в общей массе лиц наемного труда, работавших на капиталистических фермах, увеличилась с 37 до 56% за 1956—1976 гг., а весь наемный труд — лишь на 3%.

Однако эксплуатация крестьян посредством дешевого продовольствия (условиями торговли), рентных платежей, дешевым трудом (низкой зарплатой) и финансированием самым крестьянским двором его собственных

программ социального обеспечения чрезвычайно зыбка, неустойчива, а поэтому она противоречит воспроизводству эксплуатации крестьян в перспективе. Сочетание бедности и контроля за производственными ресурсами питает демографический рост, поскольку делает детей орудием производства и защиты крестьянского двора. В результате происходит сокращение земельной базы в расчете на душу населения, что сокращает как рыночный излишек продовольствия, так и субсидии к зарплате. Данные сельскохозяйственных переписей показывают, что средний размер крестьянского хозяйства уменьшился за последние 30 лет в каждой из латиноамериканских стран, за исключением Чили и Никарагуа (где были проведены широкомасштабные земельные реформы), а также Венесуэлы. В Бразилии, например, средний размер фермы для хозяйств менее 10 га, составлявших в 1980 г. половину числа всех хозяйств, уменьшился с 4,3 га в 1950 г. до 3,5 га в 1980 г.

Бедность также стимулирует крен в сторону разработки природных ресурсов и краткосрочной оценки консервации. Подобно демографическому росту, экологическая деградация уменьшает наличные эффективные ресурсы в расчете на душу населения и понижает вклад субсидий на продовольствие и зарплату для крестьян.

Бедность также усиливает миграцию. Несмотря на то что миграция приносит выгоды мигрантам и положительно сказывается на бюджете крестьянского двора и на общине через перевод денег и повышение уровня потребления, в то же время она серьезно угрожает воспроизводству самих крестьян. Во многих общинах абсентеизм ведет к забвению земли, к порочным методам производства и к спекуляции землей. Миграция воспроизводит архаические общественные отношения и часто препятствует производительным вложениям из-за того, что отдача от инвестиций в миграцию гораздо выше. В результате крестьянские общины становятся отдаленными потребительскими пригородами конечных пунктов миграции. Разумеется, такое происходит не с каждым крестьянином и не со всеми общинами. Если существуют возможности выгодного вложения средств у себя дома, то преуспевшие мигранты могут инвестировать свои трудовые сбережения в приобретение статуса семейного фермера. В этом случае работа по найму выступит отнюдь не как симптом рас-

крестьянивания, а как окольный путь к получению более высокого крестьянского статуса на более поздней стадии жизненного цикла.

Эксплуатация крестьян и вызываемые ею противоречивые демографические, экологические и миграционные процессы ведут к трансформации характерных для крестьянства общественных производственных отношений. Несмотря на то что численность крестьян растет, а некоторые из них могут получить статус капитализированных семейных фермеров, большинство крестьянства сталкивается с сокращением земельной базы, уменьшением рыночного излишка земли и необходимостью еще больше работать по найму, для того чтобы поддержать уровень дохода. Поставленное между успешным развитием концентрировавших землю капиталистических и капитализированных семейных ферм, с одной стороны, и отсутствием достаточных возможностей занятости и миграции — с другой, вынужденное цепко держаться за земельные ресурсы, крестьянство все больше полупролетаризируется. В знаменитой латиноамериканской дискуссии между *кампенсинистами* (теми, кто считал, что крестьянству свойственна устойчивость) и *пролетаристами* (теми, кто полагал, что крестьяне превращаются в наемных рабочих) каждая из сторон была частично права и частично не права. Число крестьян не уменьшалось, но общественные отношения менялись, в частности крестьяне больше стали зависеть от заработков по найму; крестьяне пролетаризировались, но в большинстве случаев полной потери доступа к земле не происходило. Детальные статистические обследования показывают, что капитализация семейных ферм или полная их пролетаризация возможна лишь для небольшого числа хозяйств и что большинство латиноамериканских крестьян тяготеет к статусу полупролетариев. В их среде семейные предприятия сохраняются и продолжают свою сельскохозяйственную деятельность, но их существование все больше и больше зависит от заработанного по найму. В периоды экономических кризисов, как и в условиях современного долгового бремени, лежащего на латиноамериканских народах, возможности миграции сокращаются, а роль крестьян как гарантов финансируемого крестьянским хозяйством социального обеспечения возрастает.

Политика отношений между государством и крестьянством

Государство — это сложная и динамичная коалиция сил, представляющих, в соответствии с их относительной политической мощностью, интересы различных сегментов гражданского общества и агентов государства (бюрократов и политиков). Обладая определенной степенью самостоятельности по отношению к гражданскому обществу, государство может также действовать вопреки узкогрупповым интересам, с тем чтобы быть в состоянии ответить на системные кризисы, угрожающие экономическому росту или воспроизводству господствующего социального порядка. При периферийном капитализме эта относительная самостоятельность обычно употребляется для подчинения крестьян логике несочлененного роста и использования крестьянской стратегии выживания. Вмешательство государства ускоряет развитие капитализма в сельском хозяйстве и социальную дифференциацию крестьянства. Однако из-за того, что подчинение крестьян находится в противоречии с их воспроизводством, государство может также периодически выступать с прокрестьянскими инициативами, защищающими крестьянские права на землю и увеличивающими производительность труда на их семейных участках.

Самые важные государственные акции, стимулировавшие развитие капитализма в латиноамериканском сельском хозяйстве в то время, когда устанавливался функциональный дуализм по отношению к крестьянству, — это начавшиеся в 1917 г. в Мексике и завершившиеся в конце 70-х годов в Чили земельные реформы. Это были в основном антифеодальные реформы в том смысле, что они активно устранили различные формы трудовой зависимости, отработочные ренты и представляли собой переход к наемному труду. Во всяком случае, создавалась дуалистическая аграрная структура. С одной стороны, неэкспроприированная земля под угрозой экспроприации была обращена или в крупные капиталистические фермы в тех же границах, что и бывшие феодальные поместья (Боливия, Венесуэла, Эквадор, Перу в 1964—1969 гг. и Колумбия), или в фермы среднего размера с установленным потолком землевладения (Мексика, Чили и с 1969 г. Перу). Реформиро-

ванный сектор был шире там, где существовало революционное давление (Мексика и Боливия) или где демократическое признание реформ надо было получить от крестьян (Чили), чем там, где оно служило лишь угрозой для модернизации сектора реформ (Колумбия, Эквадор). В любом случае если перед сектором реформ ставилась задача отвлечь на себя избыточную рабочую силу и достигнуть политической стабильности, то перед неэкспропрированным (но трансформированным) сектором стояли производственные цели. В результате реформ большинство крестьян остались обделенными или понесли убытки, например бывшие издольщики или батраки с правом на землю, которую экспроприовали в ходе преобразований (Чили, Эквадор, Колумбия). Таким образом, земельные реформы усугубили функциональные противоречия между щедро субсидируемым институциональными рентами (включая технологию «зеленой революции»), расширяющимся капиталистическим сектором и растущей массой полупролетариев. Сектор аграрной реформы увеличил как численность полупролетариев — поставщиков дешевого труда на капиталистические фермы, так и количество семейных ферм — поставщиков рыночного излишка дешевого продовольствия, получаемого в условиях политики дешевого продовольствия за счет самоэксплуатации семейного труда без компенсационной выгоды институциональных рент.

Антифеодальные земельные реформы успешно завершились в начале 70-х годов, однако они показали себя и в роли дестабилизатора вложений в капиталистическое сельское хозяйство, поскольку легализовывали вмешательство в землевладение и представляли собой угрозу экспроприации в будущем; поэтому впоследствии они были заменены программами сельскохозяйственного развития для капиталистических ферм и программами интегрированного развития для семейных ферм. Целью этих программ были повышение производительности семейных хозяйств, защита их от конкуренции со стороны капиталистических ферм, увеличение их способности поставлять рыночный излишек продовольствия и создание политически стабильного буферного класса между крестьянскими полупролетариями и капиталистическими фермами. Эти программы, использовавшие в качестве своих главных инстру-

ментов кредит и технологию, могли, разумеется, очень мало предложить испытывавшим недостаток земельных ресурсов крестьянским полупролетариям. Следовательно, в тех случаях, когда программы осуществлялись успешно, они способствовали усилению экономической и политической живучести функционального дуализма. В последние годы Мексиканская продовольственная система в администрации Лопеса Портильо была самой амбициозной из предпринимавшихся государством попыток поднять производительность в крестьянском хозяйстве и уменьшить продовольственную зависимость страны. Пока Мексике были доступны щедрые нефтяные и долговые ренты, доминирующие политические группы не были против перевода ресурсов крестьянам и проект осуществлялся. Но как только в 1982 г. экономический кризис создал жестокую конкуренцию вокруг государственного бюджета, положение изменилось. Отсутствие у крестьян политической силы для защиты проекта привело к его свертыванию со смелой президентства.

Несмотря на преобладание логики функционального дуализма, отношения между государством и крестьянством весьма динамичны. Крестьяне могут использовать весь набор индивидуальных оборонительных стратегий в целях защиты себя от посягательств со стороны государства. В иных ситуациях оборонительные стратегии уступают место наступательным стратегиям как в форме участия в революционных движениях, так и через низовые инициативы, которые выливаются в коллективное действие, ставящее целью изменить проводимую политику в свою пользу.

Удачно показал два типа реакции населения на неприемлемое поведение государства Хиршман. Первый — это «уход», где недовольство получает выражение в индивидуальном уклонении, в неподчинении и переходе к альтернативным источникам помощи. Эти защитные действия направлены не на смену того, что считается несправедливой политикой или плохим претворением политики в жизнь, а на то, чтобы уйти от бремени последствий этой политики. Если существование общественных институтов зависит от поддержки со стороны их клиентуры, то «уход» будет стимулировать пересмотр старого и составление нового плана политики; но если государственный сектор обладает значитель-

ной степенью самостоятельности и не слишком зависит от крестьянской поддержки, то эффективность «ухода» в проводимых изменениях будет весьма ограниченной.

Такое поведение типично для большинства латиноамериканских крестьян. Их оборонительные стратегии в ответ на агрессию со стороны государства принципиально индивидуальны и трудноуловимы. Примером служат появление черных рынков и нелегального частного присвоения общественных земель в ответ на оскорбительный контроль над ценами в Чили при Альенде, контрабанда на границе Колумбии и Эквадора в ответ на завышенные курсы валют, уход с рынка, когда условия кредита или условия торговли крайне неблагоприятны, как это было во время нефтяного и долларового бумов конца 70-х годов при массовом завышении валютных курсов и дешевом продовольственном импорте, или игнорирование запрета властей вырубать деревья в бассейнах рек в Доминиканской Республике. Эти уклонистские акции вызвали самые разные реакции со стороны государства: от либерализации до использования силы. Однако применение силы ограничено трудностью контроля над производством (отсюда тяга к коллективизации как к средству контроля), отсутствием информации относительно объективных условий, в которых находятся крестьяне, и неумелостью бюрократии. В итоге — ограниченная эффективность проводимой в отношении крестьян политики и ограниченная реакция на уклонистское поведение крестьян.

Второй тип реакции — его Хиршман называет «голосом» — подразумевает коллективное действие, собирающее интересы вместе и сопрягающее их. Лишь в исключительных случаях крестьянские бунты и революции играли важную роль в истории Латинской Америки. Широкое участие крестьян было определяющим в мексиканской, боливийской и никарагуанской революциях, но эти движения редко начинали сами крестьяне, а добытое в ходе этой борьбы часто присваивалось другими группами. Так было в Мексике, где самый главный выигрыш от революции получила нарождавшаяся буржуазия, так было и в Боливии, где крестьянские завоевания были сведены к не позволявшим прокормиться участкам, выталкивавшим вынужденных продавать свой труд крестьян в ряды полупролетариев.

53. Бедняки мира, и что с ними делать

Нищета и экономический рост

Основная проблема нищеты и экономического роста в развивающемся мире может быть сформулирована очень просто. Экономический рост в адекватной мере не отражается на бедности. Бедность же не слишком способствует росту. Несмотря на десятилетие беспрецедентного роста валового национального продукта в развивающихся странах, беднейшие слои их населения выиграли относительно немного. Около 800 млн. человек — 40% всего двухмиллиардного населения — живут (в единицах покупательной способности США) на 30 центов в день в условиях недоедания, неграмотности и антисанитарии. Они страдают от нищеты в буквальном смысле слова.

...В 40 развивающихся странах, по которым мы располагаем данными, верхние 20% населения получают 55% национального дохода, в то время как нижние 20% населения — лишь 5%.

...От политики, нацеленной преимущественно на ускорение экономического роста, в большинстве развивающихся стран выигрывают в основном верхние 40% населения. И ассигнования на социальные нужды и в инвестиционные фонды эту тенденцию скорее усиливают.

...Концентрация нищеты

...Очевидно, что огромное количество бедных сегодня сосредоточено в сельских районах. И все наши исследования свидетельствуют о том, что подобное положение, похоже, сохранится в ближайшие два-три десятилетия.

1. В настоящее время 70% населения развивающихся стран-членов МБРР и такой же процент бедных живут в сельской местности.

2. Несмотря на то что, по демографическим прогнозам, 60% ожидаемого прироста населения в этих странах (2 миллиарда человек к концу столетия) составит прирост городского населения — во многом за счет внутренней миграции — в 2000 г. более половины населения развивающихся стран по-прежнему будет проживать на селе.

3. Быстрая урбанизация уже порождает очень серьезные проблемы. При проводимой в настоящее время политике социальные расходы на душу населения в городах обычно в 3—4 раза выше, чем в сельских регионах. В результате попытки смягчить проблемы сельской нищеты путем дальнейшего увеличения миграции в города приведут к еще более неравномерному распределению социальных расходов и только усилят неравенство доходов.

4. В сельских регионах проблемы бедности в первую очередь вращаются вокруг низкой производительности миллионов мелких самообеспечивающихся хозяйств (subsistence farms). На самом деле, невзирая на рост ВВП, увеличение производительности этих малых семейных ферм за последнее десятилетие практически не наблюдалось.

Но несмотря на обилие сельских проблем, сосредоточение внимания на сельской нищете поднимает очень важный вопрос: насколько разумна в действительности стратегия, направляющая значительную часть мировых ресурсов на повышение производительности мелкого самообеспечивающего сельского хозяйства? Не будет ли более разумно сконцентрировать усилия на современном секторе экономики в надежде, что высокие темпы роста скажутся и на сельской нищете?

Я бы ответил, что нет.

Опыт показывает, что в короткие периоды времени перераспределение благ из современного сектора в традиционный сектор весьма ограничено. Разрыв в доходах попросту возрастет в случае, если не предпринимаются действия, от которых напрямую выигрывают беднейшие слои. По моему мнению, если мы хотим сколь-либо значительно продвинуться в решении проблем абсолютного обнищания в сельских регионах, у нас нет никакой реальной альтернативы повышению продуктивности мелких сельскохозяйственных производств.

Стратегия сельского развития

...В действительности на протяжении более чем двух десятилетий мало что предпринималось с особой целью повышения производительности самообеспечивающегося сельского хозяйства. Ни политические программы, ни экономические планы, ни международная помощь — двухсторонняя или многосторонняя — не уделяли этой проблеме пристального внимания. И Международный банк не является исключением. Более чем за четверть века наших операций было выделено непосредственно под эту проблему менее 1 млрд. долларов из общих 25 млрд. кредита.

Пришло время нам всем посмотреть в лицо этой проблеме.

1. Это затрагивает свыше 100 млн. семей — более 700 млн. человек.

2. По своим размерам хозяйства маленькие, часто просто фрагментарные: на каждое из более чем 100 млн. хозяйств приходится менее 5 га, из них 50 млн. имеют менее 1 га.

3. Владение землей, а следовательно, обладание политической и экономической властью в сельских регионах сосредоточено в руках ничтожного меньшинства. Согласно недавнему опросу ФАО, в собственности 20% богатейших землевладельцев в большинстве развивающихся стран находится 50—60% всех плодородных земель. В Венесуэле они владеют 82%, в Колумбии — 56%, в Бразилии — 52%, в Филиппинах, Индии и Пакистане — около 50% земли. В противоположность этому 100 млн. хозяйств размерами менее 5 га ютятся на 20% возделываемой земли.

4. Но даже и та земля, которую действительно имеет мелкий фермер, не может быть использована им в полной мере. Арендные договоры в целом ненадежны и часто носят грабительский характер. Во многих странах арендаторы вынуждены отдавать землевладельцу в качестве ренты 50—60% своего урожая и, несмотря на это, постоянно жить под угрозой выселения. В результате разрушаются всякие стимулы к росту производительности.

Часто полагают, что низкая продуктивность заложена в саму природу мелких хозяйств. Однако это не

так. Для опровержения этого утверждения мы располагаем не только убедительнейшим примером Японии. Целый ряд последних исследований в развивающихся странах также показал, что, при соответствующих условиях, мелкие фермы не уступают по своей производительности крупным. Например, урожай, снимаемый с одного гектара в Гватемале, Китайской республике, Индии и Бразилии был куда больше именно на мелких фермах, нежели на крупных. И конечно, именно урожайность, исчисленная на гектар земли, а не на одного работника, служит адекватным измерителем производительности сельского хозяйства в густонаселенных и трудноизбыточных районах.

Существуют очевидные свидетельства того, что современные сельскохозяйственные технологии достаточно специализированы и что мелкомасштабные операции вовсе не обязательно служат барьером для повышения урожайности в сельском хозяйстве.

...Я предлагаю выдвинуть в качестве цели увеличение производства мелких хозяйств, чтобы к 1985 г. его среднегодовой прирост достиг уровня 5%. Ниже перечислены элементы, существенные для любой претендующей на полноту программы:

1. Ускорение земельной реформы и реформы арендных отношений.

2. Облегчение доступа к кредитным ресурсам.

3. Улучшение водоснабжения.

4. Расширение технической базы, подкрепленное более интенсивными сельскохозяйственными исследованиями.

5. Улучшение доступа к социальному обслуживанию.

6. И что наиболее важно: новые формы сельских институтов и организаций, которые бы уделяли увеличению внутреннего потенциала и производительности бедных слоев столько внимания, сколько обычно уделяется обереганию власти слоев привилегированных.

Элементы эти не новы. Их необходимость осознавалась и ранее. Но они останутся не более чем благими пожеланиями, в случае если мы не выработаем общую схему их воплощения и не подчиним наши ресурсы этой необходимости.

54. Обновляя «стратегии развития»

В 1970-е гг. деятельность Международного банка реконструкции и развития ассоциировалась с расхожими фразами типа «удовлетворение базовых потребностей» и «перераспределение при экономическом росте». Эти термины заключали в себе ту стратегию планирования развития, которая пропагандировалась его президентом Робертом Макнамарой. Осознавая неадекватность моделей экономического роста, столь популярных в 60-х гг., которые предсказывали, что самые бедные будут испытывать эффект «просачивания» («trickle-down») результатов этого роста, Макнамара призывал Банк к концентрации усилий на прямой помощи тем, кто испытывает наибольшую нужду. Совершенствуя перераспределительные возможности правительств стран Третьего мира, надеялись «разрешить» проблемы нищеты и недоедания посредством обеспечения таких базовых социальных нужд, как потребность в начальном образовании и здравоохранении.

В какой мере эти схемы действительно помогли беднейшим слоям, по-прежнему вопрос спорный. Тем не менее, сконцентрированные на проблемах нищеты проекты развития подвинули Банк с более рыночно-ориентированных, неолиберальных позиций, которых придерживался Международный валютный фонд, и обеспечили уязвимому делу международной помощи более прочный идеал, необходимый для успешной борьбы с критиками структурализма и неомарксизма. Могут ли быть неправыми попытки поддержать тех, кто сам не способен себе помочь? Более того, несомненно, за период пребывания на посту Макнамары в 1968—1981 гг. произошла трансформация самого Банка. Из «во многих отношениях почти приписка Министерства Финансов США», он превратился в крупнейшего международного кредитора стран Третье-

го мира и, в результате стал ведущим интеллектуальным центром («think-tank») по проблемам развития.

Однако к концу десятилетия получившие широкую огласку неудачи ряда финансируемых Банком проектов и исчезающие ужасы нищеты сильно подорвали риторiku «базовых нужд». Будучи всегда мишенью критики «левых», Банк ощутил все возрастающее давление «правых». Консервативные круги в США были настроены в высшей степени критично по отношению к политике «мягких» займов таким странам как Танзания, объявляя их «растратчиками» («giveaways»), проводящими социалистическую линию. Вслед за избранием Рейгана на пост президента США в 1981 г. стало ясно, что новая администрация не прочь перенаправить средства, вкладываемые в международные организации, по ее мнению, не слишком восприимчивые к американским политическим интересам и враждебным по отношению к «здравым» экономическим принципам. Эта угроза была крайне серьезна, ибо, несмотря на рост Банка в 70-е гг., США оставались крупнейшей страной-донором. Поэтому определенные компромиссы в ориентированном на проблемы бедности институциональном подходе казались неизбежными. И замена Макнамары А. В. Клаузеном подтвердила их неотвратимость. Известный коммерческий банкир Клаузен рассматривался некоторыми не более как орудие в руках администрации Рейгана для ориентации Банка в направлении более явно выраженных стратегий свободного рынка и открытой экономики.

Именно в этом контексте легче всего понять те оживленные дебаты вокруг доклада Банка «Ускоренное развитие районов африканской Сахары». Опубликованный в октябре 1981 г. доклад обращал внимание на ту часть Третьего мира, в которой былые надежды были растоптаны наиболее жестоким образом. Написанный группой консультантов во главе с выдающимся экономистом, приверженцем теории предложения профессором Эллиотом Бергом, сопровождаемый предисловием Клаузена, доклад был воспринят как первый манифест новой религии Банка в эпоху после ухода Макнамары.

В чем же тогда состоял измененный порядок действий в 80-е годы? Ответ не столь очевиден. Основная идея доклада Берга достаточно ясна: африканские госу-

дарства должны пойти на сокращение своего госсектора и поощрять развитие частного предпринимательства. Но помимо этого, сколь-либо адекватные обобщения фактически невозможны, ибо доклад не структурирован с точки зрения последовательности аргументации, фрагментарность в его построении даже не скрывается. Вместо этого в докладе предлагается красиво оформленная мешанина диагностики и рецептов, статистики и описания отдельных случаев, которые не слишком хорошо увязаны друг с другом и не всегда последовательны. Ниже изложены пункты доклада, которые выделяются обозревателями как наиболее существенные.

Первое. Хотя в докладе и упоминается важность удовлетворения «базовых нужд», это уже не рассматривается как центр стратегии, но скорее как наиболее вероятное следствие роста производительности. Попытки ввести всеобщий и свободный доступ к наиболее существенным формам соцобеспечения по существу отвергаются как средства дорогие и неэффективные. Вместо этого предлагается сконцентрировать внимание на «тех областях, в которых естественная инфраструктура обеспечивает предпосылки для более быстрой окупаемости дополнительных вложений». Хотя и принимается необходимость помощи ряду засушливых регионов, однако предлагается при этом, чтобы «программы были направлены на обеспечение миграции населения из беднейших в более благополучные районы».

Второе. В докладе утверждается, что характеристики развития районов африканской Сахары в 70-е гг. выглядят удручающе, куда хуже любой другой части Третьего мира, и что подобное явление не может объясняться лишь «внешними» факторами. По заключению доклада, «в основе кризиса лежат в конечном счете проблемы именно внутренней политики». Действия правительства Маладройта почти повсеместно привели к падению объемов производства экспортируемой продукции и серьезному разрастанию государственной бюрократии. Возникла, следовательно, настоятельная потребность в свертывании госсектора и поощрении роста частного предпринимательства в направлении, которое демонстрирует оживленный «черный рынок» во многих африканских странах. Тем самым указывается

на необходимость удвоения зарубежной помощи в той тяжелой обстановке, в которой находятся районы африканской Сахары, но подчеркивается, что от правительств получателей помощи требуются соответствующие сдвиги политического курса.

Третье. В докладе подчеркивается, что разрешение африканской дилеммы в первую очередь связано с сельским хозяйством. В его застойном характере в 70-е гг. видится «принципиальный фактор, объясняющий убогие экономические результаты». Причины стагнации опять-таки увязываются с болезнетворным вмешательством государства. Доказывается, что принятие автаркических целей, урбанистические перекосы, сдерживание производства экспортных культур, неспособность к организации необходимых сельскохозяйственных исследований, эксперименты с коллективизацией и косвенное налогообложение фермеров вместо низких цен на фермерскую продукцию постоянно ограничивали огромный потенциал мелкого африканского землевладения. Подобную политику следует изменить. Освещая впечатляющий уровень производительности мелких хозяйств Кении и очевидный успех сельскохозяйственных проектов в северной Нигерии, доклад предлагает, чтобы «сектор мелкого хозяйства был поставлен в центр всей стратегии сельского развития». Это позволит смягчить проблемы нищеты, господствующей преимущественно в сельских регионах африканского континента и будет куда более действенным способом, нежели все прочие стимулирующие производство альтернативы. Проекты помощи, тем самым, должны быть сконцентрированы на ирригационных сооружениях, улучшении дорог и необходимых сельскохозяйственных исследованиях. И что более важно, следует признать, что «энергия и навыки мелкого земледельца не могут быть принудительно мобилизованы», и что, следовательно, «нужно опираться на выверенную мотивационную структуру». Это требует адекватных цен и рыночных условий, обеспечения несельскохозяйственным сырьем и потребительскими продуктами, участия мелких земледельцев в принятии решений и пересмотра значительно завышенных обменных курсов. Признается, конечно, что подобные изменения стратегий будут «трудны с технической и политической точек зрения». Но считается, что усилия

могут быть возмещены с лихвой. В докладе заявляется, что воплощение новых стратегий обещает «в ближайшем будущем реальные достижения как в динамике развития, так и в уровне доходов».

Хотя и изрядно противоречивый в постановке диагноза и выработке рецептов, вопреки ожиданиям ряда наблюдателей МБРР, доклад не представил законченной неолиберальной линии. Тем не менее он действительно попытался обрисовать новую картину перспективы отношений между международными организациями, правительствами и беднейшими слоями. В то время как риторика 70-х гг. базировалась на идее, что нуждающимся следует помогать через государственные структуры, риторика 80-х, кажется, стала свидетельством преодоления этого подхода. В этом отношении интересно, что в докладе избегают термина «крестьянин», по существу отрицая тем самым классовый анализ и предполагая, что сельская Африка населена массами индивидуальных собственников, ориентирующихся на максимизацию прибыли. Впечатление таково, что эти новоиспеченные капиталисты развернули бы энергичные действия, если б могли быть защищены (организациями международной помощи) от махинаций бюрократов-паразитов. Соответственно, в разделах доклада, посвященных обменным курсам и условиям будущего финансирования, особо выделялись вопросы независимости национальных государств. Казалось, что риторика Банка вновь вернулась на позиции МВФ.

Значение всего этого для испытывающих давление африканских правительств было признано очень скоро. Последствия же для государств прочих частей Третьего мира вскоре стали очевидными, когда схожие аргументы начали воспроизводиться в ежегодных отчетах Банка о мировом развитии. Неудивительно, что доклад Берга стал объектом ряда официальных дискуссий и обзоров африканских региональных организаций и, в более общем виде, спровоцировал энергичные дебаты по проблемам стратегий сельского развития. Отношение к докладу в академических кругах было в высшей степени различно. Комментаторы неолиберального толка, вроде Дипака Лала, подчеркивали ценовой аспект и принимали доклад с чистым сердцем. Другие также принимали многое из оценок, но ставили под со-

мнение рекомендации на том основании, что удвоение помощи только ухудшит положение, или сомнения в том, что мелкие земледельцы будут реагировать на колебания цен предсказуемыми способами. Многие, однако, обнаружили спорные моменты и в диагностических оценках. Например, Джейн Гайер указывала на то, что отчасти по причине игнорирования огромного вклада женского труда в фермерском хозяйстве и слишком сильного полагания на данные официальной статистики доклад был слишком пессимистичен в отношении производства корне- и клубнеплодов. Эллисон и Грин были среди тех, кто доказывал, что внешние ограничения существенно лимитировали поле для маневра африканских государств в 70-е гг. и что обычно они управлялись лучше, нежели в тех случаях, когда выделялись кредиты Банка. Сэндер и Смит подчеркивали характерный для доклада ошибочный внеисторический подход, игнорирующий такие важнейшие явления, как борьба за независимость, политические силы, войны и существование классов, создавая неверные представления о том, что африканские правительства действительно в состоянии отвергать «плохие» схемы и принимать «хорошие».

Как и предполагалось, наиболее суровая критика прозвучала из лагеря неомарксистских аналитиков. Многие из того, что они говорили, было несовместимо с позициями Банка, который, подобно большинству организаций, занимающихся проблемами развития, остается привержен тому, что называется «теорией модернизации». Тем не менее, с точки зрения любых теорий, некоторые из выдвинутых аргументов игнорировать было сложно. И отчасти поэтому, несомненно, впоследствии Банк предпринял попытки «прояснить» свою позицию в серии новых публикаций. Было признано, что, по крайней мере, с 1979 г. африканские страны сталкивались с внешними обстоятельствами, которые серьезно ограничивали действия их правительств, что стимулирование сельскохозяйственного экспорта недостаточно для возрождения и что чрезвычайно важна проблема самообеспечения продуктами питания. В настоящее время Банк перестал выказывать неодобрение правительствам-реципиентам помощи и недавно обратился к смягченной критике доноров — за

недостаточно подготовленные попытки в области экономической рационализации.

В более общем виде возможно проследить ряд относительных отступлений от рыночной, антистейтстской аргументации разделов доклада Берга в направлении стратегий, требующих участия бюрократических и окологосударственных (parastatal) структур. В то время как в 1981 г. осталось непроясненным, каким образом система государственных контрактов может сочетаться с необходимостью расширения сельхозисследований и прочих важнейших услуг, более поздние изыскания в эксплицитной форме выразили необходимость увеличения расходов в этих областях и в дополнение призвали к финансированию программ по контролю за ростом населения. Вдобавок явные апологеты политики Банка настаивали на том, что доклад Берга был неправильно понят, что он вовсе не предназначался на роль исходной отметки для решительного поворота в политике и ставил своей целью лишь инициирование дискуссий по краткосрочным решениям африканских проблем. Заявляется, что в долгосрочной перспективе политика Банка находится в полном соответствии с принятым Организацией Африканского Единства в 1980 г. Лагосским планом действий, призвавшим к региональной кооперации и индустриальному росту. Возможно, не следует выпускать из виду тот факт, что во времена принятия Клаузеном своего поста определенного рода «рейганомистская» риторика была необходима для сохранения потоков финансирования из США. Однако не ясно, в какой мере это влияло на выбор Банка в деле финансирования проектов. Так же как в 70-е гг. Банк не был опасным проводником идей социализма, как воображали себе «правые», так и сейчас он не превратился в простой инструмент международного капиталистического угнетения, как хотелось бы верить «левым». На самом деле все повороты и переосмотры взглядов Банка с 1981 г. каким-то образом выхватывали ветер из парусов критиков. Если и ничего больше, они прояснили нечто важное в характере института, который никогда полностью не признавался: он, помимо всего прочего, эклектичен. Будучи далек от образа соломенного человечка, которого легко сшибить с ног, Банк скорее обезоруживал своих критиков, как губка впитывая эту критику и преобразуя ее в рам-

ках своего собственного имиджа. Так же как неомарксисты были обезоружены атакой берговского доклада на государственные бюрократические структуры, ныне популисты, призывавшие к «развитию снизу», вдруг обнаружили, что это именно то, чего желает и сам Банк. Недавно бывшие критики доклада Берга даже предположили, что спровоцированные им дебаты были очень полезны с точки зрения привлечения внимания к узким местам основных проблем развития и что возник кратковременный полуконсенсус между аналитиками из разных политических лагерей.

В конечном счете, однако, фундаментальные различия в подходах сохраняются. МБРР, как и другие организации по проблемам развития, во многом игнорирует существенные процессы социальных преобразований. Он оперирует идеей о том, что того или иного рода просветительская работа в сочетании с переводом определенных ресурсов приведет к решению всех проблем.

55. Прогресс как угроза: борьба за сельскую Мексику

Большинство мексиканцев и раньше были, и до сих пор остаются *крестьянами* (*campesino*). Невозможно представить себе общественный консенсус, если исключается или попирается крестьянство, которое сейчас составляет половину населения страны, а в начале века охватывало все сферы общества. Как привлечение *кампенсинос* к управлению мексиканским государством и в его правительство, так и их исключение из этого процесса неизбежно подразумевают своего рода непреодолимое противоречие. Привлечь их открыто и на полных правах означает придать им силу и мобильность, с тем чтобы они могли — постоянно или временно, в тактике или в стратегии — радикально противопоставлять свои интересы интересам других социальных классов. Разумеется, тогда столь необходимый правительству общественный консенсус был бы недостижим. Такое же недвусмысленное открытое решение отлучить их от управления также сделало бы невозможным выполнение стоящих перед правительством задач, а единственным средством осуществить это отлучение стало бы насилие. Представленная ситуация может помочь уяснить малую значимость *открытых* позиций, выходящих за рамки простой риторики. Та реакция, которую они вызывают — как на уровне разговоров, так и на уровне действий, — означает, что вскоре эти позиции будут заблокированы. Вот почему существует тенденция поддерживать *скрытое* разрешение проблемы, поскольку глубокая, тихая борьба требует обходить диалектику принятия/исключения, меняющуюся вместе с постоянно меняющимися обстоятельствами.

Из-за первородного греха «поляризирующей динамики» общества наличие в аграрной структуре двух секторов воспринимается как нечто само собой разумеющееся: один — современный и динамичный, а второй — отсталый и стагнирующий. Даже несмотря на

утверждения некоторых, что кризис является результатом потери динамизма первым сектором, в аналитических исследованиях имеется тенденция акцентировать причины отставания второго сектора и усматривать в этом причину потери динамизма в первом секторе. Эта линия рассуждений заставляет взглянуть на проблемы отсталого сектора при помощи статических сравнений, обнаруживающих «недостающие элементы», то есть те элементы, отсутствие которых сдерживает развитие. Разумеется, недостающий элемент *увидеть* невозможно, но тем не менее поскольку это — сравнительное исследование, то главная идея — путем сравнения с передовым сектором вычленить то, что отсутствует в секторе отсталом: капитал, образование, технология, предприимчивость и т. д. Затем, в соответствии с такого рода рассуждением, может быть принято лишь одно решение — внедрить недостающие элементы, с тем чтобы стимулировать развитие. Существует и другая точка зрения, но с аналогичной аргументацией, согласно которой развитие представляется как линейный процесс, где отсталый сектор находится всего лишь на более ранней стадии развития и «естественная» или искусственно ускоренная эволюция приведет его к развитой стадии современного сектора. Наконец, существуют и просто тавтологические утверждения, что кризис имеет отношение к слому той модели послевоенного роста, которая дала бум 50-х и первой половины 60-х годов, и что реальная проблема заключается в поисках причины этого слома. Теории, толкующие о недостающих элементах, о необходимых стадиях или об истощении модели, сами себя быстро истощают.

Мексиканские крестьяне *до сих пор* рождаются в том физическом, культурном и социальном пространстве, к которому они принадлежат и которое принадлежит им.

В 1938 г., в самый разгар аграрной реформы (при правительстве Карденаса), была основана Крестьянская национальная конфедерация (КНК). Вскоре она стала мощной и дошедшей до самых крестьянских низов организацией, пожалуй даже самой большой и сильной крестьянской организацией на Американском континенте. Однако, став в послевоенную эпоху на службу мечте развития, она превратилась в инструмент

контроля над крестьянами и манипуляции ими. Эта функция ослабляла КНК, поскольку крестьяне теряли контроль над направлением деятельности организации, и национальный баланс сил стал складываться не в пользу крестьянских интересов. По мере продвижения «зеленой революции», разрушавшей и крестьянскую экономику, и крестьянскую культуру, крестьяне предпринимали попытки заменить КНК другими национальными, классовыми организациями, пользовавшимися короткое время, до вступления в КНК в ее посреднических функциях, скорее региональным, но не общенациональным успехом.

В 60-е годы, когда мексиканское «сельскохозяйственное чудо» перестало впечатлять, крестьяне вновь попытались, используя все формы политической борьбы, включая восстания и партизанские действия, заявить о своих интересах. Одновременно росли и их требования. В 70-е годы народнического толка режим Луиса Эчеверриа пытался объединить все «национальные» крестьянские организации и подчинить крестьян форме постоянной мобилизации сверху донизу, которая превращалась в «много шума из ничего». Впрочем, в то же время она открывала им новые горизонты и возможности.

В начале 70-х годов «зеленая революция» потеряла свою притягательность, но все еще продолжал господствовать общепринятый модернизаторский этос, шаг за шагом крушивший крестьянские надежды. После 1976 г. мексиканское правительство при поддержке Мирового банка и других международных организаций сделало мощный модернизирующий рывок. Этот упорно поддерживаемый курс на модернизацию приблизил приход бедственного в сельскохозяйственном отношении, подлившего масла в огонь крестьянских волнений 1979 г. Тогда правительство начало в 1980 г. проведение амбициозной продовольственной стратегии: впервые за 40 лет официальная политика сосредоточилась на продовольственной самообеспеченности и признала ключевую роль крестьянства в достижении этой цели. Тем самым была отброшена общепринятая ориентация, которая благоговейно привязывалась к содержавшейся в тогдашнем катехизисе Мирового банка идее «сравнительных преимуществ». Нефть и взятые в долг деньги дали правительству возмо-

жность подкрепить новую стратегию щедрыми субсидиями для крестьян, не забывая в то же время и свою клиентуру в «современном секторе». На новом пути были достигнуты внушительные результаты в производстве, но их оказалось недостаточно, чтобы продлить этой политике жизнь. В 1982 г. с приходом к власти новой администрации, в самый разгар так называемого кризиса мексиканской экономики, снова пришлось прибегнуть к практике прошлых лет, но на этот раз она шла рука об руку с урезанными бюджетами «процесса приспособления», рекомендованного Международным валютным фондом для таких стран, как Мексика.

В 1978 г. крестьяне сделали еще одну — и, возможно, последнюю — попытку создать новую «национальную» организацию, с тем чтобы заменить ослабленную, коррумпированную или кооптированную старую. Ограниченный успех этих усилий соответствовал не только преобладающему настрою мексиканского общества и наличному балансу политических сил, но и перемене ориентации в крестьянских движениях. После 1975 г. крестьяне сосредоточились не на «национальных» институтах, а на восстановлении низовых и региональных организаций, эффективно контролируемых самими крестьянами. Эти местные организации постоянно множились и налаживали контакты, делали более тесными отношения и заключали союзы, но при этом старательно избегали соблазна объединиться в более крупные, «национальные» организации. Некоторые из них следовали общепринятым линиям классовой борьбы или выставляли экономические и политические требования и обычно примыкали к политическим партиям. Они боролись за как можно больший кусок экономического пирога, за товары и услуги, ассоциировавшиеся с «развитием». Но многие другие (организации) отходили от этой линии. Все больше и больше они подчиняли традиционную экономическую борьбу отвоевыванию и возрождению своего собственного социального пространства.

В крестьянском мире «развитие» давно уже признано угрозой. Многие наши крестьяне осознают, что оно подорвало их веками складывавшуюся на базе разнообразных сельскохозяйственных культур основу существования. В течение какого-то времени, пока со сцены

не сходили разговоры про «мексиканское сельскохозяйственное чудо» или нефтяной бум, этой опасности не было видно за стеной иллюзий. Но так называемый кризис обнажил опасность. В Мексике надо быть или круглым дураком, или очень богатым, чтобы не замечать, как смердит «развитие». Угроза личности, коррупция политиков и деградация природной среды — все, что еще не так давно было лишь потенциальным результатом «развития», — уже сегодня можно увидеть, потрогать и понюхать. Причинная связь между гибелью природной среды и утратой сплоченности — то, что до сих пор было для беднейших слоев само собой разумеющимся, — теперь задокументировано экспертами. Так называемый кризис в Мексике дал возможность крестьянам, да и не только крестьянам, убрать с повестки дня «развитие» как их цель.

После 1982 г. у Мексиканского банка сельского развития не оказалось необходимых средств, для того чтобы заставить крестьян выращивать сорго в качестве кормовой культуры. В результате многие районы возвратились к традиционным смешанным посевам кукурузы и бобов, которые не только улучшили крестьянский рацион питания, но и восстановили традиционную деревенскую сплоченность, облегчив тем самым более равномерное распределение издержек.

Разрушение крестьянского хозяйства и культуры — этот побочный продукт «зеленой революции» — принудило многих крестьян покинуть родные места. В городах, уже переполненных демографическим взрывом (это тоже результат «развития»), они вряд ли могли найти землю обетованную. Лишенные прежних связей и поставленные на самую низкую ступень стандартизованного и иерархизированного мира городской жизни, лишь очень немногие из них были способны обеспечить себе пропитание. Они стали самыми настоящими «маргиналами» во всех отношениях, однако многие из них обратились к традиции как стратегии выживания. Они воссоздавали в городе физическое и культурное пространство деревни — кварталы-*барриос* (*barrios*) — и поддерживали связи со своими родными сельскими общинами. Таким образом они были в состоянии отражать постоянную угрозу городского развития, которое пыталось вытеснить *барриос* — эти живые и яркие социальные общности — однородными

и специализированными пространствами, чьи функции — сон, работа, покупки, проблема досуга — были скручены друг с другом скоростными шоссе, приспособленными лишь для автомобилей, но никак не для живых людей. В течение долгого времени обитатели трущоб знали, что «развитие» сделало их способности ненужными, а их образовательный уровень — неадекватным для созданных в ходе развития рабочих мест. Настоящие маргинальные группы прекрасно знают, как больно и как каждый раз по-новому «развитие» загоняет их в товарно-денежное хозяйство. А вот с наступлением так называемого кризиса перед многими из них открываются новые возможности. В самом сердце Мехико в великом множестве возникают производственные артели и расцветают пышным цветом благодаря падению покупательной способности тех, кто еще недавно имел работу. Повсеместно наблюдается феноменальное увеличение мелких торговых точек. Уличные лотки и маленькие рынки занимают переходы, перекрестки, углы улиц — все те места, откуда они исчезли много лет тому назад. Некоторые сельские общины снова начинают процветать, а некоторые сельско-городские «маргиналы» снова находят то пространство, к которому они принадлежат.

В 70-е годы, когда крестьяне после разочарования в «национальных» организациях пытались найти свои локальные пространства, к ним присоединились люди с другого образовательного полюса. Они также были разочарованы «развитием» и его институтами, политическими партиями и (своими) бюрократическими или академическими карьерами. В результате возникли и начали процветать разного рода общественные институты, множились не направляемые из центра связи разнообразных организаций. Расширяющемуся кругу отставных экономистов, бывших социологов или промышленных менеджеров все труднее становилось принять то, что они узнавали в самых низах: никакой показатель не был в состоянии отразить страдания, вызванные потерей уверенности в себе, чувства собственного достоинства и сплоченности, которые неизбежно сопровождают «измеримый» прогресс. Аналогично нет и таких показателей, которые могли бы отразить человеческую радость тех, кто находится в более радушном мире.

Доверие и дружба, соединяющие группы крестьян, городских «маргиналов» и сошедших со своей профессиональной стези интеллектуалов, делающие возможной свободную циркуляцию в этой среде идей или товаров, видятся многими со стороны как романтическая утопия. Им кажется, что эти бесхитростные инструменты нельзя использовать в отношении «реального» хозяйственного мира и что они годятся лишь для пространств, принадлежащих «маргиналам». Но для народа эти связи не просто стратегия выживания, а многообещающий, радостный и практический образ жизни. А вот строить свою жизнь на обещаниях «развития» или независимости, на «рыночных силах» или на общественных институтах по устройству жизни представляется не просто глупой фантазией, а самым настоящим тупиком. Они отлично знают, что у них очень мало шансов добраться до тех благ, которые ассоциируются с «развитием». Все больше и больше, по мере разворачивания так называемого кризиса, они видят, что мир официальной экономики и политики без них может обойтись.

Физическое, культурное и социальное пространство, изначально определяющее крестьянский мир, было локализовано, но без четких границ, отнесено к конкретному месту, но не ограничено. Внешнее пространство воспринималось как горизонт, а не как граница. В этих условиях гостеприимство, радушие определяют основное отношение к окружающим. Современные мексиканские крестьяне — как у себя в сельских общинах, так и в городах — склонны к пересмотру некоторых норм гостеприимства по отношению к чуждым идеям, инструментам, товарам и практическим приемам людей, которые сами игнорируют нормы гостеприимства, но навязывают другим то, что у них есть (и что они считают должно быть всеобщими ценностями). Народ сам дал себя поработить тем, что привечал испанцев. Оказывая гостеприимство «развитию», он нанес серьезный урон природной среде и подорвал основы существования. Радужно приняв «улучшенные семена», крестьяне потеряли генетическое богатство своего веками формировавшегося набора семян, способных реагировать на постоянные микроклиматические изменения. Кажется чудом, что после всех этих испытаний мексиканские крестьяне все еще продол-

жают оставаться в основе своей радушными и сплоченными. На фоне признания полного провала этого чудовищного эксперимента они успешно пытаются вне «развития» восстановить гостеприимный мир, следуя традиционным путём, правда уже обогащенным хорошим или плохим, но опытом современности. *Homo sapiens* и *homo ludens* начинают выходить из кошмара, созданного невероятной попыткой заменить их на земле *homo oeconomicus*.

56. Крестьянский выбор: мексиканские села осуществляют свою революцию

Сапата осудил тех военных командиров, которые вмешивались в деревенские дела. Неоднократно принимая участие в улаживании местных конфликтов, он старался не злоупотреблять своим авторитетом, чтобы поощрить крестьян принимать самостоятельные решения. Когда, например, во время проведения аграрной реформы пришлось размечать границы между полями Ятепек (Iatepek) и Аненечилко (Anenecuilco), он сопровождал окружную аграрную комиссию вплоть до текорраля — каменной изгороди, где собрались представители обеих общин. Отовсюду прибыли эксперты-старейшины. Многие годы эти люди защищали интересы своих соседей, и Сапата выслушивал их мнения «с особым почтением», вспоминал юный член этой комиссии. Будучи президентом Аненечилко и главнокомандующим освободительной армии, он инструктировал агрономов, которым предстояло проводить размежевание. «Села утверждают, что эти заросли являются для них границей, — говорил он агрономам, — и как раз здесь вы собираетесь провести границу. Вы, инженеры, иногда не можете отделаться от прямых линий, но здесь границей должен стать этот каменный забор, даже если вам придется работать еще полгода, чтобы измерить все углы и изгибы...» Знаменательно, что Сапата никогда не учреждал государственной полиции: проведение законов в жизнь, как и было раньше, оставалось в компетенции деревенских советов.

...Восстановленная власть в деревнях подготовила почву для проведения государственной аграрной реформы. Реформа, в свою очередь, укрепила деревни, сосредоточивая в их руках контроль над сельскохозяйственной собственностью. Как провозгласил в 1914 г. Палафокс, «передел земель будет осуществлен в соответствии с привычками и обычаями каждого села... то есть если некий пуэбло предпочитает общинную систе-

му, — будет исполнено, если же другой захочет раздела земель и, тем самым, введения индивидуальной собственности в небольшом размере — будет сделано». Таким образом, основами власти и источниками средств существования стали наиболее традиционные институты местного общества. Это внимание к обычаям отличало реформу Сапаты от аграрной реформы. С января 1915 г. президент Карранса подписал указ, согласно которому государство контролировало предварительное распределение земель претендентам. Поскольку продолжалась война, представители государственной власти были как военными, так и штатскими, как уроженцами подвластных им территорий, так и нет, как сведущими в местных «обычаях и привычках», так и не знающими о них ничего. Карранса специально отмечал, что реформа не должна была «ни возрождать прежние общины, ни создавать новые, подобные им, но только лишь дать землю несчастным сельским жителям, которым сегодня ее недостает...». И далее уточнял, что «земля не будет принадлежать обща всем пуэбло, не должна быть разделена на участки с неограниченным правом наследования». На практике же экспроприацию и перераспределение проводили предприимчивые генералы, презирующие традиционные пути решения проблем. И коррупция была необыкновенной. Мертвой хваткой цеплялись эти каррансистские командиры за любые выгоды, которые можно было извлечь из реформы, так что годом позже в другом указе Карранса был вынужден объявить, что военные могут вмешиваться, «только когда действия гражданских властей были затруднены», и даже в этом случае только по специальному предписанию командира, для ограниченных целей и на короткий период времени. Но в каррансистских районах предприниматели остались у власти. Пока они заправляли аграрной реформой, ее истинной целью было создание такой новой национальной экономики, в которой они могли бы процветать. Сапатисты же считали своим гражданским долгом поддержку местных обычаев. Режим, сформировавшийся в Морелосе, опирался не только на бюрократов и генералов, но и на взаимодействие деревенских лидеров.

В эти дни секретарем по сельскому хозяйству сапатистов стал Палафокс. И репортеру, спросившему

его, по поводу его назначения, собирается ли он, как и его предшественники, «изучать аграрный вопрос», он ответил: «Нет, сеньор, я не буду заниматься этим. Аграрный вопрос я вполне изучил. Я посвящу себя воплощению реформы в жизнь...»

Весной поспел урожай — первый плод оживления сельского хозяйства. Крестьяне выращивали теперь не плантаторские сахарный тростник или рис, а традиционные продукты питания — кукурузу и фасоль. Когда начался сезон дождей, губернатор Васкез (Vazquez) распределил между муниципальными властями 500 тыс. песо — заем, предоставленный Конвентом, — которые должны были быть переданы фермерам в качестве кредита на семена и орудия труда. В середине июня репортеры обнаружили, что все поля в штате опять заняты в основном под кукурузу.

...Сам Сапата убеждал крестьян прекратить выращивать овощи и начать производить экономически более выгодные культуры. «Если вы будете продолжать выращивать перец, лук и помидоры, — говорил он фермерам Виллы де Аялы (Villa de Ayala), — вы никогда не избавитесь от нищеты, в которой всегда жили. Вот почему я советую вам выращивать сахарный тростник...» Денежными подарками и посевным материалом ему удалось склонить некоторых крестьян возобновить возделывание сахарного тростника.

Но большинство семей остались верны традиционным культурам. Они явно предпочитали работать и торговать продуктами питания, что всегда казалось селу основой основ. Летом они буквально завалили центральный рынок в Морелосе привычными фасолью, кукурузой, горохом, помидорами, луком, перцем и даже цыплятами. В то время как Мехико находился на грани голода, простой народ в Морелосе был гораздо лучше обеспечен продовольствием (чем в 1910 г.) и по более низким ценам. Производство продуктов питания было так велико, что, даже несмотря на постоянные вливания денег в экономику штата, наблюдались лишь незначительные признаки инфляции. На незатейливых постоялых дворах, где столовались революционные офицеры, местные функционеры и беженцы из столицы, молодые сельские уполномоченные легко могли прожить на четыре песо в день.

Во всем этом рельефно проявился характер революционного Морелоса: в самих сельскохозяйственных культурах, которые люди привыкли выращивать, они открыли тот тип сообщества, в котором им нравилось жить. Для них неприемлем был тип корыстолюбивого карьериста; они не имели вкуса к жизни, наполненной достижениями и приобретениями, случайностями и переменами. Они, скорее, предпочитали жизнь, которую могли бы контролировать — благопристойное семейное процветание в кругу таких же благопристойных и процветающих, хорошо знакомых соседей, и все это на одном месте. Они могли бы решиться на эксперимент, но только будучи уверенными, что он удастся, то есть после того, как он перестанет быть экспериментом. И ценности были для них истинными, только если соответствовали традиции.

57. Четыре модели развития советского сельского хозяйства *

Дискуссия «Три дня в Полтаве»¹ — пример серьезного критического анализа изнутри проблем советского сельского хозяйства и социального устройства деревни. В самом центре лучших сельхозугодий страны собрались земледельцы, руководители хозяйств и представители интеллигенции. Если не прибегнуть к аналитической классификации высказанных участниками дискуссии точек зрения, то их разнообразие поставит нас просто-таки в затруднительное положение. Обратимся к рассмотрению четырех моделей развития сельского хозяйства и социального устройства села, которые были положены в основу советской политики и явились причиной разногласий. Но прежде позвольте напомнить, что такое аналитическая модель. Она представляет собой преднамеренное упрощение сложной социальной действительности с целью выделения основных характеристик и движущих сил последней. В лучшем случае аналитическая модель проясняет ситуацию благодаря известной доле преувеличения, то есть чем-то напоминает выразительную карикатуру². Каждая из рассматриваемых моделей, как правило, включает в себя устоявшиеся представления и соответствующую политическую альтернативу, а также свидетельства интеллектуальных устремлений прошлого в увязке с соответствующими этическими нормами.

На протяжении более ста лет сельское хозяйство России и работавшие в нем люди рассматривались руководством страны в качестве объекта воздействия, то есть как проблема, требующая своего решения, и как социальный слой, нуждающийся в изменении собственной природы. Большинство правящего класса неизменно видело в российском крестьянстве помеху развитию страны и главную причину ее отсталости — этакое цар-

* Shanin T. Soviet Agriculture under the Perestroika.— Journal of Historical Sociology, 1988, № 3.

ство дикости, населенное обездоленными и невежественными людьми. Оно должно было уйти от прошлого в процессе строительства нового, лучшего мира. Начиная с 1917 г. для пришедших к власти людей будущее страны неразрывно было связано с социализмом.

Предметом нашего непосредственного интереса является более чем полувековая история колхозов, которые ведут свое начало с конца 20-х годов. В этот период дискуссии велись вокруг четырех основных концепций, определявших направленность политического курса и методы его воплощения в жизнь. Первая система взглядов (модель) доминировала во время сталинской коллективизации. Несмотря на неоднократный пересмотр законодательства и тактические ухищрения, основополагающий принцип оставался одним и тем же на протяжении жизни двух поколений. Суть **первой** модели сводится к следующему: чем крупнее хозяйство и выше уровень механизации, тем лучше. А поэтому вина за бедность российской деревни, низкую производительность труда в сельском хозяйстве и экономическую слаборазвитость страны в целом возлагалась на мелкого крестьянина-единоличника, на его зависимость от природных условий. Следовательно, чтобы покончить со всем этим, нужно безотлагательно преобразовать крестьянские хозяйства по образу и подобию обрабатывающей промышленности Манчестера, Шеффилда, Саара и Детройта, ибо там это принесло свои плоды. Приобщение сельского населения к цивилизации и новой жизни мыслилось через внедрение индустриальной культуры: этакий «социалистический неофордизм», взятый на вооружение руководством партии рабочего класса. Что касается возможных убытков и несогласия крестьян с подобной политикой, то эти проблемы рассматривались как быстроразрешимые. Было предписано разъяснять и пропагандировать преимущества, которые сулит переустройство деревни в будущем. Были пущены в ход финансовые манипуляции теоретиков вроде Преображенского³. Не брезговали и более простыми аргументами в духе «лес рубят — щепки летят». Аксиомой представлялась установка Сталина и его окружения: необходимость сильнейшего нажима, пока крестьяне не придут к пониманию преимуществ навязанной им новой жизни⁴. Считалось, что стоит лишь задействовать передовую систему

крупных высокомеханизированных хозяйств, и со временем будут сами собой решены все связанные с ней проблемы. Последует неизбежный рост производства сельскохозяйственной продукции, и с бедностью будет покончено, что для каждого сельского жителя явится неоспоримым аргументом в пользу социализма и коллективизации.

Проводившиеся в 1929—1937 гг. кровавые чистки партии свидетельствуют о том, что даже в среде тогдашнего партийного руководства быстро росло чувство тревоги, вызванное принимавшимися решениями. Однако возможность систематической критики **первой модели** появилась только после смерти Сталина. Тогда же была разработана и взята на вооружение новая модель развития сельского хозяйства. К тому времени уже стало ясно, что **первая модель** себя не оправдывает: несмотря на наличие крупных колхозов, деревня пребывала в состоянии крайней нищеты, а сельскохозяйственное производство топталось на месте (положение дел серьезно усугублялось последствиями войны 1941—1945 гг. и разрухи, но уже нельзя было не видеть, что это не единственная причина сбоев в советском сельском хозяйстве). Даже обескровливание сельского хозяйства во имя промышленного роста оказалось не в полной мере оправданным, ибо сельское хозяйство не справлялось со своими задачами, не говоря уж о поддержке других отраслей экономики.

Вторая модель по-прежнему отдавала предпочтение крупным хозяйствам, отталкиваясь от опыта промышленного развития в XIX веке. Однако она исходила из того, что эффективность как промышленного, так и сельскохозяйственного производства (в условиях централизованного планирования и создания крупных предприятий) сопряжена с резким увеличением капиталовложений. Именно поэтому при Хрущеве и Брежневе имел место значительный прирост производства в отраслях, обслуживающих сельское хозяйство, то есть стало больше выпускаться тракторов, комбайнов, удобрений и т. д. Кроме того, возросли ассигнования на профессиональное обучение. В целях устранения различий между городом и деревней была ликвидирована фактическая крепостная зависимость сельских жителей, не имевших паспортов и, следовательно, права на перемену места жительства. Был также установлен

минимальный размер заработной платы, введены пенсии для членов колхозов, сняты некоторые запреты и ослаблены ограничения, регламентирующие предоставление приусадебных участков.

Новый подход к проблемам аграрного сектора экономики и стратегии его развития в первые годы правления Хрущева (равно как и Брежнева) ознаменовался резким увеличением производства и производительности труда в сельском хозяйстве. Казалось, **вторая модель** («конечный результат прямо пропорционален уровню затрат») приносит свои плоды. Но через несколько лет темпы развития начали падать, и Хрущев, столкнувшись с проблемой роста населения и его потребностей, был вынужден впервые пойти на импорт зерна. Брежнев же еще более увеличил импорт зерна, прибегнув к разбазариванию богатств сибирских недр. Дотации, стимулирующие труд колхозников и обеспечивающие поддержание низких цен на продовольствие, достигли колоссальных размеров. Важнее всего то, что все более широкое привлечение финансовых средств и материальных ресурсов не сопровождалось устойчивым приростом производства продовольственных товаров. Это обстоятельство постепенно становилось одной из главных причин истощения народного хозяйства. Начался процесс социальной и экологической деградации деревни. Итог дискуссии «Три дня в Полтаве» — признание, что **вторая модель** уже давно себя не оправдывает.

Обсуждаемая в настоящее время **третья модель** хорошо знакома западным специалистам по экономике сельского хозяйства. Вопрос о размере хозяйств остается открытым (хотя большинство западных специалистов предпочло бы, чтобы они были крупными). Нарастание капиталовложений тоже сомнений не вызывает. Однако чтобы бороться с запустением земли и неуклонно внедрять наиболее эффективные методы агротехники, свою роль должна сыграть также личная заинтересованность земледельца в упорном труде и рациональном ведении хозяйства. Подобная заинтересованность диктуется стремлением к прибыли, конкуренцией и угрозой банкротства (весь комплекс стимулов homo oeconomicus)*. Действие вышеуказанных стимулов должно подкрепляться наличием спроса на сельскохозяй-

* Человек экономический (лат.).— Прим. перев.

ственные товары и необходимыми капиталовложениями. Многие советские экономисты и представители общественности признают удовлетворительной подобную трактовку в стратегии развития сельского хозяйства, но дополняют ее рядом «антизападных» положений. В их числе — сохранение запрета на продажу земли и частный наем рабочей силы (дабы предотвратить реставрацию капитализма). Кроме того, по этому сценарию правительство должно по-прежнему располагать широкими полномочиями в том, что касается защиты национальных интересов (большинство западных экономистов охотно согласится с этой точкой зрения применительно и к своим странам)⁵.

Однако вразрез с точкой зрения, четко выраженной западными средствами массовой информации, в Советском Союзе речь идет не только о противоборстве консерваторов, отдающих предпочтение централизации, и реформаторов — приверженцев западных путей развития. Спор ведется также о том, насколько широким может быть внедрение законов капиталистической экономики в советское сельское хозяйство.

В этой связи полезно обратиться к опыту США — страны с процветающей рыночной экономикой и высококомеханизированным, ориентированным на рынок сельским хозяйством. В то время как многие люди (в том числе и участники дискуссии в Советском Союзе) видят в «американском пути» решение всех проблем в своих странах, социологи США все чаще с тревогой задумываются о своеобразном кризисе сельского хозяйства у себя дома⁶. В последнее время разорение фермерских хозяйств приняло массовый характер. Несмотря на крупные субсидии и меры, принимаемые отдельными штатами, имеет место распад сельских общин, которые нередко становятся прибежищем для отсталых и деклассированных элементов. Фермеры, возделывающие зерновые культуры, предпринимают отчаянные (и часто безуспешные) попытки свести концы с концами. И в то же время доходы в сфере агробизнеса, которая подвергается все большей бюрократизации, растут невиданными темпами. Свободный рынок сельскохозяйственных товаров все больше превращается в миф. Если обратиться к опыту американского сельского хозяйства, то может показаться, что будущее за крупными монополиями со множеством бюрократов, а вовсе

не за многочисленными средними производителями, заинтересованными в получении прибыли и способными гибко реагировать на запросы потребителя.

На данном этапе создается и **четвертая модель**. В ходе недавней дискуссии приверженцы этой модели изложили свои взгляды. Речь идет прежде всего о радикально настроенных советских социологах и экономистах-аграрниках, то есть об ученых, занимающихся проблемами экономической социологии⁷. Эти ученые исходят из того, что в длительной перспективе развитие сельского хозяйства зависит от социального устройства жизни на селе. Вопрос стоит так: либо качество жизни там будет соответствовать требованиям населения, либо лучшие, наиболее способные его представители покинут эти места, оставив позади себя человеческие отбросы и обезлюдевшие деревни. Нечто подобное уже произошло в некоторых районах России. Процесс этот во многом необратимый. Его не способно остановить простое повышение доходов, как было при Брежневе; лишь активные и преуспевающие общины, живущие полнокровной жизнью, могут обеспечить достаточность и сбалансированность сельского населения. Они способны положить начало выработке и осуществлению разумной экологической политики, не допустить запустения земли, гарантировать эффективное использование ресурсов на местах, равно как и неуклонное повышение производительности труда. Все это неизбежно приведет к повышению материального благосостояния сельского населения, а также к обогащению его культурной жизни, к расширению возможности выбора профессий (за счет создания мелкосерийного производства, сферы услуг и художественных промыслов экономика сельского хозяйства станет более сбалансированной).

Речь идет не только о дополнении личной экономической заинтересованности или противопоставлении ей того, что принято называть социальными, культурными или общественными факторами. Согласно предполагаемой модели, увеличить производство продукции можно, побудив земледельцев к ответственным действиям как хозяев своих производственных ячеек и среды обитания. Для этого необходимо также возродить местные общины и изменить баланс сил, определяющих общественные отношения на селе (с целью их де-

бюрократизации). Едва ли удастся устранить бюрократов или полностью уничтожить их, неodobрительно насупив брови. Однако вполне реально изменить численный состав, статус и влияние бюрократии, создав альтернативные центры власти. Самоуправляющиеся сельские общины и более мелкие самостоятельно хозяйствующие подразделения — такой видится новая социально-политическая реальность, которая способна положить конец системе управления, породившей застой.

Недавнее осознание экологической угрозы (равно как и растущего разбазаривания капиталовложений и сельскохозяйственной продукции) вылилось в бесконечно повторяемый на протяжении последних нескольких лет призыв: земле «нужен хозяин». Слово «бесхозяйственность» служит синонимом «безответственности», преодоление которой рассматривается как существенно важный элемент курса на экономическое развитие. Без него этот курс обречен на провал. Однако простой переход к частному предпринимательству этого не даст. Напротив, он может привести к дальнейшей экологической деградации производительных сил и окружающей среды. Единственным эффективным решением на длительную перспективу представляется передача сельским общинам функций управления и ответственности за судьбу деревни. Эти общины должны быть достаточно сильными, чтобы противостоять как влиянию извне, так и эгоистическим устремлениям своих влиятельных членов.

Разумеется, **четвертую модель (как и третью)** можно критиковать и подвергать сомнению. Распавшиеся сельские общины редко удастся возродить, тем более в приказном порядке. Восстановление авторитета сельских общин — в противовес бюрократической системе управления — может оказаться утопией, особенно если нет ясного указания на то, кто должен проводить в жизнь эти преобразования. Кроме того, местная автономия может породить замкнутость, препятствующую развитию отдельных своих членов и общества в целом. Способный послужить уроком практический опыт (будь то артели и коммуны в России 1921—1928 гг., то есть в период нэпа, или же аналогичные объединения в ряде неевропейских стран в наше время) не дает оснований для однозначных выводов.

Сама природа аналитических моделей исключает их

использование непосредственно в качестве программы преобразований (что справедливо для любого теоретического построения). Каждая из предложенных моделей представляет собой эвристический метод раскрытия внутренней логики аргументов. Сочетание аргументов и выделение некоторых из них предопределяют сущность политической программы. Иначе говоря, политическая программа есть не что иное, как комбинация логических признаков, отражающих различные интересы, потребности и взгляды. В Советском Союзе сегодня в качестве альтернативы рассматриваются главным образом варианты **второй, третьей и четвертой** моделей. Отсюда вытекают различия в общих подходах, которых придерживаются три политические силы в условиях перестройки. Речь идет о реакционерах, черпающих вдохновение в прошлом; умеренных, поддерживающих лишь экономическую модернизацию и стремящихся смягчить ее антибюрократическую направленность; радикалах, видящих в перестройке революцию, которая имеет своей целью коренное преобразование общества. Последние выдвигают идею возрождения авторитета сельской общины в сочетании с осознанной личной заинтересованностью на многие годы вперед, усматривая в этом путь к увеличению производства сельскохозяйственной продукции, равно как и к избавлению деревни от мелкого расхитительства, пьяного столбняка, чувства отчуждения и бесконечного упадка. Чтобы люди вернулись в деревню надолго, надо сделать жизнь в сельской местности не только доходной, но и целесообразной, удобной и приемлемой с экологической и этической точек зрения. Создатели таких широких социальных концепций отдают себе отчет в том, что на избранном пути придется столкнуться с колоссальными трудностями. Однако сильнейшим стимулом к действию является понимание того, что означает недостижение конечных результатов (равно как и учет социальных последствий отказа от предложенного курса).

1. Три дня в Полтаве.— «Знамя», 1987, № 3.

2. В порядке обсуждения моделей см.: Shanin T. The Rules of the Game: Modes in Analytical Thought. Tavistock, 1972.

3. Preobrazhensky E. The New Economics. Clarendon Press, 1965.

4. См.: Lewin M. Russian Peasants and Soviet Power. Macmillan, 1970.

5. В порядке обсуждения см.: Buttel F. and Newby H. The Rural Sociology of the Advanced Societies. Allenheld, 1980.

6. Havens E., etc. Studies in Transformation of US Agriculture, Westview, 1986. См. также: Friedmann H. Family Farm and International Food Regimes.

7. См., например: Заславская Т., Смирнов В., Шапошников А. Методология и общие контуры концепции перестройки управления аграрным сектором советского общества. Новосибирск, 1987.

СОДЕРЖАНИЕ

1. *В. Данилов.* Наконец-то хрестоматия крестьяноведения издается в России! 5
2. *Т. Шанин.* Понятие крестьянства 8
3. *Т. Шанин.* Крестьяноведение и Вы: к русскому изданию 21

I. СОСТАВНЫЕ ЧАСТИ И ОПРЕДЕЛЕНИЯ КРЕСТЬЯНСКОГО ОБЩЕСТВА

4. *Т. Шанин.* Крестьянский двор в России 29
5. *В. Томас, Ф. Знаниецкий.* Крестьянская семья: Польша начала столетия 38
6. *Х. Инхетвен, М. Блаш.* Женщины в мелкотоварном сельском хозяйстве Франконии 45
7. *П. Стирлинг.* Турецкая деревня 54
8. *Г. Айрот.* Крестьянство как соседство 69
9. *Р. Редфилд.* Крестьянство как социальный тип 70
10. *Фей Сяодун.* Крестьянство как образ жизни 72
11. *Д. Торнер.* Крестьянская экономика как социальная категория 75
12. *Г. Дюрфельд.* Стабильность семейного фермерства и действительности современного мира 84

II. КРЕСТЬЯНСТВО И ФЕРМЕРСТВО КАК КАТЕГОРИИ СОВРЕМЕННОЙ ЭКОНОМИКИ

13. *Р. Дюмон.* Сельское хозяйство как использование и преобразование природы 91
14. *Б. Галенски.* Семейное сельское хозяйство как профессия 100
15. *Н. Макаров.* Крестьянское хозяйство России начала века и его интересы 120
16. *А. Чаянов.* Организация крестьянского хозяйства 126
17. *Г. Робинсон.* Роль ремесел и кустарных промыслов в жизни русского крестьянства 133

18. <i>О. Файджес.</i> Крестьяне и фермеры: взгляд русского ученого	135
19. <i>М. Нэш.</i> Крестьянские рынки и крестьянские хозяйства индейцев	140
20. <i>Т. Шанин.</i> Путешествующие крестьяне и трудящиеся мигранты	147
21. <i>Э. Тейлор-Оуни.</i> Для кого обернулась кризисом нехватка рабочей силы в сельском хозяйстве Египта	158
22. <i>А. Челинцев.</i> Региональность как центральный вопрос сельского хозяйства	168
23. <i>Х. Фридман.</i> Семейная ферма и международные продовольственные режимы	172
24. <i>А. Сен.</i> Политическая экономия голода	186
25. <i>М. Малита.</i> Сельскохозяйственные производства как сфера трудовой деятельности	189

III. КРЕСТЬЯНСТВО КАК КУЛЬТУРА

26. <i>К. Добровольский.</i> Традиционная крестьянская культура	195
27. <i>Р. Редфилд.</i> Большая и малая традиции	200
28. <i>Дж. Скотт.</i> Моральная экономика крестьянства как этика выживания	202
29. <i>Ф. Бэйли.</i> Представление крестьян о плохой жизни	211
30. <i>В. Белов.</i> Лад и ритм	229
31. <i>Дж. Берджер.</i> Крестьянская эстетика: видение крестьянства	233
32. <i>Т. Рэйнджер.</i> Крестьянское сознание: культура и конфликт в Зимбабве	241

IV. КРЕСТЬЯНСТВО КАК КЛАСС: ВЛАСТЬ И КОНФЛИКТ

33. <i>Т. Шанин.</i> Крестьянство как политический фактор	269
34. <i>К. Маркс.</i> Крестьянство как класс	279
35. <i>Дж. Скотт.</i> Оружие слабых: повседневное сопротивление и его значение	285
36. <i>Э. Хобсбаум.</i> Разбой как социальное явление	288
37. <i>Г. Омведт.</i> Экологическое движение крестьян	290
38. <i>Э. Вольф.</i> Крестьянские восстания	294
39. <i>Дж. Вомак.</i> Сапата! Крестьянская война в Мексике	305
40. <i>Б. Мур.</i> Революции угнетенных: свидетельство защиты	308

41. <i>В. Данилов.</i> Аграрная реформа и аграрные революции в России	310
42. <i>Г. Алави.</i> Деревенские фракции	322
43. <i>Ч. Тилли.</i> Сельский конфликт и сопротивление развитию капитализма и государства	333

V. «МЫ» И «ОНИ»:
ВЗГЛЯДЫ НА АГРАРНЫЙ ВОПРОС
И ПОЛИТИЧЕСКИЕ СТРАТЕГИИ

44. <i>Р. Уильямс.</i> Но это вовсе не было правдой	338
45. <i>М. Горький.</i> Варвары	343
46. <i>Ю. Нуерере.</i> Те, кто оплачивает счет	346
47. <i>Ф. Фанон.</i> Революционеры наших дней	349
48. <i>Е. Преображенский.</i> Примитивная аккумуляция	351
49. <i>И. Сталин.</i> Вести деревню, насаждая колхозы и совхозы	358
50. <i>Т. Шанин.</i> Кооперация и коллективизация	361
51. <i>А. Доур.</i> Земельные реформы в экономическом развитии — контртезис	369
52. <i>А. де Жанври.</i> Крестьяне, капитализм и государство в Латинской Америке	381
53. <i>Р. Макнамара.</i> Бедняки мира, и что с ними делать	396
54. <i>Т. Аллен.</i> Обновляя «стратегии развития»	400
55. <i>Г. Эстева.</i> Прогресс как угроза: борьба за сельскую Мексику	408
56. <i>Дж. Вомак.</i> Крестьянский выбор: мексиканские села осуществляют свою революцию	416
57. <i>Т. Шанин.</i> Четыре модели развития советского сельского хозяйства	420

Великий незнакомец
Крестьяне и фермеры в современном мире
Хрестоматия
Составил Теодор Шанин

Редактор *Е. Н. Самойло*
Художник *А. В. Разумов*
Художественный редактор *В. К. Кузнецов*
Технические редакторы *Т. И. Юрова, А. М. Токер*

ИБ № 18 645

Сдано в набор 13.08.91. Подписано в печать 5.10.92. Формат 84 × 108^{1/32}.
Бумага офсетная. Гарнитура Таймс. Печать офсетная. Усл. печ. л. 22,68.
Усл. кр. отт. 23,10. Уч. изд. л. 20,15. Тираж 15 000 экз. Заказ № 773.
С 183. Изд. № 47287.

А/О «Издательская группа «Прогресс»
119847, Москва, Зубовский бульвар, 17.

Можайский полиграфкомбинат Министерства печати
и информации Российской Федерации.
143200, Можайск, ул. Мира, 93.

Крестьянство есть образ жизни.

Фэй Сяодун

**Крестьянство всегда вызывало
особенный интерес демократических
и революционных партий.
Для них, порожденных городами,
крестьянин является мистическим,
непонятым, порой даже
наводящим ужас существом.**

Карл Каутский

**Слово «крестьянин» указывает
на человеческий тип.**

Роберт Редфилд

**Крестьянство есть последний
капиталистический класс.**

И.В. Сталин

Москва "Прогресс"